

ЖОЗЕФИНА

**ПОД КРЫЛЬЯМИ
СУДЬБЫ**

**Иерусалим
2021**

Жозефина Фишман-Дорман
ПОД КРЫЛЬЯМИ СУДЬБЫ

Иерусалим, 2021 г.

Посвящается жертвам и узникам гетто Бершадь,
евреям, изгнанным из Бессарабии и Северной
Буковины, загнанным в гетто и лагеря смерти
Транснистрии, в числе которых и моя любимая мать

ISBN 978-965-7209-68-4

Редактура, подготовка к печати,
оформление книги, а также переводы – автора.

© Все права принадлежат автору.

Отпечатано в типографии «Ной»

Иерусалим, 2021

ПРОЛОГ

Настоящая книга – ответ на просьбы читателей. В отличие от предшествующей трилогии «Жизнь без прикрас», написанной для родных и друзей, рассчитана на широкий круг читателей. Книга «Под крыльями судьбы» помимо новых рассказов включает в себя часть рассказов из упомянутой трилогии, предназначенных для новых читателей. Надеюсь, что мои «старые» читатели мне это простят. Все публикации автора – не сказки, а быль.

Желаю всем приятного чтения.

К 77-Й ГОДОВЩИНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГЕТТО БЕРШАДЬ (ТРАНСНИСТРИЯ) 14 МАРТА 1944 ГОДА



*Памятник в центре гор. Бершадь
воздвигнут бывшим узником гетто
доктором Изей Кацапом,
ныне гражданином США*



Справка автору из горсовета Бершади

Дорогой страданий длинной
 Вся моя юность прошла.
 А оказавшись в аду,
 Кошмары видела я
 Не во сне, а наяву.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Я родилась в Бухаресте
 В сугубо румынском квартале,
 В уважаемой еврейской семье,
 Где детские именины
 Проводились во дворе
 Для соседских детей,
 Наших с Дориной друзей.
 Все были счастливы, и я! –
 Пока не вспыхнула война.
 Будь проклята она!

Родилась я зимой, в декабре,
 Когда снег лежит на земле.
 Был еврейский праздник
 Ханука – день Света и Добра.
 Мы были счастливы,
 Пока не началась война.
 Будь проклята она!

Было это шестнадцатого декабря –
 Общая дата для Бетховена и для меня.
 Отсюда, очевидно, и общая судьба:
 Он сочинял сонаты, будучи глухой,
 А я пишу эти строчки – полуслепой.
 В этом тоже виновата война.
 Будь проклята она!

Я не Пушкин и не Толстой,
 И это не стихотворение,
 А крик души
 И мое к вам обращение:
 «Люди добрые, остановитесь!
 Бросьте оружие и оглянитесь!
 То, что было, – повторять НЕЛЬЗЯ!
 Миру – мир! Долой, война!
 Будь проклята она!»

Прошлое изменить нельзя,
но в наших силах сделать так,
чтобы оно никогда не повторилось.

*Из речи представителя мемориала «Яд Вашем» (Израиль)
на заседании Совета безопасности ООН*

МИРУ – МИР

Война – это катастрофа!

История человечества – это история войн!

Все войны, включая Столетнюю войну, заканчиваются компромиссом – мирным договором. Спрашивается: зачем тогда война? Кому она нужна?

Народу она не нужна, а нужна кучке мультимиллиардеров, занимающихся производством оружия и заинтересованных в том, чтобы его реализовать.

А на вопрос: «Что она приносит народу?» ответ известен: смерть, нищету, разруху и взаимную ненависть воюющих сторон вместо дружбы и любви. Затем потребуются десятилетия на восстановление разрушенного и улучшение жизни народа, а за ними опять последует война! Этот круг нужно разорвать. Так жить дальше – нельзя. Попробуйте закрыть глаза и на минутку представить себе, что ООН объявил МИР во всем мире на сто лет (в качестве эксперимента), что все смертельное оружие, начиная с атомного, уничтожено и что все баснословные суммы денег, которые мы с вами даже представить себе не можем, используются только на благо человека и окружающей флоры и фауны.

Я это сделала и признаюсь: прошло немало времени, пока я, наконец, открыла глаза. Не хотелось возвращаться к реальности, несмотря на то, что я люблю жизнь.

МИРУ – ДА! ВОЙНЕ – НЕТ!

СЛОВО К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ

Во время Второй мировой войны (1939–1945 гг.) на фронтах и на оккупированных фашистами территориях было стерто с лица земли около 50 миллионов невинных людей и искалечена жизнь около 100 миллионов (если не больше) других по всей Европе. Но больше всех пострадал наш народ: нас изгоняли из собственных домов, месяцами гнали по дорогам Транснистрии, заключали в гетто и сжигали в лагерях смерти, в результате чего погибло 6 миллионов евреев, в числе которых полтора миллиона детей! Целое государство!

Это была страшнейшая в истории человечества Катастрофа, повторения которой допустить НЕЛЬЗЯ!

Вся надежда на вас!

Любите и берегите, как зеницу ока, нашу прекрасную, кровью предков отвоеванную РОДИНУ, живите в мире со всем миром, но беспощадно боритесь со всеми проявлениями фашизма, где бы они ни возникали, ибо фашизм – СМЕРТЕЛЬНАЯ ЯЗВА НА ТЕЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!!!

Любящая вас «прабабушка» Жозефина

МОИ ДОРОГИЕ И БЛИЗКИЕ – НЕВИННЫЕ ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА



*Мама – Берта Дорман (Вагнер), умерла в гетто
г. Бершадь от истощения и тифа в 1942 г.*



*Мамины братья – Аарон и Фред
(Фредерих) Вагнеры. Удушены
в газовых камерах Освенцима в 1944г.*



*Родители мужа – Моше и Ента Фишман.
Расстреляны во время депортации
по дорогам Транснистрии в 1941 г.*

ЕВРЕЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Глазами девочки-подростка



Бухарест, 1940 год

Часть первая

ИЗ РАЯ В АД

Зовут меня Жозефин, но чаще всего называют Жозефина (по-русски), хотя это не мое первоначальное имя. Я была еще в эмбриональном состоянии, когда папа, с любовью и нежностью глядя мамин всё более разрастающийся животик, «говорил» со мной, называя меня «Йосалы», в честь своего покойного отца, которого, очевидно, очень лю-

бил. Моя старшая сестра Дорина получила имя его матери Двора.

Папа с нетерпением ждал меня, ни на минутку не сомневаясь в том, что Бог, наконец, услышав его мольбы, «послал» ему столь желанного мальчика.

Каково было его разочарование, когда после долгого тревожного ожидания под окнами родильного дома его пригласили зайти к роженице. Он даже не спросил, кто родился: он был уверен, что это тот самый Йосалы, которого он вымолил. Но, увы! Посмотрев на крошечное уродливое красное создание, которое оказалось девочкой, он плюнул и, хлопнув дверью, удрал. Об этом мама не раз рассказывала, и я хорошо запомнила, поэтому, если случалось, что папа мне чем-то не угодил, я тут же полушутя-полусерьезно его упрекала этим.

Пришлось подобрать мне новое имя, и мама, «напичканная» всем французским, предложила назвать меня Josephine (корень – Joseph), и папа согласился.

Я благодарна своим родителям не только за свое появление на свет, но и за то, что дали мне столь красивое и редкостное имя, которое, «связывая» меня с Наполеоном Бонапартом, «обязывает» достойно его носить. Я не знаю другого имени, которое имело бы столько «синонимов», как мое. Услышав его впервые, многие не запоминают и при повторной встрече называют меня совершенно иными именами в зависимости от их национальности и культурного уровня. Привожу неполный список «моих» имен: Йосефина, Ефросинья, Земфира, Эсмеральда, Жулиета, Маргарита, Жанета, Жозефина, Инна, Жози, Джо и Йосефа (у раввинов в ешиве).

Папино первоначальное имя было Барух. В армии его переименовали в Бориса, в немецком плену ему присвоили имя Бернارد, с которым он попал в Бухарест (Румыния). Поэтому мое полное имя Josephine B. (Bernard) Dorman. В Советском Союзе, где принято



Бабушка Двора Дорман

было обращаться по имени-отчеству, имя «Жозефина Бернардовна» многим было «не по зубам»: пришлось поменять отчество, и я стала «Борисовной». Позже, работая в сельской местности, это изменение оказалось недостаточным, и меня стали называть «Инна Борисовна». После замужества с согласия мужа я сохранила свою девичью фамилию – Дорман. В Израиле из-за существующей бюрократии пришлось прибавить фамилию мужа – Фишман. И получилось, что в ОРТе я была «גברת פישמן» (мадам Фишман), в ешиве – «מורה דורמן» (учительница Дорман), а в колледже – просто «ג'וזיף» (Жозефин)!

Как видите, имен много, но личность одна! Что касается папы, то, очевидно, для него мое имя никогда никаким изменениям не подвергалось, ибо на смертном одре, в бессознательном состоянии он вдруг, обращаясь ко мне, назвал меня «Йосалы»!

Я родилась в Бухаресте (Румыния) в семье состоятельных родителей, в доме из 12 комнат с огромным сосновым садом, с выездом на автомобильных колесах (в то время!), с лошадью арабской породы – Бэйби и с гувернанткой Каролиной, в доме, где самой большой ценностью считалась библиотека с огромным количеством книг, журналов и газет на разных языках.

Мама моя, Берта, уроженка города Калараш (Мунтения), находящегося на юге Румынии, с раннего детства жила в Бухаресте. Она



Наш дом

окончила румынскую гимназию, в совершенстве владела французским языком и увлекалась медициной. В свое время собиралась поступить в мединститут, но по семейным обстоятельствам ей пришлось отказаться от своей сокровенной мечты: она была шестым, младшим ребенком в семье, единственной, очень желанной девочкой после пятерых сыновей и единственной, оставшейся до конца возле своих немолодых и больных родителей. Братья разбрелись: двое младших из сыновей были отправлены в Париж на учебу, но окончили они не только свои университеты, но и жизнь в концлагере Освенцим.

Папа был «русакон», как его, любя, дразнили в маминой семье. Родился он на Днестре в еврейском местечке Каменка (Украина) и был старшим из четырех сыновей. У отца его был бакалейный магазин, и он в качестве старшего сына был правой рукой отца. Образование у него было неполное среднее, но жизнь сделала из него эрудированного человека, который в совершенстве разговаривал на еврейском, русском, украинском, румынском и немецком языках. Но главное – он был на редкость красивый человек как внешне, так и внутренне, человек, постоянно ставивший интересы близких ему людей (и не только родных) выше своих.



Дедушка Кальман Вагнер

Отслужив в царской армии долгую солдатскую службу в кавалерии и наконец вернувшись домой, спустя несколько лет он добровольно пошел в армию вторично – отслужить вместо «мизинца» – всеми любимого и балуемого брата Зейлика, но от судьбы не уйдешь: Зейлик утонул в Днестре. Что касается папы, то он оказался в рядах действующих сил царской армии во время Первой мировой войны, попал в плен и находился в Германии около трех лет вместе с другим еврейским пленником Гришей, работая на ферме какого-то немца. Дочь хозяйина, влюбившись в папу, помогла им обоим сбежать оттуда и каким-то чудом благополучно

добраться до Бухареста. Там волей судьбы он познакомился с моим дедушкой со стороны матери Кальманом Вагнером, у которого была фабрика мыла и свечей и который помог обоим парням остаться в Бухаресте и работать на его фабрике.

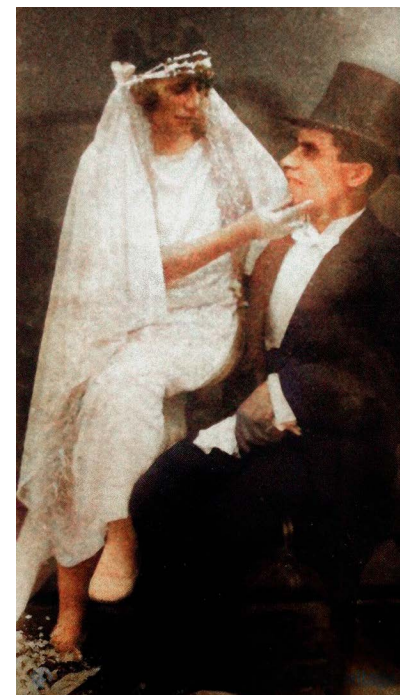
Там они познакомились с моей мамой, которая, влюбившись в папу, вышла за него замуж.

После смерти дедушки дом и фабрика перешли в собственность моих родителей (мамины братья стали только акционерами).

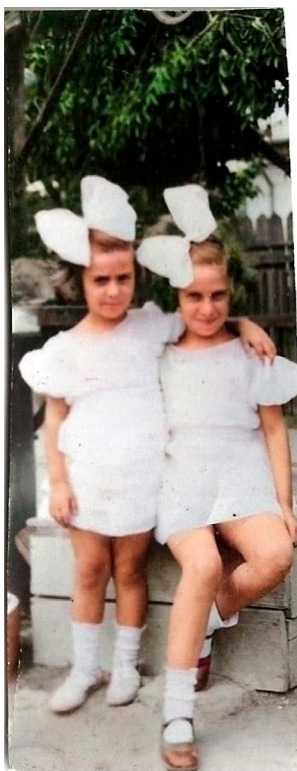
Детство мое, как нетрудно себе представить, пролетело, словно в сказке. Мы жили в сугубо румынском квартале, и, кажется, были единственными евреями там. У нас были прекрасные отношения с соседями (многие из них работали на нашей фабрике или помогали по хозяйству), нас уважали, мы с ними дружили, по праздникам обменивались национальными блюдами, так что не знаю, как родители, но мы с Дориной, моей старшей сестрой, не знали, что такое антисемитизм.

В отличие от наших дедушек и бабушек, семья наша не была очень религиозной, но я хорошо помню ритуал зажигания свечей (в пятницу вечером и по праздникам) и торжественные ужины. Особенно врезались в мою память приготовления к Песаху, когда задолго до его наступления мы с мамой ездили в центр города и там, на улице Липскань, обходя почти все магазины, подбирали себе отрезы, обувь, шляпы и соответствующие аксессуары.

За этим следовало «нападение» на портных и портних, ибо всё должно было быть «самое-самое», так как у родителей были забронированы места в центральной синагоге Бухареста – Templul Coral, а мы с Дориной вместе с другими детьми зажиточных евреев играли во дворе синагоги, щеголяя друг перед другом своими нарядами.



Свадебное фото родителей



*Я и Дорина
в белых платьях*

В синагогу нас впускали только на Хануку, когда бывало очень весело. Все пели и танцевали, а мы, дети, держа в руках бело-голубые флажки, в которые были воткнуты желто-красные яблоки с горящими разноцветными свечками, подпевали «О Hanuca, o Hanuca, frumoasă sărbătoare». Всё это, однако, не мешало нам, детям, ходить со своими румынскими подружками в церковь, любоваться там росписью стен, иконами и скульптурами, чокаться расписанными яйцами на их Пасху, а в случае похорон кушать colivă (сладкая вареная пшеница, засыпанная маленькими круглыми разноцветными конфетками). Какое это было удовольствие – протянуть ручку, чтобы получить жменьку этого «деликатеса»! Единственные похороны, куда мы ходили не для того, чтобы получить colivă, были похороны королевы-матери – Regina Maria, куда мы поехали всей семьей и где я впервые в своей жизни встретила со смертью как с горем, горем всенародным. До тех пор меня никогда не брали на похороны, хотя в семье их было несколько, в том числе моей бабушки (со стороны матери) Рахели. На то время нас

с Дориной отправили с Каролиной в кино, а затем – к папиному брату Тоби, который жил в самом центре еврейского квартала Calea Văcărești. С ним и его семьей (тетя Жанет и Буцу и Харри – мои двоюродные братья) мы отправились на курорт Будаки на две недели. Вернувшись домой и не застав бабушку, я спросила, где она. В ответ мне рассказали историю о том, как дядя Фред приехал из Парижа и забрал ее туда на лечение (у нее были очень отечные ноги, и она всё время лежала).

Когда умерла бабушка, мне было пять-шесть лет. Сколько мне было, когда умерла Regina Maria, не помню. Но я прекрасно помню те неопишемые похороны. Помню, что мы приехали рано утром на Calea Victoriei, где находился королевский дворец, с тем чтобы «отхватить» хорошие места. Но к самому дворцу пробраться нам не удалось, и пришлось долго идти пешком, зато, наконец, мы оказались в первом ряду толпы.

Церемония началась во дворце, и открытый катафалк, обтянутый фиолетовым крепсатеном, на карете с несколькими парами белых лошадей, обвешанных фиолетовыми лентами, должен был проехать, не знаю, сколько километров и куда, давая возможность народу попрощаться со своей любимой королевой.

Папа поднял меня и посадил себе на шею, поэтому я отчетливо видела всё еще красивое лицо пожилой королевы, обрамленное серебристыми волосами. Даже на смертном одре она была величественно красива, одетая в фиолетовое платье. Оказалось, что фиолетовый был ее любимым цветом, и в своем завещании она просила, чтобы вместо общепринятого черного цвета всё было фиолетовым (даже флаги, которые развевались вдоль всей дороги, были фиолетовые).

За гробом, как положено, в первых рядах шла королевская семья. Не помню, кто был там и кого не было, единственный, кого я отчетливо увидела, был принц Михай – будущий несовершеннолетний король Румынии и... моя первая неразделенная любовь! (Мы были почти ровесники, он был очень красивым ребенком, и я не расставалась с его фотографией даже ночью – она лежала у меня под подушкой.)

Я не берусь описать ни придворные интриги, ни политические перемены, последовавшие за смертью королевы Марии, но мне почему-то кажется, что ее смерть привела к серьезным изменениям, в результате которых в первую очередь пострадали евреи.

Однажды поздно вечером дядя Тоби подъехал к нам на такси с тем, чтобы забрать нас к себе, так как, по дошедшим до него слухам, на ту ночь был запланирован погром. Разговаривал он с папой в соседней комнате сначала шепотом, а когда папа наотрез отказался оставить дом, их разговор перешел в ссору, и до нас отчетливо стали доходить их голоса. Я хорошо помню, как вдруг мама схватила в свои объятия меня и Дорину, со слезами на глазах повела нас в соседнюю комнату и дрожащим, но решительным голосом произнесла: «Мы никуда не уйдем! Тут нас никто не тронет!» И так и было.

Не знаю, сколько погромов было, однако благодаря соседям мы в своем доме жили, как за каменной стеной. Но не долго! До нас стали доходить слухи о бесчинствах легионеров (фашистов), о том, как грабили и убивали евреев. Не знаю также, что произошло, но знаю, что папа почему-то переписал фабрику на одного из своих служащих – румына, которому, очевидно, отец доверял и который, согласно неписаному договору, должен был ежемесячно приносить нам часть дохода. Впоследствии оказалось, что Дан (так его звали) был совсем

не тем, за кого его принимали, и в скором времени мы лишились не только фабрики, но и дома и вынуждены были снять квартиру в аренду. Квартира была небольшая, но с большим двором, и папе разрешили построить в нем гараж для брички и конюшню для Бэйби.

С трудом, но безропотно мы стали приспосабливаться к «новой жизни» в надежде на то, что это всего-навсего временное явление, и в чем-то мы действительно были правы – это длилось недолго. Я никогда не забуду, как однажды, возвращаясь домой всей семьей из гостей, мы издали услышали ржание нашего любимца, а приблизившись к дому, увидели группу солдат и Бэйби на задних ногах, отбивающегося от попытки увести его.

Бэйби папа купил по дешевке у одного азартного игрока на скачках, когда он был еще норовистым жеребенком, которого никому до того не удалось объездить. По маминым рассказам, папе, бывшему кавалеристу, удалось его укротить только после длительного «поединка», во время которого Бэйби его неоднократно сбрасывал с себя, чуть не убив. Но из этого поединка папа не только вышел победителем, но даже сумел запрячь его, и в течение долгих лет Бэйби был «членом» семьи, которого все любили и угощали кусковым сахаром с ладони, получая в ответ «поцелуй». А он каким-то образом чувствовал нас на расстоянии и начинал ржать, как бы требуя, чтобы мы сначала подошли к нему «поцеловаться». И вот его-то хотели увести! Увести по приказу военкомата: его «мобилизовали», а он ни за что не подчинялся. Он не хотел с нами расставаться, но все-таки пришлось. Папа попросил солдат отпустить коня и дать ему успокоиться, обещав, что на следующее утро он сам его приведет на сборный пункт. И они ушли.

Папа завел коня в конюшню и остался с ним до утра, а мы с мамой всю ночь проплакали, а утром попрощались с ним, как с самым близким и любимым человеком. Несколько дней подряд мы все горевали и плакали, а папа старался нас успокоить, говоря, что его скоро вернут. То же самое он сказал Бэйби на прощанье, но Бэйби этому не поверил, и в одну прекрасную ночь, услышав его ржание, мы все одновременно проснулись. Выскочив в ночных пижамах, мы вдруг увидели нашего Бэйби у порога: он перескочил через забор. Все мы, бросившись к нему, стали обнимать и целовать его, а он, со слезами на глазах, облизывал нас. Счастье было всеобщее и безграничное, но оно длилось недолго: утром опять за ним пришли, папе опять пришлось увести его на сборный пункт, и на сей раз – навсегда! Для меня, девятилетней

девочки, это было первое «боевое крещение», первый удар судьбы, оставивший глубокий след на всю жизнь. Вскоре за ним последовал второй – расставание с Пиком, моей любимой собачонкой.

Мне было пять-шесть лет, когда однажды, вернувшись домой, отец подозвал меня к себе и предложил пощупать карман своего пиджака, из которого вдруг появилась малюсенькая черная головка с полуоткрытыми глазенками. «Он твой!» – сказал мне папа, и это было для меня бесценным подарком, за который я его постоянно благодарила. Пик стал сначала моим «детенышем», а затем моим лучшим другом и защитником: стоило папе (в шутку!) поднять на меня руку, как он тут же набрасывался на него с лаем. А ведь это был всего-навсего маленький шпиц размером в какие-то двадцать-двадцать пять сантиметров!

Случилось это 10 августа 1940 года – в день, ставший поворотным пунктом в жизни всей нашей семьи. Как известно, 28 июня 1940 года могучий Советский Союз объявил крошечной Румынии ультиматум, согласно которому Румыния должна была вернуть России Бессарабию, которую она получила по окончании Первой мировой войны, а в качестве компенсации за ее использование на протяжении более двадцати лет Россия должна была аннексировать на такой же период времени Северную Буковину. Что могла сделать «Москья» против «Слона»? Естественно, что Румыния уступила и подписала соглашение, одним из пунктов которого был обмен гражданами до 1 сентября 1940 года. Точнее, находящиеся на территории Бессарабии и Северной Буковины румынские граждане при желании могли репатриироваться и наоборот. К этому «наоборот» относилась и наша семья (по папиной линии). Тут же началось «великое переселение народов» в обе стороны. Не знаю, было ли много людей других национальностей, которые тронулись с насиженных мест, помню только, что румынские евреи, которые успели уже подвергнуться репрессиям (лишиться собственности и основных гражданских прав), узрели в этом свое спасение и ринулись в «советский рай». Это усилило волну погромов: legionеры врываются в поезда, сжигали старикам бороды, выбрасывали детей и женщин из поездов на ходу, но поток беженцев остановить было уже нельзя.

После долгих, мучительных размышлений и «семейных советов», после того, как у нас национализировали дом и фабрику и забрали любимого Бэйби, а нам с сестрой было отказано в продолжении учебы в гимназии (это оказалось последней каплей), папа решил,

что «ехать надо!». Надо, но не всем вместе. Первыми должны были уезжать мы, так как папа был старшим среди братьев, и при первой же возможности должен был сообщить своим братьям, что делать – ехать или не ехать.

Сборы были быстрыми, времени было уже впритык. Всё самое ценное и необходимое поместилось в двенадцати плетеных корзинах размером с письменный стол, каждая из которых была обернута в персидский ковер. Отправив всё это багажом и не оглядываясь назад, в сопровождении папиных братьев 10 августа 1940 года мы отправились в «новый мир».

У каждого из нас был еще ручной багаж. Моим «багажом» был мой любимый Пик, без которого, как я объявила, «никуда не поеду». Но не тут-то было! Когда мы каким-то чудом благополучно добрались до новой границы на берегу Дуная, для тщательного осмотра багажа понадобилось снять ковры, которые тут же конфисковали вместе со многими другими вещами. Мне до всего этого не было дела. Но когда они заявили, что перевоз домашних животных строго воспрещен, и потребовали отдать им Пика, я отказалась и, еще сильнее прижав его к себе, рыдая, умоляла нас не разлучать. Солдаты были неумолимы, а Пик, будто понимая, что происходит, вцепился лапками в мою шею, чуть не задушив меня, и из его маленьких выпуклых черных глазенок потекли слезы. Я выпустила его из своих рук только тогда, когда, наконец, кто-то из начальников согласился позвать дядю Марчела, второго папиного брата, с тем чтобы он забрал Пика себе. Это дало нам возможность еще раз встретиться с дядей, и папа сумел прошептать, чтоб они не повторили нашу ошибку. Это была их последняя встреча! Я же, не переставая плакать, передала дяде свое сокровище с соответствующими наставлениями, хотя знала, что Пик у них будет хорошо. (У них не было детей, а Пика и он, и тетя Мэри очень любили.)

Лишившись Пика, не переставая плакать, я «прилипла» к маминной юбке и не оторвалась от нее, пока после долгого и тревожного ожидания нам не «подали карету», то есть паром, на который сначала загрузили багаж и лишь потом людей. Мест для сидения там не было, и мы сели на свои колючие корзины в ожидании отправки.

Всё делалось как-то ужасно медленно, и, когда, наконец, мы тронулись с места, все облегченно вздохнули. Но ненадолго! Нас должны были переправить через Дунай в Рени, которые были уже советской территорией. Когда наш паром доплыл до середины реки, где кон-

чалась румынская территория, он вдруг остановился, и румынские солдаты, ничего не объяснив, уплыли назад на лодках. И тут началась паника: предполагая, что нас бросили на произвол судьбы, старики начали молиться, женщины, прижимая к себе детей, что-то тихо про себя бормотали, а я по-прежнему не отрывалась от маминой юбки и вместе с ней тихонько плакала.

Уроженка Румынии, мама вообще не хотела уезжать. Ей было невыносимо больно расставаться со своими братьями (Адольфом, Мауричу и Алеку), с могилами родителей, с друзьями детства, любимым городом и «своей» Родиной. Но семья для нее была превыше всего, и в конце концов она согласилась поехать, несмотря на возражения своих братьев.

Всю дорогу она мужественно переносила все трудности и унижения, но сейчас, в темноте ночи, когда папа с Дориной гуляли по палубе (для Дорины всё происходящее было интересным приключением, она была вездесущая и во всем помогала папе), мама дала волю слезам, крепко прижимая меня к себе. Я, чувствуя ее рядом, уснула.

Проснувшись я от страшного шума, грома аплодисментов, молитв стариков и небывалого ажиотажа: оказалось, что уже утро, и к нам приплыли советские пограничники. Несколько солдат поднялись на наш плот и что-то сказали на непонятном большинству языке. Те немногие, которые еще помнили «родной» язык, в том числе и папа, стали переводить сказанное, и вся толпа зааплодировала и стала громко кричать «Ура!». Народ зашевелился, старики опять подняли руки к Богу, по всей вероятности, чтобы поблагодарить Его за свершившееся чудо – за наше спасение! А женщины опять заплакали, но на сей раз от радости. Что касается нас, детей, до тех пор молча прятавшихся в подолах одежды наших матерей, не совсем понимая, но чувствуя перемену, мы забегали по палубе, заполняя атмосферу веселым детским смехом.

Наш «пароход» опять поплыл, и, не знаю, сколько времени спустя, мы высадились на «обетованную землю», где нас очень дружелюбно встретили и после пограничной процедуры пригласили пообедать вместе с солдатами.

Мы находились на самом берегу Дуная на поляне в лесу. Был жаркий августовский день, и это место казалось земным раем. Мешал только какой-то неприятный запах. Оказалось, что это был запах той рыбной похлебки, которая варилась в больших казанах, подобных тем, в которых у нас дома вываривали белье на открытом огне. После

проведенной посреди реки ночи всем хотелось поесть что-то теплое. Многие кушали, но маму затошнило после первой же ложки, а глядя на нее, вырвало и меня, и потом я ни разу больше к «столовой» не подходила. Благо, что в течение дня нас «угощали» горячим чаем с твердыми, как камень, сухарями из черного хлеба и что в нашем ручном багаже были конфеты, шоколад, сыр и твердокопченая колбаса. Там негде было что-нибудь купить, да и денег (рублей) ни у кого из нас не было. К счастью, на русских солдат произвели впечатление наши наручные часы: по сравнению с теми «цибулями», которые были у них, наши казались миниатюрными, и они, не стесняясь, стали уговаривать нас их продать. Таким образом, после продажи трех пар часов «Омега» у нас появились рубли (мамины золотые часики с золотым браслетом и папины «Шэфхаузен» с двенадцатью камнями остались все-таки у нас).

Не знаю, сколько у родителей было денег, но нам их хватило, чтобы добраться до Вертюжан – небольшого еврейского местечка Сорокского района в Бессарабии на берегу Днестра, где проживала папина дальняя родственница. Но нам хватило денег не потому, что их было много (как в дальнейшем оказалось, мы всё продали по дешевке), а потому, что за проезд в товарном поезде у нас денег не брали. Эта поездка превратилась в трехнедельное «путешествие» с бесконечными приключениями.

О Вертюжанах мы знали только из рассказов папы. Они находились прямо напротив того местечка Каменка, где проживала его семья и где впоследствии родились он и его братья. До Первой мировой войны как Вертюжаны, так и Каменка входили в состав царской России. По окончании войны согласно мирному соглашению Днестр оказался пограничной зоной: Каменка осталась украинской, входящей в состав Российской империи, в то время как Вертюжаны в составе всей Бессарабии то ли вернулись, то ли попали (спорный вопрос) в состав Румынии, и вдоль реки была установлена граница между Румынией и Россией.

Так получилось, что «застряв» в Бухаресте после своего побега из немецкого плена, папа оказался в Румынии, в то время как его семья осталась в России. Папа не нашел покоя, пока не перетащил всех оставшихся в живых нелегальным путем (связавшись с какими-то пограничниками за большие деньги) через Днестр в Вертюжаны. Это было после его женитьбы, во второй половине 20-х – начале 30-х годов, и перевозил он их постепенно, по несколько человек.

Родителей и младшего брата Зейлика уже не было в живых, так что первыми попали в Вертюжаны его младшие братья – дядя Тоби и дядя Марчел. Он их тут же забрал с собой, и они находились у нас, пока не женились.

За ними по их просьбе папа стал перетаскивать родственников как со стороны отца (тетя Хиня с сыновьями Авраамом и Сукэ, которых после долгого пребывания у нас папе удалось переправить в Аргентину и которые уехали, не успев сказать «спасибо»), так и со стороны матери – семьи Штерн и Эдельштейн.

Иосиф Штерн, папин двоюродный брат, остался в Бухаресте, с помощью папы открыл галантерейный магазин, женился. У него был один сын Яша, с которым мы с Дориной дружили. Эдельштейны остались сначала в Вертюжанах, а потом разбрелись по всей Бессарабии. В их числе была и Фейга Эдельштейн, которая осталась в Вертюжанах и к которой папа решил для начала поехать.

Добраться до Вертюжан с нашим багажом мы могли только поездом. А случилось так, что румыны увезли с собой свои поезда, оставив узкоколейку (или наоборот), а у русских были совсем другие поезда, и им пришлось сменить рельсы. Этот процесс длился около двух недель. Когда нас посадили в поданный по «спецзаказу» товарный поезд, застеленный соломой, и он наконец двинулся, оказалось, что в нескольких местах рельсы проложены неправильно, и тогда нам приходилось выходить из вагонов и долгими часами, а иногда и целыми днями дожидаться следующей посадки.

Конечной станцией оказался полустанок Ункитешты. Прибыли мы туда вечером. Место было пустынное, и папе с трудом удалось найти двух-трех молодых людей, которые помогли разгрузиться и занести багаж в зал ожидания. Мы были единственными пассажирами, которые доехали до конечной станции, и поэтому нам повезло – мы заняли весь зал и все имеющиеся там скамейки, которые после столь длительного мытарства восприняли как «царское ложе», и тут же уснули.

Проснувшись утром, мы обнаружили, что весь наш багаж «улетучился», и поиски, длившиеся почти целый день, ни к чему не привели. Впрочем, нет! Мы что-то да нашли в кукурузном поле. Это были пустые корзины и лайковый альбом с фотографиями дорогих нам людей, с большинством из которых мы навсегда расстались, и мы этой находке были очень рады.

Несолоно хлебавши, со слезами на глазах мы на какой-то подводе добрались до Вертюжан, а на следующий день нас записали в мест-

ную молдавскую среднюю школу, и мы с Дориной оказались в той же школе, она в десятом, а я – в шестом классе.

Несколько дней спустя папа отправился на поиски работы и постоянного места жительства для семьи. Знание русского и украинского языков наряду с румынским, а также его личное обаяние и опыт в организации производства и работы с большим коллективом людей помогли папе устроиться в городе Черновицы (Западная Украина) на хорошую руководящую работу и получить на Клокучке (бывшая немецкая колония на окраине города) брошенный в спешке после 28 июня 1940 года немецкой семьей особняк, полностью меблированный, со всей утварью, дорогой посудой, бельем и одеждой, особняк с большим фруктовым садом и двором, утопающим в цветах. Об этом нам писала мама, которая вскоре последовала за папой, оставив нас с Дориной на временное попечение нашей родственницы Фейги, которая в нас души не чаяла: она была незамужней женщиной лет тридцати-тридцати пяти и относилась к нам как к собственным детям.

Мама поехала туда, чтобы, во-первых, облегчить папе жизнь, а во-вторых, подготовить почву для нашего переезда к ним. Но позже наши родители пришли к выводу, что более целесообразно не отрывать нас от занятий посреди учебного года, а дать нам возможность акклиматизироваться в новой действительности и хоть немного изучить совершенно чужой русский язык, на котором нам предстояло учиться в Черновицах. Молдавский язык – это, на мой взгляд, исковерканный румынский, переведенный на славянский алфавит, и потому учиться там нам было намного легче.

Нам было нелегко в молдавской школе, но всё же значительно легче, чем сразу попасть в русскую или украинскую школу. Дорина была способной ученицей, но к учебе она никогда серьезно не относилась, за что ей немало попадало от родителей и учителей. В ней было что-то мальчишеское, с девушками она не дружила и всегда вместе с мальчишками проказничала. Ситуация, в которую она попала в тот период, была для нее «мечтой поэта»: ни в школе, ни дома никто к ней не предъявлял никаких претензий, и она была на вершине счастья, несмотря на то что папу и маму она уважала и любила. У нее там появились «ухажеры», и она просто наслаждалась жизнью.

Другое дело я. С раннего детства я полюбила Книгу. По словам родителей, к пяти годам я уже умела считать, читать и писать, и меня

трудно было оторвать от чтения. В школу меня приняли досрочно, и я была примерной ученицей. Мама мечтала, чтобы я стала врачом. Я же, которая при виде крови чуть не теряла сознание, мечтала совсем о другом – стать учительницей, такой, как моя учительница младших классов, которую я обожала и которой старалась во всем подражать. Ее фамилия была Лейбович, но была она очень похожа на греческую богиню.

Ее любимыми цветами были шоколадно-коричневый в сочетании с бежевым и желто-кукурузным цветом, которые по сей день остались преобладающими цветами и моего гардероба. Она сыграла важную роль в моем воспитании, и я с благодарностью и нежностью вспоминаю ее.

Помню, как перед окончанием третьего класса она организовала экскурсию в лес. Поехали мы туда заказным автобусом и во время езды получили полный инструктаж о том, что нам предстояло там в ту пору увидеть, на что обратить особое внимание, как себя вести, а главное – не отходить в сторону от нее ни на шаг.

Я была очень послушной ученицей, но, попав в лес, настолько очаровалась природой, что незаметно оторвалась от группы. Точно опьяненная, бродила я по лесу, бегала за зайчиками и белочками, прислушивалась к многоголосому пению неизвестных мне птиц и собирала разноцветные цветочки для моей любимой учительницы. Когда, наконец, «отрезвилась», видя, что никого со мною рядом нет, я испуганно побежала назад. Но мой «назад» оказался «вперед» – я заблудилась. Прошло немало времени, пока услышала разноголосые выкрикивания моего имени по слогам и, изменив направление, позволила себя найти. Дети тут же набросились на меня с упреками, а я, испуганная и заплаканная, молча подошла к мадам Лейбович и, вручив ей специально для нее собранный букет, извинилась. Ничего не сказав, она взяла меня за руку и не отпустила ее, пока мы не дошли до автобуса. День был испорчен, и виновата в этом была я!

На следующий день на первом же уроке госпожа Лейбович попросила нас описать свои впечатления о прошедшем дне. Не знаю, о чем писали остальные дети. Я же детально и с восторгом описала увиденное и, раскаяваясь и плача, извинилась перед учительницей и перед учениками. Спустя пару дней она вслух прочла мое сочинение перед классом и предложила поднять руки всем, кто меня простил. Воздержавшихся не было, а первой подняла руку ОНА! На заключительном родительском собрании она в свою очередь извинилась перед родителями, а маме

сказала: «У вас необыкновенная девочка, она будет писательницей!» Во время летних каникул, отравившись грибами, она умерла.

В Бухаресте я успела окончить начальную школу и один класс гимназии, где количество учителей значительно увеличилось, но ни к кому больше я не испытывала то, что испытала к моей первой учительнице, тем более в Вертюжанской школе. Но я усердно училась и многому все-таки научилась. Не хватало мне книг для чтения и мамы – моего дорогого путеводителя по кино, театрам (детским) и музеям. К счастью, я подружилась с Этей Лернер – самой красивой девочкой нашего класса – блондинкой с большими глазами à la Simone Signoret. Она была дочерью зажиточных родителей, держалась особняком, но почему-то «снизошла» до меня. Мы с ней подружились, а через нее я познакомилась с ее семьей, а главное, с ее матерью Любой – импозантной, умной и образованной женщиной. В свое время она окончила гимназию, была человеком большой души, обладательницей богатой библиотеки, в которую мне открыли врата. Мы полюбили друг друга. С первой встречи я покорила ее своим высоколитературным румынским языком, эрудицией и воспитанностью (это ее слова), и она в какой-то степени в тот период заменила мне маму и скрасила мое одиночество. Я бывала больше у них, чем у тети Фейги, с которой, при всем моем уважении к ней, мне не о чем было говорить. Расстаться с семьей Лернеров мне было очень тяжело. Утешало лишь то, что наконец мы поедем домой, в тот самый «рай», который нам мама описывала в своих письмах, и что мы, как прежде, проживем в любви и роскоши.

20 июня 1941 года, окончив учебный год и попрощавшись со всеми, мы с тетей Фейгой поехали в Ункитешты, а оттуда – сами на поезде – прямо в Черновицы. Прибыли мы в полдень 21 июня. На вокзале встретила нас только мама. Была суббота, и папа еще находился на работе. На такси мы поехали домой. Дорина сидела рядом с шофером, а я с мамой, тесно прижавшись друг к другу, только и делали, что смотрели друг на друга и целовались. Дома нас встретил папа, который раньше времени ушел с работы. Схватив меня на руки, как в былые времена, обнимая и целуя, занес меня в дом, где нас ждал празднично накрытый стол и много цветов. Пообедав, мы вышли в сад и там, в беседке, наперебой рассказывали друг другу о том, что происходило во время нашей разлуки, о своих новых друзьях и о жизни в советском еврейском местечке, о своих учителях и о чем только нет! Не забыли похвастаться и своими табелями (оценками).

Ночь настала незаметно, но никому из нас не хотелось спать, точнее, мы не могли разойтись по кроватям. И тут у папы возникла гениальная идея: отодвинув большой обеденный стол к стене, он предложил маме постелить всем нам вместе на полу. И так, в объятиях, не переставая целоваться, мы проболтали всю ночь, ни на минуту не сомкнув глаз. Мы с Дориной с нетерпением ждали рассвета, чтобы поехать в город, в котором нам предстояло начать новую счастливую жизнь в кругу семьи. Вдруг раздался страшный звук пролетевшего над нашим домом тяжелого самолета, и мама тут же воскликнула: «Это бомбардировщик! Это война!» Не успела она закончить фразу, как тут же раздался страшный «гром» – это была первая и единственная бомба, сброшенная на Черновицы и разрушившая, как мы узнали позже, центральную еврейскую синагогу, находящуюся в самом центре города. (После войны Советы восстановили здание – образец искусства и превратили его в шикарный кинотеатр, который евреи сначала бойкотировали, а затем, со временем, назвав его «киногемой», стали посещать.)

Это было утро 22 июня 1941 года – начало войны между фашистской Германией и Советским Союзом – конец нашего пребывания в «раю» и начало нашего «хождения по мукам».

Первые несколько дней в городе царил хаос: власти удрали, унося с собой награбленное, чернь высыпала на улицы, разбивая витрины магазинов и грабя всё, что под руки попадалось, убивая встречаемых и поперечных. А мы, словно мыши, забившиеся в своем шикарном доме, за несколько минут превратившемся в темную нору, так как папа сразу забил снаружи окна досками, оставив только небольшие щели для наблюдения, замерли в ожидании неизвестного. Благо, что дом был полной чашей!

Не знаю, сколько времени прошло, как вдруг до нас дошли звуки громкоговорителя. Это было обращение оккупантов (немцев, поляков, румын, итальянцев и бог знает кого еще), провозглашающих свою власть и требующих полного повиновения. В противном случае – смерть!

Мы переждали еще несколько дней, затем потихоньку стали высовывать головы, но дальше своего двора не смели выходить. Наш фруктовый сад и огород нам очень пригодились. Не представляю, что бы мы делали в то время без них. Папа был нашим «разведчиком» и снабженцем, и, как это ни странно, мы стали приспосабливать-

ся к «новой жизни». И тут я заболела ветрянкой в очень тяжелой форме. Если бы не мама и ее знания медицины, вряд ли я выжила бы. Трудно сказать, сколько длилась моя болезнь. Я еще с трудом становилась на ноги, когда папа, вернувшись из «разведки», сообщил, что в городе развешаны объявления, касающиеся только евреев. Им давалось двадцать четыре часа на сборы и прибытие на центральную площадь города всей семьей. Потеряв дар речи, мы только смотрели друг на друга. Первая нарушила молчание мама, сказав: «Давайте собираться!»

Из своих рубашек папа смастерил нам по «рюкзаку», в котором у каждого было то, что папа считал самым необходимым: мыло и зубная паста, белье и несколько платьев, обувь и пара теплых кофточек, а также по кусочку хлеба, сыра и колбасы, некоторые лакомства и бутылка с водой. Затем, заколотив опять окна и двери, опять оставляя всё позади, папа сказал: «С Богом!», и со слезами на глазах, покинув второй «рай», мы отправились на место сбора.

К тому времени, когда мы прибыли туда, там была уже масса народу: молодые и старые, женщины и мужчины, дети и младенцы. Стояла мертвая тишина, которую нарушал только детский плач. Все со страхом ждали неизвестного. Вдруг появились несколько солдат и дали команду двигаться вперед. Дорога была не дальняя: нас погнали в еврейский квартал, велели найти себе пристанище у проживающих там «жидов» и не сметь выходить из домов до получения следующего распоряжения. Так мы оказались в Черновицком гетто.

Квартиры местных жителей за пару часов превратились в «заезжие дворы», так как там, где раньше жила одна семья, втиснулись еще две-три семьи совершенно чужих людей, которых каким-то образом пришлось не только приютить, но, по возможности, и накормить. Нам в этом отношении все-таки повезло: мы попали в семью зажиточных людей, и на ближайшие несколько дней были обеспечены. Как удавалось папе «выкручиваться» дальше, не знаю, но от голода мы не страдали.

Мы прожили там по меньшей мере несколько месяцев, когда поступил приказ немедленно освободить квартиры и двинуться в сторону вокзала. Собрав самое ценное и необходимое, наши «хозяева» предложили нам сделать то же самое, а мы, схватив, что попало, вместе с ними отправились на вокзал. Там нас загнали в товарный поезд и довели до станции Мэркулешты (Бессарабия), где высадили всех.

Часть вторая

КОШМАРЫ НАЯВУ

О том, что мы находимся в Мэркулештах, узнали, только проехав вокзал. Через несколько километров поезд остановился в поле. Очтившись опять на земле после грязной соломы в вагоне, мы получили возможность подышать свежим воздухом. А последующая «прогулка» после длительного сидения и стояния в вагонах была приятной «разминкой». Мы оказались на утопанной поляне, где параллельно стояли два длинных ряда столов, а за ними – вооруженные солдаты.

Я думала, что нас там будут кормить, но не тут-то было! Нам велели пройти у первого ряда столов и под страхом смерти выложить часы, кольца и другие драгоценности, деньги, а главное – документы. Оставшись без них, мы стали безымянными, точнее, у нас у всех с того момента было одно имя – «жид».

Нам раздали желтые звезды Давида и приказали прикрепить и постоянно их носить.

Затем надо было пройти мимо второго ряда столов и выложить все имеющиеся при себе вещи, из которых солдаты забирали всё, что хотели. У нас они отобрали одежные щетки из красного дерева, не подозревая, что в донышках были спрятаны фамильные бриллианты. Если бы грабители это заподозрили и заглянули вовнутрь, нас бы тут же расстреляли. Вот почему, когда родители отошли отсюда, они, взглянув друг на друга, одновременно произнесли: «Слава Богу!» Мы с Дориной, ничего не понимая, переглянулись.

Были случаи, когда пожилые люди отказывались расстаться с фамильными драгоценностями, и их тут же расстреливали.

По окончании «чистки» нам объявили, что мы пешком отправляемся на работу и на месте получим всё необходимое. Подали несколько подвод с лошадьми для перевозки стариков, больных, беременных женщин и маленьких детей. Остальных построили в колонну и велели двинуться в путь. Там и тогда начался наш «марш смерти».

Нас гнали в «никуда». Дул холодный сильный ветер, а за ним хлынул настоящий ливень. Шли мы по проезжей дороге, ногами месили молдавское болото и под крики солдат: «Шире шаг!» двигались вперед до самой ночи, пока не добрались до Косоуцкого леса на берегу реки

Днестр. И тут наступила «варфоломеевская ночь» – ночь ужасов! Как только нам разрешили остановиться в глубине леса, папа с мамой прижали меня и Дорину к себе, желая как-то защитить нас от страха, темноты и ливня. И хотя их одежда насквозь промокла, как и наша, всё-таки нам стало теплее и спокойней на душе.

Не знаю, сколько времени нам удалось «насладиться» этим состоянием, когда раздался приказ: «Мужчины – направо, женщины и дети – налево!» При свете молний и солдатских фонарей конвоиры собрали большинство мужчин и парней, несмотря на их сопротивление, крики и плач жен и детей. Судя по раздавшимся выстрелам, были и попытки побега, и расстрелы.

Я помню, как мама освободила меня из своих объятий и, бросившись на шею папе, рыдая, крикнула: «Не отпускай!» Вслед за ней на его шее повисли и мы с Дориной и, плача и целуя его, умоляли: «Не покидай нас!» Двое солдат оторвали папу от нас, и он успел крикнуть: «Я скоро вернусь!» Хорошо помню наши молитвы сквозь плач и рыдания. Дождь лил, не переставая, в сопровождении грома и молний, но на это никто уже не обращал внимания. Все думали только о тех, кого забрали, и, обращаясь к Богу, молились за их возвращение.

Бог услышал наши молитвы, и папа вернулся лишь на рассвете, и вернулся он совсем другим человеком. Он рассказал, что, получив лопату, участвовал в рытье огромной ямы, вокруг которой солдаты «разгрузили подводы» с немощными и начали стрелять. В темноте ему удалось сбежать. Он вернулся в состоянии глубокого шока: ничего не говорил, а только обнимал и целовал нас со слезами на глазах. Я впервые увидела плачущего папу и плакала вместе с ним, но плакала я от радости – папа снова с нами! Спустя годы люди говорили, что «могильщики» попали в ту же яму.

То, что мне пришлось пережить за время его отсутствия, оставило в душе глубокий отпечаток на всю жизнь. За несколько часов девочка-подросток не только повзрослела, но сразу стала старухой, минуя молодость и взрослую жизнь. Улыбка сошла с моего лица на долгие годы, и я потеряла вкус к жизни. От самоубийства спасла меня только мысль, что дорогие мне люди не смогли бы пережить такого удара. Апогеем этой ночи для меня были роды и их последствия. Да, именно роды!

Мои родители обладали огромной силой притяжения к ним людей (хороших, но нуждающихся в поддержке или просто человеческой теплоте). В Мэркулештах к нам присоединилась молодая беремен-

ная женщина, не желая отнимать место на телеге у старых и малых. На всем пути эта женщина от нас не отходила, и, когда папу уже забрали, у нее начались роды.

Я упоминала, что медицина для мамы была не только увлечением, но любимым средством помощи всем. Так и на этот раз: несмотря на обстановку и темноту ночи, мама стала принимать роды, а я, ни на шаг не отходившая от нее, оказалась свидетельницей и даже помощницей – я нашла и принесла ножницы.

Роженица истошно кричала, и на ее вскрики прибежал солдат. Он выхватил из маминых рук крошку и вышвырнул в кусты, а женщину пристрелил. Не знаю, как я не потеряла сознание. Наверное, дождь помог, но картина эта зафиксировалась в моих глазах навсегда, как у ушедшего из жизни человека...

С наступлением рассвета нас погнали дальше. Дождь то ли перестал, то ли мы перестали его замечать, но, оказавшись на берегу Днестра, по мосту добрались до Ямполья (Украина). Оттуда и началась наша «дорога в никуда».

В том году осень выдалась дождливой, а мы с утра до вечера, постоянно насквозь мокрые, «месили болото» на сей раз украинских дорог. Длинную колонну конвоировали всего несколько солдат. Они обращались с евреями, как со скотом, с той только разницей, что к жизни животных относятся бережно, а нас вели с целью истребления. Никто нас не кормил и не поил. Более того, когда мы проходили мимо какого-то населенного пункта и кто-то местный из жалости бросал пленникам еду, то и им, и нам грозила смерть. Сначала мы этого боялись, но через несколько дней, поняв, что смерти не миновать, стали бросаться к тем спасительным пакетикам. Многие за это поплатились жизнью, но другие, в том числе и мы, спаслись, и благодарны им. Божьим даром для нас оказалась и сахарная свекла, которую не успели собрать с полей. Во время небольших остановок, которые нам давали два-три раза в день, мы наловчились выкапывать ее из земли руками и запивать зачастую дождевой водой, так как она очень терпкая. Мы постепенно стали терять страх, стыд и свое человеческое достоинство. Эти поля стали нашей кормилицей и в то же время общей уборной. В этом нам не отказывали. Этого, видимо, нацисты и добивались.

Мы шли с утра до вечера, пока не добивались до бывших колхозных конюшен и свинарников. Туда нас загоняли на ночь и закрывали на замок. Выйти невозможно, да и куда уйдешь? Более того, мы ра-

довались каждой возможности оказаться под крышей и дать ногам немного отдохнуть. В начале пути почти всем хватало места, чтобы прилечь, на полу, присыпанном грязной соломой. Но чем дальше мы шли, тем страшнее становилась картина перед моими глазами: до нас по тому же маршруту прошли другие колонны, и, перед тем как лечь, мужчинам обычно велели убирать в угол оставшиеся внутри трупы, чтобы освободить место для нас.

Мертвецы для меня, девочки-подростка, стали обычным зрелищем как на ночлеге, так и по дорогам. Тех, кто не мог больше идти в ногу с солдатами, расстреливали на ходу, и наша колонна изо дня в день становилась всё меньше и «моложе»: почти всех стариков и больных расстреляли. Пристреливали и тех, кто по утрам отказывался выходить.

Трудно сказать, сколько времени мы шли и через какие населенные пункты мы проходили. Мне казалось, что нас водят по кругу, что здесь мы уже были, что это мы уже видели и что нас будут гнать до тех пор, пока никто не останется в живых. И мы шли!

В моей памяти осталось еще одно название – Ободовка, которое, как и Косоуцкий лес, никак не могу забыть. Попали мы в Ободовку примерно в середине пути. Нас загнали в небольшой свинарник, где не хватало «спальных» мест для всех. Нас с Дориной родители всё-таки пристроили, а сами сели рядом: мама с одной стороны, а папа с другой. Я, конечно, лежала возле мамы на свежестеленной соломе и в полной темноте сразу заснула. Проснувшись от прикосновения к чьей-то очень холодной руке и, подумав, что мама рядом со мной замерзла, стала ее растирать. Она выскользнула из моих рук, и я крикнула: «Мама!» Проснувшись, мама спросила, что случилось. В ее объятьях я немного успокоилась и опять уснула. Но на рассвете, когда открыли ворота и люди стали выходить, я вдруг увидела рядом с собой руку мертвеца, на котором я спала, и потеряла сознание. Очнувшись в дороге на папиных руках и на некоторое время потеряла речь. Но не память!

Мы продолжали плестись к «конечной остановке» (если вообще планировалась такая). И в один из дней Дорина сказала, что у нее нет сил и дальше она не пойдет. Мама сразу определила, что у нее очень высокая температура, и папе пришлось взять Дорину на руки. Благо, что это случилось в конце дня. Наступили сумерки, и, пройдя мимо какого-то разрушенного дома, папа с Дориной на руках оторвался от колонны, оставил ее в развалинах и быстро вернулся за мной с ма-

мой. Так мы оказались в углу двух оставшихся от разрушенного дома стен, без крыши, без привычной соломы, но вдали от колонны: она прошла мимо, и, как нам казалось, наш побег остался незамеченным. Но это было не так! Мы всё еще стояли затаив дыхание в спасительном для нас углу, как вдруг появился высокий красивый молодой человек с молодой женщиной на руках. Он заметил наш побег и последовал за нами, бережно прижимая к себе жену. Их звали Золи и Гина. Позже они рассказали, что поженились за неделю до начала войны, и этот смертельный марш под конвоем стал их «свадебным путешествием». Я верю, что их нам послал Бог, ибо в создавшихся обстоятельствах папа не мог бы справиться один.

Первую ночь мы провели, сидя на кирпичках. Зато Дорина с Гиной лежали на «царском ложе» – на широкой двери, которую Золи снял с петель. Но это понимала я. Дорина и Гина не могли этого оценить: они провалились в какой-то летаргический сон.

На рассвете Золи пошел «в разведку» и вскоре вернулся со спасительным известием: неподалеку от места нашего нахождения был населенный пункт, и в нем он «разнюхал» временное убежище. Эта новость стала лучом света и надежды для нас, и, вдохновленные, собрав последние силы, мы двинулись в путь. Папа и Золи несли на руках свои «ноши», а мы с мамой догрузились их рюкзаками, и, несмотря на небольшое расстояние, дорога казалась мне бесконечной. Всё же мы добрались до нужного места благополучно.

Им оказался полуподвал, в который мы спустились по семи-восьми ступенькам и попали в довольно длинный коридор. С правой стороны коридора мы увидели дверь, и, открыв ее, чуть не задохнулись: мы попали в свинарник со всеми тому доказательствами, только без свиней. Но у нас теперь имелась не только крыша, но настоящее жилое помещение, и мы больше не боялись ни конвоя, ни дождя. У нас с мамой появились слезы на глазах: мы спасены!

Скоро выяснилось, что мы находимся в бывшем еврейском местечке Бершадь Винницкой области на Украине. Как только началась война, мужчин мобилизовали, и большинство семей успело эвакуироваться. Остались пожилые люди, инвалиды и женщины с маленькими детьми. Потом в Бершади появились изгнанные из Бессарабии и Буковины евреи, которые, очевидно, как и мы, оторвались от колонн и заселили брошенные дома. В Бершадском гетто было по меньшей мере двадцать тысяч евреев. От страшного перенаселения и антисанитарии

зимой 1941-42 годов в гетто свирепствовала эпидемия тифа, и люди умирали сотнями каждый день. По утрам похоронная повозка с лошадей, на шее которой висел колокольчик, объезжала дома, команда евреев собирала трупы усопших и вывозила их за пределы гетто.

Тифом заболели мама, Дорина, Гина и Золи. Вскоре заразилась и я, но, к общему счастью, я слегла последней, но выздоровела первой. После меня встал на ноги Золи. Мама, Дорина и Гина пролежали без сознания от двух до четырех месяцев. Один только папа не заболел, и, благодаря ему, все мы, кроме мамы, остались в живых. Дорина и мама лежали спокойно, как ангелы, но у Гины болезнь протекала в другой форме: она бредила, постоянно металась в постели, колотила мужа и сбрасывала его на пол, а пару раз выпила собственную мочу. Дорина пришла в себя месяца через два. От красивой блондинки с голубыми глазами ничего не осталось, кроме костей и кожи, и долгое время она передвигалась только при помощи приспособленных для нее палок. Я продолжала вести «хозяйство» одна. Вслед за Дориной встала Гина, но и она не могла мне помогать.

Мама пролежала без сознания четыре месяца. Всё это время она, кроме жондры (жидкий кукурузный суп) и воды (принудительно), ничего не получала, но ее вес остался прежним, и, глядя на нее, трудно было представить, как тяжело она больна.

И вот спустя четыре месяца, второго февраля 1942 года, она вдруг зашевелилась и открыла глаза. Я лежала рядом с ней и первой почувствовала это. Вскрикнув: «Мама жива!», я бросилась ее целовать. Все собрались возле мамы, счастье наше было безгранично: наконец-то наша семья опять в полном составе (Золи и Гину мы давно уже считали членами нашей семьи). В тот день в доме царила совершенно другая атмосфера: все оживилось, болтали, смеялись, будто к нам вернулась не только мама, но и сама жизнь. Я же, забыв о своих обязанностях, не отходила от мамы, рассказывая ей со всеми подробностями обо всем, что происходило во время «ее отсутствия». С наступлением сумерек мы, как обычно, легли спать (жили без света), и я заняла почетное место рядом с мамой. Всё еще болтая, я уснула в обнимку с ней, своей любимой матерью, которой, как я с гордостью считала, помогла выжить, чувствуя тепло ее тела и ее горячий поцелуй. Счастливая и умиротворенная, я спала до утра. Когда я утром проснулась, все еще спали. Я боялась шелохнуться, дабы не разбудить маму, но, взглянув на нее, я обомлела. Рядом со мной не было моей

пышной мамы: за ночь от нее ничего не осталось, кроме кожи да костей. Куда делась моя мама? Что произошло? То, чего я не смогла понять, для папы стало ясно с первого взгляда, и не своим голосом он зарыдал: «Берталы! Берта!» и бросился ее целовать. Второй раз я видела плачущего папу. Потом, стараясь высвободить меня из маминых «объятий», он прошептал: «Она мертва!»

Я потеряла сознание. Пришла в себя от криков и плача, а затем увидела папу, согнувшегося надо мной, и услышала его голос: «Встань и попрощайся с мамой!» Ни встать, ни говорить я не могла и продолжала лежать, будто парализованная, как вдруг я увидела двух мужчин, которые сорвали с мамы ночную рубашку, затем старший схватил ее за одну ногу и поволок из дома. Я с криком спрыгнула с лежанки и побежала за ними. Он бросил маму на переполненную мертвецами подводу. В глазах помутилось, и я опять упала в обморок.

С наступлением весны 1943 года атмосфера в гетто изменилась. Люди стали потихоньку вылезать из своих нор и общаться. До нас дошли слухи, будто положение на фронте изменилось, что наступление фашистов приостановлено, что где-то даже началась контратака, что на оккупированной территории действуют партизанские отряды во главе с Ковпаком, всеми способами подрывая власть врага в его тылу. Шепотом называли какие-то имена проживающих в нашем гетто людей, которые тоже включились в сопротивление. Для нас эти слухи стали эликсиром жизни: если до тех пор мы считали, что наши дни сочтены, то теперь появилась надежда на освобождение, и каждый делал всё, что в его силах, чтобы до этого дожить. Среди многих до нас дошел слух, будто где-то в мире стало известно о нашем существовании и что принимаются какие-то меры, чтобы чем-то его облегчить. Сначала мы думали, что кто-то пустил эту «утку» для поднятия духа, но вскоре официально объявили, что в гетто начинают собирать сирот и полусирот в возрасте до пятнадцати лет для отправки в Палестину. Представители Международного Красного Креста заседали в городе Балта Винницкой области на Украине, где проходил отбор. Я подходила по этим условиям отбора, и папа, после долгих мучительных размышлений, решил, что я должна поехать в Балту. Я же об этом и слышать не хотела, и ему пришлось приложить большие усилия, дабы меня сломить. Он говорил, что неизвестно, что с нами будет, и что, если действительно появится такая возможность, пусть хоть кто-нибудь спасется, чтобы рассказать миру, что с нами происходило. Со слезами на глазах я, в конце

концов, согласилась, и в один «прекрасный» день, снабдив бутылкой воды, «пополицом» (нечто вроде питы, но без дрожжей) и семейной фотокарточкой, меня посадили на подводу вместе с десятком (или больше) других детей разного возраста и отправили на «свободу»! Какие места мы проезжали и сколько эта поездка длилась, не помню: я не переставая плакала, пока подвода окончательно не остановилась. Впереди нас стояла длинная вереница таких же переполненных детьми подвод, прибывших, очевидно, из других гетто. Нам велели оставаться на местах и ждать. Мы прибыли в «пункт назначения». Там действительно находились представители Красного Креста, но, прежде чем к ним попасть, нам предстояло пройти через «чистилище» (баня и дезинфекция), и время бесконечно тянулось.

Настали сумерки, а мы всё еще ждали. Незаметно я выползла из подводы и побежала назад, в наше «родное» гетто, где остались мои единственные родные и самые дорогие люди – папа и Дорина. Я не знала, куда идти. Не знаю, чем руководствовалась в выборе дороги. Непостижимо, как такая трусиха, какой я себя считала, решилась на эту авантюру. Настала ночь, а я шла и шла, пока не добралась до какого-то леса или просто зеленой посадки вдоль дороги. Там я решила остановиться и дожидаться утра. Я изнемогала от усталости и мгновенно уснула на траве под деревом. Проснувшись я от звука заглушенного мотора тяжелой машины и громкого многоголосого говора на немецком языке. Я ничего не видела, но поняла, что это немецкие солдаты. Очевидно, они остановили машину по надобности и при свете фонарей искали подходящее место. И вдруг они заметили меня, сжавшуюся в комок.

Не знаю, сколько их было, четверо или пятеро, с оружием и к тому же сильно навеселе. Они враз набросились на меня, подобно своре голодных волков. Они прижали меня к дереву, разорвали на мне одежду и жадно, наперебой стали добираться до моих интимных мест. Мне казалось, что эти звери не просто кусают, но едят мою плоть. Спротивляться я не могла, но кричала я не своим голосом и, рыдая, умоляла меня пожалеть, но чем больше я просила и чем громче я кричала, тем сильнее они зверели.

Я уверена, что мои крики и мольба достигли неба, потому что неожиданно они стали ругаться, оспаривая право «на первенство», и кто-то из них внезапно выстрелил. Началась общая драка. Я воспользовалась моментом и потихоньку поползла от них, пока не добралась до дороги, освещенной фарами их машины. Я попробовала

выпрямиться и тут же упала. От страха и изнеможения у меня дрожали ноги, но я не сдавалась и, как могла, двигалась вперед. Вдруг рядом со мной на шоссе остановилась военная машина. В страхе я попыталась убежать, но упала опять. Кто-то крикнул: «Halt!» («Стой!») Подняв голову, я увидела стоящего надо мной немецкого солдата. Поняв, что это мой конец, я застыла на месте, а он, схватив меня, поволок к машине и показал меня сидящему там офицеру на вид лет сорока. Вероятно, мой вид говорил красноречивей всякого объяснения, и он только спросил: «Wohin gehst du?» («Куда идешь?»), на что я ответила: «Nach Berschad» («В Бершадь»). Услышав ответ, он предложил мне сесть в машину и не бояться, а шоферу приказал уложить меня на заднее сиденье и чем-нибудь прикрыть. И взгляд, и тон офицера внушали доверие, и я попросила глоток воды. Я получила воду и плитку шоколада! Забившись в угол заднего сиденья, я со страхом ждала допроса.

От моего платица почти ничего не осталось, и на мне не было моей неразлучной желтой звезды, которую мы получили взамен документов. По моему чистому немецкому языку без акцента в ночной темноте вряд ли удастся сходу определить мою национальность, не очень выраженную внешне в детские годы. И у меня возникла идея – сыграть не еврейку. Некоторое время мы ехали в полном молчании, и вдруг офицер спросил, откуда у меня немецкий язык, на что я ответила: «От папы». Поняв, что папа немец, он опять спросил: «А мама кто?» Мой ответ был краток: «Румынка», и, не выдержав, я тут же добавила: «Они оба евреи!» Наступило глубокое молчание. Не знаю, о чем думал каждый из них, я же думала о том, что меня в лучшем случае выбросят из машины на ходу, и мысленно просила прощения у папы за то, что не дала осуществиться его мечте.

Офицер опять заговорил: «Расскажи мне всё о себе и своей семье». И я подробно, плача, ничего не скрывая, рассказала. Когда я закончила, он повернул голову ко мне и нежно сказал: «Не бойся, мы отвезем тебя домой!» И так оно и было!

Подъехав к нашему жилищу, я от души поблагодарила офицера за спасение и, закутанная в его плед, вышла из машины. Он остановил меня и, вынув из кармана блокнот и ручку, попросил написать мои точные данные на немецком и румынском языках. Еще раз поблагодарив за всё, я поплелась домой.

Мое появление в подвале оказалось для родных «приходом Мессии»: папа и Дорина сначала окаменели, а потом бросились ко мне,

обнимая, целуя и засыпая вопросами. Я извинилась, попросила дать мне помыться и поспать, обещав рассказать им всё потом. Потом я им рассказала, но... не всё, хотя по моим синякам и укусам нетрудно было догадаться, что произошло. Ни тогда, ни после они не добивались подробностей, и за это я им благодарна.

Проснулась я только к вечеру, и мне рассказали, что вскоре после отъезда «спасительная карета» опять появилась, и немецкий солдат занес нам большую картонную коробку с продуктами, аптечкой, а главное – пропуском на мое имя с правом выхода за пределы гетто.

Оказалось, что по распоряжению немецкого офицера румынский комендант гетто, прибавив мне два года, согласился взять меня на работу. Сначала я была уборщицей на кухне, а затем – переводчицей для неожиданно поступивших нескольких раненных партизанами немецких солдат. Каждый вечер я приносила домой буханку хлеба, бутылку молока и остатки еды с кухни.

Неизвестный немецкий офицер не только спас мне жизнь, но и облегчил положение всей семьи. Вот почему в своих ежедневных молитвах о здоровье и благополучии членов нашей семьи я стала молиться и за этого немецкого офицера.

* * *

Для меня кошмары наяву кончились 14 марта 1944 года, когда бойцы Красной Армии освободили гетто, за что я и оставшиеся в живых бывшие еврейские узники нацизма от всей души пожизненно благодарны им.

Завершилась война лишь год спустя, 9 мая 1945 года, однако фашизм не искоренен по сей день. То тут, то там в мире темные силы под разными названиями поднимают головы, и мы являемся свидетелями новых ужасов в исполнении фашистов, неонацистов, террористов. У них у всех один многовековой, очень глубокий корень – антисемитизм, прикрытый и неприкрытый. Его надо выкорчевать, и надеюсь я на вас, дорогие мои читатели, особенно на молодых.

Что касается меня, то я старалась как можно лучше выполнить поручение моего мудрого отца. Написанное мною кровью сердца – это не только свидетельство очевидца, но и крик души, который, я верю, не оставит вас равнодушными.



*Памятник на месте «захоронения»
жертв фашизма в бывшем гетто г. Бершадь*

Рецензия, интервью и комментарии (избранные)

...Воспоминания Жозефины Фишман (книга «Помни!», часть 1, с. 168-184) – это настоящее литературное произведение. Написанное прекрасным литературным языком, оно начинается прологом: «На протяжении всей своей послевоенной жизни, я старалась ЭТО забыть. Никогда об этом не говорила ни с кем. Я не прочла ни одной книги, ни одного рассказа о жизни в гетто и в лагерях, не смотрю фильмы о Катастрофе. Это выше моих сил. Я с трудом отрезала себя от этого периода. И сейчас, через 70 лет, в этой книге я расскажу о самом тяжелом, с чем жила один на один всю жизнь, понимая важность создания такого коллективного труда», – и завершается эпилогом: «Написав свою «Исповедь», я вдруг почувствовала, будто камень, который давил на мое сердце долгих 70 лет, вдруг упал, и мне стало легче дышать».

Ее повествование достигает высшего трагизма в рассказе о том, как она приняла воистину потрясающее решение (думаю, что его можно назвать чудовищным). Потрясенная страшным зрелищем:

в лесу, на земле, дождливой ночью ее мама принимала роды: «Родилась крошка и начала кричать, от боли кричала и роженица. Немецкий солдат вырвал из рук мамы младенца и просто выбросил в кусты, а родившую женщину застрелил», – она «зареклась»: «Если каким-то чудом я останусь в живых, детей рожать я не буду. Я не хочу, чтобы мои дети перенесли, то, что мне пришлось пережить».

В эту ночь ей было 12 лет. Через два года, когда появилась возможность уехать в группе детей-сирот с помощью Красного Креста в Палестину, отец просил ее воспользоваться этой возможностью: «...я хочу, чтобы ты осталась жива, чтобы продолжался наш род. Я хочу, чтобы ты рассказала людям, что тут делается». Она ответила: «Те, кто поедут, расскажут без меня. А в отношении продолжения рода я тебе обещаю, что у меня детей не будет. Я не хочу, чтобы мои дети прошли через то, что я прохожу сейчас». Этому обещанию она осталась верна всю жизнь.

Страшно подумать, что было бы, если бы другие девушки последовали ее примеру. Но таких, к счастью, не было. А вот второй свой отказ («пусть расскажут другие») она нарушила. И ее воспоминания стали, без всякого преувеличения, вершиной замечательной книги.

Леонид Цилевич, доктор филологии
6 мая 2017 г., гор. Хадера

* * *

Леонид Максович Цилевич (13.12.1925–1.08.2017) – доктор филологических наук, профессор русской филологии. В СССР – заведующий кафедрой филологии Даугавпилсского пединститута (позднее – университета). В Израиле – сотрудничал с музеем еврейской военной традиции и Холокоста «Энергия мужества» в Хадере.

Приведенная выше цитата – фрагмент из рецензии Л. М. Цилевича на книгу «Помни!» – сборник воспоминаний, состоящий из рассказов бывших узников гетто и концлагерей, проживающих ныне в гор. Реховоте. Этот сборник занял почетное место в музеях мира, изучающих Катастрофу. Сборник «Помни!» состоит из ста двенадцати душераздирающих свидетельств, среди которых и воспоминания автора «Я хочу, чтобы ты рассказала людям...» (слова моего отца).

Заинтересовавшись моим рассказом в книге «Помни!», московская журналистка Елена Сергеева взяла у меня интервью, которое было опубликовано 24 августа 2018 года на интернет-портале Jewish.ru под заголовком «Да, я молилась за немца...» и ставшее одной из двадцати наиболее читаемых публикаций сайта за 2018 год.

Привожу некоторые комментарии к этому интервью.

Ваши воспоминания, Жозефина, достойны экранизации.
Елена Сергеева (Москва)

Спасибо Елене за интервью. Нельзя забывать и нельзя дать забыть, что прошли наши родные.
Таня Гравиц, племянница Жозефины

Об этом невозможно забыть! И забывать – грех. Об этом надо иногда напоминать. Для детей, внуков, правнуков и вообще потомков.
Виктор Цессарский

Мороз по коже от прочитанного. Страшная война имеет страшное лицо. Такое не забывается. Но Господь хранил эту маленькую девочку. Дай ей Господи здоровья и долголетия.
Lilia Prochnov

Еврейский народ не победить! Это Богом избранный народ! Лехаим!
Игорь Бобровский

Трагедия миллионов судеб! Как бы хотелось, чтобы слово «война» никогда не произносилось!
Ольга Канюка

Боже мой, что пережили люди и эта женщина во время войны. Как такое можно было пережить?! Спасибо советскому народу и солдату за то, что уничтожили в логове этого зверя – фашизм. И вот опять войны на планете, опять беженцы.
Vera Coptu

*Завжди холоне душа... Стільки пережито і є сила жити...
не просто жити, а творити добро...Мір на Ізраїля!*

Зоя Свиницкая

*Я узбек сам. Какой ужас, что Холокост был
направлен на народ, внесший НАИБОЛЬШИЙ
ВКЛАД в развитие человечества.*

Тимур Али

Святой человек!

Крупинин Виктор

*Будьте здоровы и, по возможности, счастливы.
Давайте вместе молиться, чтобы это не повторилось
никогда. Пишите книги, пожалуйста!*

Ната Петрова



ПОДАРКИ СУДЬБЫ

Папа, мама, муж, сестра –
Вот и вся моя семья:
Подарок судьбы –
И гордость моя!

Жозефина

МОИ РОДИТЕЛИ – МОИ КУМИРЫ



Фото папы и мамы

Я думаю, что, не считая самолюбов и самодуров, между которыми, по-моему, никакой разницы нет, у каждого человека хотя бы на какой-то период жизни был свой КУМИР, то есть человек, который соответствует твоему идеалу, которого ты любишь, уважаешь, которым восхищаешься и которому стараешься во всем подражать. У меня их было два – мои родители!

Несмотря на то, что мама, Берта Вагнер, родилась в Бухаресте в зажиточной многодетной семье (пятеро мальчиков) и была един-

ственной долгожданной девочкой среди них, несмотря на то, что была любимицей всех и все баловали ее, она выросла не только красивой и умной, но и скромной и добродушной, какой осталась на всю жизнь. Она всех любила, никого не обижала и всегда была готова всем помочь. И все любили и по достоинству уважали ее.

Находясь в постоянном окружении «мужчин» и их друзей, мама и сама стала во многом на них похожа, но сохранила при этом нежность и тонкость души, любила петь, танцевать и играть «в доктора». (Впоследствии она увлеклась медициной и мечтала стать детским врачом.)

Помимо братьев и их друзей, у нее были еще и двоюродные и троюродные братья, в числе которых и ее близкий друг, а в дальнейшем жених Роби (Роберт Беркович), с которым она по окончании гимназии с согласия родителей собиралась поехать за границу изучать медицину. (Он так стал врачом.) Осуществлению запланированного помешала внезапно вспыхнувшая Первая мировая война.

Когда началась война, маме было всего четырнадцать лет, и занималась она в пятом классе гимназии. Ее старших братьев, Адольфа и Мауричу, мобилизовали, Аарон учился в Париже, а Алеку – в Берлине. «На хозяйстве» с уже немолодыми и не совсем здоровыми родителями осталась одна мама и ее младший братик Фред. А хозяйство было немалое: большой дом (двенадцать комнат) с мансардой для обслуживающего персонала и большая трехэтажная фабрика мыла и свечей (дедушкино детище), которую, как только вспыхнула война, национализировали. Это означало, что, оставаясь собственностью дедушки, фабрика должна была работать только на нужды фронта. При этом рабочие фабрики были на положении мобилизованных. Другими словами, при некоторой субсидии государства фабрика продолжала работать днем и ночью, но прибыли – никакой! Надо было что-то придумать!

Дедушкина фабрика была не единственная, работающая на фронт: в таком же положении оказались все подобные фабрики, в результате чего, оставшись без мыла, люди готовы были переплачивать, лишь бы достать кусочек мыла хотя бы для детей. Предусматривая возможность «утечки» продукции, армия прикрепила к каждой фабрике своего представителя. К нам попал молодой красавец лейтенант Мирча, которому дедушка предложил «casa și masă» (жить у нас на всем готовом), от чего, естественно, он отказаться не смог.

Случилось так, что, увидев маму, он полюбил ее, а она, посоветовавшись с отцом, под прикрытием своего обожателя стала вывозить

ящики мыла (на семейной карете) на «черный рынок». Таким образом, финансовое положение семьи опять расцвело.

Открытись от своего обожателя маме помог дядя Роберт, который, появившись вдруг неизвестно откуда, представился официальным женихом мамы. Было это незадолго до окончания войны. Несолоно хлебавши лейтенант Мирча, красиво попрощавшись со всеми и, с разрешения дедушки, поцеловав маму, вернулся в свою часть.

К тому времени, когда кончилась война, мама уже успела окончить гимназию, но поехать с Робертом за границу, дабы продолжить учебу, отказалась: «Не могу же я оставить родителей на произвол судьбы», – объяснила она. Никакие уговоры Роби не помогли: она настояла на своем, а, положив руку на сердце, не согласиться с ней нельзя было. Мама отказалась от поездки на учебу, но не от медицины. Добавив стеллажи к семейной библиотеке, она заполнила их медицинской литературой. В доме появились «Медицинская энциклопедия» и «Фармакологический справочник», учебники, справочники и периодические медицинские журналы. Она стала самостоятельно и очень серьезно заниматься медициной, и, когда бабушка Рахель окончательно слегла (у нее были варикозные ноги), мама стала правой рукой нашего семейного врача.

Демобилизовавшись после окончания войны, мамыны братья вскоре поженились и покинули отчий кров вопреки желанию родителей. То же самое сделали Алеку (по окончании учебы в Берлине) и Аарон, обосновавшийся после учебы в Париже. Что касается «мизинца», Фреда, то он еще занимался в гимназии. Позже, отслужив сначала в армии, поехал к брату в Париж изучать искусствоведение. Во время Второй мировой войны «прямым сообщением» из Парижа, по воле фашистов, обоих братьев отправили в Освенцим (нацистский лагерь смерти в Польше), где они и были испепелены.

Помогать больному, уже состарившемуся отцу в ведении фабрики пришлось маме, и, по словам дедушки, она с этим неплохо справлялась.

Таково было положение вещей в семье матери, когда в один прекрасный день появился мой будущий отец – Бернард (Барух) Дорман.

В отличие от мамы папа родился в небольшом еврейском местечке Каменка на берегу реки Днестр (Украина), входящем в то время в состав Российской империи. Родился он в семье бакалейщика и был старшим из четырех сыновей. Хотя учиться он любил, дальше семилетки папа

не пошел, так как в Каменке старших классов не было, и, еще будучи подростком, он стал помогать отцу в магазине, пока его не призвали в армию.

Отслужив долгую и тяжелую военную службу в рядах кавалерии царской армии, наслаждаться свободой долго ему не пришлось: как только пришла очередь их «мизинца» пойти в армию, пожалев родителей, папа пошел (уже во второй раз) служить в армию вместо всеми любимого братишки Зейлика. Папа еще служил, когда вдруг вспыхнула война (Первая мировая), и он вскоре оказался на передовой, откуда и попал в плен к немцам.

«От судьбы не уйдешь», – говорят в народе. В то время как папа вторично служил вместо братишки и, попав в плен, остался в живых, Зейлик – прекрасный пловец, выросший на берегу Днестра, – утонул!

В Германии папа пережил войну, в основном в семье некоего немецкого фермера, который, поручившись за папу, забрал его к себе на работу. Там он и познакомился с другим русско-еврейским пленником (Герш Пекельман), с которым впоследствии дружил на протяжении нескольких десятков лет.

Молодые, красивые, здоровые парни не могли оставить равнодушными трех дочерей фермера, которые, не скрывая свои чувства, ухаживали за ними. Девушки были не первой молодости, их женихи погибли на войне, а в селе остались одни старики и инвалиды. Вот почему фермер, уступив просьбе своих дочерей, в один прекрасный день «сделал им предложение»: каждый должен был выбрать себе невесту. «В противном случае, – грозился он, – я завтра же утром верну вас в лагерь с такими характеристиками, что вам несдобровать!» Вежливо, но категорически оба они отказались под предлогом, что у каждого из них была ожидающая дома невеста.

В ту же ночь, благодаря по уши влюбленной в папу старшей дочери фермера, снабдившей их всем необходимым на пару дней и картой, им удалось удрать оттуда. Началось скитание, которое длилось несколько лет, несмотря на то, что война уже давно закончилась. Они добрались до Румынии. Двинуться дальше уже было некуда, так как после заключения мирного договора их семьи оказались на территории новоиспеченного Советского Союза, куда даже мухи залететь не могли: вдоль всех границ необъятной страны был воздвигнут незримый, но хорошо ощутимый железный занавес! К счастью, судьба свела их с моим дедушкой, благодаря которому им удалось осесть в Бухаресте.

Дедушка Кальман Вагнер был известен в Бухарестской еврейской общине как человек с большим сердцем и открытой рукой, а потому нередко были случаи, когда к нему обращались за помощью. На сей раз его попросили помочь двум еврейским молодым людям, нелегалам, которым грозила высылка из страны. Один из них был папа, второй – его друг Герш. О том, что они, бывшие солдаты царской армии, сбежали из немецкого плена, дедушка узнал из их уст после того, как он их не только приютил, но и устроил работать на своей фабрике. Понадобилось немало времени и денег, пока они оба получили временное, но официальное разрешение жить и работать у дедушки, который за них поручился.

Поблагодарив дедушку от души от имени обоих, папа добавил: «Вам никогда не придется об этом сожалеть. Обещаю!» Слово свое он сдержал с честью. Более того, быстро и хорошо усвоив производство, он полностью освободил маму от работы на фабрике, став дедушкиной правой рукой. Вскоре дедушка полюбил его, как родного сына.

Папа, в свою очередь, полюбил маму, но, боясь испортить отношения с дедушкой, держался от нее подальше, не подавая виду. Ничего об этом не подозревая, Герш, настоящий Аполлон, стал открыто ухаживать за мамой. Свободное время, как правило, они проводили втроем. Что касается мамы, то она с удовольствием взяла шефство над обоими: она стала их учительницей румынского языка (до тех пор они общались на еврейском), снабжала их книгами, водила в театры и в кино, на концерты и в музеи, а по воскресеньям вместе выезжали за город.

Время шло, здоровье дедушки стало постепенно ухудшаться, и это его насторожило. Недолго думая, он подозвал папу к себе и безо всяких обиняков спросил:

– Чем моя Берта тебе не нравится?

Папе пришлось открыть карты. Искренне обрадовавшись, дедушка тут же воскликнул:

– Ну и дурак же ты! – и, рассмеявшись, сказал: – Неужели ты не замечаешь, как Герш всеми силами добивается ее?

Сделав небольшую паузу, дедушка добавил:

– Я не намерен повлиять на ее выбор, но признаюсь: если бы она предпочла тебя, я был бы счастлив!!

Сказав это, дедушка прослезился. Очевидно, он уже тогда предчувствовал свой приближающийся конец, ибо вскоре после этого разговора дедушка внезапно скончался: сердечный приступ! В своем завещании дедушка оставил бабушке Рахель дом, а маме – фабрику,

добавив, что, при желании, сыновья могли стать акционерами. К всеобщему удивлению, дедушка назначил папу бессменным генеральным директором фабрики до тех пор, пока мама не выйдет замуж.

После разговора с дедушкой папа потерял покой: на весах, с одной стороны, была крепкая мужская, годами проверенная дружба с Гершем, с другой – его искренняя любовь к маме! Перевеса не было! Задача заключалась в том, как добиться руки мамы, не теряя при этом дружбы с Гершем. Разговор был короткий. Приняли решение продолжать дружить втроем, пока мама сама не сделает свой выбор. Оба они надеялись на судьбу.

Оказалось, что мама свой выбор сделала, как только они появились на ее горизонте: она полюбила папу с первого взгляда, но изо всех сил старалась не подавать виду. Мама мечтала, что настанет день, когда о н сделает ей предложение. (С дядей Робертом она уже давно порвала отношения, перестав отвечать на его письма.) Но папа молчал.

Спустя год после смерти отца, мама сама сделала папе предложение, и они поженились в день рождения папы. Дата оказалась счастливой!

Дяде Гершу ничего не оставалось, как принять решение мамы, поздравить и пожелать им обоим большого семейного счастья. Они с папой остались друзьями на всю жизнь, а я, по приезде в Израиль, первый визит нанесла ему с семьей. (Всё, о чем я написала, я узнала тогда из его уст!)

В день свадьбы в качестве подарка бабушка преподнесла молодоженам документ, согласно которому она дарила им свой дом! В том доме мы с Дориной и родились, и провели самые счастливые годы жизни в атмосфере безграничной любви: папа любил маму, мама любила папу, оба любили нас, а мы с Дориной любили их.

Всем было хорошо, пока длинные когти фашизма не вцепились в Румынию тоже. О том, что произошло с нашей семьей в годы Холокоста, я подробно рассказала в «Еврейской трагедии».

Мои родители любили друг друга и нас с Дориной до последнего дыхания и делали всё, что было в их силах, дабы не только сохранить, но и облегчить и украсить нашу жизнь. Уходя из жизни, оба они оставили после себя абсолютно чистый след, а у знающих их людей – светлую память.

Да будет пухом им земля!

МОЯ СЕСТРА – «СОРВИГОЛОВА»

Дорина – моя старшая и единственная сестра, одна из первых людей, которых я увидела, появившись на свет, и которую, несмотря на то что мы с ней были совершенно разные, я любила всей душой. За всю нашу довольно долгую жизнь мы ни разу серьезно не ссорились и всегда, хотя бы морально, поддерживали друг друга.

Родилась она, как и я, в Бухаресте (Румыния), но раньше меня на пять лет. Она родилась красивой и такой же осталась, пока страшная болезнь не коснулась ее. По просьбе папы она носила имя его любимой матери (Двора), и с самого появления Дорины на свет и до конца своей жизни он ее безгранично любил. Она была его любимицей, и, как бы он ни старался это скрывать, я это чувствовала с самого раннего детства. Дорина была «папиной доченькой», а я была «маминым хвостиком» (так меня прозвали)! Не по своей вине я папу «подвела», родившись девочкой: он мечтал о мальчике, чтобы назвать его именем своего покойного отца, Иосифа. Как только я зашевелилась в мамином чреве, он стал говорить со мной, называя меня «Йосалы». (Несмотря на то, что меня называли Жозефин, для него я никогда не переставала быть Йосалы, и из его уст это стало моим ласкательным именем. Он и умер с этим именем на губах!)

По рассказам родителей, Дорина появилась на свет со страшным криком и переставала кричать только тогда, когда мама «затыкала» ей рот своей грудью. Это привело к тому, что к шестимесячному возрасту она уже весила шестнадцать килограммов! Пришлось срочно посадить ее на «диету»: ее стали кормить только четыре раза в день, и только в дневное время. «Диета» помогла: она не только перестала поправляться, но и стала сдавать в весе. Год спустя она уже достигла нормального для детей своего возраста веса и даже перестала кричать! Кричать она перестала, но начала плакать. Бабушка Рахель, мамина



Дорина

мать, прозвала ее «плаксой», и до самой своей смерти она Дорину иначе не называла.

Пока бабушка жила, к ней была прикреплена медсестра, которая одновременно помогала маме с Дориной, но, как только Дорина начала ходить, специально к ней пригласили молодую женщину, прошедшую после гимназии специальные курсы гувернанток. Звали ее Каролина.

Справляться с Дориной Каролине было нелегко: она ни минутки на месте не сидела. «Perpetuum mobile» прозвал ее дядя Роберт, мамин бывший жених, который, поехав в Берлин на учебу, потерял невесту. А мама, доверив Дорину Каролине, вернулась на работу (она помогала папе в управлении фабрикой).

Дорине было около трех лет, когда с разрешения мамы Каролина с Дориной пошла в Луна-парк («Mosi»). Туда приехал какой-то бродячий цирк. Сцену построили высокую, чтобы артистов было хорошо видно. Подниматься на сцену нужно было по лестнице, а публика смотрела стоя: сидений не было. Каролина взяла Дорину на руки, чтобы ей было лучше видно. Вдруг Дорина попросилась в туалет, и они пошли туда. Там была очередь, и пришлось подождать. Дорина стояла рядом с Каролиной. Вдруг ее не стало. Испуганная Каролина начала ее окликать, но ответа не было, и она пошла ее искать. Вдруг услышала громкий хохот зрителей. Посмотрев на сцену, она увидела там танцующую под звуки музыки Дорину рядом с клоуном. С трудом пробравшись к сцене, она окликнула Дорину и велела ей немедленно сойти со сцены. Но не тут-то было! Она вошла в «роль», а клоун ей подыгрывал. Публика была в восторге. Когда по просьбе Каролины музыканты перестали играть, Дорина красиво поклонилась и ушла со сцены под бурные аплодисменты публики. Спускаясь по лестнице, она споткнулась. Благо, что клоун, который пошел вслед за ней, вовремя ее подхватил и на руках «преподнес» ее Каролине. Подумав, что она мать Дорины, он похвалил «ее» ребенка и предложил сделку: он был готов взять Дорину в свою труппу.

Дома за ужином Каролина рассказала о случившемся. Улыбнувшись, папа сказал:

– Она пошла в свою маму! (Мама, действительно, была очень музыкальна, любила петь и особенно танцевать, и, когда мы немного подросли, она научила не только нас, но и папу танцевать.)

Помню, я еще не ходила в школу, когда наш сосед, владелец летнего ресторана, куда мы обычно по вечерам ходили кушать антрекоты и шашлыки под звуки цыганской музыки, выдавал замуж

свою единственную дочь и устроил свадьбу, как в сказках. Это была румынская свадьба. Мне казалось, что он пригласил туда весь город, такая масса народу там была.

Большая асфальтированная площадка, где обычно стояли столики, превратилась в танцплощадку, а вокруг нее, на траве, было несколько рядов столов, которые ломились от всяких яств. Запомнилось мне, что, помимо всего, каждому гостю, включая нас, детей, подавалось по целому жаренному на вертеле цыпленку. Где-то в стороне стояли бочки с вином и пивом, музыка беспрерывно играла, и все танцевали. Детям выделили отдельную небольшую площадку, где обычно играли цыгане.

Мама с папой не пропускали ни одного вальса, и, как мне показалось, танцевали они красивее всех. Мы с Дориной танцевали на детской площадке. Время от времени папа приглашал танцевать свою барышню, Дорину, которой тогда уже было то ли десять, то ли одиннадцать лет, а мама приглашала меня. Так мы протанцевали до утра. Это была моя первая в жизни бессонная ночь.

Ходить в школу Дорина не любила, хотя была умной, развитой и способной ученицей. Всё хватала на лету! Во-первых, ей не нравилось ходить в школу и назад «под надзором». (Каролину она прозвала «надзирательницей».) Во-вторых, ей не нравилось, что там не было мальчиков (это была школа для девочек), а главное, что ей мешало, была дисциплина. Это было совсем не в ее духе. Нередки были случаи, когда она «отлучалась» из школы и часами бродила по городу. Это было ее самое большое удовольствие, за которое потом приходилось «расплачиваться». Но всё равно: игра стоила свеч! Ни Каролины, ни учителей, ни мамы она не слушалась. Даже папы она не боялась, хотя при всей его к ней любви он бывал с ней очень строг.

В начале тридцатых годов на нашей улице стали рыть глубокую траншею: меняли канализацию. Несмотря на то, что на каждом шагу поставили предупредительные таблички, мальчишки все-таки, поспорив между собой, перепрыгивали канавы. Однажды, желая доказать, что она не хуже их, Дорина тоже прыгнула. Домой она вернулась с окровавленным лицом и одним передним сломанным зубом. Благо, что это был еще молочный зуб. После этого случая у нее остался шрам на лбу между бровями на всю жизнь, но ее красе он несколько не мешал.

В другой раз (я этого никогда не забуду) испуганная Каролина пожаловалась на Дорину. Она рассказала, как, оторвавшись от нее,

Дорина побежала за трамваем и на ходу прыгнула в него. Сняв ремень, папа ударил ее по мягкому месту и потребовал, чтобы она пообещала, что такого больше не будет. Увидев это, я заплакала, бросилась к папе и попросила его перестать, в то время как она не переставала твердить: «Буду! Буду! Буду!» Папа опять поднял на нее руку, но тут подбежала мама и спасла ее. Я подошла к Дорине, желая ее утешить, а она, оттолкнув меня, презрительно обозвала меня «мямлей» и, подойдя к папе, поцеловала его, сказав: «А я тебя всё равно люблю!» Однако, при всей своей к нему любви, от своей привычки, как и обещала, не отказалась.

Начальная школа была недалеко от нашего дома, и по утрам, взяв нас обеих, Каролина сначала провожала меня в школу, а затем она с Дориной шла к трамвайной остановке: гимназия находилась в центре города, и туда они ехали на трамвае. Попасть в трамвай в часы пик было нелегко, и зачастую приходилось дожидаться следующего трамвая. К тому же мальчишки очереди не соблюдали, и, как только трамвай появлялся, они оказывались первыми. Другое дело Дорина: она была «воспитанной» девушкой, а потому она пропускала всех вперед, и, только когда трамвай трогался с места, начинала его догонять и на ходу вскакивала на ступеньку. Иногда так, на ступеньке, она проезжала несколько остановок, хотя на каждой остановке была возможность влезть в вагон. Но это было не интересно! В таких случаях она Каролину чуть не доводила до инфаркта, но отучить ее от этого никому не удалось, пока однажды кто-то не записал название школы и ее личный номер и не сообщил в школу. (Форма ее гимназии была черного цвета с белыми вышитыми воротничком и манжетами, а на левой руке выше локтя летом на форме, а зимой на пальто был пришит черный лоскут, на котором нитками золотистого цвета было вышито название школы и ее личный номер.) В результате Дорину исключили из гимназии. Полгода она занималась с репетиторами и находилась «под домашним арестом»! С начала нового учебного года ее перевели в другую, еврейскую, гимназию имени Гольдфарба, где все предметы, включая Танах и историю нашего народа, преподавались на румынском языке. Там она нашла свое место и стала одной из лучших учениц класса. Учебу пришлось прервать в связи с приходом легионеров (румынских фашистов) к власти. Случилось это по окончании пятого класса гимназии.

Что касается меня, когда по окончании начальной школы родители захотели записать меня в первую гимназию (она была одна из самых

респектабельных в городе), директриса заколебалась. Лишь после того, как познакомилась с моими оценками и характеристикой, она согласилась меня принять. Жалеть ей об этом не пришлось!

Дома у нас была очень богатая библиотека, в которой почетное место занимала литература по медицине. Медицину мама не только изучала, но и применяла, в основном на нас, детях. Были полные собрания сочинений классиков и современных писателей. С появлением Дорины на свет – детской художественной литературы тоже.

Желая привить детям вкус к чтению, мама сама перед сном долго нам читала. Для меня ее библиотека стала настоящим кладом: я очень рано начала читать, и чтение для меня по сей день не хобби, а эликсир жизни. Другое дело Дорина: она очень быстро переключилась на другую литературу – приключенческую, а позже – бульварную, которую она сама себе подбирала и читала, пока мама об этом не узнала и не установила на них запрет.

У нас с Дориной были отдельные смежные комнаты, но общая ванная и туалет. Превратив наш общий туалет в личную читальню, она, совершенно не считаясь со мной, создала мне большие неудобства, но я терпела и маме ничего не говорила: я очень любила Дорину.

Еще будучи в садике, где были и девочки, и мальчики, она сделала свой выбор – мальчики! С ними она дружила и вместе с ними «издевалась» над девочками, дергая их за косички и подставляя ножку, чтоб упали. Насколько мне помнится, у нее никогда не было девушки-подружки, одни мальчики! Как среди соседских детей, так и в садике. Девочки ее боялись! Я же с детства дружила с двумя девочками – близнятами из хорошей интеллигентной семьи, Вероникой и Любовью, с которыми я потом ходила и в садик, и в школу, и в гимназию. Мы были неразлучны, хотя у меня параллельно были и другие подружки.

С мальчишками Дорина находила не только общий язык, но и общие «развлечения»: однажды дошло до того, что решили напугать девочек. И вот летним вечером, когда у соседей справляли именины ее ровесницы (ей тогда было около десяти лет), а ее не пригласили, она уговорила нескольких мальчиков пойти к ней «в гости» без приглашения. (У нее зародилась идея!) Взяв из дому по простынке, они нарисовали на них образ дьявола, прорезали отверстия для рта и глаз, приспособили рога и когти и, дождавшись, пока во дворе остались одни дети, ворвались в их двор. Был уже вечер! Можно себе представить, что там произошло!

У нас в это время были гости, мы тоже сидели у себя в саду и о затее Дорины, естественно, ничего не знали. Вдруг к нам во двор ворвался наш сосед с замаскированной Дориной. Испугавшись, я тут же бросилась к маме и сильно к ней прижалась. Содрав с Дорины простыню, сосед повел ее к папе и рассказал, что произошло. Мы все обомлели! Освободившись от меня, мама подбежала к ней, а папа подошел к соседу, извинился перед ним и пообещал, что подобное не повторится. Это, действительно, не повторилось: они придумывали разные другие «игры»!

«Сорвиголовой» прозвала ее Каролина, и с этим прозвищем она жила, пока, повзрослев, не взялась за ум.

Выпроводив соседа, папа вернулся и пошел в сарай. Взяв оттуда толстую веревку, подошел к Дорине и, ничего не говоря, потащил ее к одной из сосен во дворе и в присутствии гостей снял с нее одежду, оставив ее в одних трусиках. Затем, привязав ее к дереву, сказал:

– Ты будешь тут, пока не попросишь прощения и не пообещаешь, что такое больше не повторится! Поняла?

– Поняла, – ответила она, но не извинилась.

Вечер был испорчен: гости вскоре ушли, а папа, взяв меня на руки, не обращая внимания на Дорину, сказал мне:

– Пошли! – и мы зашли в дом.

– Изверги! – крикнула Дорина нам вслед.

Подождав, пока папа уснул, мама в ночной рубашке побежала ее освободить. (Не думаю, что Дорина сказала хотя бы «спасибо».) С папой она больше месяца не разговаривала. Атмосфера в доме была натянутой. Первым нарушил молчание папа. Был вечер пятницы. Мы сидели за столом и ждали, пока папа сделает «кидуш» (молитва). Пригубив бокал с вином, он сказал:

– Да будет мир в этом доме! – и после короткой паузы, обращаясь к Дорине, добавил: – Прости меня, дочка!

Встав из-за стола, Дорина бросилась ему на шею, поцеловала и воскликнула:

– Ты лучший отец на всем белом свете, и я тебя очень люблю. Прости меня, я больше не буду!

И они «заклучили мир»! Но ненадолго!

Помимо больших прогулочных саней, в которые зимой запрягали Бэйби (нашу любимую лошадь), у нас были и «ручные» длинные сани для четырех человек. Недалеко от нашего дома была доволь-

но высокая горка, с которой по выходным мы всей семьей любили спускаться на санях. Нередко случалось, что под ударом следующих за нами саней с криками и хохотом, будто снежные колобки, мы докатывались до подножья горки без саней. Это были незабываемые вылазки, но только для семьи.

У нас с Дориной были небольшие детские санки на одного-двух детей, которыми мы обычно пользовались вблизи дома, катаясь вместе с другими детьми. На большие семейные сани был запрет. Но не для Дорины!

Было это перед Новым годом. Во время зимних каникул мы должны были поехать в горы, в город Синай. Между прочим, там находится «Зимний дворец», куда обычно зимой приезжала королевская семья. Все с нетерпением ждали отпуска, и каждый по-своему к этому готовился. Номера в гостинице были давно уже заказаны. Всем купили новые лыжные костюмы, а нам с Дориной пошили новые зимние пальтишки (голубые с белыми меховыми манжетами и воротниками), а к ним – белые меховые шапочки. Хотя уже стояла красивая снежная зима, нам было сказано, что обновлять мы их будем только перед отъездом.

И вот за неделю до отъезда Дорина вдруг явилась домой с побитым лицом, порванным новым пальто и поломанными большими санями. Ей тогда было лет тринадцать! Оказалось, что, взяв без разрешения родителей большие сани и нарядившись во всё новое, она пригласила на прогулку свою «пассию» (ее ровесника), «запрягла» в сани двух друзей, а сама со своим парнем села в сани и погнала «жеребцов» на горку. «Жеребцы» оказались норовистыми, и Дорина с другом очутились в какой-то канаве, в результате чего он оказался в больнице с переломанной ногой, Дорина – под «домашним арестом», а папа, мама и я поехали в Синай. Там, сверх всякого ожидания, однажды я увидела свою «старую любовь» – принца Михая. Я была на вершине счастья!

Приняв решение поехать без Дорины, папа, по всей вероятности, намеревался наказать Дорину. Но на самом деле наказанной оказалась не она, а Каролина, с которой она осталась.

Став «барышней» уже в девять лет, Дорина очень быстро и красиво развивалась. Блондинка с зелеными глазами, стройная и вездесущая, она обращала на себя внимание. Ей было уже лет пятнадцать, занималась она в гимназии, и парни из соседнего мужского лицея ей

проходу не давали, несмотря на то, что рядом с ней была бессменная Каролина. И вот однажды она попросила у мамы разрешения пойти на именины какого-то парня, который ее пригласил. Уточнив, из какой он семьи, и убедившись в том, что это были уважаемые люди, она дала свое согласие, но с условием, что Дорина возьмет меня с собой. Сначала она ни за что не соглашалась, но, не сумев переубедить маму, взяла меня с собой.

Всё было так, как предполагалось: жили они в самом центре города в новом многоквартирном доме, квартира была большая и очень богато обставлена, а большие хрустальные двери как бы разделяли огромный зал на два больших салона. Я впервые попала в такой дом, и мне очень понравилось. Понравилось мне всё, кроме атмосферы. Как я потом поняла, это были не именины, а устроенная в отсутствие родителей и прислуги молодежная вечеринка. Ясно, что я оказалась не ко двору. Было там около десяти ребят и столько же девочек. Мое появление сначала удивило и смутило всех, но после того, как они что-то выпили, никто больше не обращал на меня внимания. Вскоре включили музыку, и все они, тесно прижавшись друг к другу, стали танцевать.

Не знаю, чья это была идея, но кто-то вдруг вынес патефон за дверь, перетащил туда грудку пластинок и, взяв меня за руку, вывел из салона и попросил не отходить от патефона, постоянно меняя пластинки, и проследить, чтобы музыка не переставала играть. Сначала я была польщена поручением, но вскоре, когда они закрыли дверь, оставив меня одну в огромном салоне, мне стало как-то не по себе, и я захотела домой. Перестав менять пластинки, я надеялась, что, не услышав больше музыку, кто-нибудь выйдет ко мне, и я попрошу Дорину выйти. Вопреки моему ожиданию, никто не вышел: как я позже поняла, они уже были в таком состоянии, что на музыку никто не обращал внимания. Обратили они внимание только тогда, когда я открыла дверь и позвала Дорину: ее я заметила в каком-то углу. Она целовалась с «виновником торжества». Остальные, кто лежал, кто сидел, делали то же самое.

Не знаю, как я осмелилась, но увидев, что Дорина то ли не услышала, то ли не захотела услышать меня, я подошла к ней, схватила ее за руку и скомандовала:

– Пошли домой! Я маме всё расскажу.

Не дождавшись Каролины, на трамвае мы сами поехали домой. По дороге я прошла соответствующую «обработку», в результате

чего я никому ничего не рассказала, а перед Каролиной извинилась я, взяв вину на себя.

На следующее утро Дорина меня поцеловала и сказала: «Спасибо! Ты умница!» – но меня с собой больше никогда не брала.

Да и ей долго не пришлось «кайфовать»: с приходом легионеров (фашистов) к власти в Румынии в конце тридцатых годов прошлого столетия пришел конец нормальной жизни в стране для всего населения. Что касается евреев, то для нас наступила черная полоса: начались национализация имущества, притеснения, погромы и издевательства вплоть до убийства. Под лозунгом «Спасайся кто может!» евреи стали покидать насиженные места и искать счастья в других краях. Мы попали в Советский Союз. Это был август тысяча девятьсот сорокового года. Вступили мы в него «левой ногой»!

Первый удар – ограбление: кроме альбома с семейными фотографиями, нам больше ничего не оставили. Вторым ударом (для меня) было расставание с родителями на протяжении целого года, когда, устроившись на работу в городе Черновцы (Западная Украина), папа, желая облегчить нам с Дориной акклиматизацию, оставил нас в Вертужанках (еврейское местечко на берегу Днестра в Молдавии), где жила его родственница, а маму забрал с собой для устройства нового семейного гнезда. Мне было тогда одиннадцать лет, а Дорине – шестнадцать. Впервые в жизни я оторвалась от мамы и разлуку переживала очень тяжело, хотя тетя Фейга, у которой мы остались жить, относилась к нам, как к собственным детям (которых у нее не было), да и окружающие относились к нам доброжелательно. Кроме того, тот факт, что мы попали в молдавскую школу (я – в шестой класс, а Дорина – в десятый), нам значительно облегчил занятия, и потому проблем с учебой у нас не было. Мы успешно закончили там учебный год, в то время как наши родители, получив брошенное немецкой семьей добротное хозяйство (они удрали от русских в Румынию), создавали для нас уют и устраивали наше будущее.

Что касается Дорины, то, на мой взгляд, тот год был самым счастливым в ее жизни: она наконец получила то, о чем мечтала – свободу и самостоятельность. Никто в ее жизнь не вмешивался, и она наслаждалась жизнью: ни дома, ни в школе у нее никаких проблем ни с кем не было. Наоборот! Ее все любили и уважали, а мальчики, ее ровесники, ей проходу не давали. Она же благосклонно принимала их ухаживания, но их держала на расстоянии. Она ими играла, как кошка с мышками, и ей это доставляло большое удовольствие.

Год для нее пролетел, как в сказке, и, если я по окончании учебного года (двадцатого июня тысяча девятьсот сорок первого года!), попрощавшись со своими новыми друзьями, «летела» к маме с папой, то Дорина уезжала без особого энтузиазма: она прекрасно понимала, что ее полной свободе приходил конец.

Конец, действительно, пришел, но не тот, какой она ожидала: на следующий день после нашего «воссоединения» с родителями – двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года, ровно в четыре часа утра на Черновицы была сброшена первая и единственная бомба. Это было начало Великой Отечественной войны, продлившейся четыре года, во время которой наша семья находилась в аду: гетто в Черновицах, депортация, гетто в Бершади (Транснистрия) и тяжелый послевоенный период. Всего этого мне никогда не забыть!

Помимо нашей любимой мамы, война отняла у нас с Дориной самые красивые годы в жизни человека – детство и отрочество. Мы повзрослели за одну ночь, проведенную в Косоуцком лесу. Посреди сильного ливня, при непрерывном грохоте грома и сверкании молний, солдаты забрали мужчин (в том числе и папу) и заставили их рыть огромную яму, в которую потом бросили трупы расстрелянных ими стариков и младенцев, немощных людей и беременных женщин. Потом «могильщики» оказались в той же яме. Папа спасся, удрав оттуда.

Там же в то же время маме пришлось принимать роды у молодой женщины, которую солдат тут же застрелил, вырвал новорожденную крошку из рук мамы и выбросил ее в кусты. Мы с Дориной оказались свидетельницами этой сцены, которая повлияла на всю нашу дальнейшую жизнь: я решила, что лучше умереть, чем так жить, и если не покончила с собой, то только из жалости к своим родителям, которые не смогли бы это пережить. И всё же, думала я, если каким-то чудом я останусь в живых после таких мытарств, то никогда не выйду замуж, чтобы не рожать детей. «Никому такая жизнь не нужна», – решила я. Другое дело Дорина! Она решила, что, вопреки всему, за жизнь нужно бороться, и по мере возможности помогать и другим выжить. Куда делась моя «Сорвиголова»?

Нас погнали дальше, точно скот, по болотам Восточной Украины (Транснистрия), и сопровождавшие нас солдаты начали беспощадно расстреливать отстающих. Оставив меня с мамой, папа взял с собой Дорину, и они вместе стали помогать немощным прибавить шаг.

Вскоре к ним присоединились и другие мужчины, а Дорина стала «вербовать» молодежь, организовав молодежную «бригаду». Там и тогда судьба свела ее с Суней!

Суня был ее ровесником, родом из Молдавии. Изгнали его из местечка Липканы вместе с матерью и двумя младшими братьями, которым он перепоручал мать, пока помогал другим одиноким матерям. У него, по словам папы, было золотое сердце, и потому, когда Дорина вдруг исчезала, в отличие от мамы, он не переживал: он знал, что Суня где-то рядом с ней, и был спокоен за них обоих. А они, действительно, не отрывались друг от друга. Он всячески помогал ей, а вместе они помогали другим. Так начался их роман, который продолжался недолго, в связи с тем, что Дорина вскоре «вышла из строя» и идти дальше не могла: у нее была очень высокая температура. Оторвавшись от колонны, мы, того не зная, попали в гетто в Бершади.

Оказалось, что Дорина заразилась брюшным тифом, которым потом заразила всех нас, кроме папы, и от чего впоследствии умерла мама. Дорина в очень тяжелом состоянии, без сознания, с высокой температурой (без медикаментов!) пролежала около двух месяцев. За это время она сильно похудела и еле держалась на ногах. (Папа приспособил ей палки вместо костылей.) Впервые после болезни попав на улицу, она встретила Яшу, своего ровесника, простого местного парня, с которым впоследствии связала свою жизнь.

Когда Дорина с Суней встретились вторично в Бершади, где он с семьей также оказался, она была уже замужем за Яшей. Кроме того, вскоре Суня попался во время облавы, его куда-то увели на работу, и они опять потеряли друг друга. Но не навсегда: они встретились двадцать лет спустя, когда оба, нахлебавшись немало горя в супружеской жизни, стали искать выход. «Чему быть, того не миновать», – гласит пословица.

Суня, подобно Дорине, был еще гимназистом, когда началась война, которая не только лишила его возможности продолжать учебу, но и исковеркала его жизнь. Пройдя через депортацию, гетто и принудительный труд у немцев в течение трех лет, он вернулся домой, где его ждала семья, о которой нужно было заботиться (отец с фронта не вернулся). Не имея специальности, он пошел на тяжелую малооплачиваемую работу. Воспользовавшись его положением, Розе, дочери состоятельного отца, успевшей окончить гимназию до войны (она была старше Суни на шесть лет), без особых усилий удалось

запутать его в своих сетях. Хотя он тяжело работал, удовлетворить ее высокие потребности да еще помогать своей матери и братьям ему никак не удавалось, в чем она его постоянно упрекала. Пришлось согласиться получать «подачки» (по словам Розы) от ее отца. Положение было унижительное. А когда отец Розы умер, оно стало просто невыносимым.

Прошли годы, дети уже подросли, но Роза работать не собиралась: это было ниже ее достоинства. И вот тогда он решил поступить в вечерний техникум. Там он и встретил Дорину. У Дорины в то время было двое детей: Карлуша уже оканчивал школу, а Танюше шел третий годик. Из-за того что не на кого было оставлять малышку по вечерам, Дорина зачастую брала ее с собой на занятия. Танюша стала любимицей группы, а Дорина оказалась в центре внимания всего техникума.

У Дорины к тому времени был муж – пьяница и развратник, который дома редко бывал, всю зарплату пропивал, и хотя он Дорину (по его словам) очень любил, ни о ней, ни о детях не заботился, полностью полагаясь на папу и на меня. У Суни была жена-пила и трое детей. Казалось бы, положение безвыходное, и они «тянули лямку». Но нет! Из вспыхнувшей в ранней молодости в нечеловеческих условиях искры любви при очередной встрече возгорелось пламя с такой силой, что «обожгло» их обоих. Они полюбили друг друга так, как могут любить обездоленные люди, впервые познавшие настоящую любовь на пороге своего сорокалетия. Оба они потеряли головы! Зато познали счастье: они были не просто любовниками, они, очевидно, были созданы друг для друга, а у Танюши появился второй отец. «Папа Суня» – так она стала его называть, а он таял от счастья.

Танюша, в отличие от Карла, в садик не ходила. По утрам по дороге на работу Дорина оставляла ее у своей подруги (единственной за всю жизнь) – Любы Полуниной, которая жила по соседству со своей семьей: мужем и двумя сыновьями.

У меня в то время еще не было своей жилплощади (я жила у Наталии Федоровны Чубинец, главврача Черновицкой областной психбольницы, с которой я дружила, а папа занимался строительством моего будущего дома). Позже, когда я вышла замуж, я забрала к себе сначала Танюшу, а затем Карлушу со второй женой. Не имея собственных детей, я к ним относилась и по сей день отношусь, как к своим.

Люба была ровесницей Дорины. Ей было всего-навсего семнадцать лет, когда немцы приближались к ее родному городу Сталинграду

(Волгоград). Она записалась в добровольцы и попала на фронт. Там она нашла не только себя, но и свою судьбу – офицера Андрея Полунина, который впоследствии оставил семью ради нее. Они провоевали всю войну вместе. Он в чине подполковника в отставке, облюбовав наш город Черновцы, получил там большую шикарную квартиру. Там и родились их сыновья: Валера, друг Карла, и Сашок. Андрей и Люба мечтали о девочке, и к Танюше относились, как к своей. Ее Танюша называла «мама Люба», а она это «звание» действительно заслужила: пока Танюша не пошла в школу, она у них ежедневно находилась до прихода Дорины с работы.

Когда Дорина начала заниматься по вечерам, она стала брать Танюшу с собой на занятия. Вместе с Дориной и Суней Танюша «окончила» полный курс бухгалтеров, и на выпускном вечере вместе с ними получила «Диплом» – специально для нее отпечатанный на отдельной бумаге, который Дорина долгие годы хранила. Очевидно, там и тогда Танюша полюбила эту профессию, потому что много лет спустя, отслужив армию в Израиле, она пошла по стопам матери.

Роман Дорины с Суней длился около пяти лет, пока об их связи не узнала Роза, которая тут же «проинформировала» Яшу. И тут, и там начались семейные скандалы, которые ни к чему не привели: никто из них не был готов изменить статус. Положение казалось безвыходным, пока однажды, заранее договорившись с Дориной и Розой, Суня не пригласил Яшу с Дориной на «семейный совет». Попросив присутствующих сохранять спокойствие и не перебивать его, Суня, ничего не скрывая, изложил создавшуюся ситуацию. Он признался в том, что Розу уважает, как мать своих детей, ради которых он и остается жить в семье, но что в Дорине он нашел не только женщину, но и близкого по духу человека и преданного друга, которого он никогда не бросит, так как они нужны друг другу.

«Дорина, – сказал он, – женщина моей мечты, без которой я жить и не могу, и не хочу, а потому я предлагаю: давайте дружить семьями! Дружить и только, как бы это ни было трудно. Обещаю!»

И так оно и было!

Что происходило потом в семье Суни, я не знаю. Что касается семьи Дорины, то там произошли коренные изменения: Яша бросил работу в районе. Оторвавшись от собутыльников и порвав свои «побочные» связи с женщинами, он вернулся домой, пообещав стать примерным семьянином. Более того, он признался Дорине, что, кроме

нее, он никого больше не любил, попросил у нее прощения и помощи. Постепенно их семейная жизнь наладилась благодаря Суне, который стал опекать Яшу.

Настоящая любовь сильнее ненависти: легче отомстить сопернику, чем простить ему. И всё же такие случаи бывают. Но бывают также случаи (правда, очень редко), когда благодаря любви к одной и той же женщине соперники становятся друзьями и, объединяя усилия, действуют в унисон ради нее и ее семьи. В таких случаях любовь не только помогает, но и облагораживает всех. Это чудо!

Такое чудо произошло в жизни Яши, Суни и их семей: они стали не только общаться, но и помогать друг другу.

Роза, жена Суни, не очень благосклонно отнеслась к создавшемуся положению. Однако Дорина, вопреки ее ожиданиям, стала ей во всем помогать как по хозяйству, так и с детьми. В результате они на самом деле подружились. Что касается Суни, то он Яшу не только вытаскивал из того «болота», которое его засосало, но, устроив его на работу в свою артель, он и опекал его, как «блудного» брата. Живя по соседству, они стали вместе ходить на работу и вместе возвращаться домой. Таким образом, Суня не давал ему возможности ни спуститься в винный подвальчик, ни заглядывать на чужих жен. А когда он после долгих лет положил на стол свою первую (нетронутую) зарплату, Дорина уронила слезу, поняв, что она его всё еще любила. С тех пор и до самого конца они больше никогда не имели в чем упрекнуть друг друга. Более того, помогая друг другу, они перенесли все трудности эмиграции, абсорбцию в Израиле, временную разлуку с Карлом и Яшину страшную болезнь (рак горла).

Борьба с раком длилась около десяти лет. За это время ему пришлось перенести несколько операций, облучение (в результате которого он потерял голос), химиотерапию и чего только нет. Всё это время Дорина от него не отходила. Умер он, когда ему было всего шестьдесят два года!

Для Дорины это была вторая потеря: Суня умер от сердца намного раньше (ему было всего пятьдесят два года, и похоронен он в Нетании). До последней минуты они дружили семьями, и после его смерти Дорина, пока могла, ездила к его жене и, с ней или без нее, посещала его могилу. Теперь, после смерти Яши, у нее уже были две могилы двух любимых ею мужчин, и долгое время посещение их могил (Яша похоронен в Беэр-Шеве) стало ее единственным занятием. (К тому времени она уже была пенсионеркой.) Это могло длиться еще

дольше, если бы ей не предложили работу в Сохнуте (отдел помощи репатриантам) на добровольных началах. Это было ее спасение!

Добрая и отзывчивая по натуре, вездесущая и настойчивая, она с головой ушла в эту работу, отдавая всю себя новоприбывшим, помогая, чем только могла. Она помогала им находить в Израиле родственников и друзей, разбираться в израильской жизни, добиваться своих прав, о которых они не знали, и в нередких случаях даже устроиться на работу. Помимо всего, она организовывала туры (туристические поездки) по Израилю для новоприбывших, часто сопровождая их.

В своей работе она нашла смысл жизни, а люди ее уважали и полюбили. Неудивительно, что среди ее «подопечных» нашлись желающие «завоевать» ее руку и сердце. Она же об этом и слышать не хотела. (Она полагалась на своих детей, но, когда спустя годы я тоже овдовела, она меня уговаривала не повторить ее ошибку!)

Всё было хорошо, пока она вдруг не заболела (рак груди). Побороть болезнь, к которой прибавилась глубокая депрессия, она не смогла, и после семи лет мучений, не дожив полгода до своего восьмидесятилетнего юбилея, она скончалась. Похоронена она тоже в Беэр-Шеве, но не рядом с Яшей (даже не на одном кладбище).

Смерть победила: ей и только ей удалось разлучить Дорину с теми, которых страстно, как только она могла, до последнего дыхания любила!



Папа, Яша, Жозефина, Дорина. Черновцы, 1970 г.

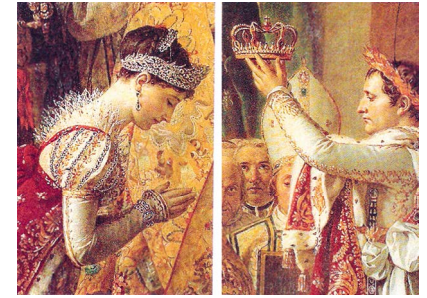
МОЙ МУЖ – МОЙ НАПОЛЕОН



Никогда не забуду свой первый урок в первом классе в Бухаресте (Румыния) и свою первую учительницу мадам Лейбович, которую я сразу полюбила и которой в дальнейшем старалась во всем подражать. Помню, как при первой же переключке, обратив внимание на мое имя, она спросила, знаю ли я, чье имя я ношу. «Дедушкино», – ответила я и тут же добавила: «Его звали Йосеф». В классе раздался смех – большинство девочек были румынками. Успокоив класс, мадам Лейбович объяснила: «Это имя императрицы Жозефин – супруги великого Наполеона Бонапарта. Это имя обязывает, и его нужно с достоинством носить!» Класс замер, а на перемене какая-то ученица назвала меня «императрицей»! С этим прозвищем я прошла первые четыре класса начальной школы.

Что касается меня, то с того момента я заинтересовалась историей любви Жозефины и Наполеона и, полюбив их, про себя решила, что у меня тоже будет свой Наполеон, но я его не искала: я себе внушила, что он сам найдет меня. А получилось, что никто никого не искал, – просто случайно встретились!

Мужа моего звали Анчел, но, как у большинства евреев Западной Европы, у него было несколько имен. В семье его ласково звали Муня. В румынских документах фигурировало имя Анжел, которое, между прочим, ему больше всего подходило, так как он был настоящим ангелом. При советской власти ему поменяли имя на Анатолий. С этим именем я и познакомилась с ним, для меня, моих родных и друзей он был Толей.



*Наполеон Бонапарт
и Жозефина Богарне*

Родился он в религиозной еврейской семье в селе Зарожаны Черновицкой области в Румынии в тысяча девятьсот восемнадцатом году. Он был пятым из шестерых детей (двух девочек и четырех мальчиков) и появился на свет в ночь перед Йом Кипур (самый священный день года у евреев). Лишь после его смерти из уст главного раввина я узнала, что родившиеся в ту ночь считаются посланниками Бога на земле. Я – не религиозная женщина, но в Бога верю, а в данном предании не сомневаюсь: Толя был земным ангелом, а для меня, после моих родителей, – самым ценным подарком, который я получила от Всевышнего. С ним я провела самые счастливые годы своей жизни и жила, как за каменной стеной, ни в чем не нуждаясь. К тому же он меня любил, уважал и гордился мною. Я была его императрицей!

* * *

Толе было всего девять лет, когда его старшая сестра Хана по окончании учебы, получив от своего жениха билет на корабль, поплыла к нему в Канаду. Она тогда не подозревала, что тем самым спаслась от грядущей Катастрофы и что с большинством членов своей семьи она расставалась навсегда. С Соней, своей младшей сестрой, и с Толей она встретилась лишь спустя полвека в Израиле, куда она прилетела, как только узнала, что они, наконец, свободные люди в своей стране.

Толя с Соней рассказали ей о трагической смерти их дорогих родителей, которых расстреляли румынские солдаты во время депортации на пути в никуда. Что касается братьев, то Зальман, старший



Толя с семьей. Село Зарожаны, 1927 г.

брат, утонул на Урале, куда успел эвакуироваться со своей семьей, оставив жену с тремя детьми (Клара, Володя и новорожденная Лиза), а Герш погиб на фронте.

Их младший брат Нисим был в гетто в селе Балки (Транснистрия) вместе с Толей и Соней, где Толю схватили и отправили на работу к немцам. Вернувшись домой после войны с подорванным здоровьем, Нисим успел жениться и умер, оставив после себя молодую беременную жену. Родившуюся девочку в честь отца назвали его именем – Нюся!

Ни у Толи, ни у Сони своих детей не было, но к детям своих погибших братьев они до самой смерти относились, как к собственным.

До начала войны Толя успел окончить еврейский хедер (религиозная начальная школа для мальчиков), румынскую школу и отслужить в румынской армии, куда прибыл вместе со своим конем, благодаря чему его зачислили в кавалерию, хотя в кавалеристы он явно не годился (ростом был невысок).

Отслужив службу и, как полагалось, оставив там коня, Толя вернулся домой и примкнул к отцовскому бизнесу: они скупали у крестьян урожай «на корню» (еще до появления фруктов на деревьях), а затем, сняв урожай, отправляли свежие фрукты и соки в Германию.

Это была своего рода лотерея, но зачастую они «вытаскивали счастливый билет». Игра стоила свеч!

Толин старший брат Герш помогал матери в бакалейном магазине, Соня вела дом и хозяйство, а Нисим, их «мизинчик» (самый младший брат), будучи уже допризывником, со дня на день ожидал повестку в армию, но пока что «валял дурака». Что касается их самого старшего брата Зальмана, то он, женившись, уже давно покинул отчий дом и обосновался в городе Черновицы.

Жизнь была неплохо налажена, и все с нетерпением ждали дня свадьбы Сони и Хаима – «главаря» сионистской организации из соседнего села (их познакомил Толя, который тоже был сионистом). Таково было положение в семье Толи, пока в один «прекрасный» день, проснувшись утром (двадцать восьмого июня тысяча девятьсот сорокового года), они не узнали, что власть сменилась и что теперь они уже не румынские, а советские граждане. «Вспомнив», что Бессарабия – «исконная» русская земля, Советский Союз (правда, предъявив заранее ультиматум Румынии сроком в двадцать четыре часа) занял всю Бессарабию плюс Северную Буковину в качестве «компенсации» на целых двадцать лет. Позже счет потеряли, и Северная Буковина по сей день входит в состав Украины (Черновцы и Черновицкая область – часть бывшей Буковины).

Наступил год «великих перемен». Народ был в недоумении. На помощь были посланы агитаторы (лекторы-«просветители»), которые объяснили им, какое счастье свалилось на них – стать гражданами Советского Союза, единственного в мире государства рабочих и крестьян, «где так вольно дышит человек». И это было действительно так: воздуха хватало на всех! Не хватало только продуктов питания: сначала исчезли импортные товары (их расхватили новоприбывшие), а затем и самые необходимые продукты питания, за которыми приходилось стоять в очереди и... нередко возвращаться домой с пустыми руками – слишком велик был спрос! Надо было что-то предпринять, и, как я понимаю, для того, чтобы обеспечить население всем необходимым, во-первых, стали национализировать имущество имущих и отправлять их подальше – в Сибирь. Во-вторых – бороться с «врагами народа», вроде националистов и сионистов, и осудить их (без суда) на долгие годы ссылки. Одним словом, искоренить капитализм и построить социализм (на первых порах), а затем – коммунизм, земной рай! Но для этого надо было работать. «Труд – благородное дело!», – говорили агитаторы. Неудивительно, что, как только повсе-

местно появились такие плакаты, вскоре под звуки военного оркестра молодые мужчины и парни «добровольно» поехали в Донбасс на шахты добывать уголь. Их называли «добровольцами», и это звучало гордо!

Это делалось очень быстро, днем и ночью, и, действительно, число местного населения сократилось, в результате чего уменьшились очереди за продуктами тоже. Жизнь стала налаживаться, и народ повеселел: на всех предприятиях организовывались кружки пения, и народ запел.

Сначала изучали «Гимн Советского Союза», которым начинался и кончался день, а затем – русские патриотические песни, хотя, не зная русского языка, каждый по-своему коверкал слова. Помню, как я, не зная русского языка, участвуя в школьном хоре, вместо «Три танкиста, три веселых друга» во весь голос распевала: «Три танкиста, три фасоли трута». Но это было неважно: важно было, чтоб народ запел. А он запел, и стало очень весело! Но тоже ненадолго: ровно через год – двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года без всякого предупреждения немцы, прихватив союзников, напали на Советский Союз, и началась Великая Отечественная война.

Застигнутая врасплох Красная армия, успев захватить с собой небольшой контингент мобилизованных, в число которых попал и Герш (Толин брат, который впоследствии погиб «за Родину»), и, конечно, трофеи, оставила население на произвол судьбы.

Новоиспеченные «советские граждане», не успевшие «насладиться» социализмом, внезапно почувствовали, что такое нацизм. Наступила «варфоломеевская ночь», которая длилась целых четыре года! Пережив социализм и чудом уцелев после погрома в собственном селе, семья Толи опять оказалась под «румынами». Казалось, можно начать опять свободно дышать: вернулись свои! Но, увы! «Свои» вернулись не в своей, а в чужой фашистской шкуре, и, что это означало, всем известно.

Вот уже семьдесят лет, как об этом пишут, описывая события, в которые теперь и самим трудно поверить, что такое на самом деле происходило и что это был не результат стихийного бедствия, а дело «человеческих» рук. И все-таки, сколько бы ни писали, всего не опишешь. А писать надо, чтобы такое больше никогда не повторилось!

Мы с Толей прожили вместе более тридцати счастливых семейных лет, на протяжении которых, не сговариваясь, ни один из нас никогда не коснулся своего прошлого. Особенно того самого страшного периода жизни – периода изгнания, депортации, унижений и изде-

вательств, а также пребывания в гетто в нечеловеческих условиях: оба мы старались забыть свое страшное прошлое, дабы не омрачать свое счастливое настоящее. Однако, как оказалось, несмотря на все наши старания, никто не забыт и ничто не забыто! (Доказательством этого, наряду со множеством других воспоминаний чудом оставшихся в живых узников гетто и лагерей смерти, является и моя, недавно вышедшая в свет трилогия «Жизнь без прикрас», куда вошли книги: «Исповедь», «На волнах жизни», «Жизнь в тени смерти».)

Но Толя о себе ничего не написал, он ушел из жизни, унеся с собой всю горечь пережитого. Вот почему, к сожалению, я мало что могу написать о нем и его страшных переживаниях, о которых мне то тут, то там, не допытываясь, довелось узнать от его родственников и товарищей по несчастью. С этими крупными истинами я всё же постараюсь познакомить и вас, осознав, как важно рассказать молодому поколению и их потомкам правду о случившемся. Хочу надеяться, что, поняв, какую угрозу несет с собой фашизм, они будут бороться с ним всевозможными средствами и повсеместно. Фашизм – страшнейшая раковая опухоль на теле человечества, – и его необходимо искоренить!

Я точно не знаю, каков был маршрут гонения евреев из окрестностей города Черновицы (Западная Украина). Я не знаю, когда и как колонна, в которой оказался Толя с семьей, добралась до гетто в селе Балки Винницкой области (Транснистрия), не знаю также подробностей о том, когда, как и за что по дороге расстреляли его родителей, которым было всего пятьдесят с лишним лет. Но думаю, что их страдания и унижения ничем не отличались от пережитых нами. Нас гнали с утра до ночи в те дождливые осенние месяцы 1941 года, голодными и холодными, с целью истребления. Вне всякого сомнения, они так же, как и мы, помогали друг другу выжить, тем самым доказывая всему миру, что никакими зверскими способами уничтожить целый народ нельзя! Тем более наш еврейский многострадальный народ.

Изгнанные из дома, до гетто в Балках добрались только Толя, младший брат Нисим и сестра Соня. Вскоре Соня с Нисимом остались одни: Толю схватили и увезли на работу к немцам в город Жмеринка. Там в лютые зимние месяцы без теплой одежды и перчаток их заставляли работать на немецкую фирму «Вальтер Шихтер», они прокладывали железнодорожные рельсы за одну похлебку. Люди умирали, как мухи.

Толя был «белоручкой»: ему никогда до этого не приходилось физически работать. А там пришлось! Да еще как! Не удивительно, что он отморозил руки и ноги, заработал две грыжи (пупочную и паховую) и искривление позвоночника. Несколько облегчило его положение знание немецкого языка: его назначили бригадиром-переводчиком, и, благодаря «дружбе» со своим надзирателем, ему иногда перепадал «лишний» кусок хлеба, которым он всегда делился со своими «подчиненными». Кроме того, он всем, чем мог, старался облегчить их положение, за что его не раз наказывали. Пару раз он даже попал в карцер за непослушание. Зато уважали «свои», и совесть его была чиста.

Проработал он у немцев «от звонка до звонка», то есть до самого их отступления. В страхе и бешенстве, отступая, они расстреливали всех попавшихся им на глаза. Мало кто тогда из «рабов» остался в живых. Толю спас карцер, где его впопыхах забыли. Освободили Толю советские солдаты. На вопрос о том, что там происходило, у Толи ответа не было, а трупы расстрелянных, которые валялись повсюду, «хранили молчание». Живых людей вокруг не оказалось. Очевидно, если были такие, то разбежались.

В тот же день по следам освободителей Толя отправился в «родное» гетто в Балки, где находились его брат и сестра. Оказалось, что их еще не освободили. Прошел месяц, пока он их, наконец, нашел в полуистощенном состоянии. Но, несмотря на обстоятельства, все они обрадовались встрече до слез: по крайней мере, они свободны, живы и вместе. Можно было начать строить планы на будущее. Их первое общее желание было вернуться в родной дом, надеясь, что туда вернуться также их братья, о которых в то время никто из них ничего не знал.

Но пришлось ждать в Балках, пока не освободили Бессарабию и Буковину. Ждать пришлось почти полгода, но не всем, так как после освобождения оккупированных ранее территорий Красная армия объявила мобилизацию оставшихся в живых мужчин. Мобилизовали мобилизовали, но им не доверяли, потому их отправляли или на передовую в штрафные батальоны, или в трудовые лагеря. При этом евреи из гетто оказались в одинаковом положении с местным населением. И Толю, и Нисима отправили в исправительные (разные) лагеря под Москвой, где с ними обращались «без перчаток». «Исправились» они только после окончания войны. Освободили их вскоре после Дня Победы, и все устремились домой.

Дорога назад была длинной и нелегкой. Прошло еще несколько месяцев, пока Соня, Толя и Нисим опять встретились в родном селе возле сожженного родительского дома. Но ненадолго: злая судьба их вскоре опять разлучила.

Вернувшись «домой» с подорванным здоровьем, Нисим успел жениться и вскоре умер. Что касается Толи, то он, получив повестку, куда-то пошел и больше не вернулся: обвинив его в сотрудничестве с врагом (немцами) и объявив его «изменником Родины», его без суда и следствия отправили в далекую Сибирь к белым медведям в город Воркуту. Там он работал даже при температуре минус пятьдесят градусов (об этом Соня узнала только годы спустя). Благо, что Толя успел показать ей местонахождение их семейногоклада, о котором отец поведал ему по дороге к смерти.

Оставшись одна и живя у соседей, которые ее временно приютили, однажды ночью Соня пошла во двор родительского дома, откуда она вынесла целую стеклянную, залитую воском банку. Дрожащими руками она занесла ее в дом, а наутро, поблагодарив гостеприимных соседей, распрощалась с ними. Сказав, что отправляется в город Черновицы, Соня попросила, чтобы они об этом сообщили всем членам ее семьи, когда те вернутся.

Поехала она в город Черновцы, поставив перед собой цель – узнать, куда делись ее братья Зальман, Герш и Толя. О том, что Герш и Зальман погибли, она узнала только много лет спустя. Узнав, что Толя был объявлен предателем, она поклялась сделать всё, чтобы его освободить. Но, так как ни один адвокат не брался за его дело, она решила сама разыскать живых свидетелей того, что происходило в том лагере, где Толя был бригадиром. После долгих мытарств ей удалось найти несколько человек. Все они в один голос хвалили Толю за его отношение к ним, но никто не был готов давать показания: боялись. Отчаявшись, Соня опустила руки. Руки она опустила, но надежду не потеряла: она верила в то, что справедливость восторжествует. И она была права: после смерти Сталина последовала амнистия, и в число освобожденных за примерное поведение Толя тоже попал. Справедливость восторжествовала! И Толя на «крыльях» полетел в Черновцы к Соне, которая в то время снимала угол у какой-то одинокой старушки. Первую ночь Толя провел на полу у их ног, но пол там показался ему пухом, и впервые за долгие годы он беззаботно, точно младенец, уснул!

На следующее утро по объявлению он снял для них комнату, а несколько дней спустя устроился работать в ОРСе (Отдел рабочего снабжения). Больше они ни в чем не нуждались.

С Толей мы случайно познакомились на встрече Восьмого марта у наших общих знакомых. Он был вдовцом. Мы стали встречаться. Через четыре месяца он мне сделал предложение, и я согласилась. Однако, когда коснулись вопроса о месте жительства, и он настаивал на том, чтобы я перешла жить к нему (в самом центре города или на Клокучке, где он купил у немецкой семьи особняк с большим фруктовым садом), я категорически отказалась. В то время я жила одна в построенном мною особняке, который я считала своим детищем и очень любила. Ничего не сказав, но извинившись, он ушел. Вернулся он только две недели спустя с красивым бриллиантовым кольцом и, извиняясь, рассказал, что в результате многих бессонных ночей пришел к выводу, что, подобно тому, как я не могу жить вне своего дома, он не может жить без меня. Сказав это, добавил:

– Будь моей женой, – и надел мне на палец кольцо.

Уступив также второму моему желанию, связанному с числом, мы поставили «хупу» (еврейский свадебный обряд) у меня дома тринадцатого июля в присутствии самых близких людей («хупа» в Союзе была противозаконна).

Судьба свела меня с моим «Наполеоном», когда я уже перешагнула бальзаковский возраст, а он был на одиннадцать лет старше меня. Мы были «не молодожены», и, следовательно, исходя из этого, всё у нас было иначе, чем у других. Но это ничуть не повлияло на наши с ним отношения: мы прекрасно понимали друг друга, так как оба мы – жертвы страшной войны, которая отняла у нас не только самых близких и дорогих людей, но и лучшие годы жизни. Об этом мы с ним никогда не говорили и о личной жизни друг другу вопросы не задавали. Мы научились жить настоящим и делать всё, что в наших силах, чтобы прошлое не повторилось, а будущее было лучше настоящего (хотя у нас не было детей!).

Судя по тем крупным трагическим биографиям, которые до меня совершенно случайно дошли из чужих уст, я полагаю, что «пора романов» прошла мимо него. Это мое предположение, но я уверена, что мне он никогда ни с кем не изменял, ибо, вне всякого сомнения, был однолюбом, и, женившись на мне, он стал меня обожествлять: никто ни до, ни после него не баловал меня так, никто другой не делал

меня такой счастливой. Ко всему я с ним жила, как за каменной стеной, жила в роскоши и беззаботно: он для меня был не только мужем, но и верным другом, братом (которого у меня никогда не было) и даже отцом (после смерти моего любимого отца). Я не помню случая, когда бы мы с ним по какому-либо поводу спорили, когда между нами возникли бы разногласия, не помню также случая, когда мне у него пришлось что-нибудь просить: он предугадывал мои желания, и я всегда получала то, что мне хотелось иметь. У меня было всё, о чем мечтает любая женщина: внимательный, добрый (для всех), щедрый, а главное, верный друг и любящий муж. Недаром папа его так любил и не называл иначе как «Mein Kind», как и меня в редких случаях. В ответ Толя, обращаясь к моему отцу, называл его «папа».

Годы нашей совместной жизни в моем доме были самые счастливые в моей взрослой жизни, и, как мне казалось, в его жизни тоже. За ними последовали долгие тяжелые годы, которые предшествовали эмиграции из Советского Союза, нелегкой абсорбции в Израиле (в связи с войной Судного Дня) и Толина продолжительная болезнь сердца (результат пережитого) с последующими инфарктами и инсультами. Но, несмотря на это, отношения между нами не изменились, мы продолжали жить друг для друга!

* * *

Толя был очень добрый по натуре и всем помогал, чем мог. Меня не раз люди останавливали на улице, интересовались его здоровьем и просили передать их наилучшие пожелания. Они рассказывали мне о том, как он им помогал: одним – устроить детей в институт, другим – женить детей, третьим – освободить невинных из тюрем.



Мы с Толей в Израиле, 1975 г.

Не было случая, чтобы он отказался помочь человеку в беде: он не стеснялся просить у друзей и знакомых денег для них, и, когда бывало, что у людей то ли не было возможности вернуть их, то ли не было желания, он сам расплачивался за них. Он был известным в городе «финансистом», и, когда «лед тронулся», и перед нами, евреями, открылась «лазейка» в Израиль, у нас двери не закрывались. К нему за помощью обращались как знакомые, так и незнакомые люди. С его помощью эмигрировало на Родину около семидесяти человек (большинство – люди с высшим образованием с семьями). Деньги, естественно, давались безо всякой расписки, под честное слово, о котором, к сожалению, некоторые даже понятия не имели. На неимущих Толя не обижался. Больно ему становилось только тогда, когда хорошо устроенные люди при напоминании им о долге смеялись ему в лицо.

В результате у него началась депрессия, последовали долгие годы болезни. Однако это не только не испортило наших отношений, но еще больше сблизило нас.

Работая на «полную катушку» в двух местах (на расстоянии двадцати километров друг от друга), я в то же время обеспечила его медицинским уходом на высшем уровне (его вели лучшие профессора), благодаря чему, несмотря на ряд операций, инфарктов и тяжелый инсульт, продлила ему жизнь на целых пятнадцать лет. Всё это время, кроме работы, я никуда не выезжала. Как и до болезни, он был вся моя жизнь!

В свою очередь Толя старался облегчить мне жизнь, как только мог. Он, который раньше никогда домашним хозяйством не занимался, понемногу и постепенно стал меня разгружать как по дому, так и вне, а я не возражала – это была его трудотерапия!

Пока меня дома не было, он продолжал вести финансовые дела, потихоньку ходил на рынок (он любил только свежие овощи и фрукты), ходил «по инстанциям» и выходил на прогулку в соседний скверик, где нашел друзей среди детей и пенсионеров.

При наличии в нашей кухне микроволновой печи и посудомоечной машины он научился пользоваться ими и этим гордился. Он был рад мне хоть чем-нибудь помочь. Никакой другой помощи у меня не было. Дорина – моя сестра – в то же время, подобно мне, боролась за жизнь своего любимого мужа, у которого был рак горла. Продолжая работать, она за ним ухаживала более десяти лет. Что касается Сони, то, пока она была жива (она умерла раньше Толи на четыре года),

время от времени приезжала к нам на несколько часов повидаться с Толей и взять у него деньги. Толя до последних дней помогал «детям», несмотря на то, что мы вынуждены были «затянуть пояс» до последней дырки, взяв деньги под проценты на кабальных условиях. Мы влезли в долги в связи с тем, что, желая облегчить Толе жизнь, переехали в самый центр города, купив квартиру в доме с лифтом. Я об этом знала, но никогда его не упрекала. В свое время он точно так же поступал. Одни, без посторонней помощи, поддерживая друг друга, мы боролись за каждый Божий день.

Когда мне исполнилось шестьдесят лет, я ушла на пенсию только из ОРТа (Реховот), продолжая работать в ешиве (Ган-Явне). Там у меня была большая нагрузка, в связи с тем, что я была מרכז (координатор кафедры) и в гимназии, и в колледже (מכללה). Таким образом, я освободила себе больше времени для Толи и могла давать частные уроки у себя дома. Этим самым, помимо дополнительного дохода, я немного разнообразила Толин распорядок дня и дала ему возможность контактировать с моими учениками, которых готовила к багруту или поступлению в высшие учебные заведения, и их родителями. С тех пор, как Толя серьезно заболел, к нам перестали приезжать гости!

Я делала всё, что могла, желая облегчить и хоть немного украсить его жизнь. Но, несмотря на это, болезнь с годами прогрессировала, и его приходилось чаще госпитализировать. В связи с этим я решила выйти на пенсию из ешивы тоже, но меня оттуда не отпускали, мотивируя тем, что я нужна не только Толе, но и ешиве, точно так же, как мне нужны были они. С ними нельзя было не согласиться, и я продолжала работать, но весной тысяча девятьсот девяносто шестого года, как полагалось, я подала заявление об уходе на пенсию и на сей раз обратно не забрала.

По окончании экзамена по английскому языку в двенадцатом классе я попрощалась со всеми, предупредив, что, к сожалению, не смогу приехать на выпускной вечер, так как состояние мужа значительно ухудшилось. Как в ОРТе, так и в ешиве все знали Толю, уважали его, сочувствовали мне и всегда шли навстречу нам. Директор ешивы Шломо Гольберг, сверх всякого ожидания, узнав, что я искала донора для Толи перед предстоящей операцией, поехал в больницу и сдал кровь.

Спустя несколько дней без предупреждения за нами приехали из ешивы. Толя ехать не мог, но настоял, чтобы я поехала. Пообещав,

что сразу после торжественной части вернусь, я с ними поехала. Каково было мое удивление, когда вместо Ган-Явне мы оказались в Ашдоде около ресторана на берегу моря, где ешива на тот вечер забронировала весь зал. Туда было приглашено все начальство соответствующих министерств (религии и образования), множество моих бывших выпускников, учителя и персонал и даже депутат кнессета Звулун Орлев, который курировал нашу ешиву и хорошо меня знал.

Под предлогом, что поедут искать стоянку, мои сопровождающие подвезли меня к самому ресторану и предложили, чтобы я зашла сама и заняла им места тоже. Ничего не подозревая, я зашла. Увидев меня, все встали и зааплодировали, а директор колледжа Давид Битон, подойдя ко мне, пригласил пойти с ним и посадил на почетное место. Лишь тогда я поняла, что это был не выпускной вечер, который обычно проводился в самой ешиве, а прощальный вечер со мной. Начались речи, вручение грамоты и подарков. Не выдержав, я расплакалась и, когда мне предоставили слово, кроме нескольких банальных слов благодарности, ничего больше произнести не смогла. В ОРТе в свое время мне тоже устроили прощальный вечер, но, так как Толя не мог пойти со мной, я только отправила туда персональные букеты цветов с выражением своей глубокой благодарности всем тем, кто на протяжении почти двадцати лет совместной работы каким-то образом поддерживал меня морально. В их числе наряду с директором школы был господин Грос, еврейско-немецкий интеллигент, выходец из Германии, который работал там главным уборщиком! Он первый из всего коллектива пришел мне на помощь, «шлифуя» мой иврит и подсказывая мне, как должны вести себя новоприбывшие из Европы в израильском обществе. Он оказался моим первым искренним другом там, и я ему от души благодарна.

Вернувшись домой из Ашдода с огромным букетом цветов и подарками, я, всё еще волнуясь, описала Толе происходившее там. Взяв мою руку, он погладил ее и, посмотрев мне в глаза, сказал:

– Ты это честно заслужила, – и, сделав небольшую паузу, добавил: – Как мне тебя отблагодарить? – и нежно поцеловал меня в щеку.

Было это тридцатого июля тысяча девятьсот девяносто шестого года. Три дня спустя, третьего августа в пять часов утра, вызвав «неотложную помощь», я отвезла Толю в больницу «Каплан»: по-

вторный инсульт (первый был в тысяча девятьсот девяносто втором году). На сей раз домой он больше не вернулся.

* * *

В больнице я провела с ним последние три дня и ночи, не отходя от его постели и забыв о себе (я ничего не ела, не пила и лекарства не принимала). В шоковом состоянии меня повезли сначала в приемный покой, а затем госпитализировали. Я попала в то же отделение в соседнюю с Толей палату. Было это ночью, встать на ноги я еще не могла. Когда я спросила медсестру, каково состояние Толи, она мне сказала:

– С ним всё в порядке. Постарайтесь уснуть!

Дождавшись утра после бессонной ночи, я тут же попросила повезти меня к Толе. Тогда они мне признались, что его перевели (без моего согласия) в респектабельный дом престарелых с издательским названием «!120 ת» («До 120 лет»)! Это была последняя инстанция! Не дождавшись обхода, с помощью соседки по палате я на коляске спустилась в вестибюль, переоделась, оставила там коляску, при поддержке своей милой соседки доплелась до такси и, от души поблагодарив ее, поехала к Толе. В кабинет главврача повел меня шофер.

Главврачом оказалась очень милая женщина, которая, как могла, старалась успокоить меня, описав преимущества руководимого ею учреждения. Заставив меня выпить воды и дав мне немного успокоиться, она предложила пойти к Толе. Войдя в палату и увидев его искривленное лицо, подключенное к какому-то аппарату, я потеряла сознание. Очнувшись я на диване в кабинете главврача. Заметив, что я пришла в себя, она тут же подошла ко мне, погладила и сказала:

– Крепитесь! Это может быть очень долгая история: он без сознания!

Поняв, что в создавшейся ситуации я не имела права раскисать, взяв себя в руки, я ей сказала:

– Я отсюда без него не уйду. Переведите его, пожалуйста, в отдельную палату. Я доплачу!

Грустно улыбнувшись, она ответила:

– Во-первых, у нас таких палат нет. Во-вторых, ночевать постоянно здесь не разрешается: для этого у нас есть медперсонал, а в-третьих, мы его положили в самой маленькой палате с тремя койками, а находящиеся там больные ему не мешают. В этом отношении можете быть спокойны.

И я, действительно, немного успокоилась, пока опять не пошла к нему. Дыхательный аппарат прикрыл его изуродованный рот, и, несмотря на прикрепленные к нему трубочки и инфузии, он лежал спокойный, как ангел. Пододвинув стул к его постели, главврач предложила мне сесть, сказав:

– Говорите с ним: он всё слышит, – и незаметно вышла.

Взяв его руку в свои, я стала его нежно гладить и еле слышным голосом сказала:

– Толенька, я здесь! Крепись! Всё будет хорошо!

Вдруг, как мне показалось, рука в моих руках чуть пошевелилась, и я расплакалась, поняв, что он меня действительно услышал и рад моему присутствию. Более того, появилась надежда и решимость поднять всех и всё на помощь. Передав вошедшей в палату медсестре номера телефонов Дорины (моей сестры) и Володи (его племянника), я попросила ее сообщить им, что случилось, дать им адрес и телефоны и попросить их немедленно приехать.

Мои ожидания не оправдались: никто не позвонил и никто не приехал. По словам той медсестры, она звонила пару раз, но ответа не было. Я решила перестать звонить и начать действовать. Собрав все оставшиеся силы, я вступила в борьбу за его жизнь. Но сначала, решила я, нужно поговорить с лечащим врачом, и ждала обхода, не вставая с места. Я сидела, будто окаменевшая, не спуская глаз с Толи: надеялась, что он откроет глаза или пошевелит конечностями, но ничего такого не происходило. Он лежал неподвижно.

Прошло немало времени, пока я наконец посмотрела вокруг: Толя лежал у самых дверей. Перпендикулярно к его кровати по обеим сторонам окна были еще две кровати, но за всё время пребывания там не слышно было ни шороха, ни шепота. Вскоре пришли две санитарки перестилать постели больных и убрать палату, и мне пришлось выйти в коридор.

Я стояла против дверей Толиной палаты, опираясь о стенку. Вдруг появилась красивая блондинка с большим пакетом в руках, которая пошла прямо в палату. Я думала, что ее попросят выйти, но нет: убрав палату, санитарки вышли, а женщина осталась там. Осмелившись,

вошла и я. Женщина, стоя рядом с кроватью одного из больных, брила его. «Неужели парикмахер?» – подумала я и, поздоровавшись, спросила, сможет ли она побрить Толю тоже. Усмехнувшись, она сказала: «Извините, но это личная бритва моего мужа». Я готова была провалиться сквозь землю и, не переставая, извинялась.

– Да перестаньте вы: ничего не случилось. Давайте лучше познакомимся! – и, представившись, добавила: – Как я понимаю, мы с вами друзья по несчастью. Как вас зовут?

– Жозефина, – ответила я.

– Жозефина? – переспросила она, улыбаясь. – Какая честь! А это, как я понимаю, Наполеон!

– Не просто Наполеон, а мой любимый муж Наполеон! – ответила я.

С ее лица сошла улыбка, и она добавила:

– Простите!

Она оказалась очень интеллигентной женщиной, и мы с ней в дальнейшем подружились. Муж ее, известный художник, которому еще не было пятидесяти лет, находился там вот уже три года в состоянии «растения», а она к нему ежедневно приходила по утрам с чистой постелью и пижамой, переодевала его, перестилала, делала ему «утренний туалет». Затем, посадив его в коляску, прогуливала во дворе и, только накормив его обедом, уходила домой. (Они жили в городе Ришон ле-Цион, а наше учреждение находится в Нес-Ционе. Я называю его учреждение, ибо там не лечат: больных там просто «сохраняют» в хороших условиях.)

Когда я услышала ее историю, мне стало страшно как за Толю, так и за себя. «Что делать?» – этот вопрос не выходил у меня из головы. Я не стану подробно описывать предпринятые мною действия. Скажу только, что приглашались к нему лучшие специалисты, которые, обследовав его, один за другим пожимали плечами и советовали подумать о себе. Я с утра и до самого вечера одна бесценно сидела возле него и гладила ему руку в надежде, что она вдруг опять зашевелится, и, кроме баночки кефира и маленькой плитки шоколада, ничего не ела. (За две недели похудела на семь килограммов.) А ему ежедневно приносила чистую пижаму и полотенца, оставляя там грязные.

За время моего пребывания там я ни разу не видела, чтобы кто-нибудь навещал второго больного. Когда я спросила кого-то из персонала о нем, мне, горько улыбнувшись, рассказали, что это пожилой богатый человек, который находился у них к тому времени

уже восемь лет в том же состоянии. Его племянница – наследница – за всё время ни разу не появилась, ожидая его смерти, но регулярно перечисляла деньги за его содержание.

Услышав печальную историю этого старика и не исключая возможности, что такое может случиться с Толей тоже (в смысле, не дай Бог, продолжительное «status quo»), я стала думать над тем, чтобы продать свою квартиру в Реховоте, переехать в Нес-Циону и быть рядом с ним. Оказалось, что в том же здании можно было купить квартиру, и я начала вести переговоры, когда вдруг состояние Толи ухудшилось. Приглашенный профессор, извинившись, сказал, что нужно быть готовыми ко всему, так как у Толи легкие уже до половины залиты водой. Тогда я решила позвонить в Мюнхен Вите – среднему сыну покойной Толиной жены.

Узнав о случившемся, он тут же подал заявление на получение визы и позвонил своему другу-врачу, с которым учился в Ленинграде и который жил и работал в Бат-Яме (город рядом с Ришоном), с просьбой поехать к Толе, ознакомиться с историей его болезни и позвонить ему.

В тот же день друг Вити приехал ко мне, поговорил с главврачом и осмотрел Толю. И диагноз, и прогноз были неоспоримы. Поговорив с Витей по телефону, он стал ежедневно приезжать к нам. В аэропорт за Витей поехал он, а оттуда вместе с ним – прямо к нам.

Еще до приезда Вити я Толю «подготовила» к их встрече, рассказав ему, что позвонила Вите, и что, узнав о его болезни, он обещал приехать, и что сегодня-завтра он прилетит. В то же время я попросила Толю простить Вите его грехи. «Все мы грешные!» – сказала я ему. А когда я замечала, что силы его покидали, то подбадривала его, говоря: «Крепись, Толенька! Он скоро прилетит!»

Войдя в палату, Витя сначала подошел ко мне, подал руку и сказал: «Большое вам спасибо!» Желая оставить его наедине с Толей, мы с его другом покинули палату. Когда Витя вышел к нам, он был заплаканный. Единственное, что он сказал, обращаясь ко мне, было: «Я не знаю, как вас благодарить!» и поцеловал мою руку. Постояв немного молча, мы пошли в буфет, где заказали три стакана чая с лимоном. За столом он мне сказал:

– К сожалению, в моем распоряжении всего четыре дня. У меня конференция, которую невозможно было отложить. С вашего разрешения, мне бы хотелось всё это время быть возле него. Надеюсь, вы не возражаете?!

– Вместе со мной, если вы не возражаете! – сказала я. – Я уверена, что он тоже об этом мечтал.

И он заплакал, повторяя:

– Спасибо вам! Вы исключительная женщина. Я уверен, что Муня был счастлив с вами и бесконечно этому рад: он это заслужил. Мне в жизни не приходилось встречать более благородного человека... Крепитесь!

И мы втроем вернулись в палату.

Или мне показалось, или на самом деле, у Толи порозовели щеки. А мы с Витей, сидя по сторонам его постели, держали его руки в своих, в то же время не спускали с него глаз. А он лежал, как ангел!

Время от времени я выходила, давая Вите возможность поговорить с ним «с глазу на глаз». Уехали мы оттуда только в десять часов вечера, когда нас «попросили». Приехав домой, приняли душ, легко перекусили и разошлись по спальням: я себе представляла, сколько бессонных ночей он до этого провел. В семь утра мы были уже у Толи, и так каждый день. Никаких изменений. Поздоровавшись с Толей, мы занимали свои места и свою позу. Так продолжалось три дня. За это время мы с Витей очень сблизились.

Сидя в палате, он «напоминал» Толе о счастливых годах их совместной жизни, пока Витина мама была жива, просил у него прощения за всё, что последовало, и рассказал ему о своей личной жизни после смерти матери и Игоря (каждый день – другой эпизод). Витя рассказал, как он удачно женился и как счастлив он был, когда у них родилась дочь. Назвал он ее Марией – именем своей любимой матери. Он в ней души не чаял, но, когда девочке исполнилось двенадцать лет, у нее обнаружили рак мозга, и, несмотря на то, что она была под наблюдением лучших специалистов Ленинграда, спасти ее не удалось.

Смерть его ненаглядной девочки привела его к депрессии. Он внушил себе, что это Мария Абрамовна наказала его за недостойное поведение по отношению к Толе и забрала Марию – свет его очей – к себе, точно так же, как забрала к себе Игоря, оставляя его одного, чтобы он мучился и раскался. Он дошел до того, что бросил работу, а жена бросила его.

Не будучи в состоянии больше сдерживать слезы, осторожно опустив Толину руку на постель, предварительно поцеловав ее, ничего не сказав, Витя вышел. Воспользовавшись случаем, я дала волю слезам. Вернулся он лишь полчаса спустя. Всё оставшееся

время до ухода никто из нас словом не обмолвился. Лишь когда мы очутились в машине, обращаясь ко мне, Витя сказал:

– Расскажите что-нибудь о себе. Пожалуйста!

И я ему рассказала, как мы с Толей познакомились. Приехав домой около одиннадцати часов и пожелав друг другу спокойной ночи, мы разошлись по своим комнатам. О еде не могло быть и речи. Только душ!

На следующий день почти в то же время безо всякого вступления он продолжил свой рассказ. Он со всеми подробностями описал свое состояние на протяжении последующих нескольких лет, когда находился на грани помешательства. Одиночество убивало его. Он уже помышлял о самоубийстве, когда на горизонте появилась его спасительница – Алла, сердечная молодая русская девушка, дочь какого-то партийного работника, которая «подобрала» его и не отстала, пока не женила на себе. Это было его спасение: она окончательно вытащила его из состояния депрессии, родив ему сына – Илюшу, красивого, здорового пацанчика. С ними, несмотря на все трудности, он и эмигрировал в США и обосновался в Лос-Анджелесе, где, идя по пути наименьшего сопротивления (без экзаменов), поступил на работу в известную фармацевтическую фирму Pfizer. Там он и сделал свою новую карьеру, после чего ему предложили поехать в Германию и открыть там новый филиал.

Он со всеми подробностями описал свою любимую жену, спасительницу, очень достойную, интеллигентную женщину, их счастливую супружескую жизнь и их сокровище – Илюшу, в которого он и Алла вложили всю свою душу.

Илюше исполнилось уже двенадцать лет. Он вырос умным, интеллигентным и воспитанным мальчиком. Он очень способный ребенок, увлекающийся математикой и иностранными языками (помимо родного русского языка, он уже в совершенстве владел английским и немецким). Где бы он ни учился, он был всегда в числе лучших учеников класса, а его главным хобби был спорт (гимнастика и баскетбол). Рос он не по дням, а по часам. При всем том, он оставался «маменькиным сыночком», а папу просто обожествлял.

Говоря о жене и сыне, Витя весь светился от счастья, и глаза его блестели. По дороге домой он мне рассказал, что однажды из Мюнхена он позвонил нам, попал на Толю, и, пережив минуту неловкости, не касаясь прошлого, они договорились о будущем: он обещал

Толе в ближайшие каникулы подскочить с Илюшей к нам. Вите очень хотелось познакомить его с бабушкой со стороны отца (он так и сказал Толе!).

Дальше он рассказал, что его мама с ранней молодости, пройдя через комсомол и вступив в коммунистическую партию, всегда была активисткой и работала на руководящих постах. Она верила в коммунизм и делала всё, чтобы как можно скорее он наступил ради будущего поколения, в числе которого были ее дети тоже. При этом она оставалась верна семейным традициям и от своей веры не отказывалась (доказательство – ее последняя просьба похоронить ее на еврейском кладбище, придерживаясь положенной церемонии). Вот почему и он, несмотря на то, что Алла – христианка, настоял на том, чтобы в свое время Илюше сделали обрезание. Теперь же, когда ему скоро исполнится тринадцать лет, он отправил его в синагогу, где его готовят к бармицве (еврейская церемония, когда мальчик становится мужчиной). Намеревался он устроить бармицву в Израиле, у Стены Плача, дабы бабушка Муня мог не только принять участие в церемонии, но и благословить своего внука. Об этом они с Толей договорились по телефону.

– Хотя Толя мне об этом ничего не говорил, – сказала я, – ваш с ним договор остается в силе: приезжайте всей семьей. Буду очень рада!

Поблагодарив и обещав приехать, он добавил:

– Муня хотел сделать вам приятный сюрприз!

– Это на него похоже, – сказала я и опять прослезилась.

В день отъезда Вити я несколько раз выходила, давая ему возможность остаться с Толей наедине, а перед самым отъездом я дала ему целых два часа. Вышел он оттуда со слезами на глазах, подошел ко мне, опять поблагодарил и сказал:

– Когда я у него просил прощения, я впервые за всё время почувствовал легкое пожатие его руки.

– Значит, он вас простил! – поспешила я его заверить.

– Спасибо! – обливаясь слезами, прошептал он.

– Спасибо вам: я уверена, что он об этом тоже мечтал!

Вернувшись к Толе, я заняла свое место и похвалила его:

– Ты правильно сделал, что простил его. Я рада за вас обоих.

Ответа не последовало.

Около десяти вечера я, как обычно, поцеловав его и пожелав ему спокойной ночи, поехала домой. Как я благополучно доехала, не знаю: всю дорогу плакала и из-за слез дорогу не видела. Я просто ехала

по инерции. Добравшись до постели, впервые с тех пор, как Толя попал в больницу, я, довольная собой, моментально уснула. Ровно в пять часов утра меня разбудил звонок: звонили из «До 120!».

– Приезжайте немедленно! – раздался чей-то голос в трубке. – Ваш муж умирает!

* * *

Умер мой Наполеон, как ангел, не приходя в себя, девятнадцатого августа тысяча девятьсот девяносто шестого года в возрасте семи-десяти восьми лет.

В январе 1997 года Витя приехал ко мне со всей семьей. И мы вместе в Иерусалиме у Стены Плача отметили бармицу Илюши.



Илюша у памятника Толе

МОЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Принято, что педагогической деятельностью начинают заниматься только после получения соответствующего диплома. Немало случаев, что из-за недостатка специалистов в младших классах преподавание ведут люди, имеющие только аттестат зрелости, что, естественно, приводит к плачевным результатам. Не лучше обстоит дело и с преподаванием иностранных языков, когда все кому только не лень, изъявив желание, получают соответствующую должность только на основании того, что он или она в школе, не важно, сколько лет, изучали тот или иной язык.

Если встречаются иностранцы, для которых иностранный язык – их родной, то они вообще «находка» независимо от образования.

Что касается математики и физики, то редко когда по окончании педагогического института или тем более университета мужчины попадают в школы. Их расхватывают по дороге заинтересованные в них организации и учреждения.

Другое дело я! Я начала «преподавать» иностранные языки своим друзьям еще до поступления в первый класс. Полюбив свою первую учительницу мадам Лейбович, я одновременно полюбила и ее профессию, в результате – после первого урока, вернувшись домой, объявила:

– Я буду учительницей.

Все, кроме мамы, похвалили меня, а мама сказала:

– Ты будешь детским врачом! Я с детства мечтала быть врачом, но мне помешала война. А теперь мечтаю, чтобы ты была врачом.

Желая успокоить нас, папа произнес:

– Поживем – увидим!



Как оказалось в дальнейшем, и мама, и я – обе остались при своем желании.

К сожалению, маме не суждено было увидеть меня учительницей, а я до сих пор не могу простить себе, что тогда расстроила ее. Однако и по сей день считаю, что выбор мой был правильный. Став учительницей, я об этом не сожалею: быть учителем не менее важно, чем врачом. Не будь учителей, не было бы и врачей. Сожалею я потому, что это было первое и последнее мое «нет!», которое я сказала маме.

В системе образования я проработала 50 лет с перерывом в один год: перед подачей в ОВИР просьбы о выезде из СССР на свою историческую Родину. Я взяла отпуск на год «по болезни», желая избежать истязания на партийных собраниях. А если учесть, что я никогда не работала меньше, чем на две ставки (с утра до вечера), то получается, что я работала целый век (в большинстве случаев без каникул). Преподавала я не только английский язык, но и немецкий, французский, молдавский и русский, а также математику в областном детско-костно-туберкулезном санатории в Черновцах, где большинство детей лежали «навытяжку» с различными медицинскими приспособлениями. Там не ученики приходили ко мне в класс, а я подходила к каждой кровати в отдельности, давая им по очереди уроки.

А в общем, где я только не работала! В средних школах, колледже, в университете, в вечерней школе при психбольнице, была директором в вечерней школе и инспектором района, а также по собственной инициативе начальником пионерского лагеря во время летних детских каникул.

На Украине я проработала 20 лет, а остальные 30 – на своей исторической Родине, обучая «сабр» (коренных израильтян) – детей и взрослых. На пенсию я вышла не в 60 лет, как положено, а в 71 год, за что получила грамоту Министерства образования Израиля.

Находясь на заслуженном отдыхе, продолжаю получать письма и поздравления от своих бывших учеников.

«Учительница на всю жизнь!» – так назвал меня мой бывший ученик спустя 40 лет после окончания школы, чем я, признаюсь, очень горжусь.

Желаю всем учителям моего возраста, уходя на пенсию, оставаться в доброй памяти своих учеников!

Нет больше утешения, чем эта радость, в тяжелые годы одинокой старости!



На протяжении своей педагогической деятельности мне пришлось обучать детей разных национальностей и вероисповеданий, а также и атеистов, детей из разных социальных сословий, не только способных и гениальных, но даже умственно отсталых. Все они, конечно, требовали индивидуального подхода.

Никогда не забуду Гидеона – эфиопского парнишку, который, приехав в Израиль в 12-летнем возрасте, впервые в жизни пошел в школу. В нашу ешиву он попал спустя три года после учебы в ульпане, где он учил иврит.

Ко мне он пришел учиться в девятый класс (по его личной просьбе), хотя английского совсем не знал. В конце одиннадцатого класса, по моей рекомендации, он стал участником Всеизраильского конкурса среди учеников, которых готовили принять участие во встрече с американской молодежью во время поездки в Америку, в семинарах рассказывать о жизни в Израиле и агитировать эту молодежь совершить алию в Израиль. Он был первым эфиопским представителем Израиля в Америке из числа израильской молодежи.

На устном экзамене в 12 классе, который принимала инспектор Министерства образования Цвия (американка) Гидеон получил

100 баллов – высшую оценку. Она не могла скрыть своего удивления и восхищения и, поздравив его, сказала: «Ты будешь президентом Израиля».

Ее предсказание еще не сбылось, но я, признаюсь, совсем потеряла его из вида.

Мне хочется закончить это мое признание обращением к молодежи.

Любите жизнь и окружающий вас мир!

Любите друг друга. Уважайте родителей и вообще старых людей. Читайте много и изучайте прошлое, без которого не было бы настоящего.

Берегите всё, что вам осталось от предков, и бережно передайте его будущему поколению, а главное – своих родителей любите, уважайте и на старости лет не бросайте, не забывайте, что именно они дали вам жизнь.

А обращаясь к вам, дорогие коллеги, я хочу сказать спасибо за ваш неоценимый труд

За 50 лет своей педагогической деятельности я выпустила в свет огромное количество учеников и студентов, которым не только передавала свои знания, но и свою любовь – они становились моими детьми.

К сожалению, не всегда эта любовь была взаимная, но в большинстве случаев я «купалась» в их любви. Однажды по окончании своей первой работы один из моих учеников не только объяснился мне в любви, но и сделал мне предложение! Такое иногда бывает, но то, что случилось недавно – исключение. Это было признание в любви к своей учительнице спустя почти полвека – в связи с моим 90-летним юбилеем. По просьбе моего ученика я Вас познакомлю с этим письмом-признанием.

МОЕЙ УЧИТЕЛЬНИЦЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Жозефине Дорман

Было это давно, около сорока лет назад, но она со мной до сих пор и, надеюсь, навсегда. Да, я имею ввиду тебя – мою учительницу английского языка, которая, уступив моей просьбе, взяла меня к себе в группу «А» (из группы «С»), когда я еще в девятом классе не знал английский алфавит, и довела меня до экзамена на аттестат зрелости в конце двенадцатого класса (экзамена на הוגר), который я сдал на 100! Я этого никогда не забуду, ибо все, чего я добился в жизни – это благодаря знанию английского языка, т.е. – тебе!

Учиться у тебя было одно удовольствие. К тебе на урок ученики приходили не развлекаться, а учиться. Серьезно учиться! Об этом знали все: и ученики, и учителя. Все знали, какая ты требовательная, и что для тебя не существовали ни поблажки, ни протекция.

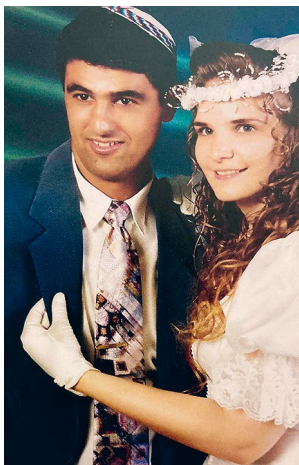
Добрая по характеру, ты никогда никому ни в чем не уступала, когда речь шла об учебе. До сих пор у меня перед глазами картина ожидания твоих уроков, когда, перестав дурачиться, все мы прилипали к окнам класса, с нетерпением ожидая появления на территории ешивы «Volvo» учительницы Дорман. Стоило машине появиться, как все мы моментально занимали свои места и готовились к началу любимого урока, появлению любимой учительницы. Не было случая, чтобы на твоих уроках кто-нибудь занимался чем-то посторонним. Все внимательно слушали тебя.

Дорогая моя учительница! Спасибо тебе от всего сердца за то, что на протяжении тех лет, научив нас учиться, ты подготовила нас к жизни. Ты нам была, как мать!

Желаю тебе долго жить, быть здоровой и оставаться такой, какая ты есть, наслаждаясь плодами своей долголетней педагогической деятельности.

*Любящий тебя твой не только бывший
ученик, но ученик на всю жизнь
Меир Ицхаки*

*26.11.2019 г.
Ган-Явне, Израиль*



Меир и Бекки Ицхаки



Мои «внуки» у меня дома

P.S. Меир Ицхаки, уроженец Ган-Явне, до сих пор проживает там. Работает в Реховоте в престижной американской фирме по приобретенной в ешиве специальности электроника. Женат на американке, которая из любви к нему перешла в иудейскую веру и родила ему шестерых замечательных детей. Двое из них носят имена моей дорогой покойной матери и моего любимого покойного мужа. Все они называют меня «бабушка», и я этим горжусь. Мы в постоянном контакте, и это украшает мою старость, за что я благодарна судьбе: не имея детей, у меня есть внуки и внучки.

МОЙ САМЫЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ – РЕНА ИВАТАРОВ



– Извините, – услышала я, – вот уже второй день как я наблюдаю за Вами и, признаюсь, белой завистью завидую Вам.

– Мне? – с удивлением спросила я, – Вы меня знаете?

– Нет, – ответила она, – но теперь хочу с Вами познакомиться. Меня зовут Валентина, но все, обращаясь ко мне, называют меня Валя. Это легко произносить. Люди избегают длинных имен. Надеюсь, Вам с этим явлением не приходилось сталкиваться. Как Вас зовут?

– Жозефина, – улыбаясь, ответила я, – но есть такие, которые зовут меня просто Жо.

– Какое совпадение! – воскликнула она. Но это, очевидно, единственное общее между нами. Вы счастливы, а я нет!

– Вы пришли к этому выводу, совершенно не зная меня. Какое у Вас на это основание?

– Вот уже второй день, как я наблюдаю за вами и думаю про себя: нет большего счастья, чем иметь такую любящую и внимательную дочку на старости лет!

– Если Вы имеете в виду мою спутницу, то она мне не дочь.

Она перестала задавать вопросы, а я, извинившись, отошла и, дойдя до своей спутницы, произнесла:

– Оказывается, нас воспринимают, как мать и дочь!

Ответа не последовало: в то время еще была жива ее мать, которую она не только любила, но и посвятила всю свою сознательную жизнь.

* * *

Было это несколько лет тому назад, когда моя Лена (женщина по уходу на 24 часа) поехала в отпуск домой, а я со своей приятельницей экскурсионным автобусом (я свою «Суситу» за городом уже не вела)

ехала на море в пятницу после обеда и в субботу с утра. Оказалось, что в том же автобусе ехала некая Валентина, и она с нас не сводила глаз. Что касается моей «дочки», то, несмотря на то, что мы с ней знакомы около 30 лет, я о ней ничего не знаю, кроме того, что живет она с мамой и что у нее есть брат с семьей. Она о себе никогда ничего не рассказывает, хотя мы с ней очень близки, и я ничего не спрашиваю. Это редкий человек: мне не приходилось ранее встречать человека, который живет только для своей семьи. Однажды как бы вскользь я посоветовала ей подумать о своей неизбежной старости и выйти в свет, где, вне всякого сомнения, она могла бы встретить того, кто по всей вероятности ищет ее. Горько усмехнувшись, она произнесла: «Я дважды искала своего счастья, но я его не нашла!»

К этому вопросу мы больше никогда не возвращались. Но, когда после смерти матери, я предложила ей перейти жить ко мне на всем готовом, безо всяких обязательств, она, не задумавшись, сказала:

– Спасибо, но нет! Я должна быть рядом с братом и его семьей.

Более того, когда после «стычек» с Леной, я повторила свое предложение, добавив условие, что после моей смерти она сможет жить в квартире, которую я ей оставляю вместе со всем, что в ней есть, она, недолго подумав, извинившись, сказала:

– Ваше предложение очень соблазнительное, однако, Вы меня извините, мой ответ «Нет!»

Несмотря на свое разочарование, я похвалила ее, сказав:

– Честь и слава Вам! Признаюсь, при всей своей любви к моей семье, я не уверена, что поступила бы так, как поступили Вы. Дай бог, что бы Вы об этом никогда не пожалели. Более того, я преклоняюсь перед вами и от всей души желаю вам найти достойного вас человека, с которым Вы счастливо дожили бы свой век, не познав горький вкус одиночества.

– Спасибо! – сказала она

В наших с ней отношениях ничего не изменилось. Рена Иватаров для меня по сей день самый верный друг, без которой ни одна из моих публикаций не вышла бы в свет.

МОЙ ПИК – ЛЮБИМЕЦ СЕМЬИ

Это было тогда, когда я еще до замужества перешла жить одна в недостроенный мною дом и однажды после работы пошла на базар за покупками. Купив необходимые продукты, я уже собиралась уходить, когда на прилавке, где продавали живую птицу, я вдруг увидела его!

Это была крошечная, черная как смоль собачка с черными глазенками, которая, пристально посмотрев на меня, вылезла из открытой торбы, в которой находилась, и приползла ко мне, не сводя с меня глаз. Я ее погладила, и она стала лизать мне руку. Это была любовь с первого взгляда!

Поставив свою ношу на землю, я взяла ее на руки: она, выпрямившись, прилипла к моей груди. Узрев эту картину, стоящая за прилавком женщина воскликнула: «Она ваша! Мы с ней здесь с самого утра (я кур продавала). За всё это время она даже не шевельнулась, а к вам сразу потянулась. Купите ее! Я вам ее дешево отдам!»

Хотя я собак с детства люблю, а она мне вообще-то приглянулась, это не входило в мои планы: я работала с утра до вечера, в доме, кроме меня, никого не было, а она, естественно, требовала ухода. Кроме того, у меня осталось всего три рубля. Я ей так и сказала, но она не давала мне уйти и была готова отдать мне ее за эти деньги.

Собачка всё еще была в моих руках и, не переставая меня облизывать и пристально глядя мне в глаза, будто просила: «Возьми меня!» Не выдержав натиска, я сдалась! Отдав ей все имеющиеся при мне деньги, я уже уходила, как вдруг она сказала: «Подождите! Я иду с вами! Я должна видеть, где вы живете! Понимаете, у меня две породистые сучки, и я с них живу: люди платят за щенков большие деньги, но этот родился совсем крошечный, и я его с трудом выходила. На него спроса нет, но выбросить на улицу я его не могу. Вот и взяла его с собой в надежде, что кому-то приглянется. Понимаете, – повторила она, – я их не только продаю: я устраиваю их



Черновцы, 1973 г.

будущее. Они на моей совести, а потому я лишь бы кому их не отдаю. Если я увижу, что место не подходящее для него, я тут же отдам вам деньги: грех я на душу брать не хочу!»

Пришлось взять такси и попросить ее рассчитаться за проезд. Собачка была в ее руках. Подъехав к дому, она засомневалась, что это был мой дом, но, когда я открыла калитку своим ключом, она, облегченно вздохнув, произнесла: «Слава Богу! Теперь я могу спокойно уходить, но знайте – время от времени я буду его навещать, дабы убедиться, что ему у вас хорошо живется». Уходя, она добавила: «Пока не подрастет, кормите его яичками. Одно яичко в день. Обязательно! Обещаете?» – «Обещаю!» – ответила я, а она, получив деньги и погладив его, нежно поцеловала. Больше я ее не видела.

Собачку я назвала Пиком. Нет, не в честь тогдашнего генерального секретаря Коммунистической партии Германии Вильгельма Пика. Назвала я его так в память о том маленьком шпице (порода собак), которого мне папа в кармане своего пиджака принес, когда я еще в школу не ходила. Я безумно любила его, но мне пришлось расстаться с ним при эмиграции из Румынии в Советский Союз.

Как я уже отметила, в то время я жила еще одна в строящемся доме (с большим двором и фруктовым садом). Из-за нехватки денег по моей просьбе в эксплуатацию была сдана только часть дома, включающая в себя самое необходимое для проживания: одна комната, а через коридор – кухня и совмещенная ванная, в которой находился также титан АГВ для обогрева всего дома, кроме веранды.

Пику я выделила веранду, а «ложе» ему устроила в большой картонной коробке (обувной). Положив туда свою «думочку» (маленькую подушечку), я бережно уложила его в ней и пошла на кухню приготовить ему гоголь-моголь (молочно-яичный коктейль). Очевидно, он ему пришелся по вкусу, ибо вылизал он его до последней капли. В дальнейшем этот коктейль стал его ежедневным завтраком. Уложив его опять в коробку и укрыв своим шерстяным шарфом, я пошла в свои «апартаменты» пообедать и немного отдохнуть перед вечерними занятиями в университете. Но не тут-то было! Он стал скулить. Пришлось забрать коробку на кухню, где я обедала, затем – в свою комнату и, наконец, самого Пика в постель. Только там он успокоился и уснул раньше меня. С тех пор и до самого конца моя постель стала его излюбленным местом пребывания, а я, признаюсь, не возражала: наличие рядом со мной какого-то живого существа заполняло пустоту и успокаивало.

Пик рос и развивался у меня на глазах. Вскоре он «оформился», и его порода стала очевидна – это был спаниель: он был «невысокого роста», черные блестящие «волосы» свисали, точно бахрома, вдоль его туловища и хвоста, его длинные ушки достигали передних лап, а глаза? Человеческие! Они излучали благодарность, любовь, преданность и... ум! Да, да, ум! Он всё понимал, соображал и соответственно реагировал, а «правила приличия и достойного поведения» усвоил быстро и хорошо. Мне недолго пришлось за ним убирать: он стал проситься на улицу по надобности, а однажды, когда я уехала на каникулы, оставив его на попечении своей сестры, а она три дня подряд не являлась, он, сообразив, залез в ванную и использовал ее в качестве унитаза. Когда, вернувшись домой, я застала эту картину, я диву далась. Невероятно, но факт!

В отличие от других собак, Пик очень любил воду и прекрасно плавал (мы с ним ездили на Прут, а позже на озеро и на море), с удовольствием залезал в свою ванночку для купания и терпеливо выдерживал процесс расчесывания. Более того, заходя в дом, он никогда дальше веранды не ходил, пока ему не вытирали лапы!

Однажды, месяца через три-четыре после того, как он попал ко мне, после прогулки по двору Пик вернулся в дом с чем-то черным в зубах. Это «что-то» оказалось маленьким котенком, которого, по всей вероятности, кто-то перебросил нам через забор. Переступив порог веранды, он тут же выпустил свою добычу на пол. Котенку было не больше месяца. Взъерошенный, он испуганно смотрел на нас с Пиком, а мы в свою очередь рассматривали его. Это был черный котенок с несколькими разбросанными по всему телу белыми пятнами. Недолго думая, похвалив сначала Пика, я подвела котенка к Пикиной мисочке с молоком. Он тут же стал жадно его лакать. Долив еще немного молока, я пригласила Пика присоединиться к котенку. Не дожидаясь повторного приглашения, он тут же послушался. В дальнейшем, подружившись, они стали есть и пить из одной миски и спать в обнимку в одной коробке. Мики, как я его назвала, залезал Пику на живот и спал между его «ногами». Это был поучительный пример «дружбы народов» для нас, людей. Я ими очень гордилась и всем демонстрировала. (Жаль, что в то время, по крайней мере у меня, не было видеокамеры.) Вскоре они стали вместе выходить во двор «на прогулку». При этом Мики цеплялся за хвост Пика, а иногда, прыгнув ему на спину, устраивался на его шее. Желая сбросить его оттуда, Пик то начинал кувыркатся,

то, прибавив шагу, пускался в бег. Наблюдать за ними было одно удовольствие: кино, да и только!

С наступлением холодов их «ложе» пришлось перенести в коридор. (Квартира обогревалась круглосуточно с начала октября до начала мая.) Теперь, когда они находились ближе к кухне, пришлось приучить их к тому, что можно наслаждаться запахами, смотреть на пищу, но ни в коем случае не дотрагиваться и даже не просить (свою «порцию» они всегда получали после). На это понадобилось мне немало времени, терпения и настойчивости, но к той поре, когда я вышла замуж, они уже усвоили урок, а мне нисколько не мешало их постоянное присутствие, где бы я ни была.

Пик любил меня, Мики любил Пика, а я любила обоих. И так, в атмосфере любви и взаимопонимания, прошел примерно год, когда «нашего полку прибыло». Это был индюк!

Его появление было не запланировано: мне просто-напросто навязали его. Однажды, когда я после работы стояла у остановки, ожидая автобуса, ко мне подошла женщина с индюком на руках. Не сумев продать его на базаре и не желая вернуться с ним домой, она решила избавиться от него во что бы то ни стало, и в качестве жертвы выбрала меня. Мой отказ ничего для нее не значил: она действительно уговаривала меня купить ее индюка по дешевке и, торгуясь сама с собой, всё время спускала цену. Я никогда до тех пор не покупала индюков, и цена для меня ничего не значила. Кроме того, у меня был набитый тетрадами учеников портфель да еще пальто на руках, а о том, чтобы попасть в автобус с индюком, не могло быть и речи. Я всё еще продолжала отбиваться, когда вдруг возле нас остановилась легковая машина, и мой сосед, Георгицы, предложил мне тремп. «Это мое спасение!» – подумала я и села в машину. Не успели мы отъехать, как вдруг «моя» дверца открылась, и женщина посадила мне индюка на руки со словами: «Возьмите его даром!» Пришлось сунуть ей первую попавшуюся купюру. По дороге домой я рассказала Георгицы историю с индюком, и он, посмотрев на него, сказал: «Он этих денег не стоит!»

Построенный по моему чертежу кирпичный курятник (сзади гаража) состоял из трех «этажей». Первый был предназначен гусям, второй – курам, а третий – индюкам. Чико, как я его назвала, стал первым обитателем.

Знакомство Пика с Чико не предвещало ничего хорошего. Произошло оно только на следующее утро, когда Чико «чинно-важно» появ-

вился во дворе: в том самом дворе, хозяином которого до тех пор Пик себя считал (Мики никогда не посягал на его «права»). Увидев Чико, Пик моментально набросился на него с лаем, а Чико тут же надулся, покраснев от злости, распустил свои огромные крылья, и, подняв на Пика «голос», налетел на него. Испугавшись, Пик сначала удрал, но тут же вернулся. Теперь они стояли друг против друга, и каждый на своем «языке» отстаивал свои права на территорию, в то время как Мики на почтённом расстоянии наблюдая за ними, мурлыкал, выражая таким образом свое «фэ!». При этом он держался ближе к Пику, который был его «пассией».

Процесс их сближения длился довольно долго. Стоило Чико вылететь из своего «дворца» на землю, как «хозяин» тут же набрасывался на него, желая загнать его назад. И тут начиналось «представление», за которым с удовольствием соседские дети прибежали наблюдать: Чико, перекачиваясь на своих длинных ногах, красный как рак, ругаясь на чем свет стоит, удирал, Пик бегал за ним, а Мики плелась за Пиком, иногда цепляясь за его хвост. Так они обычно «бегали» вокруг дома по несколько раз, пока Пику не удавалось загнать Чико «домой». Наблюдать за ними в таких случаях без смеха было невозможно. Цирк!

Мне пришлось приложить немало усилий, пока я добилась «перемирия» (без вмешательства ООН) и их последующего мирного сосуществования. В результате, помимо Пика, у меня появился еще один «обожатель» – Чико!

По словам соседей, незадолго до моего возвращения с работы (около трех часов дня) Чико взлетал на столб калитки, и, не спуская глаз с тропинки, по которой я обычно шла от автобуса домой, как только я появлялась, начинал хлопать крыльями и что-то выкрикивать на своем языке. Соседи «расшифровали» это как сообщение о том, что «Жозефина идет!». Очевидно, Пик тоже стал понимать его язык, потому что при этом он тут же присоединял свой лай и начинал радостно прыгать возле калитки, а потом – вокруг меня. Чико моментально слетал с «пьедестала», а Мики начинал кувыркаться на земле.

Так я ежедневно на протяжении нескольких лет заходила в дом в сопровождении этой «свиты» и под звуки их «фанфар». На это стоило посмотреть!

Установив свою «гегемонию», Пик к своим «обязанностям» стал относиться со всей ответственностью и, без моего на то разрешения, посторонних во двор не впускал. Однако, как только они оказывались «по другую сторону калитки», он тут же, виляя хвостом, сопровож-



У калитки моего дома 30 лет спустя

ждал их до самой веранды. Илюша, мой друг, не был посторонним человеком, но Пик его впускал без особого энтузиазма. Илюша утверждал, что он его ко мне ревновал. Смешно? Нет! Я убедилась в том, что собаки умеют не только любить, но и ревновать.

Позже, с появлением Толи на горизонте, я сделала еще одно открытие: мужчина может ревновать свою любимую женщину даже к собаке. И это факт! Толя был старше меня на одиннадцать лет, и для него наш брак был вторым (его жена умерла). Я ему никогда не давала повода для ревности, но к Пику он меня ревновал и однажды с обидой упрекнул: «Ты его любишь больше меня!» Это было смешно! Но наши с Толей первые разногласия после того, как мы с ним поженились и он перешел ко мне жить, были связаны с «воспитанием» Пика.

Толя был очень педантичным, поэтому вездесущее присутствие Пика в доме мужу сильно мешало: стоило ему где-то заметить волосок, как у него портилось настроение. Присутствие Пика на кухне и в сто-

ловой его возмущало, а когда я предложила взять Пика с собой к Соне, его сестре, он просто взорвался: она была такой же, как и он, и собак недолюбливала. Пришлось заняться Толиным «перевоспитанием», так как он с детства признавал только собаку-сторожа, место которой во дворе. Что касается Пика, то он его просто боялся и по мере возможности избегал. Прошло немало времени, пока Толя признал Пика членом семьи. И тут я сделала второй вывод: если мужчина по-настоящему любит женщину, то он рано или поздно полюбит ее собачку тоже! Как только это произошло, всё стало на свое место, и мы жили счастливо в дружбе и любви, наш «треугольник» был доброжелательно всеми воспринят, и мы зачастую стали ходить в гости втроем.

Однажды к Исаку Исаевичу, Толиному другу, приехала дочка с маленьким Айзиком. Ему тогда было около трех лет. Они успели побывать у нас, и малыш уже подружился с Пиком, когда в один из выходных дней мы втроем пошли к ним в гости.

Жили они в самом центре города рядом с кинотеатром. В тот вечер там демонстрировался новый нашумевший фильм, и я захотела его посмотреть. С трудом достав билеты, Толя отнес Пика к своим друзьям на пару часов. Увидев своего друга, малыш обрадовался и захотел с ним поиграть, но у Пика не было настроения: ведь на афише было написано, что детям до шестнадцати лет вход воспрещен. Детям, но не собакам!

Все попытки маленького Айзика расшевелить друга ни к чему не привели. Пожалев его, малыш стал его гладить по головке и вдруг сказал: «Не плачь, Пики! Твои родители скоро придут!»

Это до слез рассмешило присутствующих, а мне, когда узнала об этом, польстило!

Вообще в гостях Пик вел себя безупречно, не отходя от моих ног, и вскоре он стал любимцем всех. Единственный раз, когда нам с Толей пришлось за него покраснеть, был у Сони, когда она, желая мне угодить, угостила Пика шоколадной конфетой, которую он тут же выплюнул: это был не чистый шоколад!

С тех пор мы всех просили никогда ничем, кроме водички, Пика не угощать ни у себя и ни у нас. Нас посчитали жестокими... В другой раз, не помню, по какому поводу, мы пригласили к себе две пары высокопоставленных людей. По такому случаю я вытащила свой дорогой английский столовый сервиз и выставила чешский хрусталь (вазочки, бокалы и фужеры). Обед прошел «на высоком уровне»,

и после мы с Толей вышли их провожать. В ожидании своих машин им пришлось немного задержаться. Все были немного навеселе и одновременно болтали. Вдруг я вскрикнула: до меня дошло, что на столе остались объедки, а под столом – Мики и Пик. Представив себе их «триумфальное шествие» по столу и разбитую посуду, я, ничего не объяснив, извинилась и побежала в дом. Не понимая, что случилось, Толя, а за ним остальные побежали за мной в столовую. Там на двух отдельных стульях, рядом за столом сидела «моя парочка», пристально глядя на стол. Увидев нас, они тут же спрыгнули на пол и удрали. Я готова была их расцеловать, а наши гости зааплодировали: они решили, что это было хорошо подготовленное и разыгранное цирковое представление!

Папу Пик также полубил с первого взгляда, и чувство это оказалось взаимным: у папы для него всегда находились ласковые слова, а в кармане – шоколад (Пик его очень любил). Кроме того, папа часто выводил Пика за пределы нашего двора, давая ему возможность познакомиться с окрестностью, соседями и его собратьями. Папа был человек общительный, и это качество привилось Пикку тоже. В результате он стал любимцем всех: как людей, так и собак.

Позже, став полноценным «гражданином» города (у него появился ошейник с номером), в сопровождении папы он попал в центр города, полный машин и людей. Там благодаря папе он изучил «правила уличного движения», познакомился с «зеброй» (пешеходным переходом) и правилами пользования ею: только вместе с людьми. Следующим на очереди был автобус.

Наша улица была параллельна центральной, по которой ездил только один номер автобуса. Между прочим, он прямым сообщением соединял нас с папой и моей работой. Кратчайший путь к автобусной остановке был по тропинке расстоянием в один дом. И вот однажды папа решил прокатить Пика на автобусе и «пригласить» его к себе домой. В ожидании автобуса он его «проинструктировал», и, как только автобус появился и папа сказал: «Пошли!», он тут же прыгнул в автобус. К счастью, водителем оказался наш сосед, Георгицы, который героически выстоял «нападение» нескольких пассажиров. Кондукторше папа уплатил за два билета (взяв только один), и они спокойно доехали до «Парка» – папиной остановки, по «зебре» перешли центральную улицу (Пик в цветах не разбирался, а потому цвета светофора для него ничего не значили) и по тротуару, метров через триста, попали в папин дом.

Езда в автобусе пришлась Пикку по вкусу, и после нескольких поездок со мной или с папой он «пустился в авантюру»: дожидаясь автобуса, залезал между ногами пассажиров, «зайцем» проезжал несколько остановок, а потом пешком возвращался домой. Об этом рассказал нам Георгицы, который постоянно работал на этом маршруте. Пассажиры, которые, в основном, были одни и те же, стали его «соучастниками».

Нередко, прогулки ради, мы с Пиком к папе шли пешком, но однажды, когда я решила поехать с ним автобусом, какой-то пьяный мужчина потребовал «высадить собаку». Пассажиры и кондукторша заступились за Пика и поставили дебошира на место, упрекнув его в том, что не собака, а он нарушает правила поведения в общественных местах и высаживать нужно не собаку, а его. На следующей остановке он сам сошел, а Пик тут же прыгнул на свободное рядом со мной сиденье. Таких инцидентов было несколько: бывало, что пассажиры между собой спорили о том, можно или нельзя провозить животных в автобусах. В таких случаях я обычно молчала, а Пик вел себя как настоящий джентльмен: в «разговор не вступал» и только ждал момента, когда можно будет уже занять «свое место» то ли рядом со мной, то ли у моих ног.

Так или иначе, усвоив дорогу, он неоднократно отправлялся к папе «с визитом»: поднимался на четвертый этаж, царапался в дверь и заходил, виляя хвостом, выражая таким образом «свое почтение». Назад папа его никогда не пускал одного, и домой возвращались они вместе.

Запомнился мне такой случай, когда к нам неожиданно из Одессы заехал папин двоюродный брат, дядя Моня, с супругой. По дороге во Львов они заскочили к нам на пару часов. Толя был на работе, телефона ни у меня, ни у папы не было, а мне очень хотелось, чтобы они встретились. Написав пару слов и прикрепив записку к ошейнику Пика, я пошла с ним к автобусу и, сказав: «Иди к папе!», вернулась к гостям. Минут через сорок папа и Пик приехали на такси. Наши гости не верили своим глазам. Признаться, я и сама не очень-то верила в успешное завершение своей затеи, но ничего другого придумать не могла. Полагалась я на его сообразительность, которую он проявил еще в раннем детстве. С тех пор он стал нашим с папой «почтальоном».

Случилось это поздно вечером, когда, побыв у папы, куда Илюша нас подвез, мы возвращались домой. Стояли мы у остановки автобусов (разные номера в разные стороны) в ожидании своего. Узрев приближающийся автобус, мы сделали пару шагов вперед, но он оказался

не нашим. Не разбираясь в номерах, Пик залез, и автобус отъехал. Я была в ужасе: это была наша с ним первая вылазка в город. Дорогу назад он не знал. Надо было догнать автобус. Я надеялась на такси, но увы... Прошло минут десять, пока появился следующий автобус, но он тоже был не мой. Поняв, что догнать автобус с Пиком я уже не смогу, что его завезут неизвестно куда, и что, следовательно, я его потеряла, я расплакалась. Наконец подъехал мой автобус. Он был полупустой, и я села в первом ряду, не переставая плакать. На следующей остановке сидящий рядом со мной мужчина сошел, и я подвинулась к окну. На последующей остановке зашло несколько человек и... Пик, который, очевидно, «унюхав» меня, моментально прибежал ко мне и, прыгнув на свободное рядом со мной сиденье, полез на меня и начал «целовать».

Как я предполагаю, поняв, что меня в первом автобусе не оказалось, он сошел на следующей остановке, дождался второго автобуса, залез, «обследовал» его, и как только автобус остановился, опять вышел. Дождавшись третьего, он опять залез и... нашел! Он был вне себя от счастья. Я тоже!

Это был первый, но далеко не единственный случай, когда Пик поразил нас своей сообразительностью. Их было множество, однако апогея сообразительности он достиг, когда моя жизнь оказалась в его «руках».

Случилось это тогда, когда я, вопреки прогнозам специалистов, забеременела, и все с нетерпением ждали «принца-наследника». В этот день прямо с работы я пошла на похороны внезапно скончавшейся в школе нашей учительницы. Вернувшись домой, я тут же прилегла: мне нужно было успокоиться и немного отдохнуть. Вдруг я почувствовала себя плохо: у меня начались сильные боли внизу живота и в пояснице, которые становились всё сильнее и сильнее. Я попыталась встать, но тут же упала на пол. В доме, кроме Пика, никого не было, а он, вероятно, почуяв, что со мной происходило что-то неладное, стал беспомощно крутиться возле меня, лаять и лизать мне лицо.

Было это в начале лета. Все двери были открыты. Вдруг его не стало, но несколько минут спустя он вернулся вместе с Леной, моей соседкой. Как выяснилось потом, выбежав из дому, Пик побежал к ней и со страшным лаем стал царапаться в дверь. Как только она к нему вышла, он, не переставая лаять, начал бегать взад и вперед от дома к калитке. Сообразив, что у нас что-то стряслось, она тут же побежала за ним.

Картина была ясна, а потому, ничего не спросив, Лена сразу побежала на главную улицу к телефону-автомату и вызвала «скорую помощь».

Всё это время я каталась по полу со страшными болями. В больницу меня привезли в полуобморочном состоянии. Со мной поехала одна Лена. Пик, которого прогнали из машины, побежал вслед за нами до больницы, откуда его опять прогнали.

У меня был выкидыш с тяжелыми последствиями. Я пролежала в областной больнице с высокой температурой около двух недель. Ни на минуту Толя, мой муж, не отходил от моей постели. Не покидал меня и Пик! Истощенный, он всё это время лежал у главного входа больницы, и никакими силами прогнать его оттуда нельзя было. Более того, ему стали приносить пищу и воду, но он ни к чему не притрагивался. Даже из рук Толи ничего не хотел брать.

Когда меня, наконец, выписали, увидев меня, Пик попытался встать, но тут же повалился назад. Ваня, наш шофер, на руках занес его в машину, а затем – в дом.

Я тоже еле держалась на ногах. Мне помогли добраться до кровати, а Пик, собрав все силы, приполз вслед за мной и устроился на «своем» коврик у моей постели. На сей раз Толя не прогнал его оттуда. Более того, он стал ухаживать за ним тоже, и с того момента отношения между ними окончательно наладились, а когда встал вопрос об эмиграции в Израиль, без всякого обсуждения он был включен в состав нашей семьи. Он же об этом ничего не знал!

Как только появилась возможность поехать на свою историческую Родину, для нас с Толей вопрос «ехать или не ехать?» не существовал. Мы тут же, преодолевая препятствия, стали собираться. Пик, которому такие слова, как Родина и репатриация, были незнакомы, ничего не подозревал, пока в доме не появились пустые ящики, которые постепенно стали наполняться домашней утварью и мебелью. Когда квартира опустошилась, он стал с недоумением следить за происходящим, забеспокоился и насторожился. В результате впал в депрессию, отказался от приема пищи и ни на шаг от меня не отходил. Пришлось обратиться к ветеринарному врачу, который прописал ему курс уколов витамина B12. Лечение ему помогло, он успокоился и опять повеселел. Всё было хорошо, пока в доме не появились грузчики. Как только они попытались вынести из дому первый ящик, Пик моментально набросился на них, а одному грузчику даже разорвал штанину. Такого раньше никогда не случалось. Пришлось оторвать

его от своей «жертвы» и насильно запереть в ванной комнате, откуда потом не переставал раздаваться его гневный лай.

Когда ящики были вынесены из дому и погружены на машину, Толя поехал с ними на вокзал, а я бросилась освободить Пика. Не успела я переступить порог, как он с такой силой набросился на меня, что я упала на спину. Испугавшись, Пик начал облизывать мне лицо. С трудом отодвинув его от себя, я встала, обняла его и со слезами на глазах стала успокаивать. Позже мы с ним вышли на прогулку.

Усталые, но окончательно успокоенные, спустя час мы вернулись домой. Толи еще не было. Я вошла в совершенно пустой дом, и у меня защемило сердце. Не знаю, как Пик, но мы с Толей в ту ночь глаз не сомкнули: это была наша последняя ночь в нашем любимом доме, любимом городе да и стране, которую мы за истекшие тридцать лет успели полюбить, но которую на следующий день нам предстояло покинуть навсегда. Ну, а люди? А могилы родных и друзей?!

Но Пик об этом ничего не знал. На следующее утро, как только Толя поехал в город, Пик, как обычно, забежал в нашу спальню и с разгоном прыгнул на наш старый лотербет, с которым пришлось «примириться» в последнюю ночь и на котором я еще возлежала. Всё было хорошо, пока я не встала и не начала заниматься последними приготовлениями в дорогу. Открыв большой чемодан, который мы собирались брать с собой, я стала отбирать самое необходимое.

Я ходила по пустому дому, подбирая разбросанные то тут, то там вещи. Каково было мое удивление, когда, вернувшись в спальню, я увидела Пика в оставленном мною на полу открытом чемодане, из которого с одной стороны свисал его шикарный хвост, а с другой – его мордочка, по которой лились слезы. У меня чуть не оборвалось сердце. Бросив на пол охапку собранных вещей, я опустилась на колени перед Пиком, с трудом вытащила его из чемодана и, схватив в свои объятия, стала успокаивать, заверяя его, что мы его не собирались бросать, что он поедет с нами и мы никогда не расстанемся, потому что мы его очень любим.

Не знаю, понял ли он всё, что я ему говорила, но, по всей вероятности, мой вид, мои слезы, объятия и поцелуи успокоили его, и он дал мне возможность собраться. Но как только я закрыла чемодан, он тут же прыгнул и лег на него. И в машину, и в поезд он залез первый!

Хотя у Пика, согласно купленному билету, была «личная» полка в нашем купе, он от меня ни на минуту не отрывался: он лежал у моих ног так, чтобы чувствовать их своей головкой. Сидя, стоя или лежа,

стоило мне пошевелиться, как он тут же встревоженно поднимал головку и пристально смотрел мне в глаза.

До Львова ехать пришлось всю ночь. Все мои попытки выгулять его на больших стоянках успехом не увенчались: очутившись на перроне, он тут же забегал обратно в вагон, а мне ничего другого делать не оставалось, как побежать за ним. Боясь, что его «прорвет» в вагоне, я с ним всю ночь «воевала». Толя злился, но ничего не говорил.

Ничего не изменилось и по прибытии во Львов, где нам предстояло присутствовать при проверке отправленного нами ранее багажа: двадцать больших и малых ящиков, в которых находилось всё наше «богатство»: мебель, ковры, картины, сотни книг и грампластинок, посуда и одежда. Всё бывшее в употреблении, ничего нового, как полагалось! Никакой проверки мы не боялись. Но, увы! В последнем ящике один из проверяющих обнаружил «corpus delictum» (предмет преступления) – на лампочках радиолы была недавняя дата! Они заколотили ящик без «Ригонды», а нас повели к начальнику. Разговор был коротким: обозвав нас «изменниками Родины» и «нарушителями закона Союза Советских Социалистических Республик», начальник объявил нам, что «Ригонда» подлежит конфискации, что вопрос о нашей дальнейшей судьбе будет рассматриваться в «высших инстанциях» и что за «приговором» нам предстояло явиться лишь в понедельник в восемь утра. Во-первых, это была только пятница, во-вторых, наш поезд в Чоп отправлялся в понедельник в восемь тридцать утра, а главное, что пока наши визы оставались у него.

«Только не это! – воскликнул Толя. – Вы можете себе забрать не только нашу старую радиолу с новыми лампочками, но и весь наш багаж. Но не визы: на это у вас никакого права нет!» Не понимая, о чем шла речь, но почувствовав, что атмосфера накалялась, Пик насторожился и зашевелился. Я его еле удержала. Однако, когда по сигналу начальника в кабинет ворвались двое верзил, которые, схватив Толю за руки, стали его вытаскивать в коридор, Пик вырвался из моих рук и напал на них. Благо, что на нем был намордник.

Толю «культурно» выставили из кабинета начальника, а мы с Пиком пошли вслед за ним. До такси мы еле дотащились, а к Саре, папиной троюродной сестре, проживающей во Львове, мы попали лишь при помощи таксиста: у Толи подкосились ноги, а в лице не осталось ни кровинки. Мы тут же вызвали «скорую помощь». Несмотря на то, что подозревался микроинфаркт, в больницу его не забрали: у нас не было документов! Пришлось вызвать частного врача, который,

как мог, несколько облегчил состояние Толи. Мы с Пиком ни днем, ни ночью ни на минуту от его постели не отходили. Толе стало чуть легче, но, когда в назначенное время нам пришлось опять встретиться с тем же начальником и тот дал нам подписать какой-то документ, в котором к «составу преступления» прибавил еще «предложение взятки» (наш багаж), Толе стало плохо, и его пришлось облить водой.

Испугавшись, что Толя мог скончаться в его кабинете, чиновник тут же распорядился немедленно отправить наш багаж и посадить нас в отправляющийся в Чоп поезд. Я попросила вернуть наши визы, и он, ничего не сказав, вручил их мне. Это было наше спасение: ничего не подписав, с визами мы отправлялись не на Дальний, а на Ближний Восток.

Пик не понимал, какая между ними разница, и был готов ехать в любом направлении, лишь бы не расставаться с нами.

Толе было очень плохо, и мы с Пиком не отходили от его полки до самого Чопа. По прибытии в Чоп Толю повезли прямо в медпункт, а нам с Пиком, помимо проверки ручного багажа, предстояло пройти последнюю оскорбительную телесную проверку.

Чоп – последний камень преткновения при выезде из Советского Союза на Запад. Там была таможня, и на сей раз дело мы имели с вооруженными пограничниками. Хорошо, что Толи с нами не было: он бы точно не выдержал предстоящего.

В поисках таможенниками бриллиантов (которых у нас не было с собой), мне предстояло пройти гинекологическое обследование, а Пик – рентгеновское просвечивание. Попросив у меня поводок, какой-то пограничник попытался потянуть Пика за собой. Но не тут-то было! Не зная, что такое рентген, и боясь, что нас хотят разлучить, Пик стал всеми силами упираться, и сдвинуть его с места пограничнику не удалось. В процессе единоборства Пик ушел от своего ошейника, он подбежал ко мне и, став на задние лапы, передними обхватил мою правую ногу и пристально, умоляюще смотрел мне в глаза. Повторная попытка оторвать его от меня ни к чему не привела: он отбивался, как бешеный. Вокруг нас собралась толпа. Пожалев нас, люди стали просить оставить нас в покое. Я расплакалась и тоже попросила нас отпустить, так как в медпункте у меня находился умирающий муж. И тут объявили посадку на наш поезд. Я чуть не сошла с ума, как вдруг свершилось чудо: нас отпустили, и мы с Пиком побежали в медпункт. Толи там не оказалось. Я чуть не потеряла сознание, когда какой-то пограничник вдруг сказал:

«Мы его уже „загрузили“ в вагон, поезд отправляется, бегите!» И мы с Пиком побежали.

Из последних сил и в последнюю минуту мы попали в поезд, но не в наш вагон: Пик прыгнул в первый попавшийся, а я за ним. На ходу мы разыскали Толю. Он лежал ни живой ни мертвый. Увидев нас, он расплакался. Это был первый раз, когда я увидела его плачущим: он был уверен, что опять нашли, за что зацепиться, нас задержали, и что он нас потерял навсегда. Ничего не объясняя, я только произнесла: «Нас спас Пик!», а затем, обняв и поцеловав Толю, сказала: «Всё позади! Мы свободные люди! Держись!» Потом я обняла Пика и то же самое сказала ему, добавив: «Спасибо, друг!» Вдруг, почувствовав свободу, впервые с тех пор, как мы покинули наш дом, Пик, радостно виляя хвостом, залаял!

В Вену мы прибыли утром. Это было лучшее утро нашей жизни за последние тридцать три года – с тех пор, как мы покинули мой родной город Бухарест, эмигрировав в Советский Союз. Это было утро тринадцатого мая тысяча девятьсот семьдесят третьего года. Как только очутились на перроне, нам сразу стало легче дышать, и мы полной грудью стали вдыхать запах необыкновенной венской весны и СВОБОДЫ!!! У всех на глазах снова появились слезы, но это были другие, сладкие, слезы, слезы радости.

На перроне нас тепло встретили представители израильского Сохнута, которые, поздравив с прибытием, пригласили занять места в ожидающих нас шикарных автобусах. Толя еле держался на ногах. Обратив внимание на его состояние, они предложили нам немного подождать.

В бывший австрийский дворец Шенау, где в то время располагался пересылочный пункт евреев-эмигрантов из Советского Союза, мы с Толей и Пиком попали на машине «Красного Креста». Оставив Толю в медпункте на попечении медработников, мы с Пиком со спокойной совестью пошли регистрироваться.

Посередине большого зала, куда нас направили, от края до края стояли накрытые праздничными белоснежными скатертями столы, которые ломились от всяких яств, разноцветных напитков, фруктов и тортов, а также грома одноразовых стаканчиков и тарелочек. Я первым делом попросила мисочку и водичку для Пика, и нам тут же принесли. Пик стал жадно ее пить. Ему принесли также «Doggy» – пищу для собак, которая ему пришлась по вкусу. А ведь он всю дорогу ни к чему не притрагивался!

С левой стороны вдоль стены стоял ряд столов, за которыми восседало несколько человек: мужчины и женщины. Посередине столов красовались бело-голубые флажки. Увидев их, я прослезилась.

С правой стороны был такой же ряд столов, тоже люди, но другие флажки – американские! Оказалось, что американцы решили воспользоваться случаем и широко открыли «ворота» молодым людям с высшим образованием с семьями. Соблазн был велик, и многие, не устояв, пожертвовали собственными родителями, благодаря которым они вырвались из Советского Союза, и, отправив их на попечение молодого израильского государства, сами побежали направо.

Ни на минуту не задумавшись, мы с Пиком повернули налево. В том, чтобы посоветоваться с Толей, не было никакой необходимости. Мы с ним прошли через тот крошечный ад не ради «дяди Сэма», а по зову крови. Что касается Пика, то он ехал по зову сердца и был готов поехать куда угодно, только бы не расставаться с нами.

С левой стороны очередь была небольшая, и мы вскоре, оформившись и получив ключ от выделенной нам комнаты, побежали к Толе в медпункт. Не знаю, чем его там «пичкали», но я уверена, что не медикаменты поставили его на ноги, а сознание того, что мы, наконец, – на правильном пути! Толя воспрянул духом. Обняв и поцеловав меня, он вдруг сказал: «Какая ты молодчина! Спасибо тебе за всё!» Наше настроение передалось и Пик: виляя хвостом, он стал радостно прыгать на нас. От души поблагодарив медиков, оттуда мы уже ушли втроем.

Нам выделили отдельную комнату с тремя железными кроватями, но с белоснежной постелью. Уложив Толю, я, извинившись перед ним, взяла Пика на поводок и вывела его на прогулку. Только там и тогда впервые с тех пор, как мы покинули свой дом, он освободился от своего «груза». Какая выдержанность!

Вернувшись в нашу комнату, я подвела Пика к одной из кроватей и, постучав по матрасу, сказала: «Это твоя кровать. Ложись!» Он тут же прыгнул на постель и лег. Я легла на стоящую между Толей и Пиком кровать. После стольких бессонных ночей нам нужно было хоть немного передохнуть. Не успела я прилечь, как Пик тут же перепрыгнул на мою кровать и улегся у моих ног. Так все мы моментально уснули.

До обеда оставалась еще пара часов. После обеда нас пригласили на встречу с послом Израиля в Австрии, и мы туда опять пошли втроем. Лежа у моих ног, Пик внимательно слушал ивритскую речь в переводе на русский, никому не мешая. Ивритскую речь мы тоже

впервые слышали. Она нам казалась непостижимой, но благодаря переводчику мы очень много интересного узнали о своей стране, и мы ее сразу полюбили.

Всё было хорошо, пока господин посол не коснулся нашего положения. Оказалось, что в свободной Австрии мы находились в положении «заключенных»: опасаясь террористического покушения, нас охраняли солдаты, никого к нам не подпускали, а нам выход в город был строго воспрещен.

Как Толя, так и Пик, оба восприняли положение должным образом. Другое дело я. Меня это сильно расстроило: рухнула моя заветная мечта погулять по красавице Вене. И тут, того не зная, положение спас Пик!

Мы сидели в саду на скамейке, когда к нам неожиданно подошел сам посол. Его внимание привлек Пик. Как выяснилось из дальнейшего разговора, у него дома в Тель-Авиве была точно такая же собака (спаниель), по которой он очень скучал. Подойдя ближе к Пик, он стал нежно гладить его по головке, на что Пик совершенно спокойно прореагировал. (Собаки на расстоянии чувствуют любящих их людей.) Я с послом тоже нашла общий язык (английский), и мы разговорились. Вдруг совершенно серьезно он предложил мне продать ему Пика. Ни на секунду не задумавшись, извинившись, я сказала: «Друзей не продают!» Сказала и тут же пожалела: он мог обидеться. Но нет! Наоборот! Он похвалил меня и, в свою очередь, извинившись, сказал: «Многие привозят породистых собак на продажу», – и попросил разрешения сесть рядом с нами. Видно было, что ему хотелось еще немного пообщаться с Пиком.

Толя английского языка не знал. Желая включить его в наш разговор, я перешла на немецкий: помимо школьной программы, Толя прошел «практику», работая на немцев около трех лет во время войны. Заинтересовавшись нами тоже, господин посол стал задавать нам разные вопросы. Между прочим, я ему призналась, насколько была разочарована тем, что лишена возможности хоть одним глазком взглянуть на знаменитую Вену и ее достопримечательности. И вдруг совершенно неожиданно он воскликнул: «А что, если я вам предложу остаться с Пиком на пару часов, пока вы на моей машине погуляете немного по городу? Мой шофер – молодой, интеллигентный австриец – с удовольствием покажет вам свой любимый город. Согласны?» Я готова была его расцеловать! Заметив мой восторг, он тут же добавил: «Только при одном условии: из машины ни на ми-

нута не выходить!» – «Мы согласны на все условия, лишь бы Пик не возражал: он без меня ни на шаг!» – сказала я.

К нашему общему удивлению, Пик пошел с нами, по привычке первый прыгнул в машину, как только шофер открыл дверцу, но, когда я с ним «поговорила», а господин посол нежно взял его на руки, он пошел с ним, не сопротивляясь, давая нам возможность увидеть Вену из окон машины израильского посольства и погулять по всемирно известному Венскому лесу, не выходя из машины!

Невероятно, но факт! Мы оказались за железным занавесом, к тому же где?! В одном из знаменитейших уголков мира! Это был незабываемый день!

Вернувшись во дворец, мы увидели господина посла, мирно гуляющего с Пиком. Мы от души поблагодарили его за сказочный тур, а он в свою очередь поблагодарил нас за предоставленное ему удовольствие от общения с Пиком.

В ту ночь мне приснилась Вена, а когда проснулась, на ум мне пришли слова поэта В. Маяковского: «И жизнь хороша, и жить хорошо!».

В Америку самолет отправился в тот же вечер. Из-за нехватки пассажиров нам пришлось переночевать в замке в надежде, что со следующей партией эмигрантов можно будет «догрузить» наш самолет. Пока что мы с Пиком гуляли по дворцу, наслаждаясь его красотой и свободой. Нам было хорошо, и мы никуда не торопились. Другое дело Толя: он сильно нервничал. Во-первых, как я потом поняла, он неважно себя чувствовал (виду он не подавал). Во-вторых, мы слишком долго задержались, а в Израиле Соня, его сестра, и его семья, вне всякого сомнения, уже забеспокоились. Последнюю телеграмму мы им отправили из Черновцов перед выездом. Из Вены сам Сохнут отправлял телеграммы родственникам только после отправления самолета. Вдруг по громкоговорителю мы услышали свои имена: нас приглашали зайти в какую-то комнату. Я пошла одна, но оказалось, что им нужна была не я, а Пик. Ему нужно было сделать по размеру деревянную клетку для перевозки в пассажирском самолете. Я возразила, объяснив, что он у нас «ручной», как ребенок, но это не помогло. Пришлось согласиться и привести Пика. Процедура не пришлась ему по вкусу, и он всё время дергался. Благо, что она длилась недолго.

Наступил вечер, а нам еще ничего не сообщили. Люди стали нервничать, так как это был уже четверг. По пятницам и субботам самолеты не вылетали. Стало быть, в лучшем случае мы полетим лишь в начале следующей недели. Настроение приезжих снизилось до нуля!

Было около двенадцати часов ночи, когда вдруг позвонили и пригласили спуститься в зал с багажом: мы отправлялись в аэропорт! Все побежали. Начался ажиотаж. Нас попросили успокоиться, строиться по два человека и спокойно ждать своей очереди. Оказалось, что за дверью от самого выхода и до автобусов «в нашу честь» был выстроен «почетный караул» – вооруженные солдаты! Темнота ночи и обстановка наводили страх. Нас попросили сохранять спокойствие, объясняя, что это – израильские солдаты, которые нас охраняют, и что они будут нас сопровождать до самого аэропорта.

Пик опять прилип к моей ноге, и я вспомнила о клетке. Спросить было некого. В автобус мы беспрепятственно вошли втроем. Улучив подходящую минуту, я спросила шофера о клетке, и он заверил меня, что она вместе с багажом в багажном отделе автобуса.

Ехали мы довольно долго. В автобусе царил молчание. В темноте ночи ничего не было видно. Создавалось впечатление, будто нас везут по безлюдным местам. Все с нетерпением ожидали увидеть наконец огни аэропорта. Вдруг автобус остановился, и нас попросили бесшумно выйти на посадку. Никакого здания не было видно. Опять стало страшно. Нам велели двигаться вперед. Привыкнув к темноте, мы увидели посреди поля ожидающий нас самолет со спущенным трапом. Нас попросили тихонько, по одному подняться по трапу. В дверях самолета нас встречали две молодые, красивые стюардессы. Сердце забилося сильнее.

Когда наконец пришла наша очередь, и мы стали подниматься по трапу, нас вдруг остановили: без клетки Пика в самолет не впускали! Я сказала, что клетка в багажнике автобуса. До выяснения нас попросили сойти с трапа и подождать в сторонке. Минуты тянулись, как годы. Посадка уже закончилась, когда нам сообщили, что клетки нет: ее, очевидно, забыли во дворце, – и мы можем подняться, но без Пика. Его повезут назад.

Разговор со стюардессами велся на английском. Ни Толя, ни Пик не понимали, что произошло. Пришлось объяснить Толе, что случилось, добавив, что я без Пика не полечу. Дрожащим голосом Толя сказал: «А я не поеду без тебя!» Уговорить его я не смогла и заплакала.

Почувствовав, что происходит что-то неладное, Пик точно так же, как в Чопе, схватил мою ногу в свои передние лапы, вцепившись в нее, как клещами. Я и не могла, и не хотела сдвинуться с места, хотя в самолете уже начался «бунт»: пассажиры требовали отправить

самолет без нас. Вдруг к нам спустился сам командир экипажа, который на прекрасном английском начал объяснять мне, что он не может нарушать международное правило перевозки животных, но что он сам проследит за тем, чтобы Пика отправили в Израиль следующим самолетом. «Приезжайте в Лод в воскресенье утром. Я вам его лично вручу. Мое офицерское слово!» – сказал он.

Слово офицера, состояние Толи и страх, что из-за меня люди могут пострадать, привели к тому, что, попрощавшись с Пиком, обещая ему, что мы вскоре опять будем вместе, я передала его шоферу автобуса и, взяв Толю под руку, с помощью молодого командира затащила его в самолет.

Что было дальше, я не знаю: весь полет я проплакала, и только когда самолет пошел на посадку и пассажиры громко зааплодировали, поняла, что мы уже прилетели и, обняв Толю, поцеловала его и прошептала: «Прости!»

Через несколько минут, сойдя с самолета, мы увидели толпу бежавших нам навстречу людей с песней: «!הבנו שלום אליכם!» и, хотя смысла слов не понимали, почувствовали, что эти люди – наши братья и сестры и что, наконец, мы на своей Родине. И опять я прослезилась от радости.

Нас пригласили подняться на второй этаж, где в то время располагался отдел Сохнута. Там занимались вопросом репатриации и распределения новоприбывших. Нас определили в закрытый ульпан в Нацерет-Илите, но я поспешила от этого отказаться, объяснив, что в Рамат-Гане живет мой единственный оставшийся в живых дядя, папин брат, ради которого мы и приехали в Израиль, и хотим жить рядом с ним.

Нам объяснили, что Рамат-Ган – не олимовский город, что там нет ульпанов и квартир для олимов (репатриантов).

Переговоры вела я на английском языке. Пришлось объяснить Толе, каково положение вещей, и попросить его поддержать меня. Заговорив на идише, он так и сделал. Посоветовавшись, они предложили нам подписать какой-то документ, согласно которому мы отказывались от предложенных услуг, желая строить свою жизнь в Израиле самостоятельно. В скобках, по нашей просьбе, они добавили слово «Рамат-Ган». Не подозревая того, мы фактически подписали себе «смертный приговор».

Счастливые, с их разрешения мы спустились в отдел ручного багажа, где с нетерпением нас ждали Толин шурин и племянник

Володя. На его машине мы и поехали к Соне в Кирьят-Хаим. Там вся Толина семья была в сборе. Не хватало только Лизы, Толиной племянницы, которая приехала год спустя, и моего Пика, которого мы должны были встретить рано утром в воскресенье. «Как бы дожить бы!» – думала я. За этим последовали суббота и две бессонные ночи. Даже море, которое было совсем рядом, не могло успокоить меня, и я с трудом сдерживала слезы.

Узнав, что нам следовало быть в аэропорту рано утром, Толины «дети», несмотря на то, что у всех уже были свои собственные машины, проинструктировали нас, как туда попасть на автобусе с пересадками в Хайфе и Тель-Авиве. Номеров автобусов они не знали. Поблагодарив за информацию, мы поехали на такси, взяв с собой небольшой чемодан с самыми необходимыми вещами на ближайшие пару дней. Всю дорогу мы ехали молча. Я себе представляла, о чем думал Толя. Я же ни о чем другом, кроме Пика, думать не могла.

Когда мы, наконец, добрались до аэропорта, после долгих расспросов и беготни узнали, что как новоприбывшие, так и экипаж самолета давным-давно разъехались и что о Пике никто ничего не знал. Если он прилетел, то прилетел «зайцем»: ни в каких списках он не фигурировал – ни в списках пассажиров, ни в списках товаров. «Стало быть, – успокаивали меня, – этим рейсом он не прилетел. Поезжайте домой и позвоните послезавтра. На всякий случай!» Толя уже было согласился: совет был логичен, но я об этом и слышать не хотела и продолжала разыскивать Пика. Я не могла себе представить, что командир экипажа не сдержал слова.

Мое чутье меня не подвело: я его нашла! Нашла я его в одном из углов багажного отделения, куда, смилостивившись надо мной, стоящий в дверях военный пропустил меня (без Толи). Лежа в каком-то сбито из досточек ящике, он казался мертвым. Не своим голосом я крикнула: «Пик!» и побежала к нему. Не успела я протолкнуться между стоящими в очереди за багажом людьми, как на меня вдруг прыгнул Пик.

Распустив «нюни», я обняла его и на руках потащила к выходу, где нас ждал удивленный Толя. Пик тут же радостно потянулся к нему, и я его спустила на землю. Вот каким образом попал «новый репатриант» Пик без билета, документов и регистрации на священную землю. Теплая встреча и температура воздуха и земли, по которой он уже ступал, согрели его, и он ожил.



Пик на Священной земле. Рамат-Ган, 1973 г.

Втроем, счастливые, на машине какого-то доброго человека мы поехали в Рамат-Ган начать новую жизнь в квартире, адрес которой нам на всякий случай (неофициально) дал один из членов комиссии Сохнута в Лоде.

Толя сидел рядом с шофером, а мы с Пиком в обнимку – на заднем сидении. Он не переставал радостно лизать меня. Подъехав к дому, мы с Толей переглянулись: это был красивый дом и, по словам водителя, в самом центре города. Город нам тоже понравился.

Рассчитавшись с молодым человеком, мы поблагодарили его от всего сердца: он нас просто спас – таксисты наотрез отказались впустить нас в машину с собакой!

Нам дали номер дома без номера квартиры, но заверили, что квартира пустует. Оказалось, что она полуподвальная и не такая уж необжитая. Взглянув через разбитое окно, Толя понял, что ее уже давно «оккупировали» кошки и другая живность, а по словам какой-то соседки, хозяева квартиры жили в Иерусалиме. Всё это я узнала потом, но, глядя на Толю, когда он вернулся из «разведки», я всё поняла и сказала: «Это не конец света! Главное – мы уже здесь. Пошли!» Ничего не ответив, Толя взял чемодан, а я Пика на поводке, и мы потопали. Вскоре мы оказались на главной улице Бялик перед зданием муниципалитета. У меня было такое чувство, будто его в ту минуту установили там специально для нас. Посадив Толю на скамейку во дворе и привязав Пика к ножке скамейки, я побежала на улицу и вскоре вернулась с мисочкой для Пика, минеральной водой и тремя бутербродами с колбасой. Устроив пикник на природе, мы с Толей, улыбнувшись, чокнулись водой, после чего, сказав, что скоро вернусь, я побежала в здание муниципалитета. Я была уверена, что нас там ждали. У нас было направление в Рамат-Ган! Но! Оказалось, что сначала нам следовало поехать в Тель-Авив, где

находился Центральный Сохнут. Ясно, что начать нужно было с дяди, но его дома не оказалось. Уже наступили сумерки. Как на Толю, так и на Пика было жалко смотреть. Я ломала голову в поисках выхода из создавшегося положения. Спасла нас моя подруга Мая Нимковская, которая, узнав, где мы находились, тут же прибежала с мужем и забрала нас к себе. Я этого никогда не забуду.

У них мы пробыли около двух недель, пока не подобрали себе подходящую квартиру. Прошло более трех месяцев, пока чиновники, сумев собрать таких же «зайцев», какими были мы, из пригородов Тель-Авива, открыли улыпан в Рамат-Гане. Это случилось только первого сентября. К тому времени мы успели получить багаж, кое-как устроиться и подлечить Толю в больнице им. Бейлинсона, куда он попал с обширным инфарктом (после пережитого во Львове). Удалось также вытащить Пика из депрессии, в которую он впал еще в Вене, когда нас потерял, и усугубившуюся в процессе тяжелой абсорбции (ему не удавалось найти «общий язык» ни с израильтянами, ни со своими братьями, которых он стал бояться). Опять пришлось обратиться за помощью к ветеринарному врачу в Тель-Авиве, куда мы с ним в течение месяца ездили на уколы витамина B12.

Всё это время мы «варились в собственном соку». Лишь потом я стала приглашать к нам своих родственников. Все они, кроме дяди, жили в Тель-Авиве. Из Толиных родственников приезжали только Соня, его сестра, когда он лежал в больнице, а затем Хана, их старшая сестра, которая специально прилетела из Торонто, чтобы его повидать. (Последний раз они виделись, когда ему было всего девять лет, и она уезжала к своему жениху в Канаду.)

Мы успели позаниматься в улыпане всего один месяц, когда вспыхнула война Судного дня. Пик об этом не знал, но и войну, и ее последствия мы с трудом пережили, никому не жалуясь.

До начала занятий в улыпане мы с Пиком были неразлучны. Мы брали его с собой везде: за покупками, по инстанциям, а главное, по утрам на короткие прогулки, а по вечерам и до полуночи он свободно гулял по саду Мемориала павшим воинам «Яд ле-Баним», который находился на возвышенной местности напротив нашего дома.

Лето тысяча девятьсот семьдесят третьего года было знойное, находиться в помещении без кондиционера нам с Пиком было очень тяжело, а для Толи это была настоящая каторга: ему нечем было дышать.

Проблема с Пиком началась, когда мы с Толей начали учиться в улыпане, и он оставался дома один. С момента нашего ухода и до воз-

вращения он не переставал скулить, что, естественно, раздражало наших новых соседей и их собак, которые не переставали лаять на Пика. Все мои просьбы и доводы ни к чему не привели: он никак не мог понять, почему ему нельзя было ходить на занятия вместе с нами. Ведь ему тоже нужно было изучить иврит!

Положение улучшилось только после окончания ульпана, когда я пошла на курсы преподавателей английского языка, без которых нельзя было устроиться на работу в Израиле. Тогда Пик находился при Толе. Это был не идеальный вариант, но всё же выход.

Не лучше обстояло дело и в Реховоте, куда мы переехали спустя полтора года, когда я получила право на преподавание. Благодаря счастливому случаю мне удалось устроиться в Реховотском ОРТе.

Я работала, а Толя, который по возрасту, а главное, по состоянию здоровья работать не мог, был с Пиком. Вскоре Пик нашел соотечественников среди соседей (мы получили квартиру в новостроящемся районе для новых иммигрантов из Румынии и СССР) и их собак. Кроме того, получив номерок в муниципалитете, он стал вести себя не как «нелегал», каким он раньше был, а как полноправный «гражданин» Израиля.

Мы с Толей тоже стали «пускать здесь корни». Получив хорошую новую трехкомнатную квартиру с балконом, мы тут же выкупили ее у «Амидара» (государственная строительная компания), а мне купили машину по льготной цене (Толя был дальтоником и права в Союзе получить не мог). Пик ею очень гордился: ни у кого из его братьев в нашем районе не было такой машины – «Volvo». Более того, мало кого хозяева вообще впускали в машину. Он же с нами ездил повсюду, а иногда даже сопровождал меня на работу. В таких случаях ему перепадала честь занять Толино место, и он бывал на вершине счастья. Сидя рядом со мной, он то пристально смотрел вперед, любуясь дорогой, то высовывался из открытого окна, а его пышная шевелюра развевалась на ветру. В таких случаях он становился центром всеобщего внимания проезжающих рядом с нами: с ним заговаривали, ему делали комплименты, и он был счастлив. Домой он возвращался сам пешком.

Время шло. Восстановилась связь с моими родственниками, с которыми я рассталась еще в детстве, нашлись старые друзья, появились новые, одним словом, все мы, наконец, почувствовали себя ДОМА, среди своих! И вдруг однажды Пик пропал.

Это было не впервые, но то было там и тогда, когда он был «малодой красавец».

В таких случаях, возвращаясь домой, он тут же прибежал ко мне, и, крепко зажав хвост между ногами, виновато опускал голову. И смех, и грех!

Другое дело сейчас, когда он уже перешагнул максимальный возраст для его породы (тринадцать лет), когда у него уже давно поседела бородка, и он стал линять. Теперь причина должна была быть иной. «Стало быть... – подумала я, – но нет!» Этого я допустить не могла: будучи примерным пешеходом, он переходил улицу только по «зебре» и только вместе с людьми. И все-таки...

Случилось это, когда мы еще жили в Ошйоте. Переживший трудности абсорбции, Пик уже не боялся сабров (коренных израильтян) и зачастую выходил на короткую прогулку один, вскоре, возвращаясь домой, где его ждали любящие и любимые им люди. В таких случаях он гулял без намордника, так как в нашем квартале все его уже знали и полюбили. На сей раз он не вернулся, и наши длительные поиски успехом не увенчались.

Я его оплакивала, как оплакивают дорогих друзей. Кто-то, то ли зная, то ли желая меня несколько утешить, сказал мне, что некоторые породы собак, чувствуя свой конец, уходят из дома, желая смягчить горе любимых хозяев. Это было похоже на Пика. Более того, я вдруг вспомнила, что в то утро перед его исчезновением мне снилось, будто Пик, который лежал на коврикe возле моей кровати, вдруг поднялся на задние лапы и стал лизать мне правую руку, в то время как из глаз его лились слезы. Я проснулась – Пика возле меня не было! Позже, когда я окончательно пробудилась, заметила, что ни Толи, ни Пика в доме не было. «Они пошли гулять», – подумала я и поехала на работу. Когда я вернулась с работы, Толя мне сказал: «Пика нет! Он не вернулся с прогулки!»

Сейчас, когда я пишу эти строки, я вдруг засомневалась: а что, если это был не сон, а он на самом деле таким образом попрощался со мной?! Мне этого никогда не узнать!

Так или иначе, слова того «знатока» несколько успокоили меня, и я перестала его искать. Но соседняя детвора не сдалась, и время от времени какой-нибудь мальчишка прибежал сообщить мне, что где-то видел Пика, и я, как сумасшедшая, бросив всё, бегала с ними «туда». Но, увы! То ли Пик к тому времени уже ушел оттуда, то ли это был

не Пик, то ли мальчишкам хотелось получить шоколадку, Кто его знает? Я перестала его искать, но не оплакивать.

И вот однажды по дороге на работу я вдруг увидела какую-то собаку, очень похожую на Пика, но грязную и очень худую, которая с трудом передвигалась, пыталась перейти на противоположный тротуар. Высунув голову из окна машины, я не своим голосом крикнула: «Пик!» Оглянувшись и увидев мою машину, он тут же, как мне показалось, прибавил шаг. У меня чуть сердце не разорвалось при мысли о том, что он меня избегал, и, потеряв голову, я выскочила из машины посреди дороги и побежала вслед за ним. Я чуть не попала под проезжающую машину. Спас меня какой-то молодой человек, который потянул меня к себе и, несмотря на мое сопротивление, потащил к моей машине, посадил, а сам сел на мое место за руль. Ключи были на месте. Он включил мотор, и мы поехали. Из-за слез дорогу я не видела. Лишь когда машина остановилась, я поняла, что он привез меня на работу в ОРТ-Реховот, выпускником которого он был и, как оказалось в дальнейшем, моим бывшим учеником.

Во дворе гимназии навстречу бросились мои ученики. Ничего не объясняя, мой спаситель попросил их вернуться в класс. Меня же он повел к Палди – директору ОРТ.

Это был первый случай, когда я опоздала на урок. Даже когда мы жили в Рамат-Гане, я приезжала на работу раньше всех. И всё равно мне следовало объяснить причину и извиниться перед директором, но, обливаясь слезами, единственное, что я могла произнести, было «Пик!» (он его хорошо знал). Остальное рассказал мой спутник. До конца урока оставалось немного. Оставив меня на попечении Эдны, его личной секретарши, Палди вышел. Вслед за ним вышел и молодой человек. Пока в кабинете никого, кроме нас, не было, Эдна всеми силами старалась успокоить меня: мне предстояло пойти в тот же класс на второй спаренный урок. «Но как?» – мысленно задавала я себе вопрос.

Зазвенел звонок с урока, а затем другой – на урок. В кабинет вошел Палди и, обращаясь ко мне, сказал: «Пошли!» Ничего не спрашивая, я пошла вслед за ним. В мой класс мы вошли вместе. Там царил гробовое молчание. Предложив мне сесть на свое место за кафедрой, Палди тут же обратился к классу. Он рассказал ученикам о случившемся и от моего имени извинился перед ними, а в заключение сказал: «Урок отменяется! Жозефин должна продолжить поиски. Если среди вас найдутся добровольцы сопровождать ее, пусть встанут!» Весь

класс поднялся на ноги! «Молодцы, ребята!» – похвалил их Палди, а я еле слышно прошептала: «Спасибо всем!» Палди добавил: «В вашем распоряжении урок и большая перемена. Желаю удачи!»

Мое второе «спасибо» относилось к Палди. Бесшумно, на цыпочках все вышли в коридор, затем во двор и без особого ажиотажа и расспросов дошли до улицы Эзра, где я видела Пика. Там, взяв у меня его фото и посадив меня на скамейку, ребята разбрелись по дворам, расспрашивая встречных о Пике. Единственное, что им удалось узнать, было то, что такая собака, но, очевидно, больная, время от времени появлялась, что ее к себе никто не забрал, но что ее кормили и поили. Я чуть не потеряла сознание.

На следующий день, выезжая из дому, я вдруг на видном месте узрела большое красочное объявление с портретом Пика и надписью: «ИЩУ СВОИХ ХОЗЯЕВ, ПОМОГИТЕ!» и какой-то номер телефона (у нас в то время телефона еще не было). Я умилилась, и у меня опять появились слезы на глазах, но даже сквозь слезы я не могла не заметить, что подобные объявления были расклеены на видных местах вдоль всей дороги от моего дома и до самой гимназии (в то время на улице Гиборэй Исраэль). Однако на этот крик души никто не отозвался, и я поняла, что потеряла Пика навсегда! Поняла, но с мыслью этой не смирилась! Я долгое время не могла свыкнуться с тем, что он ушел из дома умереть, лишив меня таким образом возможности похоронить его по достоинству, поставить ему памятник, отбить на нем его портрет и золотыми буквами написать: П И К.



ФЕНОМЕН ЖОЗЕФИНЫ, ИЛИ МЕТЕОР ЛИТЕРАТУРНОГО НЕБОСКЛОНА

Жизнь сочинителя
есть драгоценный комментарий
к его сочинениям.

А. И. Герцен

Строго говоря, первая часть названия рассказа – «Феномен Жозефины» – это о Жозефине, супруге Наполеона Бонапарта, императрице. Наполеон короновал супругу 2 декабря 1804 года в соборе Нотр-Дам де Пари, во время собственной коронации, в присутствии Папы Римского Пия VII, благословившего эту сцену. Красивый и благородный поступок императора остался в памяти современников как пример чисто символического, пусть и театрального, жеста.

Но наш рассказ сегодня – о Жозефине наших дней. Именно так – метеором – появилась Жозефина Фишман-Дорман со своими рассказами в литературных журналах Реховота и Ашдода, но вначале – в книге воспоминаний о Шоа. «Помни!» – так называется сборник мемуаров узников лагерей смерти и гетто, переживших Катастрофу.

Рассказы Жозефины, написанные талантливо и профессионально, произвели на читателей и журналистов «глубокое впечатление» (из письма Аллы Зельдиной, белорусской писательницы). А если вспомнить, что писать Жозефина начала, по её признанию, в довольно солидном возрасте (за восемьдесят), то аллегория о метеоре начинает приобретать вполне реалистические параметры.

Но правильнее будет сказать не о метеоре, а о звезде на литературных небесах, которая светит и светить будет долго. Пока люди будут помнить о войне. И пока будут читатели. А когда их не будет, придут другие, и эти другие вернутся к книгам Жозефины, потому что они не только о войне и Холокосте, но и о вечном: о добре и зле, о счастье и горе, о рождении и смерти... Вечные темы большой прозы и больших писателей. Вечные темы большой литературы во все времена.

Личность Жозефины, ореол её образа, единственного в своём роде, дают нам право назвать её жизнь и творчество как «Феномен

Жозефины наших дней». Харизма её видна невооружённым глазом. Жозефина – одна из нас, но только она – герой еврейской истории XX века, в особенности трагического периода Второй мировой войны. Истории, интересной как для нас, её современников и читателей, так и для грядущих поколений. Поколений во множественном числе, потому что литературный потенциал книг Жозефины огромен, а их содержание будет актуальным всегда. Пока жив еврейский народ и его коллективная память.

Историческая аллюзия (лат. *allusio* – намёк, подобие) меж двумя Жозефинами – это не просто литературный приём, типа метафоры, или плод фантазии автора-графомана, не спящего по ночам в поисках сюжетов.

С одной стороны – Жозефина де Богарне, – аристократка, супруга императора Франции, со своей особой ролью в великосветской жизни парижских салонов, с адюльтерами без счёта и сильным влиянием на супруга, победителя на полях сражений, но... рогоносца в семейной жизни.

С другой стороны – Жозефина Фишман. В первые месяцы войны юная девушка, вместе с семьёй попавшая из рая счастливого детства в родительском доме в ад гетто Бершадь Винницкой области, где пережила все мыслимые и немыслимые страдания – голод, моральные и физические унижения, брюшной тиф, который её не убил, но от которого умерла её мама.

Жозефина – успешный педагог, филолог, свободно владеющий несколькими иностранными языками и большим опытом преподавания; и, конечно, Жозефина – творческая личность, с богатым внутренним миром, эрудицией, оригинальной литературной манерой и своеобразным повествовательным стилем, оценив который, хочется продолжать и продолжать знакомство с Жозефиной и её книгами.

*Марк Гинзбург,
хирург и литератор*

ВИРАЖИ СУДЬБЫ

Любовь, счастье и судьба

ЛЮБОВЬ

Нет! Это не имя героини рассказа. На сей раз речь идет о самом слове. Я не знаю другого слова, семантика которого была бы настолько многогранна. И в то же время слово любовь не имеет синонимов. Означает оно неопишное чувство, с которым человек рождается, нет на свете такого человека, который бы его не испытал. Можно родиться (не дай Бог!) немым, слепым, без почки или конечности, но не без способности любить.

Нельзя себе представить жизнь без Любви – эти два слова неразлучны. Более того, самые красивые моменты в Жизни связаны с Любовью. Перечислить их невозможно. Мы любим людей, природу, животных, родину, книги, музыку, пищу и много-много всего другого.

А какая у этого слова сила! Ради своего ребенка мать готова совершить невероятные поступки, ради Родины мы готовы пожертвовать жизнью, ради любви совершаются даже безумные подвиги как мужчинами, так и женщинами. Главное – Любить и быть Любимым.

И это – Счастье!

А счастье в руках Судьбы! (Я на нее не в обиде.)

Я познала разные нюансы любви. Но это лишь капля в море. Вот почему в моих последующих рассказах красной нитью проходит любовь.

ЛЮБОВЬ И Я

Я жизнь свою не представляю без любви. Я любила и меня любили...

Моя первая, детская неразделенная любовь была к бывшему моему ровеснику румынскому принцу Михаю. Я не только спала с его фотографией под подушкой, но и сделала альбом его фотографий, вырезанных из газет и журналов. Он был очень красивым ребенком и его фото постоянно появлялись в прессе.

Мне еще не исполнилось и 14 лет, когда в меня влюбился Мендель (я этого не знала). Он был старше меня лет на семь. Работал в комендатуре нашего гетто мясником – убийщиком, и не только содержал свою семью (брата и трех сестер), но и помогал моему папе по хозяйству. Мендель стал моим телохранителем и верным другом. Дважды сделал мне предложение: первый раз в гетто, а потом после войны.

Но... героем моего первого романа был Володя, молдаванин, мой соученик и талантливый художник, который отказался от предложения поступить в Московскую Академию художеств при условии, что мы вместе поступим в Кишиневский мединститут. Но я уехала к своей семье и поступила в Черновицкий университет на физико-математический факультет.

Судьба свела меня с Сеней в первый день занятий на заочном отделении филологического факультета в университете, куда я поступила во время каникул. Он был моим преподавателем английского языка. В тот же день мы вместе ушли после окончания занятий и расстались только поздно вечером. Это была моя первая настоящая любовь, которая с интервалами длилась до окончания университета, когда, отказавшись от аспирантуры, я поехала на работу в районный центр Берездов Хмельницкой области.

Любовь эта была чисто платоническая и чуть не свела меня с ума, когда я узнала, что у Сени были «романы» на стороне, и он находился в бракоразводном процессе. Я решила покончить жизнь самоубийством, но, оставшись в живых, сказала себе, что со мной ничего подобного больше не повторится.

Илюша был первым, добившимся меня мужчиной и сумевшим покорить меня. Главный архитектор города, женатый, отец ребенка, которого он очень любил, влюбившись в меня, готов был разорвать семейные узы, на что я не соглашалась. Наш роман длился около семи лет, пока на горизонте не появился Толя.

Толя – технолог-пищевик, вдовец, старше меня на 11 лет, при первой же встрече решил «завоевать» меня. И он этого добился. Четыре месяца спустя мы поженились. Он оказался моим «Наполеоном», а я стала его «императрицей».

Это был удачный выбор – мы прожили тридцать счастливых семейных лет. И только смерть Толи разлучила нас.

С Яном мы занимались в одном университете на разных факультетах. Мы симпатизировали друг другу и нередко встречались в би-

библиотеке в читальном зале, откуда уходили вместе и часами гуляли.. Но не больше – у каждого из нас была своя «пассия».

Судьба свела нас снова полвека спустя в Израиле, когда он уже был вдовцом, а я боролась за жизнь своего любимого мужа, который вскоре ушел из жизни, оставив меня в полном одиночестве (детей у нас не было). Я находилась в состоянии глубокой депрессии и возможного самоубийства.

Спас меня Ян, а наша с ним «непионерская» дружба длилась более 20 лет.

Его последнее поздравление и единственное объяснение в любви прозвучало по телефону в день моего рождения за полгода до его ухода из жизни.

Я благодарна судьбе за то счастье, которое принесла мне в жизни любовь. Однако, признаюсь, по сей день мне не достает любви моей любимой рано ушедшей из жизни матери.

Да здравствует любовь!

ДАНКО, ИЛИ ЦЫГАНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Я родилась в Бухаресте – «маленьком Париже», как его до войны называли, в зажиточной семье, и это не могло не оставить отпечаток на всю жизнь, несмотря на последующие годы войны, проведенные в условиях депортации, гетто и тяжелых послевоенных лет. Вот почему, попав (по собственному выбору) в забытый Богом уголок Советского Союза – Берездовский район Хмельницкой области на Украине – и столкнувшись с жизнью без прикрас, я в первую очередь пожалела детей, лишенных как материальных, так и духовных благ.

Поехала я туда (отказавшись от аспирантуры) с намерением начать самостоятельную жизнь и заработать много денег, дабы, вернувшись домой (город Черновцы, Украина), обрести «крышу над головой». В этом отношении это было, действительно, идеальное место: я работала с утра до ночи, хорошо зарабатывала, а расходы в условиях отдаленного от культурного центра села (тридцать пять километров до железной дороги на попутных по бездорожью!) были минимальные.

Путь становления в Берездове был тернистый: я варилась в собственном соку, так как оказалась первым дипломированным учителем по иностранным языкам на весь район (тридцать шесть сел). Вместо трех положенных лет «отработки диплома» я проработала там шесть лет. Уехала я оттуда лишь после того, как обеспечила себе замену из числа моих лучших выпускников, которые за это время успели окончить факультет немецкого языка Ровенского института иностранных языков. К тому времени (по моей инициативе) в Берездове открыли вечернюю школу рабочей молодежи, директором которой меня назначили. Будучи также инспектором, я открыла при районных курсах усовершенствования для учителей иностранных языков. Вдобавок ко всему я организовала в соседнем живописном селе Мирутине районный пионерский лагерь во время летних каникул. В ущерб своему отпуску руководить им стала я. Случилось это летом тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, на четвертый год моего пребывания там, когда мне было уже двадцать пять лет!

Работая в двух селах, я сняла квартиру в Мирутине тоже. Мне повезло попасть к паре замечательных стариков, которые, «обманивая» советскую власть, жили вместе нерасписанными, сохраняя таким образом два хозяйства (каждый – свое). Они были хорошими, трудолюбивыми людьми, а потому жили в достатке, имея два дома, два участка, две коровы, две пасеки и так далее. Ко всему, оба они были хоть и простыми, но очень умными, приятными, а главное, порядочными людьми. Я их уважала, а они меня полюбили, как собственную дочь. У Мелании Михайловны не было детей вообще, а у дяди (как я его называла) была единственная замужняя, но бездетная дочь. Как дядя, так и Мелания Михайловна мечтали о том, чтобы я у них осталась навсегда. Поэтому, когда я им сообщила, что остаюсь еще на месяц в связи с тем, что по моей инициативе в их селе открывается летний пионерский лагерь, они чуть до потолка не прыгнули от радости.

В организацию лагеря я ушла с головой. Я тщательно выбрала место и подобрала коллектив. С трудом уговорила Надежду, свою подругу, учительницу биологии, пожертвовать месяцем отпуска. Потом она меня благодарил за полученное удовольствие ходить с детьми в лес в ранние утренние часы и учить их различать виды птиц по их пению, собирать цветы и в то же время изучать их названия, отличать съедобные грибы от несъедобных, собирать



Пионерский лагерь в Мирутине, 1953г.

их, приносить поварихе, а потом вкусно поесть. Физкультурника, местного жителя, особенно просить не пришлось: он любил и свою работу, и детей. Он проводил утреннюю зарядку и организовывал походы на речку, где учил ребят плаванию. Света, наша пионервожатая, обладая хорошим голосом, стала одновременно руководительницей хора, а я вела кружок английской разговорной речи на природе: всё окружающее нас превратилось в «наглядное пособие», а дети, играя, на ходу обогащали свой словарный запас, впервые используя его в устной речи. Недовольных не было, и из года в год, с опытом, в голову приходили новые идеи, для осуществления которых приходилось выпрашивать деньги в вышестоящих инстанциях. Но не было случая, когда бы я чего-то не добилась: мне уступали потому, что «дело мое было правое», и, в конечном итоге, результатом моей работы могли похвастаться о н и !

Так прошли три лета. С наступлением четвертого сезона лагеря мне хотелось сделать что-нибудь экстраординарное, которое бы дети запомнили на всю жизнь. Я думала-думала, но ничего не могла придумать. Совершенно неожиданно в этом помог мне дядя.

Было это вечером. Вернувшись домой из лагеря усталой, я пошла в свою комнату немного отдохнуть в ожидании дяди (ужинали мы всегда вместе). Очевидно, я успела задремать, ибо сквозь сон я услышала дядин голос:

– Борисовна, встаньте, я вам привел жениха!

Я продолжала лежать, пытаюсь разобраться, не сон ли это был, когда вдруг услышала:

– Борисовна, если вы не выйдете, он к вам сам зайдет!

Крикнув: «Я сейчас!», я привела себя в порядок и открыла дверь. Тети в той комнате не было: был только дядя и... (не поверите!) молодой красивый цыган! Поздоровавшись, я обратилась к дяде:

– Так где же мой жених?

Не давая дяде открыть рот, цыган с улыбкой на лице произнес:

– Это я, моя красавица! – и недолго думая, не давая мне опомниться, подошел и поцеловал меня в щеку.

Я оторопела. Тут вошла тетя с корзиной свежих фруктов из сада.

– Чего это вы там стоите? Садитесь, будем ужинать, – сказала она, направляясь к кухне.

Очевидно, гостя она сначала не заметила. Лишь потом, когда вернулась со скатертью и бутылкой вина, увидев цыгана, она спросила:

– А ты кто?

– Жених Борисовны! – поспешил ответить он, а она тут же рассмеялась и, подойдя к дяде, который уже сидел за столом, «погладила» его скатертью по голове со словами:

– Это ты, дурило, начудил?! – и мы все расхохотались.

Выпив по стакану вина, дядя с цыганом направились к выходу. Дойдя до дверей, цыган повернулся ко мне и с той же очаровательной улыбкой на лице сказал:

– До скорой встречи, красавица!

Мы с тетей Меланией переглянулись, затем она серьезно спросила:

– Неужели старик в самом деле сдурел?

До того дядя неоднократно «грозился», что он меня выдаст замуж в своем селе с тем, чтобы я осталась там навсегда.

Вернувшись, дядя объяснил, что он нанял цыгана помочь ему по хозяйству, а это была просто шутка. Тетя на него «напала» и заставила извиниться передо мной. На этом инцидент исчерпался. Инцидент – да, но последствия – нет: пару дней спустя, завершив работу у дяди, цыган вдруг появился в лагере на красивом белом коне. Дети побежали к нему, а я, усмехнувшись, про себя

подумала: «Не иначе, как принц на белом коне!» Он был похож на Николая Сличенко.

Соскочив с коня и привязав его к дереву, он подошел ко мне и со своей неотразимой улыбкой сказал:

– Доброе утро, красавица!

Я тут же попросила его так меня больше не называть, тем более в присутствии детей.

– Как же тебя величать, красавица? – спросил он.

– Жозефина Борисовна, – ответила я.

– А я Данко! Без отчества: у меня его нет. Даже мама его не знает! Знает она только, что это был знатный господин.

Ему можно было поверить: в нем, действительно, было что-то изысканное, не цыганское.

– Я хочу у тебя работать, – вдруг сказал он. – Я всё умею делать. Работаю я хорошо и дешево. Скажи мне, что делать, и ты увидишь.

– У меня нет ни денег, ни работы для тебя, так что, пожалуйста, уходи и сюда больше не приходи!

Не успел он ответить, как вдруг раздалось громкое ржание. Посмотрев туда, где был привязан конь, мы увидели двух моих мальчишек, которые пытались отвязать его. Ничего не сказав, цыган тут же побежал туда и стал разбираться с мальчишками. К тому времени, когда я дошла до них, он уже обещал им, что приедет на следующий день и покатает их на своем «пони», после чего, оседлав коня, на ходу крикнул мне:

– До завтра, Земфира! – и тут же ускакал.

Я не успела даже слова вымолвить, а он, как и обещал, на второй день явился. Явился он с молодым жеребцом, которого вел на поводке. Дети сразу побежали ему навстречу. Добравшись в окружении детей до двора пионерлагеря и привязав жеребца, он предупредил:

– Если кто-нибудь в мое отсутствие дотронется до коня, я тут же его уведу. Ждите! Я всех вас на нем покатаю.

Сказав это, он подошел ко мне со словами:

– Слушай, Земфира: я нашел себе работу у тебя до самого закрытия. Я сначала, как обещал, покатаю на своей лошадке всех твоих ребят, а потом желающих научу ездить на ней!

– Мне нечем платить: у меня денег нет!

– А я у тебя денег не просил: это мое удовольствие. Я люблю и детей, и лошадей. Это моя страсть! Пока! Увидимся после обеда, когда дети пойдут спать!

Было в нем что-то такое, что возражать ему нельзя было. «Кроме того, – подумала я, – кто его знает, может быть, это именно то, что я искала для детей. Чем черт не шутит!» И, попросив физкультурника проследить и помочь цыгану в случае необходимости, я пошла заниматься своими делами.

«Урок езды» прошел на высоком уровне: дети так увлеклись ездой, что ничем другим уже не хотели заниматься. Расписание работы было нарушено, и мои сотрудники прибежали ко мне с жалобами. Пришлось их успокоить, пообещав, что в связи с новым занятием – ездой – мне придется переделать расписание и что со следующего дня всё будет налажено. Пока что я попросила всех помочь Данко. Оказалось, что в помощи он не нуждался: дети слушались его беспрекословно, боясь, что их лишат возможности ездить верхом. День прошел без каких-либо инцидентов. Более того, дети с нетерпением ждали следующего дня.

Обычно после того, как укладывали детей, весь персонал приходил в столовую пообедать. Я поблагодарила Данко и пригласила его пообедать с нами. Все удивленно смотрели на нас: мы сидели друг против друга, и он с меня глаз не сводил.

После его ухода надо мной стали подтрунивать и, обращаясь ко мне, звали уже не Жозефиной Борисовной, как прежде, а просто: Земфира! Я делала вид, что мне безразлично. Вернувшись домой, я переделала расписание, включив его занятия тоже. В то же время я размышляла, как его оформить: ясно было, что он тоже должен был получать зарплату. Но как? На следующий день после того, как вместе пообедали, я пригласила его в свой кабинет и попросила документы. Засмеявшись, он меня спросил:

– Ты что, не знаешь, что я цыган? Или ты не знаешь, что цыгане – кочующий народ и что мы только несколько дней тому назад осели в твоём селе? Я тебе сказал: мне от тебя денег не надо. Быть с твоими детьми и видеть тебя – вот моя плата!

Ясно было, что я запуталась. Вопрос теперь заключался не в деньгах: про себя я решила, что я с ним поделюсь частью своей зарплатой. Основной вопрос заключался в том, имела ли я право допустить его к работе, не оформив его в районо. Впрочем, это был не вопрос: ясно было, что я не имела на это право, что это своего рода преступление: мне вдруг стало страшно за себя, обидно за него и жалко детей, которые так полюбили и лошадку, и занятия, и его самого.

До закрытия лагеря оставалось всего десять дней. Мне хотелось лечь спать и проснуться десять дней спустя. Но, увы! На это рассчитывать нельзя было. У меня голова ходуном пошла. «Что делать?» – думала я.

Пошла я на работу на следующий день, намереваясь извиниться перед Данко, объяснив ему создавшееся положение, и попросить его прекратить занятия со следующего дня. Детям я намеревалась сказать, что он заболел, и постараться утешить их каким-то образом. Однако, когда, придя на работу, я застала его окруженным ребятами, глядя на их счастливые лица, я поняла, что так с ними поступить не смогу. Ясно было, что вместо приятных воспоминаний (о чем я мечтала и всеми силами добивалась) они покинут лагерь с чувством горечи на всю жизнь. Этого допустить я не могла. «Чему быть, того не миновать», – подумала я и, решив таким образом вопрос, была готова ко всему. «Игра стоит свеч», – утешала я себя, хорошо понимая ребят и их внезапно возникшую любовь к лошадям. Я через это в их возрасте тоже прошла.

Я была совсем маленькой, когда папа приобрел коня. Это был норовистый жеребец арабской породы, которого до того никому не удалось оседлать. Рискуя жизнью, папа, бывший кавалерист николаевской (царской) армии, сумел его «сломать». Со временем он стал любимцем всей семьи. Назвали мы его ласкательным именем – Бейби. Оказалось, что наша неожиданно вспыхнувшая любовь была взаимной: мы, дети, угощали его кусковым сахаром из протянутой ладошки, а он в знак благодарности облизывал нам не только руку, но и лица.

У нас были карета и сани, на которых нас папа катал. Но самое большое удовольствие, как мое, так и Дорины (моей старшей сестры), было, когда папа, посадив нас (по одной) перед собой и тесно привязав, катал нас на коне. Там и тогда зародилась у меня любовь к верховой езде, и я мечтала о том дне, когда папа мне скажет: «Ты уже достаточно взрослая! Приступаем к урокам езды!» К сожалению, моей мечте не суждено было сбыться: еще до начала войны Бейби мобилизовали, а для нас начался период хождения по мукам.

Я по сей день сожалею о своем потерянном рае: потеря любимой, еще совсем молодой матери, потеря дорогих моему сердцу родных, потеря лучших лет жизни, моей любимой собачки Пика и, конечно, любимца всей семьи Бейби и возможности когда-нибудь оседлать коня.

Я думаю, что всё это подтолкнуло меня принять столь чреватое опасностями решение и пойти на риск.

Оставшаяся неделя в нашем лагере была очень насыщена: мы готовились к торжественному закрытию, на которое, помимо родителей, были, как полагалось, приглашены и представители районного начальства. Всеобщий ажиотаж был на пределе, и Данко перестал быть в центре внимания персонала. Персонала – да, но не моего: он лишил меня этой возможности!

Пользуясь тем, что все были чем-то заняты, как только его занятия заканчивались, он меня подкарауливал и при первой же возможности объяснился в любви и не уходил, не поцеловав. Подумать о возможных последствиях наших отношений у меня не было возможности, тем более что по вечерам он дожидался меня и провожал домой. Однажды по дороге он мне рассказывал о цыганской жизни вообще и о своей в частности. Он говорил о том, как с самого детства у него было такое ощущение, что он в родной семье – чужой: научившись читать, он пристрастился к чтению. (Он называл мне таких знаменитых писателей, как Диккенс, Виктор Гюго, Бальзак и Флобер, а также прочитанные им произведения и их главных героев.) Я была приятно удивлена. В другой раз, провожая меня домой, он говорил о том, что, по всей вероятности, в результате прочитанного он стал мечтать о том, что какая-нибудь девушка, пусть не принцесса, влюбится в него и вопреки всем и всему прибежит к нему.

– Соглашусь ли я на такую жертву, зависит от того, полюблю ли я ее тоже! – сказал он.

– «Мечты, мечты, где ваша сладость?» – процитировала я и улыбнулась. Никакие комментарии не последовали, и, расставаясь, он меня поцеловал. Без поцелуя он никогда не уходил!

Так прошла неделя, пока, наконец, не наступил долгожданный (мною) торжественный вечер закрытия летнего лагеря с последующей тщательно подготовленной художественной частью. Участвовали в ней все дети без исключения. Родители были в восторге, и аплодисменты не смолкали. Что касается меня, я мысленно благодарила Бога, что моя затея закончилась благополучно (никто словом о Данко не обмолвился). Вдруг раздалась цыганская музыка, и спустя пару минут, безо всякого предупреждения, появилось около двадцати человек: ярко и красочно одетые мужчины и женщины с бубнами, которые тут же пустились в пляску. Сначала все оторопели, а затем стали громко аплодировать. Я же, не зная, что за этим последует,

задрожала от страха: я ломала голову, как поступить. Вдруг, не знаю, откуда, точно цыганский барон, рядом со мной оказался Данко и, протянув руку, схватил мою и потащил за собой со словами:

– Пошли плясать, любовь моя!

Благо, что никого рядом не было, и никто этого не услышал. Боясь скандала, ничего не сказав, безо всякого сопротивления я пошла с ним и включилась в общую пляску под бурные аплодисменты присутствующих. Совершенно незаметно (для меня) «артисты» потихоньку «ушли со сцены», оставив меня с Данко одних на площадке. «Музыканты» продолжали играть, а мы, на минутку забывшись, продолжали плясать. Когда, наконец, музыка перестала играть, он, став передо мной на одно колено, поцеловал мне руку. Раздался гром аплодисментов, и мы, точно артисты, поклонившись публике, покинули сцену. Казалось, можно было уже свободно дышать, но нет! Откуда ни возьмись, на сцене появился «дрессировщик» со своими собачками. На сей раз дети, которые никогда в жизни в цирке не бывали, пришли в полное недоумение и восторг. Когда же вслед за ними появилась нарядно одетая медведица со сплетенным из разноцветных полевых цветов венком на голове и под звуки музыки стала плясать, раздался такой общий хохот, что, по-моему, его эхо унеслось на километры. Моя «маленькая публика» просто сходила с ума! Это было гораздо больше того, о чем я мечтала: такое не забывается!

По окончании представления я поблагодарила незваных гостей. Раздались несмолкаемые аплодисменты. Затем поблагодарила персонал и, конечно, начальство. В заключение заведующий районо выразил свой восторг и, обращаясь ко мне, сказал:

– Напрасно вы это от меня скрывали: я бы взял с собой Сафьяна (редактор местной газеты) – это нужно было сфотографировать, и об этом нужно было написать в газете!

– Я здесь! – раздался голос Сафьяна. – Всё сделано! Об этом узнает не только наш район!

У меня подкосились ноги, язык заплетался, но я всё же пролепетала:

– Это не моя заслуга, это сюрприз, который преподнес нам Данко. Его и надо поблагодарить.

Опять раздались аплодисменты. Я еле стояла на ногах, но сестрь нельзя было: забирая своих детей, родители посчитали нужным обязательно подойти ко мне с детьми и вместе поблагодарить меня за всё. Это длилось (для меня) бесконечно. Но после того, как последние

гости распрощались со мной, оставшись наедине с собой, я, наконец, присела. Ноги меня не держали. Мне нужно было немного отдохнуть! В голове – полная пустота: думать я ни о чем не могла.

Не знаю, сколько времени прошло, как вдруг на белом коне опять прискакал «мой принц» и, протянув руку, скомандовал:

– Подойди ко мне, моя любимая!

Ни встать, ни говорить я не могла. По всей вероятности, я была в состоянии шока. Заметив это, он соскочил с коня, подошел ко мне, поцеловал, схватил меня на руки и, посадив на коня, тут же и сам вскочил на него.

– Давай, Розита, – сказал он, обращаясь к своей лошади, – повези нас в Рай!

Раем оказался берег речки, где, соскочив с коня и взяв меня в свои руки, он в первый раз поцеловал меня в губы, отнес к самому берегу и посадил меня на большой камень, а сам, став на колени и положив руку на сердце, глядя мне в глаза, произнес:

– Будь моей женой, любимая!

Отрезвев, я поспешила сказать:

– Этому не бывать! Повези меня домой, пожалуйста!

Ничего не сказав, он снял меня с камня, посадил на Розиту и, заняв свое место (на сей раз – впереди меня), скомандовал: «Обними меня крепко и держись!» – погнал коня, как сумасшедший. «Это мой конец!» – подумала я и представила себе, как мы вместе выпадем из седла, разобьемся насмерть и, если не на этом свете, то на том будем вместе. Я взмолилась:

– Останови коня! Я пойду пешком!

К моему удивлению, он послушался. Я уже собралась спрыгнуть, как он сам спрыгнул, сказав:

– Останься там, я повезу тебя домой! – и, обращаясь к Розите, скомандовал: – Вперед!

Я не верила своим ушам! Выпрямившись и взяв в руки вожжи, впервые в жизни одна на коне, рядом с которым шагал мой «верный рыцарь», я на минутку почувствовала, что совершенно неожиданно сбылась мечта моего далекого детства, и, представив себе, что Розита – это Бейби, а Данко – это папа, расплакалась. Данко этого не заметил. Он на меня не смотрел: будто побитая собака, он, медленно шагая, смотрел только в землю. Мне на минутку показалось, что он тоже плакал. Всю ту длинную дорогу мы словом не обмолвились: каждый думал о своем.

Когда поздним вечером мы добрались до дома, ожидавший нас у ворот дядя моментально бросился на Данко с ножом и крикнул:

– Я тебя убью!

Я тут же соскочила с коня и, очутившись рядом с Данко, крикнула:

– Бросьте нож! Он мне ничего плохого не сделал!

Не поверив, дядя обратился к Данко:

– Перекрестись и клянись, что ты ее не трогал!

Перекрестившись, он сказал:

– Я ее поцеловал в губы! Я ее люблю!

Успокоившись, дядя велел нам обоим войти в дом.

– Там Мелания чуть с ума не сошла, обвиняя меня во всем, – добавил дядя.

А Данко сказал: «Прощайте!» – ускакал. Обняв и поцеловав, дядя повел меня в дом, а заплаканная Мелания Михайловна, увидев меня, бросилась мне на шею со словами: «Слава тебе, Господи!»

Я уснуть не могла. Рано утром, поблагодарив стариков и попрощавшись с ними, на машине дядиногo зятя я поехала на вокзал. Села на заднее сиденье, и за всю дорогу мы обменялись несколькими словами. Дорога была длинная, тяжелая, но на сей раз я нисколько не чувствовала неудобства: я вся ушла в себя, переключивая, точно фильм, наш с Данко «роман». Только на перроне перед самым отпpавлением поезда дядин зять мне вдруг сказал:

– Между прочим, сегодня ночью у моего тестя угнали коня!

«Неужели Данко?» – подумала я.

Месяц прошел в догадках, отпуск был испорчен, и, только вернувшись на работу, я узнала, что в ту ночь Данко удрал из табора на дядином коне, бросив молодую красивую жену с тремя маленькими детьми!

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА ИЗ ТРАНСНИСТРИИ

Кто такие Ромео и Джульетта – всемирно известные герои одноименной трагедии гениального В. Шекспира, я уверена, нет необходимости объяснять. А Транснистрия – это захваченная фашистами территория между реками Днестр и Южный Буг, включавшая юго-запад Украины и восточную часть Молдавии. Часть этой территории по немецко-румынскому договору Румыния по мере оккупации должна была получить в будущем на вечное пользование. Но при одном условии, а именно: как только Бессарабия и Северная Буковина будут «освобождены», Румыния получит их «назад» и поможет Гитлеру ликвидировать проживающих на той территории «жидов» путем изгнания, депортации и переселения их в гетто и лагеря смерти. Таким образом, на территории Транснистрии появилось около 200 гетто, которыми руководили румынские оккупанты, и лагеря, где командовали немцы. Гетто Бершадь, где впоследствии мы «провели» три года, было одним из трех крупнейших гетто на территории бывшей Восточной Украины, куда мы попали, пережив «марш смерти» из Мэркулешты.

Дорина, моя старшая сестра, которую с раннего детства прозвали «сорвиголова», свою семнадцатую годовщину праздновала «на ходу» во время гонения. Красивая блондинка с голубыми глазами даже в тех условиях привлекала к себе внимание. Не удивительно, что уже появился Суня, друг, который от нее не отходил. По инициативе папы Дорина с Суней организовали молодежную бригаду помощи старикам, инвалидам и беременным женщинам, спасая их от смерти, поскольку отстающих от колонны солдаты расстреливали на ходу.

Суня каким-то образом узнал, что день рождения Дорины 16 октября. Накануне ее дня рождения наша колонна проходила мимо одного из сел. И там, после нескольких неудачных попыток, Суне удалось поймать буханку свежее испеченного хлеба, которую одна из сердобольных украинских женщин бросила в толпу.

Эту буханку Суня спрятал и преподнес Дорине в день ее 17-летия с поцелуем и со словами: «Поздравляю тебя, любимая!». Растроганная до глубины души, она тут же вернула Суне свой поцелуй. Так начался первый в ее жизни роман.

Разломав буханку на небольшие кусочки, она стала раздавать их окружающим, говоря: «Поздравьте меня, у меня сегодня день

рождения! Мне сегодня исполнилось 17 лет!». И, не выдержав, расплакалась. Поздравления поступали со всех сторон.

В результате постоянного контакта с немощными людьми Дорина заболела брюшным тифом. Это заставило нас оторваться от колонны. Ее связь с Суней прервалась, а мы оказались в гетто Бершадь.

При побеге к нам присоединилась пара молодоженов, для которых «марш смерти» был их «свадебным путешествием». Звали их Золи и Гина, с ними мы стали жить одной семьей. От Дорины заразились и слегли без сознания мы все (кроме папы, благодаря чему мы все, кроме мамы, остались живы), а переболев, поднимались один за другим в течение четырех месяцев. Мама пришла в себя последняя, но уже на следующий день умерла. Ей было всего 42 года.

Дорина пролежала в очень тяжелом состоянии два месяца, но очнулась неузнаваемой – куда делась ее красота? Была она почти лысая, кожа да кости и передвигалась с трудом при помощи палок, «сконструированных» для нее папой. Казалось, об «амуре» речи быть не могло. Но... не у Дорины: она влюбила в себя своего ровесника Яшу – пасынка нашего «хозяина», проживавшего в доме над нами (мы жили в его бывшем свинарнике). Когда и как это произошло – непостижимо: он знал только идиш и украинский, а она только румынский и французский! И все-таки чудо свершилось: они полюбили друг друга так, как можно любить только в 17 лет, но никто об этом не знал, пока при очередной облаве не схватили Яшу.

До того забрали и увезли Золи, так что мы к этому начали привыкать. Но не Дорина! Больше всех переживала она, но никого это не удивляло: Дорина была очень чувствительная и добрая по натуре девушка. Удивило нас ее исчезновение спустя несколько дней. Мы с папой искали ее повсюду, но след пропал, и мы решили, что ее тоже схватили и куда-то увезли, и не переставали оплакивать ее. (Мама уже не было.)

К тому времени Дорина уже обходилась без палок и иногда выходила «на свет» из нашей полутемной дыры.

Не помню, сколько дней прошло, как вдруг вечером кто-то к нам постучался. Мы были уверены, что это какой-то нуждающийся человек, который искал пищу.

Каково было мое удивление, когда, открыв двери, я увидела свою улыбающуюся сестру, рядом с которой стоял не кто иной, как Яша. Я окаменела, а Дорина, отодвинув меня в сторону, произнесла: «Дай пройти!» Переступив через порог, держа Яшу за руку, Дорина броси-

лась папе на шею и виноватым голосом произнесла: «Прости». Ничего не спрашивая, папа тут же обнял ее, прижал к своей груди и со слезами на глазах еле слышно произнес: «Слава Богу!» А я, поцеловав обоих, побежала к «хозяевам» сообщить, что их сын вернулся.

О том, что и как произошло, никто не спрашивал: это было не важно. Важно было то, что они оба были живы и опять с нами. Лишь позже, после того как я их накормила и напоила чаем без сахара, когда все немного успокоилось, заговорила Дорина. Яша за все время рта не открыл. Если бы речь шла не о моей «сорвиголове», поверить ее рассказу было бы совершенно невозможно. А рассказ был такой.

Решив во что бы то ни стало найти Яшу, она выбралась из гетто и пустилась в розыски. Куда она шла, она не знала, украинский язык не знала, как она попала к тому месту, где на железной дороге работали угнанные из гетто мужчины, объяснить она не могла. По ее словам, она шла «куда глаза глядят». Однако факт остается фактом: она не только увидела места работы угнанных узников, но и заметила Яшу среди них, это было главное. Найти общий язык с румынским солдатом, который «командовал парадом», также для нее не составляло проблемы. С ней и камни заговорили бы! «Обработка» солдата длилась пару дней. И все-таки она победила! Ночью третьего дня Дорина вдруг увидела Яшу, шагающего впереди с поднятыми руками, за которым с направленной на него винтовкой шагал «знакомый» Дорине солдат. Боясь, что солдат выстрелит и убьет Яшу у нее на глазах, она окаменела, ни двинуться, ни заговорить не могла, а приблизившийся к ней солдат по-румынски сказал ей: «Забирай свое сокровище! Скажи своему дуралею, что он свободен и может уйти с тобой. Что ты в нем нашла, я не знаю, – он настоящий идиот!»

Поцеловав солдата, Дорина бросилась к Яше, схватила его за руку и скомандовала: «Пошли!» Никакой реакции: запуганный Яша уйти с ней отказался. Сцена разворачивалась без слов: у нее не было общего с ним языка. Солдат и Дорина в недоумении смотрели друг на друга, пока Дорина не схватила Яшу за руку и изо всех сил не потянула его за собой, на ходу поблагодарив солдата.

Мы с папой и Гиной слушали рассказ Дорины, затаив дыхание. Только когда она умолкла, папа перевел услышанное на украинский язык семье Яши, и тогда все, оживившись и без дополнительных расспросов, стали целовать сначала их, а потом и друг друга. Счастье было такое, будто все мы получили свободу. Оказывается, что бывают моменты, когда попасть опять в гетто – это счастье!

И, действительно, все мы на минуту забыли, где мы находимся, счастьем нашему не было конца, как вдруг Дорина опять заговорила.

– Можете нас поздравить, – сказала она, – мы с Яшей муж и жена!

Это была «бомба». Прошло несколько минут молчания, пока папа смог заговорить:

– Повтори сказанное, я не верю своим ушам.

Улыбаясь, Дорина повторила слово в слово и добавила:

– Так поздравьте же нас!

Вместо того чтобы поздравить, папа подошел к Дорине и отпустил пощечину, а обращаясь к родителям Яши, на идиш сказал:

– Можете ударить своего ублюдка тоже: они, оказывается, у нас под носом стали мужем и женой.

Ничего не сказав, Бася, мачеха Яши, подошла к нему, дала оплеуху и сказала:

– Этому не бывать! Марш домой!

Они ушли, а мы, «спустившись на землю», забыли о своем счастье. Наступили долгие дни бесед, просьб, угроз. Ни мы с папой, ни Бася никак не могли понять, как и где это произошло, но мы согласились с Басей, что этому не бывать!

С одной стороны – красивая, умная, интеллигентная гимназистка, а с другой – безграмотный сирота, ученик сапожника. Переварить это, казалось, невозможно, пока Дорина не заявила, что она беременна. Это была вторая «бомба», и я, уже перестав беспокоиться о Дорине, стала бояться за папу: я боялась инфаркта. Но, закаленный судьбой человек, папа пережил этот удар тоже и, уговорив Басю, нашел бывшего раввина, который «обвенчал» их. Не помню, чтобы в конце церемонии кто-то сказал: «Мазаль тов!» (Поздравляю).

Так или иначе, бракосочетание состоялось, но они продолжали жить каждый в своей семье, ожидая рождения безвинного младенца, которого никто не хотел. Вероятно, он это почувствовал, потому что на свет появился мертвым. Ребенка не было, и да простит меня Бог, я облегченно вздохнула: не могла себе представить, что мы будем с ним делать в условиях гетто, и, если он даже выживет, каким он будет вообще.

Ребенка не было, но они остались супругами, и так до конца жизни!

Напомнил мне эти события недавно полученный мною телефонный звонок из Львова (Украина). Позвонила мне незнакомая женщина, которая, даже не представившись, начала с того, что, прочитав мою книгу «Исповедь», она считает, что ее дедушка со сто-

роны матери – тот самый румынский солдат, который выпустил Яшу на свободу.

– Он часто, – продолжала она, – рассказывая о своей службе в армии и Второй мировой войне, с восторгом отзывался о вашей сестре. Не зная ее имени, он называл ее Джульеттой, а рассказывая о них, называл их «Ромео и Джульетта из Транснистрии». Его рассказ полностью совпадает с описанным вами случаем. Я его внучка, а моя мама – плод его любви к моей бабушке, которая, влюбившись в него, спрятала его в подвале родительского дома во время отступления. Поженились они сразу после освобождения. Пережив войну, мой дедушка стал пацифистом и борцом за мир.

Растроганная до слез, я сказала:

– Благодарю вас, милая моя, за телефонный звонок. Не думаю, что в то время было много таких случаев. Если бы речь шла не о моей Дорине – «сорвиголове», выслушав такой рассказ, я бы с трудом в него поверила. В то время поступок моей сестры был на грани сумасбродства, а поступок вашего дедушки просто героический. Им обоим грозила смерть.

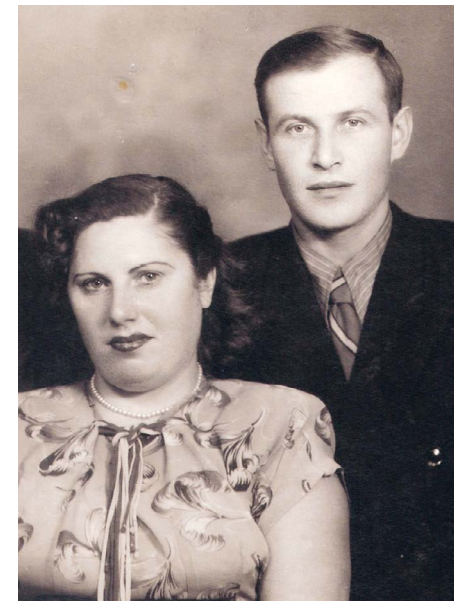
Мне бы очень хотелось поговорить с вашим дедушкой и выразить ему не только свою благодарность, но и восхищение, он настоящий герой. Надеюсь, он еще жив?

– К сожалению, он давно умер, – ответила женщина.

– В таком случае прошу передать вашей семье, что вы можете гордиться своим дедушкой. И что я желаю всем вам всего наилучшего. И мира на вашей земле.

– Мой муж еврей, – сказала она. – По настоянию дедушки меня называли МИРа, а мы с мужем нашего сыночка называли МИРон.

И добавила: «Миру – мир!»



Дорина и Яша, Черновцы, 1970 г.

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

«Открыв рот» и выложив свою переполненную душу периодами во время войны (более 70 лет молчания), я не только освободилась от того камня, который на протяжении всей моей взрослой жизни не давал мне дышать полной грудью. Совершенно неожиданно для себя я открыла «форточку» в литературный мир, вследствие чего нашла смысл жизни в преклонном возрасте. Более того, после ухода из жизни моих дорогих и любимых людей, родных и друзей, я впала в состояние глубокой депрессии. Вытащил меня из этого состояния неожиданно появившийся на моем горизонте новый круг людей: читателей-почитателей, признание известных литераторов, а главное – новых друзей.

Среди новых друзей имею честь назвать московскую журналистку Елену Сергееву. Прочитав мои воспоминания, она разыскала меня, позвонила и взяла интервью.

Но это не всё: она – молодая женщина, которая годится мне во внучки, нашла во мне родственную душу, и с тех пор мы часто разговариваем по телефону. Это для меня не только большая честь, но и большое удовольствие.

Однажды она мне рассказала об одном интервью, взятом ею у молодой женщины-инвалида, которая совершенно неожиданно познала настоящую любовь.

Ее рассказ довел меня до слез. Он меня так потряс, что после проведенной бессонной ночи я позвонила Елене и попросила у нее телефон той, другой Елены, судьба которой вывела меня из душевного равновесия. Получив разрешение, я тут же позвонила.

С ее разрешения, не указывая фамилий, я решила познакомить читателей с краткой историей ее жизни.

– По словам мамы, – рассказала она мне, – я родилась нормальным ребенком. Первые пять-шесть лет прошли в окружении любящих меня родителей и старшего брата. Всё было хорошо, пока в один из дней при обследовании детским врачом у меня не обнаружили отсутствие мускулов во всем организме.

В результате меня посадили в инвалидную коляску, в которой я нахожусь по сей день. Я выросла без друзей, иногда я просила повезти меня на детскую площадку, чтобы видеть играющих детей. Иногда мама меня на несколько минут пересаживала на качели, держала обеими руками, и я была счастлива. В другой раз дети с разрешения мамы забирали меня у нее и крутили меня в коляске, и я смеялась вместе с ними.

Когда мне исполнилось семь лет (я жила в селе, где была только одна школа), мама привозила меня в класс на коляске и оставляла в углу, к стенке прикрепили доску, и я смогла научиться читать и писать. Считать меня мама еще раньше научила. Так я окончила школу, получила аттестат зрелости и поступила в институт. Мои соученики, а затем и студенты, возили меня в туалет, поднимали с коляской по лестницам из аудитории в аудиторию. Училась я на филологическом факультете, изучала иностранные языки, работаю переводчиком.

Жила всю жизнь с мамой, которая посвятила свою жизнь мне. Отец, не выдержав сложившихся обстоятельств, нас бросил. Брат, повзрослев, ушел от нас, чтобы найти свое счастье. Надеюсь, он его нашел, а друзей у меня не было. Иногда кто-то и забегал к нам на несколько минут. Я поняла – такова моя судьба, и с ней смирилась, пока обо мне не узнала московская журналистка Елена.

Она – мой добрый ангел, благодаря ей, узнав обо мне и о моей судьбе, многие сердобольные люди отозвались, собрали деньги, связались со специалистами у нас в стране и за рубежом, и меня начали лечить в Германии. Но это было потом.

Сначала, прочитав Еленино интервью со мной, позвонил мне ОН!

Жил он в другом городе и в другой республике. Мы с ним познакомились по интернету и подружились. Часами разговаривали, и в один прекрасный день я услышала: «Дай мне свой адрес, я хочу к тебе приехать. Я люблю тебя. Я развелся с женой и сейчас хочу на тебе жениться!»

Я обомлела. Не поверив услышанным словам, попросила: «Повтори! Я не расслышала, что ты сказал».

И он по слогам еще раз повторил ранее сказанное.

– Вы то ли пьяны, то ли ненормальный. Вы себе не можете представить, во что может превратиться ваша жизнь, если бы связали ее со мной. Я – стопроцентный инвалид. Ничего не могу делать. Даже за собой ухаживать. Я или лежу, или сижу в коляске. Выбросите этот бред из головы, и умоляю, перестаньте мне звонить. Спасибо вам за те прекрасные минуты, которые вы мне подарили своим общением, но, к сожалению, и с болью в сердце, умоляю вас, не звоните мне больше! Будьте счастливы, и да благословит вас Бог!

Положив трубку, я не сдержала слез. Не успев их вытереть, я услышала повторный звонок. Я телефонную трубку не подняла, звонки продолжались, и мама, стоящая рядом со мной, взяв трубку, ответила: «Молодой человек, пожалуйста, не звоните больше. Дайте нам спокойно продолжать свою жизнь. Я не знаю, как вы себе представляете

Елену, но я уверена, увидев ее и ту обстановку, в которой она живет, вы удерете, а это для нее может быть дополнительным ударом. Мой муж, ее отец, не выдержав, бросил нас. О том, чтобы вы приехали и остались здесь, хоть на какое-то время, даже мечтать нельзя».

– Дай мне трубку! – попросила я у мамы. – Вам мама сказала не всё, – продолжила я. – А я скажу: я пользуюсь памперсами. Вы готовы их менять?!

– Да! – ответил он, не раздумывая.

– Приезжайте! – сказала я и дала ему адрес.

Он приехал с двумя чемоданами, тортом, бутылкой шампанского и огромным букетом красивых роз. Подойдя ко мне, сидящей в коляске, поцеловал в щеку, а затем, представившись, сказал: «Я здесь и твой до конца жизни!»

Вы не поверите, но мы уже вместе пять лет. У нас родилась красивая нормальная девочка, которая прошла всевозможные анализы и обследования специалистами и признана полноценным и здоровым ребенком. Живем мы в согласии и любви. Мы счастливы, и больше нам ничего не надо.

Это настоящая любовь. Я счастлива за них.

БЕССМЕРТНАЯ ЛЮБОВЬ

Вспомнилась мне вдруг строчка известной песни моей молодости, которую в то время мы все напевали, не вникая в суть слов. Сейчас, повзрослев, я понимаю, какая это была чушь. Звучит она так: «О любви не говори, о ней всё сказано...»

Сейчас, на склоне лет, я подумала, что если уж говорить о любви, то нужно подчеркнуть обратное: сколько бы ты о любви ни говорил, всё равно никогда всего не расскажешь – объять необъятное невозможно. Возникло у меня это философское суждение в результате услышанного мною рассказа, который довел меня до шока. Я надеюсь, что он заинтересует моих читателей тоже.

Случилось это в конце 60-х годов прошлого столетия, а мне кажется, что это случилось через год или два после моего замужества, когда во время разговора мой муж Толя как бы между прочим признался,

что за свои пятьдесят лет ни разу не видел моря. Вспомнив его трагическое прошлое, я, ничего не сказав, про себя решила сделать ему сюрприз. Наступили летние каникулы, и я преподнесла ему два билета на самолет в Одессу. Как я и предполагала, возражений от него не было, а, наоборот, обняв меня и поцеловав, он воскликнул: «Молодец!» И мы поехали.

Я его не предупредила, что заказала не два, а три билета. Третий билет предназначался моей подруге, которая была в страшной депрессии после того, как от нее ушел муж, изменив ей (он с ней попрощался, оставив записку). Делить им было нечего, всё, что он зарабатывал, тратил на женщин.

Приехав в Одессу, мы остановились у папиного двоюродного брата Муни Дормана, который с семьей, как обычно, в летнее время жил у себя на даче на 16-й станции Большого Фонтана. На следующий день, получив ключи от их квартиры на Дерибасовской, мы переехали туда.

Подруга устроилась в гостинице тоже на Дерибасовской. И больше мы ее не видели до нашего отъезда. Встретившись с ней, еще до того как она открыла рот, чтобы что-то сказать, я, глядя на ее сияющее лицо, поняла, что она нашла свое счастье. Обняв и поцеловав меня, она, захлебываясь, воскликнула: «Я всегда знала, что ты мой добрый ангел! Благодаря тебе я наконец встретила того, о котором всю жизнь мечтала. Подожди меня. Мы пойдем в ресторан, и я тебе всё выложу. Ты – единственный человек на всем белом свете, кому я могу доверить свою тайну».

– К сожалению, я сегодня не смогу. Меня будут ждать. Приезжай ко мне домой, – пригласила я ее.

Уточнив день, когда Толи не будет дома (ему часто приходилось долго задерживаться на работе и даже оставаться ночевать), она обещала приехать.

Приехала она на такси, нагруженная тортом, бутылкой шампанского, огромным букетом роз. Переступив порог, бросилась меня целовать. Сердце радовалось за нее. Не часто приходится видеть такое сияющее лицо.

Пужинав, мы, как в былые студенческие годы, лежа в обнимку в одной постели, проболтали допоздна. Она со всеми подробностями описывала его и проведенные с ним две недели в раю. Увлечшись рассказом, я ни разу ее не прервала, а когда она полностью выговорила, то, взглянув на часы, я увидела, что уже четыре часа утра. Я вкратце передам ее рассказ.

Оля (так звали мою подругу) познакомилась с ним в отеле. Он присоединился к ее столику за ужином, естественно, с ее разрешения. Ужин длился больше обычного, а он, сидя напротив, не отрывал от нее глаз. Временами они обменивались несколькими фразами. По окончании ужина, не спросив ее разрешения, он долларами рассчитался за обоих. Удивленная, Оля тут же спросила: «Что вдруг?» Он, поднявшись, подал ей руку и произнес: «Идемте! По дороге объясню».

– Извините, пожалуйста, – возразила она, – но я с незнакомыми людьми никуда не хожу. Сколько я вам должна? – спросила она, достав кошелек.

– Я не знаю, – ответил он. – Я рассчитался иностранной валютой. Пойдемте в обменный пункт, там и уточним. Пожалуйста, не бойтесь меня.

Он вытащил из кармана портмоне и протянул ей свою визитную карточку со словами: «Я не шарлатан». Прочитав написанное, она опешила: он оказался дипломатом – послом Аргентины в СССР.

Подав ему руку и представившись, она с ним пошла. Вечер был знойным, и он предложил подышать свежим морским воздухом. «С удовольствием», – сказала она.

Остановив свободное такси, они через считанные минуты оказались на берегу Черного моря. Там провели всю ночь.

Звали его Франц. Родился он в Дрездене в семье офицера высокого ранга. Мать, доктор филологических наук, преподавала английский язык в местном университете. Он был единственным долгожданным ребенком в семье, и в него, помимо души, вложили всё лучшее, о чем другие дети даже мечтать не могли. С малых лет его учили английскому и французскому языкам, брали уроки фортепьяно, были и занятия спортом. Всё это ему помогло и при выборе профессии.

Когда в Германии Гитлер пришел к власти, Францу было 13 лет. А когда началась война, его отец, попрощавшись с семьей, ушел на фронт. Вернувшись, уже не в военной форме и дождавшись подписания мирного договора, он, забрав всю семью, перевез их в Аргентину. Там Франц поступил в университет, занимался на престижном и не всем доступном дипломатическом факультете, после окончания которого получил назначение на работу в качестве консула. Мать поехала с ним, а отец, бывший эсэсовец, был осужден на пожизненное заключение. Им судьба отца стала известна только через несколько лет.

Со временем Францу пришлось работать послом в разных государствах мира, и вот он попал в СССР. Жил он, естественно, в Москве. Воспользовавшись тем, что жена с детьми поехала на каникулы к родителям в Америку, он приехал в Одессу отдыхать, где и встретил неожиданно свою настоящую любовь – Олю! Было ему тогда уже 50 лет.

Со своей супругой Франц познакомился на конкурсе красоты, где она заняла первое место. Она была моложе его ровно наполовину. Пораженный ее красотой, он на ней женился. Дети у них были маленькие. Его предупреждали о возможных последствиях такого брака, но переубедить его никому не удавалось. Его начальник дал ему понять, что его должность несовместима со скандальными историями. Вот почему, получив ее согласие, что в случае недостойного поведения она уйдет от него без детей и без денежной компенсации, он сообщил ей, что развода не будет! Она согласилась, и «договор» был подписан.

Влюбившись в Олю до безумия, он ее предупредил: «К сожалению, наш роман временный: разводиться мне нельзя».

– Я твоя! – сказала она.

У них была безумная ночь на берегу моря. Это была любовь двух немолодых людей, вдруг встретивших ее, и продлилась она две недели.

– Какие твои любимые цветы? – спросил он на прощание.

– Тюльпаны, – ответила она.

Она ушла от него с охапкой привезенных из Голландии тюльпанов необыкновенной красоты и с оставшимися на всю жизнь воспоминаниями.

– Ты моя первая и последняя любовь! – сказал он ей на прощание.

С тех пор и до конца жизни в день своего рождения Оля получала точно такой же букет прямо из Голландии без всякого письма или поздравления. И никто, кроме меня, не знал, от кого эти цветы.

Расстались мы с Олей в семидесятые годы двадцатого века в связи с моей репатриацией в Израиль. Это была наша последняя встреча. Лет десять назад я получила от нее прощальное письмо: заболев неизлечимой болезнью, она ушла из жизни, забрав с собой свои воспоминания.

Когда 30 лет спустя я приехала в Черновцы, в первую очередь пошла на кладбище с двумя букетами тюльпанов. Побыв у могилы

своего любимого отца, я разыскала могилу Оли. Она была убрана, и на ней стояла огромная ваза с тюльпанами. Спросив работника кладбища, кто ухаживает за могилой (зная, как одиноко прошла ее жизнь), я получила ответ, что это он, так как подписал договор, полученный от неизвестного ему человека, иностранца, который открыл ему счет в Черновицком государственном банке, куда ежегодно поступает немалая сумма долларов – его зарплата. Он обязан ежегодно приносить огромный букет тюльпанов из Голландии в день рождения покойной. Договор подписан на 50 лет с условием, что согласно завещанию он передаст полномочия своему «наследнику».

– Как зовут «хозяина»? – спросила я.

– Не знаю, – ответил он.

МИСТЕР БОМЖ

Было это в начале пятидесятых годов во время каникул, когда я приехала на очередной сеанс лечения в Москву и остановилась в одной из дешевых гостиниц в районе сельскохозяйственной выставки. Спустившись в кафе возле гостиницы, в ожидании заказа я стала наблюдать за происходящим на улице, как вдруг мой взгляд остановился на старике, сидящем на скамейке напротив кафе. Он читал газету, и лица его не было видно, но по внешнему виду мне показалось, что это немолодой человек. Он был каким-то неухоженным: длинные неподстриженные волосы, мятая грязная одежда, но при этом его облику не соответствовали новые блестящие лаковые туфли.

Первое, что мне пришло в голову, – то, что он одинокий и бездомный. И сердце мое защемило.

Утро было морозным, и я подумала, что закажу для него чашечку кофе и бутерброд. Вдруг перед ним появилась молоденькая официантка с подносом. У меня стало легче на душе. Картинка стала совсем другой. В это мгновение перед дедушкой оказался и молодой официант, который, вырвав у девушки из рук поднос, бросил его в мусорный ящик, схватил девушку за руку и потащил за собой назад в кафе. Для меня это было как гром среди ясного неба. Не успела я принять какое-то решение, как услышала от официанта с моим кофе: «Приятного аппетита!». Ничего не ответив, я поднялась, взяла

поднос с кофе и бутербродом, осторожно перешла дорогу и подошла к старику. Поставив поднос на скамейку рядом с ним, сказала: «Выпейте кофе, он горячий».

Ничего не ответив, он вытащил из внутреннего кармана пальто кожаное портмоне с какими-то инициалами, достал оттуда зеленую банкноту, вложил ее в карманчик моего жакета и еле слышным голосом произнес: «Благодарю вас, барышня, но в милости я не нуждаюсь, а вам, по всей вероятности, это пригодится». Не успела я опомниться, как вдруг рядом с нами появилась та самая официантка, но без фартука, и, обращаясь к нему, сказала: «Извините за недоразумение, мистер Бомж, а на парня не обижайтесь, он всего лишь дурачок, а прислал его к вам наш хозяин. Он отвел меня к нему, а я, бросив десятирублевую купюру ему в лицо, сказала: «Подавитесь вы этими деньгами, я от вас ухожу, мне стыдно за вас».

Услышав ее рассказ, я вытащила из карманчика своего жакета долларовую купюру, которую всунул мне этот мужчина, и сказала: «Возьмите, это определенно вам пригодится на первых порах, пока вы найдете себе другую работу. А меня, пожалуйста, извините, но я должна поехать в город: у меня там свидание».

– Я, с вашего разрешения, поеду с вами, – попросила меня девушка.

– А я, – сказал старичок, который, между прочим, оказался молодым человеком, – если не возражаете, повезу вас туда.

В один голос мы с девушкой воскликнули: «С большим удовольствием!» Бросив поднос в тот же мусорный ящик, мы пошли втроем.

Я была уверена, что он предложит поехать с ним на такси. Каково было наше удивление, когда, подойдя к шикарнейшей черной «Волге» и вынув ключи из кармана, он распахнул заднюю дверцу и пригласил нас войти в машину и устроиться поудобнее. Закрыв за нами дверцу, он сел за руль и завел мотор.

– Куда вас отвезти? – спросил он меня.

– На улицу Горького в «Институт красоты», – ответила я.

Удивленным голосом, извинившись, он произнес:

– Прошу меня извинить за любопытство, но у меня к вам два вопроса, можно?

– Пожалуйста, не стесняйтесь, – ответила я.

– Первый вопрос такой: что такая красивая, молодая девушка ищет в «Институте красоты», а второй – почему, имея такую возможность пользоваться услугами самого дорогого в Москве института косметологии, вы проживаете, простите меня, в не очень престижной гостинице?

– На оба ваши вопроса у меня один ответ, – сказала я. – Именно для того, чтобы можно было пользоваться услугами такого института.

Смущенным голосом он сказал:

– Оказывается, у каждого из нас свои секреты.

Подъехав к институту, он открыл перед нами дверцы машины и, не дав нам возможности поблагодарить его, сказал:

– Я вам бесконечно благодарен за всё и за оказанную мне честь. Вы обе благороднейшие девушки, желаю вам от всего сердца большого счастья и большой настоящей любви.

Он тут же завел мотор и исчез из вида. Навсегда.

Я сказала моей спутнице:

– Настала пора нам с вами познакомиться. Меня зовут Жозефина.

– Очень приятно, – ответила она, – а я Луиза.

Через несколько минут я узнала в регистратуре, что моя косметичка Отеллия Михайловна пригласила меня в гости на чай к пяти часам к себе на дачу в Кунцево. В нашем распоряжении было много времени, и я пригласила Луизу на чашечку кофе.

Сидя в кафе, мы коротко рассказывали друг другу кое-что о себе. В наших биографиях мы нашли много общего, а главное – история первой любви, которая оказалась поворотным пунктом в нашей последующей жизни.

Выйдя из кафе, мы решили заглянуть в рядом расположенный скверик, время у меня еще было.

– Простите, что не могу вас пригласить к себе, так как живу в студенческом общежитии, – сказала девушка.

Улыбнувшись, я ответила, что кроме номера телефона школы, где я работала, я тоже ей ничего предложить не могу.

Мы обменялись номерами телефонов, и я сказала:

– У меня такое впечатление, что вы могли бы при желании кое-что рассказать мне о нашем с вами новом знакомом. Он меня очень заинтриговал. У меня такое впечатление, что ему пришлось пережить какое-то потрясение. Хотелось бы по возможности ему чем-то помочь.

– До меня дошли кое-какие сведения от разных незнакомых людей, но я не могу ручаться за их достоверность, – ответила она.

– Мне не нужны гарантии. Я была бы очень вам благодарна, если бы вы сочли возможным поделиться со мной тем, что знаете.

Ее рассказ длился около часа, но у меня было чувство, что она рассказала не всё. И я попросила:

– Если сможете еще что-то добавить к вашему рассказу, позвоните мне.

На этом мы расстались.

Прошло около двух месяцев после нашего разговора, когда вечером сторож школы позвал меня к телефону, сказав, что кто-то мне звонит из Москвы. Это была Луиза.

Услышанное вывело меня из равновесия на долгое время и запомнилось навсегда. Я решила об этом рассказать вам.

По всей вероятности, Адольф и София (так я их назвала в честь своих дорогих дяди и тети – маминого старшего брата и его жены), будучи еще в утробе своих матерей, судьбой были предназначены друг для друга. Они родились в один и тот же день и почти в одно и то же время, но в разных местах и в разных государствах. Он родился в Черновицах (Румыния), а она – в Таллинне (Эстония). Судьба свела их в Ленинграде, куда они приехали поступать в Первый медицинский институт. Встреча произошла после сдачи вступительных экзаменов. Огромная толпа волнующихся абитуриентов ожидала списки поступивших счастливиц, они в этих списках оказались рядом, так как их фамилии начинались с одной и той же буквы. Увидев свою фамилию и обезумев от счастья, Адольф заключил в объятия стоящую рядом девушку и впервые в жизни страстно поцеловал ее.

Ее звали София. Опомнившись, он стал извиняться перед ней, но неожиданно, ничего не сказав, она ответила ему тем же, после чего, взявшись за руки, они побежали навстречу своему будущему счастью. С той минуты никогда не расставались, пока ее преждевременная смерть не разлучила их. Но не навсегда!

Очередным Сюрпризом судьбы была их встреча в первый день занятий: они оказались в одной группе, а места, где им сидеть, они выбрали сами. Затем в студенческом общежитии они оказались соседями по комнатам. Через несколько месяцев они оформили в ЗАГСе свои отношения, и у них появилась одна на двоих семейная комната.

Свадебное путешествие они отложили на каникулы, составив маршрут: Таллинн – Черновицы, с заездом в Ригу и Киев. Однако судьба распорядилась иначе: едва успели они сдать последний экзамен, как 22 июня 1941 года вспыхнула Великая Отечественная война, о которой они узнали по радио.

Ничего не сказав друг другу, они выскочили из своей комнаты, а встретились в военкомате, где уже была огромная толпа молодых людей-добровольцев. Все они просились на передовую. По их просьбе Адольф и София попали в санитарную часть. «Свадебное путешествие», начавшееся в Ленинграде, завершилось в Берлине только через четыре года.

Всё это время, находясь на фронте, они оказывали первую помощь раненым и отправляли их в военные госпитали, получая при этом неоценимый профессиональный опыт.

Им повезло. Они встретили День Победы в Берлине и сразу же вернулись в Ленинград, в свой родной мединститут. Окончив его с отличием, они были приглашены на работу хирургами в Первую городскую больницу. Карьера была блестящей.

Прошло десять лет. Отпраздновав счастливый десятилетний юбилей своей супружеской жизни (детей у них не было), София в качестве подарка преподнесла Адольфу долгожданный, но неожиданный сюрприз – она, наконец, забеременела. Домой они возвращались необыкновенно счастливыми и внезапно попали в цепную автомобильную аварию. Он сидел за рулем. Луиза потеряла сознание. Изменив направление, он мигом доставил ее в больницу в операционную и, не уступив просьбам коллег, оперировал ее сам.

Вывозили их из операционной вместе, но в разные стороны: его – в обморочном состоянии в палату, а ее – в морг.

Спустя почти месяц, вернувшись в пустой дом, обвиняя себя в этой трагедии, хотя не был виновен, он продал дом и дачу, сел в машину и уехал, чтобы никогда туда не возвращаться. Его «Волга» стала для него не только средством передвижения, но и местом проживания. В ней он кочевал с места на место, избегая встреч со знакомыми людьми.

Мое знакомство с ним произошло во время его пребывания в Москве.

Всё это я узнала от Луизы, а несколько месяцев спустя она мне сообщила по телефону, что нашли его мертвым на могиле его жены. При нем было письмо, в котором он просил никого в его смерти не винить, добавив: «Нет большего счастья, чем появиться на свет в результате взаимной любви и жить в окружении любящих тебя людей, любить и быть любимым. И умереть любя!»

Я прошу не жалеть меня – я любил и был любим, чего и вам желаю от начала до конца. Будьте счастливы, друзья!»

РОКОВАЯ ЛЮБОВЬ

Этот рассказ – результат недавно пережитого автором потрясения, возникшего в результате услышанного из уст знакомой мне младшей сестры героини рассказа. Построен рассказ на фоне выдуманной самим автором истории, но сюжетная линия сохранена. Дело в том, что идея мелькнула между прочим, когда разговор шел о чем-то совершенно другом. А написала я его в один присест, не спросив разрешения у моей новой знакомой, но публикую его с ее согласия.

Зовут ее Клеопатра. И это красивое имя вполне соответствовало ее красе. Высокая блондинка с большими черными глазами удлинённой формы, как у Софи Лорен. Повзрослев, она постоянно обращала на себя внимание мужчин всех возрастов, и у нее не было от них прохода. Спасало ее не только чувство собственного достоинства, но и повсеместное присутствие (где бы она ни была) до безумия влюбившегося в нее молодого мужчины.

Не было такого случая, чтобы в нужный момент он не оказался рядом. Он готов был отдать жизнь, лишь бы ее защитить, став ее ненятым телохранителем, за что она была ему очень благодарна. Но не больше, она его не любила! Это и привело к последующей трагедии.

Случилось это, когда по окончании консерватории (по классу пения) она вернулась в родное село не одна, а со своим любимым – многообещающим композитором, с которым она дружила с первого дня поступления в консерваторию.

Несмотря на то, что они учились на разных факультетах, на протяжении всей учебы они были неразлучны, а по окончании учебы решили связать свои судьбы на всю последующую жизнь. Вместо того, чтобы поехать к себе домой, боясь потерять ее «по дороге», он поехал вместе с ней. Они решили объявить ее родителям о своем решении не расставаться до самого гроба. Он приехал просить руки возлюбленной у ее родителей, не посоветовавшись со своими. Он не подозревал, что у его родителей были совершенно другие планы в отношении его будущего. А они существовали, родители считали себя аристократами, жили в самом центре тогдашнего Ленинграда, в люксовской квартире, в то время как Клеопатра жила в селе. Это было недопустимо!

Когда он полетел домой на крыльях счастья, чтобы сообщить своим родителям о предстоящей свадьбе, они, даже не взглянув на избранницу сына, в один голос воскликнули: «Этому не бывать!»

Так это и случилось, но без их вмешательства. Спасение в их понимании пришло неожиданно...

Как только Роберт (так звали молодого человека) улетел, счастливая Клеопатра, вернувшись домой, стала обсуждать с родителями возможные варианты проведения предстоящей свадьбы, и пришли к выводу, что свадьба состоится у них во дворе, а не в Ленинграде.

С Робертом обсуждалась только дата, решили, что бракосочетание произойдет в предновогодний вечер.

— Мы откроем ворота для всех желающих, — гордо заявил отец. — Это будет самая красивая свадьба за всё время существования нашего села! Это будет пир на весь мир! — И, обрадовавшись своему решению, потирая руки, крикнул: «За работу!»

До свадьбы оставалось несколько месяцев.

— В добрый час! — воскликнула мать, обняла сияющую от счастья Клеопатру, поцеловала ее и произнесла: — Будь счастлива, дитя мое!

С этим и разошлись. Наступила бессонная ночь, родители всё время говорили. Клеопатра всю ночь мысленно разговаривала со своим любимым. Уснула она только на рассвете, но спокойным крепким сном.

Все были уверены, что они на пороге своего большого счастья. Но это было не так. Судьба готовила им страшный сюрприз!

Слух о предстоящей свадьбе Клеопатры моментально прошел по всему селу. Люди были рады за красавицу Клеопатру, любимицу всего села, все готовились к свадьбе и предлагали свои услуги. Мужчины начали строить длинные столы и скамейки, женщины взяли на себя приготовление всяких яств. Прикатали десятки бочек вина и самогона, музыканты до блеска чистили свои инструменты. Срубили в лесу и установили посередине двора огромную елку, стали ее украшать. Детям шили новые платья. Все готовились к намеченному пиру, который должен был войти в историю села.

Но, увы!

Время пролетело в суете к подготовке свадьбы незаметно. В назначенный день стал собираться народ, на столах красовались разнообразные блюда, вино разливалось по бокалам. Церемония началась.

Жених был один (его родители отказались приехать в «эту дыру»). Сопровождал жениха его близкий друг.

Все с нетерпением ждали появления красавицы невесты, но почему-то она не появлялась. Начался ажиотаж. Бросились на поиски невесты, но не нашли. Как потом оказалось, новобрачную выкрали через окно в ее комнате, куда она в последнюю минуту забежала за фатой. Только фату она надеть не успела.

Ее схватил в свои объятия тот самый молодой человек, который, влюбившись в нее еще в юные годы, поклялся добиться ее во что бы то ни стало. В тот вечер он незаметно залез в ее комнату через открытое окно, спрятался и ждал момента ее появления. Как только она вошла, он закрыл ей рот платком, связал руки и, схватив ее, вместе с ней выпрыгнул через окно. Положил ее в свою подводу и, погнав лошадей, подъехал к своему дому.

Прижимая девушку к своей груди, он занес ее в сарай и посадил в углу на табуретку. Опустился на колени перед ней и стал просить прощения, признаваясь в своей любви. И добавил, что уже давно дал самому себе клятву завоевать ее, беречь, как зеницу ока. Вместе с ней завести как можно больше таких красивых, как она, детей и зажить одной большой счастливой семьей. И вот сейчас, когда наконец они вместе, он докажет ей, что такое настоящая любовь.

Пока он произносил свою «речь», Клеопатра пыталась развязать за спиной руки, но ее попытки были напрасны. Разгадав ее намерения, он встал перед ней и сказал: «Не дергайся, я сам развяжу тебе не только руки, но и рот при условии, что ты меня поняла и согласна. Кивни головой, и я отведу тебя в дом. Это будет незабываемая ночь».

Поняв, что только таким образом она сможет от него удрать, она кивнула головой. Он освободил ей рот и начал страстно ее целовать. Оттолкнув его головой, она потребовала в первую очередь развязать ей руки. Как только он это сделал, она своей правой рукой из последних сил отвесила ему пощечину, крикнув: «Ты или мерзавец, или сумасшедший. Выпусти меня, и я тебя прощу. Я люблю своего жениха и за него пойду замуж».

— Этому не бывать! — крикнул он и, схватив ее, вместе с ней упал на солому. Началась драка, но справиться с ним она не смогла, и он в конце концов добился своего. Потом встал, схватил рядом стоящую бутылку самогона и стал пить, пока не опустошил ее. Пьяный вдребезги упал на солому рядом с ней и тут же уснул.

Подождав немного и услышав наконец его храп, она схватила пустую бутылку и изо всех сил ударила его по голове. Полилась кровь, он во сне рычал, как умирающий зверь. Испуганная, но свободная, полуголая, она выбралась из сарая, из последних сил влезла на подводу с запряженной лошастью и вскоре вернулась домой.

Ворота были открыты, и она въехала в опустевший двор, посреди которого увидела стоящего, будто статуя, отца. Она бросилась к нему и тут же упала. У него в руках была толстая веревка, размахнувшись ею, он, ни слова не сказав, ударил дочь.

– Папочка, не бей меня, – взмолилась она. – Я ни в чем не виновата. Брось веревку, еще раз ударишь, я уйду от тебя навсегда.

– Уходи, блядь, – опустив руки, крикнул отец. – Я тебя видеть больше не хочу!

– Ты меня больше не увидишь, – крикнула она. – Прощай навсегда.

Обессиленная Клеопатра влезла на подводу и погнала лошадь, куда глаза глядят. В никуда.

Прошло несколько лет, как вдруг на пороге ее дома неожиданно появилась мать Роберта.

– Ты ведьма, – произнесла она. – Ты сына моего с ума свела! Будь проклята!

И, уходя, крикнула, повернувшись к ней: «Ты тоже замуж никогда не выйдешь!»

К сожалению, ее проклятия сбылись...

Эпилог

Предположения односельчан, что свадьба Клеопатры войдет в историю села, оправдались, только не так, как они себе ее представляли.

Оскорбленный до смерти жених Роберт, не оглядываясь, удрал навсегда. Отец невесты, получив инфаркт, тут же скончался. А парализованная мать умерла, не приходя в сознание.

Что касается самой красавицы Клеопатры, несмотря на то, что она была постоянно окружена достойными мужчинами, предлагающими ей руку и сердце, замуж не выходила. В настоящее время всё еще красивая 88-летняя женщина в полном одиночестве доживает свой век в Израиле.

Да благословит ее Бог!

ЛЮБОВЬ НЕЗНАКОМКИ

Одну ногу он потерял на войне. Вторую – уже тут, в Израиле, ему ампутировали (гангрена, связанная с диабетом). В результате одинокий, тяжелый инвалид, отказавшись от дома престарелых, получил однокомнатную квартиру в центре Реховота и работницу по уходу на 24 часа.

Получая пенсии из России и Израиля по инвалидности и пособие по старости, он был хорошо обеспечен, а женщина, которая работала, добросовестно выполняла свои обязанности. В своем преклонном возрасте ни о чем больше он мечтать не мог...

И вдруг появилась – ОНА!

Что она в нем нашла, непостижимо. Увидела она его впервые в скверике, где он ежедневно появлялся в своей коляске, которой мог управлять, и из которой были видны его ампутированные ноги. Приезжал он туда обычно по утрам, пока в доме была уборка, это был единственный способ общения с людьми.

Первой его подругой была Лилинька, девочка лет пяти, которая, увидев его, подбежала, но встала в сторонке, некоторое время удивленно смотрела на него, а потом, набравшись смелости, подошла и спросила:

– Дедушка, где твои ноги?

– Потерял по дороге, – усмехнувшись, ответил он.

С тех пор они и подружились.

Бывали и сердобольные люди, которые спрашивали, чем ему помочь, и предлагали свои услуги. Но он ни в чем не нуждался, государство всем обеспечивало, и при создавшихся обстоятельствах он считал себя счастливым человеком. О любви он, естественно, и мечтать не мог, как вдруг, совершенно неожиданно, она к нему пришла. Это была любовь с первого взгляда!

Первый шаг навстречу их отношениям сделала ОНА, заняв место на скамейке, рядом с которой в тени он остановил свою коляску. Она молча разглядывала его, в то время как он, не обращая на нее внимания, наблюдал за играющими детьми на хорошо оборудованной детской площадке. Он всю жизнь любил детей, но, вернувшись с фронта тяжелым инвалидом, приспособился к жизни, которую, в общем, и не знал. Он не хотел жениться из жалости к себе, и тем более произвести на свет детей, которые, как он думал, повзрослев,

не смогли бы ему этого простить. Детей надо рожать для взаимной радости, чего он им дать не мог бы.

Было время, когда он об этом жалел, но вот сейчас, глядя на счастливых детей и их молодых матерей или бабушек, он нашел оправдание своему поступку.

Пока он думал свои думы, ОНА потихоньку всё ближе и ближе подсаживалась к нему и, как бы нечаянно, дотронулась до него.

Никакой реакции. Переступив через свою гордость, ОНА растянулась на скамейке так, что головой прикоснулась к оставшейся верхней части его ноги. Ощущение было приятное, и, оторвав глаза от детской площадки, он взглянул на нее, погладил по голове и добродушно воскликнул:

– Эх ты, шалунья! Куда полезла?

Ответа не последовало, но с места ОНА не сдвинулась.

Вынув из сумки книгу, он, не обращая на нее внимания, стал читать.

ОНА, блаженствуя, позу не меняла. Длилось это не меньше часа, пока он не собрался уходить. Как только коляска сдвинулась с места, ОНА, покинув скамейку, пошла его провожать до самого выхода из скверика. Там ОНА, ничего не сказав, остановилась.

– До свидания, рыжая! – усмехнувшись, сказал он ей на прощание.

Каково было его удивление, когда на следующий день, подъезжая к скверу, на том же месте, где они попрощались, он опять увидел ее.

– Доброе утро, рыжая! – приветствовал он ее, а ОНА молча стала сопровождать его до своего, уже излюбленного, места. Не успел он устроиться, как ОНА опять оказалась рядом с ним, положив свою голову на его ногу.

Не позавтракав дома, он взял с собой бутерброд с колбасой и маленький термос с кофе.

Угостить ее кофе он не мог, а вот колбасу предложил, и ОНА с радостью поделила с ним завтрак. Когда он, решив погулять немного по скверу, тронулся с места, ОНА тут же пошла рядом. Через некоторое время, добравшись до выхода, он с ней опять попрощался.

Скверик, где развивался их роман, находится недалеко от моего дома, и там, помимо детской площадки, установлены тренажеры для взрослых людей тоже. Туда мы зачастую ходим с Леной по утрам, стараясь сохранять фигуру.

И вот однажды, занимаясь физкультурой, я заметила красивую рыжую кошку, которая неподвижно стояла на месте около пятнадцати

минут, будто смотрела в одну точку, пока на горизонте не появилась инвалидная коляска, в которой сидел пожилой мужчина.

Как только коляска приблизилась, кошка вдруг побежала навстречу, потом сменила направление, будто гид, стала шагать впереди коляски. И тут началась «игра».

Желая ее обойти, он стал маневрировать коляской, направляя ее то влево, то вправо, но безуспешно: кошка опережала коляску, соответственно грациозно передвигаясь то в одну, то в другую сторону, пока не приблизилась к скамейке, где старик в своей коляске остановился.

Мы с Леной не могли оторвать глаз от происходящего и, прекратив занятия, пошли вслед за ними. Только приблизившись к ним, мы вдруг заметили, что старик безногий. Сердце защемило от жалости, но, когда «рыжая», подождав, пока он устроится, тут же прыгнула и устроилась у него в ногах, а он, вместо того чтобы прогнать ее, обнял ее и поцеловал, мы были изумлены. На несколько минут мы потеряли не только дар речи, но и возможность сдвинуться с места. Придя в себя, мы, не сговариваясь, сели на скамью, стоящую рядом с коляской, и с неприкрытым любопытством наблюдали за ними. А там происходило неопишемое, – они просто-напросто баловались!

Взобравшись на его плечо, кошка, будто воротник, обхватила его шею и стала ее облизывать. Нам казалось, что он должен был сбросить ее оттуда, но нет: по всей вероятности, он этим наслаждался. Прошло несколько минут, потом он нежно снял ее с плеч, и, поцеловав в головку, уложил рядом со своими ногами. Она лежала неподвижно, а он нежно гладил ее.

Видно было, как они оба были счастливы, а мы с Леной не переставали удивляться.

Прошло немало времени, пока он, порывшись в своем рюкзаке, достал сардельку и стал кормить свою «подругу». Чуть позже он положил на край скамейки небольшую миску и налил туда из бутылочки молоко. Не выпуская кошку из своих объятий, он терпеливо ждал, пока она вылакает молоко до последней капли. Сказав ей: «На здоровье!», всё аккуратно положил в рюкзак, а она в это время облизывала ему руку.

Позавтракав, они пошли «на прогулку» той же дорогой, что и пришли. А мы с Леной на почтленном расстоянии их сопровождали, пока они не добрались до того места, где обычно расставались.

Взволнованные и растроганные мы с Леной молча пошли домой.

На следующий день та же картина повторилась. Улучив подходящий момент, я, не сдержав любопытства, заговорила с ним. От него узнала всё вышеописанное, вдобавок он заметил, что их «роман» длится уже более полугода и что, к сожалению, им вскоре придется расстаться, так как ему предложили переехать в дом престарелых.

«Это мой единственный в жизни любовный роман», – сказал он мне на прощание.

МОНОЛОГ ТАМАРЫ

Света – моя соседка и приятельница, с которой нас очень многое связывает: она – моя ровесница, моя коллега (филолог), и, несмотря на то, что у нее есть дети и внуки, люди образованные, хорошо устроенные и любящие ее (на расстоянии), она не менее одинока, чем я, если не считать Ивана Ивановича.

С Иваном Ивановичем Света «сожительствует» вот уже более десяти лет. Сколько ему вообще лет, никто не знает, а он, подобно женщинам, скрывает свой возраст, и, хотя косметические кабинеты не посещает, выглядит хорошо, и, по старой памяти, дома не ночует, а днем беспрепятственно гуляет по городу. Света давно перестала обращать на это внимание, а он нагло пользуется ее слабостью.

Своим присутствием он Свету балует только в ненастные дни и, конечно, когда проголодается или, не дай Бог, нуждается в услугах врачей. Настоящий Альфонс!

Ивана Ивановича Света получила в наследство от своей покойной хозяйки. (Дом хозяйка оставила своим сыновьям.) Сколько лет до того он «использовал» хозяйку, остается загадкой. Очевидно только, что Иван Иванович, будучи хорошим психологом, предпочтение отдает одиноким пожилым женщинам, для которых он становится единственным компаньоном-утешителем.

Прошли годы, а он, каким был, таким и остался!

Стоило Тамаре появиться в доме Светы, как он моментально стал путаться у нее под ногами, мешая ей передвигаться по дому. А ведь попала она в дом Светы не для «шуры-муры», как она говорит,

а для того чтобы помочь пожилой женщине по хозяйству и по мере возможности скрасить ее одиночество. Она – метапелет – женщина по уходу за больными и стариками.

Так вот, Тамара обладает «золотыми» руками и большим сердцем. Она не только справляется со своими обязанностями, но изо всех сил старается развлечь Свету своей болтовней. Ее, по словам Светы, хлебом не корми, только не мешай ей говорить. Стоит ей только войти в дом, как она тут же начинает что-то рассказывать.

Сначала Света была этому рада, но со временем болтовня Тамары стала ее утомлять, тем более, как оказалось, у Тамары проблемы со слухом, а потому диалоги не получаются. Но Тамара от этого не страдает: она перешла на монологи!

С разрешения Светы перехожу к одному из них.

– Эх, старый кот! – обратилась она однажды к Ивану Ивановичу. – Думаешь, я не понимаю, на что ты намекаешь? Имей савланут (на иврите – терпение)!

Не заметив реакции на его мордочке, она продолжила:

– Ты что не знаешь, что такое савланут? Да ты же израильтянин! Для меня это первое ивритское слово, которое я усвоила на всю жизнь, и оно мне очень помогло. Вообще-то, признаюсь, я иврита не знаю, так как в ульпан не ходила. Вместо этого ходила мыть лестницы, давая мужу возможность изучать иврит. А сейчас он иногда подтрунивает надо мной, говоря: «Ты на иврите только деньги считать умеешь!» Он прав, я на него не обижаюсь и не говорю ему, что иначе он не смог бы сейчас работать по специальности. Кому-то нужно было мыть лестницы, пока он изучал иврит! Но ты не думай, я об этом ничуть не жалею, иначе мы бы никогда не заимели собственную квартирку-бонбоньерку!

Брысь, я тебе говорю! Дай мне возможность поработать. Ведь меня сюда прислали не к тебе, хотя ты тоже стар, а к твоей хозяйке. Она хорошая женщина и, как я понимаю, любит тебя, но ты, котьяра, смотри не перегибай палку, а то она возьмет и выгонит нас обоих отсюда. Брысь, сказала!

Тут Иван Иванович прыгнул на свое излюбленное в летнее время место – на холодильник! Там, во-первых, было прохладно, а во-вторых, когда Света открывала дверцы холодильника, оттуда всегда чем-то хорошо пахло. В таких случаях он моментально прыгал ей на плечи

и начинал мяукать. Не было случая, чтобы ему оттуда какая-то вкуснятина не доставалась.

– У меня ты ничего не получишь, я тебе не Света! У меня ты будешь лежать там, пока не окоченеешь! – сказала Тамара. – Ус-мехаешься? Конечно! Ты же «израильтянин»! Откуда тебе знать, что такое замерзать. Поехал бы в Сибирь, откуда я приехала. Там ты бы не лазил на холодильник, а искал бы себе место на русской печи... Только вспомнишь, вздрогнешь и подумаешь: «Какое счастье, что мы здесь!» Счастье? Да! Но сколько трудностей пришлось преодолеть, сколько обид и унижений пришлось проглотить, пока попали сюда! Не то что ты – родился тут и живешь, как у Бога за пазухой!

А сколько десятков километров лестниц пришлось мне здесь помыть, пока заимела свою квартиру? Сколько чужих квартир пришлось убирать и сколько больных и стариков пришлось обслуживать? Зато я сейчас не только израильтянка, но и ватичка (на иврите – старожил), а это звучит гордо! Тебе, котяра, этого не понять!

Теперь многие (за исключением моей эфиопской соседки, которая, не успев ступить на Святую Землю, тут же получила ключи от квартиры), мне завидуют, а друзья в России просто бомбардируют письмами с просьбой помочь им приехать в Израиль и устроиться, так как им там трудно найти работу. Они, наверно, думают, что, вымыв столько туалетов и лестниц, я добралась до министерского кресла в Израиле. Они понятия не имеют, каков путь туда, и как, добравшись до этого кресла, люди настолько меняются, что теряют не только собственное «я», но и старых друзей. А я со своими друзьями продолжаю дружить, несмотря на время и расстояния. Была бы у меня возможность, я бы всех забрала сюда, ибо, несмотря на трудности абсорбции, бюрократию и «дружественное окружение» как извне, так и внутри страны, жить тут хорошо. Запомни, балбес, это навсегда. Теперь Израиль – Родина не только твоя, но и моя!

А теперь, котяра, иди ко мне! У меня для тебя припрятан хороший кусок излюбленной тобою свежей печёнки! Это тебе награда за савланут!

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Не поверите, но это была любовь с первого взгляда. Без измен, и длилась она более 40 лет.

Случилось это на второй год после нашего прибытия в Израиль в Тель-Авиве, в магазине по продаже автомобилей.

А месяц спустя, проснувшись, я подошла к окну и, не поверив увиденному, протерла глаза. Открыв их опять, я убедилась, что это не сон. Еще не умывшись, я побежала во двор и увидела, что это был действительно ОН.

Я остолбенела, на нем было написано: «Я ТВОЙ!»

Это был автомобиль «Volvo» 244 L (автомат, 1975 г.) – ПОДАРОК МУЖА. С этим подарком я не расставалась целых 40 лет. Я его любила, а он меня берег.

* * *

С малых лет я любила кататься. Первой моей «каретой», естественно, была детская коляска. Когда я чуть повзрослела, то обожала езду с ветерком в нашей бричке с Бейби, моей любимой лошадкой, которую погоняли поочередно то папа, то мама. Мама до появления папы была единственным «извозчиком» в семье, потому что, во-первых, старшие братья разбрелись, во-вторых, потому что мама очень любила быструю езду (а может быть, считать нужно в обратном порядке). По всей вероятности, я унаследовала эту ее страсть. Нередко мы пользовались трамваем, а в редких случаях – такси. Поездом мы ездили редко, когда во время каникул куда-то выезжали. Самолетом никогда не приходилось летать.

В Советский Союз мы попали на пароме по реке Дунай, спасаясь от фашизма, который проник и в Румынию после смерти всеми любимой (особенно евреями) королевы Марии. В Союзе впервые в жизни я узнала, что людей тоже можно перевозить на большие расстояния в товарных вагонах. По своей детской наивности я думала, что они обслуживают только животных и разные товары. Правда, с нас плату за переезд не брали – это был «подарок» государства эмигрантам из Румынии, а нас было немало. Меня удивило, что в тех вагонах не было ни полок, ни скамей, и нам пришлось выбирать между застеленным соломой

полом и своим багажом, который мы использовали в качестве стульев. Так мы ехали на протяжении трех недель, так как местами приходилось выходить из вагонов и ждать, пока на отдельных участках меняли рельсы (рельсы европейского стандарта не подходили к советским поездам). А расстояние от Рени до станции Ункитешты (Бессарабия), куда мы направлялись, было всего 100 километров. (Если бы не было багажа, по всей вероятности, мы пошли бы пешком.)

А из Ункитешт впервые в жизни по проселочной дороге мы «протряслись» несколько десятков километров на запряженной двумя лошадьми старой повозке. Боясь, что останусь без внутренностей, я прижалась к своей любимой матери, не отпуская ее ни на минуту.

Мы доехали до еврейского местечка Вертюжаны, где жила папина двоюродная сестра, к которой папа решил привезти нас на первый случай. Так я узнала, что на земле существуют места, где не только внутри населенного пункта нет никакого транспорта, но даже сообщение между населенными пунктами не обеспечено транспортом, и люди пользуются повозками с лошадьми или идут пешком в любую погоду. Очень уместны здесь слова Маяковского: «Я стремился за 7000 верст вперед, а приехал на семь лет назад».

Человеку свойственно приспособливаться, и мы тоже приспособились, пользуясь «11-м номером», то есть своими ногами. По окончании учебного года 20 июня 1941 года сначала на подводе, а затем пассажирским поездом мы с Дориной, моей старшей сестрой, поехали в город Черновицы, где нас ждали наши любимые родители в шикарном особняке, окруженном виноградником и множеством фруктовых деревьев. Не дом, а земной рай. Мы намеревались начать жизнь сначала. Так оно и могло быть, если бы не война.

Утром следующего дня, 22 июня 1941 года, ровно в четыре утра над нашим домом пролетел тяжелый военный самолет, и тут же раздался страшный взрыв: фашисты сбросили бомбу на Черновицкую центральную синагогу. Началась война!

О боже! Я ведь вовсе не об этом собиралась писать! Извините!

Вернемся к моей «Сусите». Так назвала я свою первую и последнюю машину, с которой не расставалась 43 года, пока, потеряв зрение, мне с болью в сердце не пришлось с ней расстаться. Всё это время мы были неразлучны. Полюбив ее с первого взгляда, я ухаживала за ней, как за младенцем, а она берегла меня. За все годы у меня

не было ни одной аварии, хотя незадолго до нашего расставания на спидометре появилась цифра 500.000 километров! В трех случаях в нас «врезались», однажды даже автобус. Но в них ни я, ни она не пострадали (спасали нас ее буфера), а пострадавшим приходилось вести свои легковые машины в ремонт.

Недаром ее прозвали «домом на колесах», так как в то время, когда я ее купила, она стоила столько же, сколько трехкомнатная квартира в новостройке рядом с нашим домом в Рамат-Гане, или «танком» – из-за качества металла, из которого она сделана. Мы, новоприбывшие иммигранты, купили ее намного дешевле, без надбавочной стоимости. Водила ее я одна, так как Толя, мой муж, был дальтоником, и в Союзе людям с таким дефектом зрения не разрешали водить машину. Но он от этого не страдал, работая на руководящей должности. В Черновцах у него был «Москвич» с прикрепленным к нему шофером Ваней, который очень часто ночевал у нас с субботы на воскресенье, а в выходные и праздничные дни любил ездить с нами на отдых. Мы с ним даже в Одессу ездили во время летних каникул. Между прочим, благодаря ему, я получила права на вождение автомобиля.

Однажды мы поехали в лес (недалеко от города), в центре которого было озеро. Воспользовавшись моментом, пока Толя с друзьями пировали, я с трудом уговорила Ваню научить меня водить машину. Он долго сопротивлялся, боясь и Толи, и закона. Но все-таки я начала брать у него уроки вождения и потихоньку практиковаться, хотя в машине не было двойных тормозов. Это было начало. Позже в отсутствие Толи мы с ним выезжали в сторону аэропорта, где нашли подходящее место, чтобы можно было практиковаться. Об этом муж узнал, только когда я заявила ему, что записалась на курсы вождения. Он не соглашался, я всякими доводами старалась уговорить его и все-таки записалась на них, пообещав, что если я провалю первую часть экзамена – теорию, то второй раз сдавать не буду. Толя был уверен, что я не сдам теорию, включающую в себя механику, и, согласно закону, к вождению меня не допустили бы. Каково было его удивление, когда, сдав один за другим оба экзамена и получив права на вождение, я пришла похвастаться ему. С тех пор он не звал меня иначе, как «мой шоферишка». (Он умер, так и не узнав, как мне удалось усвоить всё в столь короткий срок.) Но машину он мне не купил. «Нет такой необходимости», – говорил он мне. Но, когда «лед тронулся», и мы, не задумываясь, решили репатриироваться на свою родину, он сказал: «Там мы купим тебе машину», – и слово сдержал.

Репатриировались мы в Израиль в мае 1973 года за несколько месяцев до начала войны Судного дня, а купили машину в последнюю очередь – после ульпана, курсов на получение разрешения на преподавание в Израиле, уже устроившись на работу в гимназию ОРТ в Реховоте и, наконец, получив трехкомнатную квартиру в Ошиёте (окраина города), но в новом 4-этажном доме, построенном специально для иммигрантов из СССР и Румынии – людей с высшим образованием.

Вскоре стали появляться в нашем дворе и другие машины, но «Volvo» ни у кого больше не было. Не было «Volvo» ни у моих коллег в ОРТе, ни даже у раввинов в ешиве в Ган-Явне, где я тоже работала. Более того, у директора ешивы Шломо Голдберга была машина израильского производства. (Пользуясь льготами, репатрианты приобретали машины только иностранных марок, что, естественно, усугубило не очень дружественное отношение местного населения.) Все нам завидовали, хотя абсорбция наша, особенно тех, которым пришлось пережить здесь войну, была совсем не легкой. Их можно понять: им пришлось начинать строить страну в гораздо худших условиях, прошло немало времени, пока у них появилось нормальное жилье, не говоря уж о машинах, о которых иногда даже мечтать не могли. И вместе с тем слышать их упреки и намеки было неприятно. Даже после окончания ульпана, когда мы стали друг друга немного понимать, не было достаточного запаса слов, чтобы «оправдаться» перед ними.

Я опять отклонилась в ненужную сторону. Извините меня: такая уж я болтливая!

На иврите «сус» – конь, а «сусита» – лошадь. Еще занимаясь в ульпане, я узнала это новое для меня слово, и оно мне очень понравилось. Оно моментально почему-то ассоциировалось у меня со словами «Афродита», «Розита» и им подобными. Эти слова созвучны, и я его сразу запомнила. К тому же оно напоминало мне мою любимую лошадь Бейби, с которой я вместе росла, на которой я вместе с папой каталась. Вспомнив ее, я даже прослезилась: я мысленно вернулась в свое счастливое детство, в свой рай!

Вот почему, купив машину, я про себя назвала ее «Суситой». Об этом знали только самые близкие люди – мой муж и моя сестра. «Как твоя „Сусита“?» – спрашивали они меня, улыбаясь.

И вот однажды, приехав на работу в ешиву, я припарковала свою «Суситу» рядом с машиной директора и, обратив внимание

на название фирмы, удивилась: на ней было написано «Susita». Это была небольшая машина такого же молочно-белого цвета, как и моя, но у нее был очень жалкий вид. А «обследовав» ее, я чуть в обморок не упала: на левой верхней боковой поверхности я увидела сквозную дыру. Было такое впечатление, что кто-то просто оторвал от нее кусок. Потрогав машину, я поняла, что она была сделана из толстого пресованного картона, и была поражена. У меня было время до начала урока, так что я побежала к кабинету директора и, даже не постучавшись, открыла дверь. Увидев его сидящим за письменным столом, даже не поздоровавшись, я спросила: «Что случилось?» Уточнив, о чем шла речь, улыбаясь, он пригласил меня сесть и успокоиться. Сесть я не могла, мои ноги не слушались, мне стало плохо, а он, заметив мое состояние, быстро встал, посадил меня и, налив стакан воды, по-отцовски произнес: «Успокойтесь, на вас лица нет! Ничего не случилось. Это не вандализм и никто не пострадал».

У него было шестеро детей – нормальное число для религиозных людей, которым по еврейскому закону нельзя пользоваться противозачаточными средствами, а аборт запрещен. Нередки случаи, когда в семье десятков, а то и больше детей. Смотреть на такие семьи «в полном составе» – одно удовольствие. Это – между прочим. А вот его ответ.

На יום שישי (конец недели – пятница и суббота) он взял трех младших детей и поехал с ними к своим бедуинским друзьям в пустыню недалеко от Беэр-Шевы. Там во дворе с его разрешения установили палатку, где он устроился с детьми и стал готовиться к наступлению субботы. С собой они привезли не только всё оборудование, но и кошерную пищу на два дня. Всё было хорошо: встреча друзей всегда очень теплая. Дети вместе со своими маленькими бедуинскими друзьями вышли поиграть во дворе. Поздно возвратившиеся дети легли спать, и он сам крепко уснул.

Проснулся он по привычке рано утром и вышел во двор подышать свежим утренним воздухом и поплавать в бассейне. Каково было его удивление, когда, вернувшись к своей палатке (бедуины нередко живут в палатке постоянно), он узрел стоящего рядом с его машиной хозяйского верблюда, «завтракающего» куском его машины. По всей вероятности, картон был вкусный, ибо ел он его с наслаждением.

Приехав на работу на машине, после работы он собирался поехать в гараж и узнать, существуют ли запчасти к его машине. Она была местного производства. Была, потому что сейчас на таких машинах даже бедуинов больше не видать – завод ликвидирован давно. Это

был первый и последний автозавод в Израиле, а продукция – самой дешевой, но тоже не всем доступной роскошью. Своим рассказом он меня не только успокоил, но и дал урок становления нашего дорогого, кровью предков отвоеванного государства.

Извинившись, я пошла на урок, но по дороге зашла к своей «Сусите», завела ее и перепарковалась на другой конец стоянки: слишком разительна была разница между стоящими рядом «Суситами»!

Рассталась я со своей «Суситой», как с самым дорогим другом, со слезами на глазах. Уверена, что, если бы она могла, то тоже расплакалась бы. А прощаясь с ней, я шепнула: «Спасибо, друг! Ты меня не только берегла, но и облегчила и украсила мою жизнь в Израиле. Не знаю, как ты, но я тебя не забуду никогда!»

Продала я ее с огромной взаимной благодарностью: она была как новенькая, всё у нее осталось оригинальное, даже краска была сохранена и блестит она, как «в молодости». Спрос на мою «Volvo», естественно, был большой, но я не продала ее, пока не нашелся достойный быть ее хозяином человек. Он с первого взгляда облюбывал ее и даже предложил удвоить названную мною сумму, на что я не согласилась. Такому человеку я была готова доплатить, лишь бы он ее взял. Я была уверена, что передаю свою любимую «Суситу» в хорошие руки и не ошиблась: в его лице я приобрела нового друга. Время от времени он отправляет мне по WhatsApp фото моей любимой с «приветом» от нее и даже приглашает к себе в Нетанию в гости. В ответ на это я пообещала приехать к ним на празднование 50-летия нашей любимицы в 2025 году.

Надеюсь, что Судьба меня не подведет.



Моя Сусита в Нетании

ЛЮБОВЬ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

Родилась Жульетта в Париже в семье портных, которые работали костюмерами в Парижском оперном театре. В четырнадцать лет ей предложили сыграть какую-то незначительную роль. С тех пор она совмещала учебу с театром, и ее оттуда оторвать было нельзя. Временами ей предлагалась какая-нибудь второстепенная роль. До главной роли она не доросла. Зато от молодых обожателей у нее отбоя не было. Спасал ее только зоркий глаз отца и его непосредственное вмешательство. Однако, когда в театре появился проходящий практику Антуан, молодой студент-искусствовед, их роману он не стал препятствовать. Это был очень амбициозный провинциальный парень, за которого впоследствии она и вышла замуж. К тому времени, окончив институт, он уже работал в театре. Жили они сначала на съемной квартире, а со временем приобрели собственную недалеко от театра в старом доме времен Людовика XVI, чем они гордились. Поэтому, когда с прибавлением в семье двух детей жить там стало тесно, им предложили выгодный обмен в новом многоэтажном доме, они в один голос отказались. «В тесноте, но рядом с театром», – говорили они, даже когда к ним присоединился Ив, младший брат Антуана. Так они и жили до самого начала войны.

Ив пошел по стопам старшего брата во всех направлениях: окончил тот же институт, по протекции Антуана стал его помощником в театре и, без ведома брата, влез в его семейную постель тоже (не выдержав соблазна красавицы Жульетты).

И дома, и на работе, и в гостях, и в публичных местах они были неразлучны. Окружающие к этому привыкли, а они были счастливы вдвоем (пришлось поменять кровать на более широкую – для двух кроватей в маленькой спальне не было места).

Это могло длиться еще долгие годы, если бы не война. Оба брата – евреи – были схвачены фашистами и отправлены в лагерь смерти Аушвиц (Польша), где нашли свою смерть в газовой камере, оставив свою любимую Жульетту с детьми на произвол судьбы. Разбалованная двумя мужчинами на протяжении долгих лет, Жульетта, совершенно не приспособленная к жизни и без специальности, оставшись одна с двумя детьми (Жанет было уже 16, а Жаку – 13 лет), сначала растерялась. Но, немного поразмыслив, устроила детей на работу в бакалейном магазине своего соседа-любовника. Жанет стала продавщицей, Жака использовали в качестве мальчика на побегушках.

Худо-бедно, но голодать не приходилось, пока Жанет, влюбившись в какого-то своего ровесника, не удрала с ним, даже не попрощавшись с матерью, с которой она совсем не считалась. Оставшись одна с Жаком, расплакавшись, она обняла его, поцеловала, потянула за собой в свою спальню, велела ему раздеться и прилечь рядом с ней, дабы согреть ее (квартира не отапливалась за неимением угля).

— С сегодняшнего дня мы с тобой будем спать так в целях экономии. А завтра утром ты пойдешь и из-под земли должен достать уголь — ты сейчас уже взрослый парень и должен взять на себя все обязанности твоего исчезнувшего отца, — сказала она.

В то время она не знала, куда делись ее мужчины. Знала только, что соседа мобилизовали. В ту ночь, под руководством собственной матери, мальчик Жак стал мужчиной и был произведен в «главу семьи».

С тех пор и до конца своей жизни Жульетта его от себя не отпускала. Она была и осталась единственной женщиной в его жизни. Умерла она в возрасте 80 лет, заранее купив двойное место (в одной могиле) на кладбище. Десять лет спустя, согласно общему желанию, его труп положили в ее могилу на последующие пятьдесят лет (срок аренды могилы во Франции).

Voilà! (Вот так!)

ЗАПОЗДАЛАЯ ЛЮБОВЬ

Нет большего проклятия, чем прожить жизнь без любви. Было ли это проклятие или нет, я не знаю, хотя, как ей стало известно из уст умирающей матери, ее появление на свет было не результатом любви, а греха.

Уже будучи замужем и имея девочку, изменив любящему мужу в минуту слабости, она родила «ему» второго ребенка. Это также была девочка, ее называли Антуанетта (настоящего отца ребенка звали Антон).

Узнав о рождении ребенка, Антон бросил свою бесплодную жену, и, уговорив Аиду (так звали ее мать) вместе с ней и двумя девочками никому ничего не сказав, поехали в недавно «освобожденную» Буковину. О том, что они не родные сестры девочки понятия не имели.

Все было хорошо, пока молочные зубы у младшей дочери не сменились постоянными, в результате чего у нее искривился рот, и она

стала уродливой. Происходило это в начале войны, когда Антон был на фронте, а мать, эвакуировавшись, попала в Среднюю Азию вместе с детьми. Антон с войны не вернулся. Оставшись нищей, в чужом месте с двумя детьми и не имея возможности лечить ребенка, она тем самым исковеркала ей жизнь.

Ее в детстве дразнили, а повзрослев, никто ее не любил, в то время как ее старшую сестру, красивую блондинку с большими черными глазами любили все окружающие.

Она была еще студенткой, когда в доме появился Артур (муж сестры), а через год у них родился ребенок, по которому все с ума сходили. В том числе и Антуанетта, которую мать ребенка к нему не подпускала. Муж сестры внезапно исчез. Вынужденная работать, старшая сестра оставляла ребенка на свою уже не очень молодую мать. Любовь Антуанетты к ребенку во многом помогла, так как Антуанетта, будучи хорошим архитектором, большую часть работы выполняла дома и имела возможность заниматься ребенком. Не удивительно, что ребенок привязался к обеим женщинам, в окружении которых находился много времени. Это привело к тому, что родная мать стала ревновать собственного ребенка к сестре, а Антуанетта впервые познала любовь ребенка. О другой любви она и мечтать не могла, пока однажды в самолете оказалась рядом с известным дантистом. Он уговорил ее избавиться от собственных зубов и поставить импланты, таким образом исправить дефекты лица.

С этого момента вся ее жизнь пошла по другому, неизвестному ей до тех пор руслу. После операции (не одной) она совершенно неожиданно смогла познать счастье быть любимой, вышла замуж за человека с тремя детьми, в которых она вложила всю накопленную за долгие годы чувства. Ей было тогда уже более 50 лет!

В настоящее время оба они пенсионеры, состоятельные люди, у которых есть не только любящие дети, но и внуки и внучки, с которыми они живут душа в душу.

Аиды и старшей дочери уже давно нет, а племянник Антуанетты с детьми, хотя и живут в другой стране, близки и дороги ей, стали частью ее новой семьи. А мораль рассказа такова: лучше поздно, чем никогда!

P.S. Познакомилась я с Антуанеттой в Израиле, а разговорившись, узнала, что до войны она с семьей тоже жила в Черновицах.

ПОГОНЯ ЗА СЧАСТЬЕМ

– Боже, какая ты красивая! – воскликнул он, когда, открыв глаза, увидел ее, спящую рядом с ним на лежанке: прибыв в Одессу посреди ночи, не имея куда деться, они предпочли вокзальной станции берег моря. Там на лежаках и переночевали. А было это продолжением выпускного бала в ночь на двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года.

Одетые, будто жених и невеста (он – в черном костюме с черной бабочкой, а она – в белом длинном бальном платье), они, никому не сказав, пустились в авантюру, ничего при себе не имея, кроме денег, которые в тот день получили в подарок в связи с окончанием школы от своих родителей, родственников и друзей. Поддавшись мимолетному искушению, в разгар вечера они побежали на вокзал и уже на ходу догнали отправляющийся поезд. Попад в переполненный общий вагон, они с трудом нашли себе места друг против друга. Узнав, что поезд отправляется в Одессу, они были на вершине счастья, пока проводница не потребовала предъявить проездные билеты.

Положение спасли пассажиры, которые, поверив в их историю о том, что это было свадебное путешествие и что их обокрали на вокзале, сложились и на ближайшей станции купили им два билета. Как только поезд тронулся, кто-то достал бутылку вина, а какая-то женщина – закуску, и, поздравив молодоженов, все пожелали им большого счастья. Они же от всей души поблагодарили и под крики «Горько!» расцеловались.

Это стало их единственным в жизни «бракосочетанием».

Часть 1

Первое слово, которое он произнес уже в трехлетнем возрасте, было «мама». Первое слово, которое он написал, как только выучил алфавит, было «Ася». Сначала он написал его мелом на своей маленькой досточке, затем – в пустом классе мелом на доске. Позже он осмелился написать его карандашом на бумаге и только в третьем классе – уже чернилами. (На заборах он его писал углем.) Так или иначе, где бы он ни был, что бы он ни делал, ее имя было где-то рядом с ним, и он украдкой любовался им. Но она об этом долгое время ничего не зна-

ла, даже не подозревала! А он жил только ею и, как только научился читать, завел специальную тетрадку, в которую выписывал все встречающиеся ему слова, описывающие красоту женщины. Того не зная, он таким образом с самого раннего детства пристрастился к чтению художественной литературы (особенно Пушкина и Лермонтова) и проложил себе путь в писательский мир.

Ему было всего десять лет, когда втайне от всех он завел дневник, главным героем которого была незнакомая девушка Ася, а в старших классах он начал сочинять посвященные ей стихи. Тогда же, осмелев, написал ей свое первое письмо, за которым последовали еще несколько, пока, наконец, она вышла к нему на свидание.

С тех пор и до окончания школы они были неразлучны, а за день до выпускного вечера объявили своим родителям об их решении связать свои жизни навсегда. Ничего не подозревавшие до того родители, не сговариваясь, высказали свое категорическое «нет!»: Ася была еврейкой, а Андрюша – единственным сыном священника! С трудом пережив длинную бессонную ночь, сразу же после утренней службы священник явился к отцу Аси и безо всякого вступления коротко спросил:

– Мошко, тебе это надо?

– Точно так же, как и тебе, святой отец!

Ничего больше не обсуждая, они пожали друг другу руки и в один голос поклялись:

– Этому не бывать!

Решение удрать из дому вместе и начать новую жизнь пришло внезапно на выпускном вечере во время вальса. Проснувшись рано утром на берегу моря, они, не сговариваясь, пользуясь тем, что никого по близости не было, раздевшись догола, рука в руку побежали к морю и окунулись.

– Это – твое крещение! – воскликнул Андрюша.

– Это просто купание! – возразила она.

Вопрос о том, кто чью веру примет, как и другие жизненно важные вопросы, до тех пор не обсуждался.

Поплескавшись немного в воде, они вышли и, счастливые, побежали вдоль берега до тех пор, пока нежное утреннее солнышко окончательно не обсушило их красивые молодые тела. Затем, одевшись, взяв друг друга за руки, они решили поехать в город, дабы в первую очередь найти себе какое-то пристанище.

Они стояли у остановки в ожидании трамвая, когда вдруг из уличного громкоговорителя раздался голос Левитана. Он сообщил, что в то утро ровно в четыре часа немецкие войска ворвались на территорию Советского Союза и это означало – ВОЙНА!

Потеряв дар речи, они молча смотрели друг на друга, как бы спрашивая: «Что делать?». Решение пришло моментально: «Домой!» – произнесли они одновременно и поехали на вокзал. Но, увы! Вокзал был забит военными, которые отправлялись на запад, и местным населением, которое убегало на восток. Пришлось присоединиться к ним, а спустя месяц, пережив голод, холод и бомбардировки, они оказались на Урале в чужой одежде: свою давно пришлось выбросить и воспользоваться одеждой, оставшейся от погибших в дороге. Не имея при себе никаких документов, они стали просто «беженцами». При первой же проверке они объявили себя мужем и женой, назвав его фамилию, а получив пристанище у пары одиноких стариков, они взвалили на свои хрупкие плечи и их заботы тоже. Ася взяла на себя заботу о доме и о стариках, в то время как Андрюша то тут, то там подрабатывал, благодаря чему они по карточкам получали ежедневно по кусочку хлеба и еще кое-что. Но это длилось недолго: вскоре Андрюшу мобилизовали, и он попал на фронт. Время от времени Ася получала от него «треугольники» – военные письма, состоящие из одного листа бумаги, на котором с одной стороны излагалось содержание, а на другой фигурировал номер полевой почты отправителя и адрес получателя.

Из писем Андрюши Ася узнавала только о том, что он жив, что он ее безумно любит, что, как только война кончится, он к ней вернется, они пожениются и обязательно вернутся домой. Этим она и жила, пока однажды на пороге их дома не появился досрочно вернувшийся с фронта солдат без левой руки выше локтя с письмом от Андрюши и прядью его волос, которая, по его словам, должна была защитить ее от всего плохого. Он просил Асю зашить ее в кусочек ткани, повесить ее на шее и постоянно носить, пока он не вернется. О себе он ничего другого, кроме своей большой к ней любви, не написал. О том, что случилось с ним там, подробно рассказал ей его однопольчанин и друг Саша Рабинович, которого Андрюша направил к Асе с просьбой приютить его, так как семья Саши находилась на оккупированной территории, а ему деваться было некуда.

Саша был высоким стройным брюнетом с голубыми глазами, постоянно наполненными слезами: он был в состоянии глубокой

депрессии после увиденного и пережитого на войне, к которым добавилась тревога о судьбе своей семьи – родителей и трех сестер. У Аси он сразу вызвал глубокое сочувствие и симпатию, и, поговорив со «своими» стариками, она предложила ему стать членом «ее семьи». Сначала Саша не соглашался, но, когда Ася рассказала ему, что ее об этом просил Андрюша, поблагодарив от всей души и обещав не стать им обузой, он согласился.

Так начался новый этап в жизни Аси.

Под лозунгом «Всё для фронта!» тыл страны не только молчаливо принимал все лишения, но, чем и как могли, люди старались помочь тем, кто, рискуя собственной жизнью, не раздумывая, защищали их. Все без исключения, от мала до велика, делали что-то посильное для фронта. Ася стала швеей, и с утра до вечера вместе с сотней других женщин в здании бывшего театра до умопомрачения (от постоянного шума) строчила нижнее белье для армии, получая мизерную зарплату и небольшой паек, на которые она содержала «семью». С появлением Саши материально им стало легче, и все в доме своим к нему отношением старались его за это отблагодарить. Но вытащить его из депрессивного состояния оказалось нелегко: безделье его добивало. Нужно было что-то придумать, чтобы его чем-то занять.

Начали с того, что Саша своей единственной рукой стал помогать ей распиливать дрова. Сначала не очень получалось, но постепенно они «попали в ритм», и это их обоих обрадовало. Затем Ася назначила его «шеф-поваром» после того, как она научила его варить яйца вкрутую и картошку в мундире. От этого до салата оставался один шаг, и он его успешно прошел. Позже, по вечерам, сидя в полутьме при сделанной из половины картошки «лампаде», она попросила его рассказать о своей семье и о довоенной жизни в небольшом еврейском местечке в бывшей Бессарабии. В свою очередь она рассказала ему о своей семье, о которой вот уже два года ничего не знала, но очень надеялась, что война их обошла и что, как только она кончится, они снова встретятся, и у нее будет возможность попросить у них прощения. О своем романе с Андрюшей рассказывать Саше не приходилось: он не раз слышал его из «первоисточника». Но у него было много чего рассказать о своем верном друге, который не раз, рискуя собственной жизнью, спасал его. Об этом Андрюша никогда ей ничего не писал, и она, слушая рассказы Саши, не раз роняла слезу: Андрюша оказался верным

другом не только ей, но и всем окружающим его людям. Им можно было по достоинству гордиться.

О том, что Андрюша находился в госпитале с обеими ногами в гипсе, Ася узнала от Сашу: Андрюша ей об этом тоже не написал. Не написал он и о том, что, лишившись возможности ходить, он, попросив ручку и бумагу, начал писать очерки о войне, которые сначала расходились по больнице, а затем благодаря неизвестному журналисту появились в прессе тоже. Не подозревая того, он стал известным и востребованным писателем. Позже, когда ему сняли гипс, и он наконец опять встал на ноги, его назначили военным корреспондентом.

Проведенные вместе вечера их очень сблизили, и вскоре Ася поняла, что она, пожалуй, впервые в жизни по-настоящему страстно влюбилась в Сашу. В том, что чувство это было взаимное, не было никакого сомнения (даже старики это заметили), но Саша всеми силами старался сдерживать свои порывы, скрывая свои чувства: не мог же он отбить у своего лучшего друга любимую женщину! Однако, вопреки желанию, проводимые вместе вечера стали мучительными для обоих. Но в этом никто не признавался. Перед ними встал извечный вопрос: «Что делать?». Однажды, вернувшись домой с работы в неурочное время, Ася застала его рисующим карандашом на старом листе бумаги не что иное, как ее портрет. Саша, которого застали врасплох, поспешил объяснить:

— Зная, как Андрюша вас любит, я решил отправить ему ваш портрет: это самое малое, чем я могу отблагодарить его за всё хорошее, что он для меня сделал.

Растроганная до слез, Ася обняла, поцеловала его и еле слышным голосом произнесла:

— Спасибо! Спасибо от нас обоих!

Сказав это, она вышла во двор и громким голосом радостно закричала:

— Он меня тоже любит! Он будет моим!

В ту же ночь, пробравшись в его комнату, она прилегла рядом с ним на кровать, своими горячими поцелуями разбудила его, и, несмотря на его сопротивление, «взяла» его. Месяц спустя она поняла, что беременна, но поделиться с ним своей радостью ей не пришлось: на следующее утро после случившегося Саша исчез. Родившегося ребенка она назвала Александром, а фамилию и отчество дала «отца» (Андрюши)!

Часть 2

Отпраздновав со своими стариками долгожданную победу (девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года) и от души поблагодарив их, на следующий день, прижимая к груди своего сыночка, сказав только, что она едет домой, Ася села на поезд. У нее были большие надежды на будущее: она обязательно разыщет Сашу, и они заживут одной большой счастливой семьей.

Дорога домой была долгой, тяжелой, с несколькими пересадками, но, слава Богу, без бомбардировок. Ей улыбалось будущее, и она улыбалась ему. Когда, наконец, она попала в свой любимый родной город Кишинев, у нее защемило сердце: центральная улица Ленина, по которой они ехали, была полностью разрушена, родительский дом был сожжен, а, по словам соседей, ее семью депортировали румыны в самом начале войны, и больше о них никто ничего не знал. Увиденное и услышанное моментально вернули ее на землю. Она поняла, что у нее ничего и никого, кроме ребенка, нет, что жизнь придется начать сначала и что ее любимое сокровище стало для нее помехой: с ним на руках она ничего не смогла бы сделать. Нужно было в первую очередь устроить малыша. Но как? И тут возникла идея: церковь! И она пошла туда.

Разыскав «святого отца» (отца Андрюши), она вручила ему «внука» с соответствующим свидетельством о рождении. Растроганный «дедушка», прижав мальчишку к груди, ничего не спрашивая, от души поблагодарил Асю. Ушла Ася оттуда только после того, как поцеловала руку священника и свое сокровище, прося у него прощения, но пообещав, что при первой же возможности она придет за ним. Она не подозревала, что больше его никогда не увидит!

Всё еще держа малыша в своих объятиях, пожилой священник опустился на колени перед иконой богородицы с младенцем, поблагодарил ее за полученный подарок и пообещал, что на сей раз он не повторит свою ошибку: его внук будет жить и учиться при нем, а повзрослев, займет его место. Вот почему, когда демобилизованный Андрюша, ничего не зная о случившемся, приехал домой, отец, поняв, что он ничего не знает о ребенке, ничего ему не сказал, а он, попрощавшись с отцом, тут же пошел разыскивать свою любимую Асю.

Началась погоня: Андрюша пустился в поиски Аси, Ася бросилась искать Сашу, а Саша, перечеркнув свое позорное прошлое, всеми

силами старался попасть в «новый мир», где среди новых знакомых он, возможно, найдет свое счастье. Но он его так и не нашел!

Часть 3

Вспомнив название местечка, родины Саши, Ася сразу поехала туда, но, расспросив людей о судьбе семьи Рабинович, она смогла узнать, что они были загнаны в какое-то гетто и пока никто из них не вернулся. Что касается Саши, то он, по их словам, недавно заезжал, но тут же уехал. Куда, они не знали. Пришлось продолжать поиски, но ни местный, ни республиканский военкоматы никаких сведений о нем не имели. Было ясно, что он пытался замести следы и начать новую жизнь. Но где? Пока никого не было рядом с ним, она должна была его найти. Но как? Помог случай!

Ася нашла себе временное пристанище у одной из своих одноклассниц (молдаванки), и ей уже нашли какую-то работу, когда однажды вечером в той семье заговорили о том, что будто из Черновиц бывшим гражданам Румынии можно было репатриироваться. Подумав, что Саша мог этим воспользоваться, она тут же поехала туда, и, наведя справки в ОВИРе (отдел милиции по выдаче заграничных виз), узнала, что Саша выехал в Бухарест. О том, чтобы ей тоже попасть туда, не могло быть и речи: границу закрыли за день до ее приезда. Вернуться в Кишинев она не захотела. Решила остаться в городе Черновцы в надежде, что подобная возможность еще раз представится. Но она ошиблась и тем самым потеряла его след навсегда, а потеряв Сашу, Ася потеряла интерес к жизни, и, несмотря на неоднократные возможности устроить свою жизнь, она осталась одна до конца своих дней: даже проводить своего ребенка «дедушка» ей не разрешал (по словам священника, своих родителей мальчик считал погибшими).

– Саша – очень способный ребенок. Когда подрастет, он поедет в Иерусалим и поступит в монастырь. Я его к этому готовлю!

Услышав это, Ася чуть с ума не сошла. «Он же чистокровный еврей», – подумала она, но ничего не сказала. Однако простить себе этого не могла, и она, впад в глубокую депрессию, стала деградировать.

Годы шли, но ничего в личной жизни наших героев не произошло, кроме того, что маленький Сашок стал Александром Андреевичем,

монахом, жил в Иерусалиме и, влюбившись в израильтянку Эсфирь, отказался от монашества и христианства, прошел «гиюр» (перешел в иудейскую веру) и женился на избраннице своего сердца. От этой вести у его «дедушки» случился инфаркт, и он тут же скончался.

Когда Андрею сообщили о внезапной смерти отца, и он узнал, что у него был сын, существование которого от него скрывали, он обвинил в этом Асю и поклялся ее разыскать и отомстить. Случилось это, когда им обоим было уже за сорок. Ворвавшись к ней без предупреждения, он, увидев перед собой опустившуюся старуху, не поверил, что он мог ее когда-то так безумно любить, а когда из ее уст узнал правду, в порыве безумства он сначала выстрелил в нее, а затем и сам застрелился. Он умер на месте, а ее спасли. Но ненадолго!

Оставшись в живых, она через посольство разузнала адрес своего сына в Израиле и, написав ему подробное письмо, раскрыла перед ним карты. Узнав свое настоящее имя и имена своих родителей, он стал добиваться встречи с ними. Увидеться с матерью ему не удалось (она умерла до того, как установились официальные отношения между Советским Союзом и Израилем), но с отцом, в Лондоне, он все-таки встретился. От него он узнал не только историю своего появления на свет, но и о том, в чем он никогда не признался его матери: в том, что он ее безумно любил и что, написав ее портреты, в которые вложил всю свою страсть и любовь, стал знаменитым художником-портретистом.

На прощание, подарив сыну автопортрет и портрет матери с его подписями, он ему сказал:

– Продав их, ты сможешь приобрести самый дорогой объект в Иерусалиме.

– Я их никогда никому ни за какие деньги не продам. Спасибо! Спасибо за них и за то, что я вообще существую. Я самый счастливый человек на свете: не зная того, я нашел себя, свою любимую суженую, свои корни, которыми я горжусь, и тебя – папа! Жаль только, что мама до этого не дожила!

А прощаясь с отцом, он добавил:

– Моя Эсфирь беременна девочкой. Мы ее, с Божьей помощью, назовем Асей!

P.S. Сюжет взят из рассказа одной моей приятельницы. Имена действующих лиц изменены.

ДОРОГА К СЧАСТЬЮ

Предисловие

С Мариной меня свела судьба в санатории Vals-les-Bains на юге Франции, куда она приехала из России, а я из Израиля. Помимо диабета, у нас оказалось много общего, и мы с ней подружились.

Я там была со своим двоюродным братом (парижанином) и его друзьями, которые приехали из Парижа на своей машине, благодаря чему в нелечебное время нам удалось исколесить весь юг от Марселя до самых гор. Марина участвовала во всех наших вылазках: она стала частью нашей компании, а я стала ее переводчиком.

За двадцать восемь дней пребывания там мы с ней очень сблизились и, естественно, расставаясь, обменялись номерами телефонов.

Свою книгу «Исповедь» я подарила только близким людям. Марина оказалась в их числе. В ответ она выразила мне свою благодарность, восхищение. Я получила в подарок ее дневник и разрешение при желании использовать его в своем творчестве.

История ее жизни не только заинтересовала и растрогала меня, но и вдохновила написать этот рассказ. Имена героев рассказа изменены.

Часть первая

Как это ни странно, но я о себе ничего не знаю! Точнее, я не знаю, ни как меня на самом деле зовут, ни когда и где я родилась, а самое страшное – кто мои родители. А виновата в этом война! Да! Именно так: Вторая мировая война 1939–1945 годов, одной из десятков миллионов жертв которой я являюсь.

Судя по тем скудным данным, которые удалось собрать, мне было не более трех-четырех лет, когда меня обнаружили после бомбардировки эшелона с эвакуированными бродящей между трупами. Я искала свою маму. Об этом можно было догадаться, судя по тому, как, плача, я не переставала кричать: «Мама, мама, мама!» Знала ли я еще какие-нибудь слова к тому времени, неизвестно: кроме слова «мама» на протяжении целых двух лет я никаких других слов не произносила. Я была в состоянии глубокого шока и находилась в детском доме для круглых сирот.

Воспользовавшись моей «немотой», мальчишки стали таскать меня в темные углы и играть со мной в «папу-маму», пока я не удрала из детского дома и меня не подобрала какая-то мусульманская бездетная супружеская пара. Они увезли меня в Среднюю Азию и впоследствии, удочерив, дали мне мусульманское имя.

Я училась уже в шестом классе, когда моя приемная мать заболела, и ее на «скорой помощи» увезли в больницу, а я осталась дома с ее мужем. Что с ней случилось, от чего ее прооперировали, я не знаю. Знаю только, что она там находилась долгое время, а мы с «папой» ее часто навещали.

Однажды после того, как мы от нее ушли, он повел меня в столовую, накормил, напоил и по дороге купил мне большую шоколадку.

Возвратившись домой, я легла на диван и вскоре уснула. Проснувшись в их спальне рядом с ним, обнаженная. Испугавшись, я сбросила с себя одеяло и хотела убежать, но... не тут-то было: выкрутиться мне от него не удалось!

Обычно он по утрам уходил на работу первым, а возвращался последним. Уходя в то утро, он меня поцеловал и сказал: «Ты умница!» – и ушел. Я притворилась спящей, хотя всю ночь глаз не сомкнула от боли, обиды и стыда. О том, чтобы пойти в школу, не могло быть и речи, и я продолжала лежать и плакать. Наконец я заставила себя встать. Увидев кровавое пятно на простыне, я испугалась: со мной такое никогда раньше не случалось. А что будет теперь?

Рассказать о случившемся было некому, советоваться было не с кем, идти было некуда, и все-таки, взяв с собой кусок хлеба и бутылку воды, я ушла. «Куда? Куда глаза глядят!» – подумала я.

Не знаю, сколько дней прошло, когда меня, спящую на скамейке в каком-то скверике, кто-то заметил и вызвал милицию. Меня тут же забрали, и вскоре он пришел за мной, хотя я ни на какие вопросы не отвечала: оказалось, что он подал в розыск.

Я с ним пошла, но зайти в дом отказалась. Схватив меня на руки, он насильно занес меня в дом. Два дня подряд мы из дому не выходили. Я заперлась в своей комнате. Ни по-хорошему, ни по-плохому он не мог уговорить меня выйти оттуда. На третий день, предварительно напившись, он взломал дверь, залез ко мне в постель и завязал мне рот платком. Я отбивалась, как могла, но отбиться не смогла. Силы были неравные, и он «сделал свое дело»!

Не знаю, что было бы дальше, если бы в тот день его жена не вернулась домой.

– Если хочешь жить, – предупредил он, – держи язык за зубами!
И я его чуть не проглотила!

Время шло, я ходила в школу, как обычно, и в один прекрасный день его жена обратила внимание на мой животик: он стал округляться! Схватив меня за волосы, она не своим голосом крикнула:

– Кто он?

Не понимая вопроса, я переспросила. Ответ пришел вместе с пощечиной:

– Тот, от кого у тебя будет ребенок!

Услышав это, я потеряла сознание, и она вылила на меня ведро воды, не переставая спрашивать, кто он. Придя в себя, я пролепетала:

– Твой муж!

Это было как гром среди белого дня. Она упала в кресло и, схватив голову обеими руками, заплакала. Но нет! Это был не плач, это было рыдание животного с воткнутой в самое сердце стрелой. Пожалев ее, я принесла ей стакан воды.

Через несколько часов жена, взяв с собой небольшой чемодан и меня, не дождавшись мужа, ушла из дома. До самого вокзала никто из нас слова не проронил. Ехали мы долго, с пересадкой, пока не добрались до какого-то полустанка. Оттуда на подводе только к вечеру добрались до хутора, где, как я поняла при встрече, жила ее пожилая мать. Там мне был выделен какой-то чулан, где я должна была находиться большую часть времени вдали не только от посторонних людей, но и от них самих (по мере возможности). Так прошло целых полгода, пока я не родила, и еще несколько месяцев после.

Роды у меня принимала она с матерью. Как я перенесла те адские муки, непостижимо! Представления не имею, сколько времени прошло, пока я встала на ноги, но даже тогда передвигалась с большим трудом. К тому времени м о е й девочке было уже несколько месяцев, но к ней меня не допускали, и «моя тюремщица» со мной не разговаривала вообще. Благо, что рядом была ее мать, которая относилась ко мне по-человечески. Думаю, что если теперь я могу об этом писать, то это только благодаря ей.

Ребенку было уже месяцев шесть, когда «моя тюремщица» вдруг заговорила со мной:

– А сейчас послушай меня! Мы приехали сюда потому, что моя мать была при смерти. Запомнила? Теперь, когда я ее выходила, мы можем спокойно вернуться домой. Это раз! Во-вторых, я (запомни раз и навсегда!) была беременна и родила девочку. Поняла? Мы с мужем

этого ребенка ждали более двадцати лет! Сейчас мы возвращаемся домой, чтобы обрадовать моего мужа и твоего отчима. Всё понятно? Это мой сюрприз!

Приехав домой, мы узнали от соседей, что во время нашего отсутствия его, неизвестно (мне) за что, посадили на три года. Это был его сюрприз!

Под предлогом, что при создавшейся ситуации она не в состоянии меня больше содержать, она от меня отказалась, и меня определили в женскую среднюю школу-интернат, которую спустя несколько лет я окончила, получив аттестат зрелости.

Когда, уходя от нее, я захотела попрощаться со своей девочкой, она меня грубо оттолкнула, вскрикнув:

– Не смей прикасаться к моей девочке! Вон отсюда! И чтобы ноги твоей возле моего дома не было! Увижу – убью!

Ничего не ответив, со слезами на глазах я ушла. Но, рискуя жизнью, по воскресеньям часами крутилась возле ее дома в надежде хоть издали взглянуть на свое дитя, а увидев, я еле сдерживала себя, чтобы не броситься на свою мачеху, вырвать ребенка из ее рук и крепко прижать его к своей груди.

Она лишила меня ребенка, но не материнского чувства: его ни украсть, ни убить нельзя. Я жила надеждой, что наступит час, когда, обняв и поцеловав свое дитя, смогу шепнуть ей: «Я твоя настоящая МАТЬ!» Но... Как только отчим вышел из тюрьмы, они переехали в другой город (неизвестный мне), лишив меня таким образом возможности когда-либо увидеть СВОЮ ДОЧЬ!

Часть вторая

Шли годы. Приближались экзамены на аттестат зрелости. Все девочки ждали с нетерпением окончания школы и начала новой жизни. Я же была в ужасе: куда мне деваться?

На протяжении всей своей жизни я никогда ни от кого не получала ни письма, ни посылочки; никто меня ни разу не навещал, да и я никогда ни к кому в гости не ходила. На всем белом свете у меня никого не было. Не зная своих родителей, я, естественно, не знала, кто и где мои родственники, а они, если такие существовали, ничего не знали обо мне.

Однажды в воскресный день, бесцельно блуждая по улицам и думая о своем, я вдруг увидела, как какая-то пожилая женщина упала, уронив свою авоську с продуктами, которые рассыпались по тротуару. Подбежав, я ее с трудом подняла, посадила на оказавшуюся рядом скамейку, собрала продукты и под села к ней. Из разбитого лба просачивалась кровь. Испугавшись, я хотела вызвать «скорую помощь», но она не согласилась.

– Я живу совсем рядом, – сказала она, – и у меня дома своя аптечка. Спасибо!

Попытавшись встать, женщина тут же с криком упала назад на скамейку: ходить она не могла. У нее были сильные боли в левой ноге. В больнице, куда я ее все-таки отвезла, рентгеновский снимок показал перелом голеностопного сустава, и ей наложили гипсовый сапог. Вызвав такси, я отвезла ее домой.

Так началась наша с ней дружба!

Этель Ароновна, одинокая пенсионерка, жила в очень скромно обставленной малогабаритной квартирке. Единственное, что бросалось в глаза при входе в ее гостиную, была огромная библиотека со старыми и новыми подписными изданиями, на которые, по всей вероятности, она потратила значительную долю своей мизерной учительской зарплаты.

Сначала по моему настоянию, а в дальнейшем по ее просьбе, я стала ежедневно ее навещать и по мере возможности помогать ей в ведении хозяйства. Она была мне очень благодарна и назвала меня «ангелочком». Я же впервые в жизни почувствовала к себе не казенное, а искреннее человеческое отношение и сильно привязалась к ней. Большую часть дня я проводила у нее. (Это был период предэкзаменационных консультаций в школе.)

Этель Ароновна была учительницей математики и физики, и она мне очень помогла по этим предметам, по которым я хромала. В результате я их тоже успешно сдала. Она искренне радовалась моим успехам и на выпускной вечер пришла вместе со мной. Я представила ее, сказав: «Моя любимая бабушка!» Сверх всякого ожидания, она прослезилась: оказалось, что ее единственная внучка вместе с матерью (ее дочкой) пропали без вести во время войны.

Уходя домой после торжественной части вечера, она меня поблагодарила за оказанную ей честь, поздравила с окончанием школы, поцеловала и предложила:

– Завтра утром собери свои вещи и приезжай ко мне: отныне мой дом – твой дом, внучечка!

На сей раз прослезилась я!

Несколько дней спустя, после совместного просмотра какого-то фильма по телевизору, взяв мою руку в свои руки и глядя мне в глаза, она вдруг сказала:

– Я долго ломала голову над тем, как узаконить наши с тобой отношения. Дело в том, что пожилой женщине удочерить совершеннолетнюю девушку законом не предусмотрено. Вместе с тем я не только хочу обеспечить себе старость, но в какой-то степени и твое будущее. Я надеюсь, что, если я объявлю о находке своей пропавшей внучки, которую распознала по родинке на правой щеке (у меня такая есть), тебе могут переделать документы и прописать у меня. Одновременно я собираюсь написать завещание и назначить тебя своей единственной наследницей. Надеюсь, ты не возражаешь?

Я не поверила своим ушам и на минутку лишилась дара речи. Подумав, что я не согласна, она тут же добавила:

– Ты не обязана соглашаться. Я...

Прервав ее речь, я обняла, поцеловала ее и со слезами на глазах прошептала:

– Спасибо вам! Я была бы счастлива!

На следующий же день Этель Ароновна подала прошение в соответствующие органы, а спустя несколько месяцев наша общая мечта осуществилась: я получила новый паспорт с новыми данными и прописку. Как только это произошло, я купила торт, и вечером за чашкой чая мы отметили начало нашей новой, совместной жизни. То ли от чая, то ли от счастья я вдруг почувствовала нечто вроде легкого опьянения и подумала: «Наконец я знаю, для кого жить!»

С каждым днем мы всё больше сближались и стали раскрывать душу друг перед другом. Она рассказала мне о своем детстве, отрочестве и счастливой супружеской жизни, прерванной войной. Повела меня о «жизни» в еврейском гетто, где потеряла родителей, братьев и сестер, а также о своей любимой дочери. В самом начале войны она вышла замуж за непутевого украинского парня, который увез ее и новорожденную внучку, оставив Этель Ароновну одну на произвол судьбы. Глотая слезы, она рассказала мне и о послевоенной жизни, прошедшей в основном в работе, а также о своем горьком одиночестве на старости лет.

Когда я рассказала ей историю своей жизни (опустив «острые углы») среди сирот и в школе-интернате, она прослезилась, нежно обняла меня и сказала:

– Какое счастье, что судьба нас свела! Каковы твои планы на будущее? – вдруг спросила она.

Я ответила, что очень люблю младенцев, а потому хочу устроиться нянкой в яслях. Услышав это, она сильно удивилась: она никак не могла понять, откуда у девчонки могло возникнуть подобное желание. Решив, что это просто какая-то детская фантазия, она попыталась уговорить меня сначала поступить в институт и получить высшее образование, предложив взять меня пока на содержание, от чего я категорически отказалась: я должна была сначала устроиться на работу и помочь моей бабушке. Я все-таки устроилась няней в ясли, и, когда впервые в жизни прижала маленького ребенка к своей груди, меня тут же обдало теплом детского тельца, и, поняв, что такое материнское счастье, я расплакалась. Благо, в это время в комнате не было взрослых людей.

Работу свою я сразу полюбила и туда ходила, как на праздник: я обожала тех маленьких ангелочков. А когда получила первую зарплату, даже возгордилась и побежала прямо домой. Положив конверт с деньгами на стол, я обратилась к Этель Ароновне, сказав:

– Это моя доля на общие расходы.

Она об этом и слышать не хотела, но, в конце концов, сдалась. На следующий день, вернувшись с работы, я заметила на столе небольшую деревянную шкатулку.

– Это наша с тобой общая касса, – сказала она. – Я добавила туда свою пенсию.

Ничего не сказав, я ее поцеловала.

Однажды, проходя мимо больницы, я заметила объявление: при больнице открывались шестимесячные курсы медсестер. Занятия – по вечерам. Предварительно, обсудив вопрос со своей заведующей и получив ее согласие, я поступила и, благодаря ей, сумела заниматься и одновременно работать по «скользящему графику», а по окончании курсов – пойти на повышение: меня зачислили медсестрой в том же отделении.

Все были довольны, а я – больше всех: работа стала намного интересней, и я по-прежнему не шла, а бежала на работу.

Не замедляла я шаг и по дороге домой: у Этель Ароновны стало пошаливать сердце, и я очень беспокоилась за нее. Кроме того, я знала, с каким нетерпением она ждала моего возвращения. Нам с ней было очень хорошо: она оказалась прекрасной кулинаркой и хозяйкой, и в деньгах мы не нуждались. Более того, у нас всегда был какой-то НЗ (неприкосновенный запас).

И вот однажды, вернувшись домой, я застала в доме мужчину средних лет, сидящего за столом, на котором откуда-то появилась бутылка водки. Несмотря на то, что рядом с ним стояла пара костылей, вызвал он у меня не чувство жалости, а неприязни.

Поздоровавшись, я спросила, где Этель Ароновна. Еле двигая языком, он пробормотал: «Валяется в своей постели».

Почувяв неладное, я побежала к ней. Она была в полуобморочном состоянии. Я дала ей валидол и вызвала «неотложку». Я с ней поехала в больницу, а он остался дома.

В больнице поставили диагноз – обширный инфаркт. Трое суток подряд я от ее постели не отходила. Врачи делали всё, что могли. Она была подключена к аппарату с кислородом и говорить не могла. Единственное, что она успела прошептать мне, сорвав маску, было: «Прости!»

И похороны, и поминки организовал профсоюз той школы, в которой она проработала десятки лет. Всё это время незнакомец находился у нас, не переставая пить «за упокой ее души». Я ломала голову, думая и гадая, кто он и какое имел отношение к Этель Ароновне, но ничего на ум не приходило, хотя не могла отогнать от себя мысль о том, что он послужил причиной ее скоростижной смерти. Он был мне неприятен, и я с нетерпением ждала момента, когда смогу с ним поговорить и всё выяснить.

Несмотря на то, что он был тяжелым инвалидом без обеих ног ниже колен, я к нему никакой жалости не чувствовала, одно лишь презрение. Очевидно, он тоже ждал подходящего момента, потому что, как только мы оказались одни, он, еле ворочая языком, пробормотал:

– Я твой отец!

Я чуть в обморок не упала. Будто сквозь сон, до меня дошли его слова:

– Крепись, детка! Еще не то будет!

Несколько успокоившись после бессонной ночи, я утром встала, приготовила завтрак (без водки) и, пригласив его к столу, сказала:

– Давайте позавтракаем, а потом поговорим!

– Молодец! – похвалил он меня и, взяв свои костыли, подошел к столу. Завтрак прошел в полном молчании. Убрав со стола, я принесла свой новый паспорт, положила на стол и попросила его показать свой. Фамилия была такая же, в графе «Отчество» у меня фигурировало его имя, а в пятой графе – национальность по отцу – украинка. Судя по всему, он на самом деле был зятем покойной Этель Ароновны, а из последующего разговора выясни-

лось, что ему сообщили из отдела розыска, что нашлась его дочь, и дали мой адрес. Приехал он с намерением остаться с нами жить, так как, кроме меня, у него никого не было. Все послевоенные годы он провел в Доме инвалидов.

Пришлось рассказать ему свою историю со всеми подробностями, а в заключение я сказала:

– Теперь вы знаете, что это...

Не дав мне добавить слово «недоразумение», он вставил свое слово: «Афера!» – и тут же добавил:

– Дочка или аферистка, в любом случае тебе от меня не выкрутиться: я остаюсь жить тут, и ты будешь обо мне заботиться до самой смерти. Иначе я посажу тебя в тюрьму!

Я ничего не ответила, но про себя решила: «Этому не бывать!» и, забрав свой паспорт и стоящее на буфете фото Этель Ароновны, пошла в свою комнату. Собрав несколько самых необходимых вещей, документы и имеющиеся в нашей шкатулке деньги, ничего не сказав, я ушла, чтобы никогда больше туда не возвращаться. Догнать меня он не смог, у него были ампутированы обе ноги ниже колен, а я поехала на вокзал, взяла билет на первый отправляющийся поезд и, не оглядываясь назад, поехала в никуда!

Часть третья

Сошла я на конечной станции и оттуда пошла пешком. Недалеко от вокзала на заборе были приклеены разные объявления. Я остановилась и стала их читать, точно не зная, что ищу. Вскоре рядом со мной оказался интересный мужчина лет тридцати с небольшим. То ли случайно, то ли нарочно он наступил мне на ногу, извинился, а затем спросил:

– Можно узнать, что такая красивая женщина ищет в этих объявлениях?

– Пристанище, – ответила я и тут же задала встречный вопрос: – А вы?

– Вас! – ответил он и улыбнулся.

Я тоже улыбнулась и ушла. Догнав меня, он представился и спросил, как меня величать. Познакомившись таким образом, он пригласил меня на чашку кофе. Извинившись, я сказала, что предпочла бы столовую, так как с утра ничего не ела. (Уже спускались сумерки.) Моя непосредственность его удивила, но в ресторан он меня все-таки повел

и заказал полный обед для меня и кофе и коньяк для себя. За столом я кое-что рассказала ему о себе. Неожиданно он вдруг сказал:

– Мне вас сам бог послал: у меня парализованная мать, и я ищу для нее женщину по уходу. Согласны?

Не раздумывая, я тут же ответила: «Да!» – и мы поехали к нему домой. В тот момент он меня просто спас!

И дом, возле которого остановилось такси, и сама квартира поразили меня своей величиной и красотой. Он повел меня в сравнительно небольшую комнату, сказав:

– Это ваша комната. Располагайтесь! Я спешу на работу. Завтра поговорим! Да, еще: душевая рядом!

Проснувшись утром, я убедилась в том, что это был не сон. Вдруг услышала стук в свою дверь:

– Вставай, красавица, завтрак готов!

Каково было мое удивление, когда за столом оказались только мы вдвоем: выяснилось, что его мать – вся его семья!

За красиво поданным завтраком он, уточнив кое-какие данные моей биографии, вдруг сказал: «Я готов вам помочь, но еще не знаю как. Ситуация довольно сложная: вам нужен новый паспорт!» После завтрака он пригласил меня познакомиться с его матерью. «Она – вся моя жизнь!» – с нежностью сказал он. Это была немолодая женщина, но, несмотря на возраст, лицо ее, будто мраморное, без единой морщинки, поражало своей красотой.

Бывшая актриса еврейского театра вот уже несколько лет лежала парализованная в постели. Увидев меня, она скривила улыбку, а глаза ее заблестели. Говорить она не могла.

– Вы ей понравились, – сказал он, – надеюсь, вы с ней найдете общий язык.

– Я буду очень стараться, – ответила я, – скажите только, что я должна делать.

– Для начала мы с вами всё будем делать вместе, – объяснил он и начал с того, что, сказав ей «Доброе утро!», поцеловал в лоб.

Это было очень трогательно, и он сразу вызвал во мне уважение, а когда он приступил к ее утреннему «туалету», не давая мне к ней прикоснуться, он меня полностью покориł. Помыв и одев, он взял ее на руки, осторожно посадил в кресло и медленно, терпеливо накормил приготовленным им самим завтраком, после чего, обтерев ей рот влажной салфеткой, сказал: «Молодец!» и опять поцеловал. Я умилилась до слез.

Уходя, он мне сказал:

– Сядьте рядом с мамой и расскажите ей немного о себе (она всё понимает), а затем включите телевизор. Выберите какую-нибудь интересную передачу и ждите меня. Я скоро вернусь.

Я ей, конечно, рассказала не всё. Она слушала меня, и у нее появились слезы на глазах.

Он вернулся с подносом, на котором были два бокала свежесжатого апельсинового сока и две детские бутылочки: одна – с соком, другая – с минеральной водой.

– Попробуйте ее напоить, – сказал он, – а мы с вами выпьем за ее здоровье.

У меня был опыт, как пользоваться теми бутылочками, но дети пили без проблем. Наоборот, зачастую приходилось силой отрывать бутылочку: они жадно пили большими глотками, и нужно было быть очень осторожной с ними. А в данном случае она с трудом проглатывала жидкость, и процесс длился очень долго. Но я ее не торопила, и в конце концов она всё выпила. «Вы обе молодцы», – сказал он и опять поцеловал ее. На этот раз – в щеку. В ее глазах можно было прочесть благодарность, и я была довольна собой.

Обед как для нее, так и для нас приготовил он. Сначала он накормил ее, дал посидеть около часа, уложил, включил классическую музыку и пригласил меня пообедать с ним. За столом он меня спросил:

– Готовить умеете?

– Не приходилось, – призналась я.

– Не беда, – ответил он, – я вас научу!

И он меня, действительно, научил готовить для больной матери и для нас с ним. По его словам, я оказалась способной ученицей. Вскоре всё встало на свои места: он занимался своими делами и снабжением, я занималась кухней и его матерью (была ее компаньонкой, в основном), а уборкой квартиры, стиркой, глажкой и купанием старушки по вечерам (вместе с ним) занималась нанятая им приходящая женщина средних лет.

Прошло несколько недель, и однажды, вернувшись из города, он мне сказал:

– Вам придется выйти за меня замуж: другого выхода нет!

Я лишилась дара речи. Он заметил мое смущение:

– Не бойтесь! Это будет фиктивный брак: вам выдадут новый паспорт (взамен «потерянного») с моей фамилией. Имена ваших родителей будут тоже еврейские, так что вы – стопроцентная еврейка.

Сделав небольшую паузу, он продолжил:

– Я понимаю, что это не лестно. У вас есть сутки на размышление, и извините, но я должен вас предупредить, что в случае отказа нам придется расстаться: держать вас дольше без прописки – опасно! Тем более, не исключена возможность, что вас уже разыскивают. Что касается меня, то я должен признаться: мне будет очень жаль потерять вас. Маме тоже. Да и вам, наверное, нелегко находиться здесь, как в тюрьме, безвыходно.

Ни «новые родители», ни новая национальность меня нисколько не смущали: ведь мне уже трижды меняли паспортные данные, и ничего от этого в моей личности не изменилось. Какая была, такая я и осталась! Смущало меня другое – замужество! К тому же фиктивное. О таком браке мне до тех пор никогда не приходилось слышать. Пришлось попросить пояснения. Усмехнувшись, он мне объяснил, в чем заключалась разница. Покраснев, я сказала:

– Я бы не возражала, но как вы? Не могу же я лишиться вас возможности устроить свою жизнь!

– В этом отношении можете быть совершенно спокойны: моя мать – вся моя жизнь, и никто никогда ее место не займет! Стало быть, я могу начать заниматься «делом»?

– Да! – не раздумывая, ответила я. – Спасибо!

Две недели спустя я получила новый паспорт, согласно которому мы с ним были мужем и женой, но в наших отношениях ничего не изменилось, кроме того, что мы перешли на «ты» (так нужно было!).

Хотя наш брак был фиктивным, взаимная симпатия и совместная жизнь сделали свое дело, и мы очень сблизились, в результате чего он стал мне рассказывать много интересного о себе и своей семье. Оказалось, что он был еще мальчишкой, когда его отец погиб на фронте, и он стал главой семьи. Мать осталась молодой красивой вдовой, но без работы: в гетто театра не было! К тому же, она никогда не работала ради денег, а ради аплодисментов: на сцену она попала еще ребенком – в возрасте пяти лет! (Ее родители были артистами, а она – красивой талантливой девочкой.) Замуж она вышла в ранней молодости за немолодого, но очень состоятельного человека, так что зарабатывать на жизнь ей никогда не приходилось. Оказавшись без сцены, без мужа и без денег, она растерялась. Она ничего не умела делать! Ее спасением был ее сыночек. Вцепившись в него, когда ему было всего-навсего тринадцать лет, она его от себя не отпустила до самой смерти, искалечив ему жизнь. (А для него она стала смыслом жизни!)

Гены его предков передались и ему: с раннего детства он пристрастился к цветным карандашам и стал рисовать. Ему сначала наняли учителя рисования, а затем в возрасте десяти лет он попал в художественную мастерскую знаменитого в то время художника. Это спасло их обоих: взяв с собой свои краски, оказавшись в гетто, он нарисовал портрет своей матери на стене. Это была его «икона»: он на нее «молился»!

Случилось так, что при облаве какой-то солдат, обратив внимание на портрет, забрал мальчика с собой, хотя по возрасту он еще не подлежал вербовке на работу. Он его повел к коменданту гетто, который оставил его работать при комендатуре: он стал писать листовки, афиши, объявления, лозунги и портреты высокопоставленного начальства. За это он получал ежедневно буханку хлеба, бутылку молока и обеды из офицерской столовой. С этим он ежедневно возвращался после работы «домой», где его ждала любящая мать и работа по дому. Она ничего не делала!

Чудом они остались в живых и после освобождения вернулись в родной город. Ему было уже шестнадцать лет. Сказав, что ему восемнадцать (документов ни у кого из них не было), он был принят на работу в типографию, а по вечерам учился в школе рабочей молодежи. Рисовать он перестал: это были послевоенные голодные годы, когда ни портретами, ни картинами никто не интересовался. Лишь спустя несколько лет он вернулся к своему хобби, которое впоследствии стало его профессией. Приблизительно в это же время его мать вернулась в восстановленный еврейский театр, и они продолжали жить вместе: никто из них не собирался изменить статус. (Они уже давно были любовниками, судя по многочисленным картинам, для которых она ему позировала (даже в костюме Евы!) и которые висели в гостиной и в ее комнате.)

Прошло более полугода со дня нашего «бракосочетания», когда вдруг он предложил мне стать его моделью. Первое, что я сказала, было «Нет!». Ему пришлось долго и нудно меня переубеждать, пока я согласилась позировать ему одетой (это было мое условие, которое не подлежало обсуждению). Он согласился и поцеловал меня в щечку. Это было импульсивно, и он тут же извинился, обещая, что такое больше не повторится.

На следующий день он потащил меня в город подобрать наряд для позирования. Пересмотрев десяток нарядных платьев, мы, наконец, остановились на наряде «Дамы с собачкой». Подобрал к нему

туфельки на высоких каблуках, белую шляпу с огромными полями и ажурные перчатки до локтей, мы побежали домой: ему не терпелось начать писать меня.

Как только мы оказались дома, он попросил меня принять душ, переодеться и прийти в его мастерскую.

– Никакой косметики и никаких украшений: ты сама бриллиант!

Я не успела закрыть за собой дверь, как он, всплеснув руками, крикнул:

– О боже, мы забыли купить зонтик!

И, ничего больше не сказав, выбежал из дому. Вернулся он только часа через два с необыкновенно красивым белым ажурным зонтиком, шампанским и тортом.

– Мы этот день должны отметить! – сказал он. – Это – начало твоей карьеры!

Начал он меня рисовать, полный энтузиазма. Однако, после первого же сеанса наступило обоюдное разочарование: он был слишком требовательным, а я – слишком ранимой, и, прервав сеанс, я выскочила из его мастерской со словами: «С меня хватит!»

Понадобилось много времени и извинений, пока он вернул меня туда, и не меньше времени, пока мы притерлись и смогли довести дело до конца. Но в результате получилась «саро d'opera» – настоящее произведение искусства, за которое ему предлагали большую сумму денег, но он не соглашался продавать. Картина заняла почетное место в гостиной. Каждый раз, проходя мимо этой картины, я задавала себе вопрос: «Неужели это я?» Оторвать от нее глаз было невозможно!

Это было начало! Дав мне передохнуть, он написал с меня «Амазонку» (на белом коне) и ряд других портретов и картин, которые у него просто расхватили. Прошло больше года, и в один прекрасный день он мне сказал:

– Идем на повышение! – и вручил мне коробку с парой шикарных ажурных черных бикини.

– Стоп! – возмущенно воскликнула я. – Этому не бывать! – и, швырнув коробку на диван, выбежала из комнаты.

Ни на следующий день, ни в последующие к этому вопросу мы не возвращались. Будто вообще ничего не произошло между нами. Но в воскресенье, оставив маму с сиделкой, он пригласил меня немного погулять. «Случайно» мы оказались рядом с музеем, и он предложил заглянуть туда. Это было мое первое посещение музея вообще! Там я получила первый урок по искусству. Там же

я впервые увидела «Даная» (репродукцию), возле которой стояли мужчины и женщины, молодые и старые люди, восхищаясь ею. Постояв там несколько минут, мы бегло прошли по залам. За всё это время мы не обменялись ни одним словом. Лишь оказавшись на улице, он вдруг сказал: «Подумать только, женщина, позировавшая Рембрандту, жила более трехсот лет тому назад!»

Вернувшись домой, мы пожелали друг другу спокойной ночи. Я пошла в свою комнату. Каково было мое удивление, когда на одной из своих ночных тумбочек я увидела альбом, на обложке которого была не кто иная, как «Даная»! Это был альбом из серии «Образ и цвет» о Рембрандте и его творчестве с более чем десятью репродукциями его картин, среди которых «Даная» занимала центральное место.

Я долго рассматривала каждую картину, внимательно прочла статью, хотя мало что в ней понимала, но утром за завтраком я его поблагодарила за проведенную просветительскую работу и спросила:

– Когда первый сеанс?

Позировать пришлось долго. Во время работы он был настолько сосредоточен, что мы не обмолвились ни единым словом, если не считать его «одергивания». Я начала чувствовать усталость. Кроме того, мне было скучно. Однажды я про себя решила сказать ему: «Хватит!», но, вспомнив, что Рембрандт над своей «Данасей» работал целых десять лет, молчала и продолжала терпеть. Что касается его, то он ни словом, ни взглядом не выдавал свои чувства. Зато, подобно тому, как в свое время Этель Ароновна привила мне интерес к чтению, так теперь он, подбрасывая мне каждый раз книги и альбомы, вызвал у меня интерес к изобразительному искусству. По его инициативе мы стали посещать картинные галереи. Это нас еще больше сблизило.

Прошло более трех лет с тех пор, как мы «поженились», когда в одно утро, подойдя к постели его матери, я обнаружила, что она мертва. На мой крик он тут же прибежал и, бросившись на нее, как умалишенный, стал целовать ее и беспрерывно повторять:

– Мама, мамочка, на кого ты меня оставила? Я этого не переживу!

Испугавшись уже за него, я попробовала оторвать его от покойницы. Резко освободившись от меня, сквозь слезы он попросил:

– Не надо! Оставь нас, пожалуйста, вдвоем!

Попрощавшись с ней, я молча, со слезами на глазах ушла. Он же не отходил от ее постели целые сутки. Лишь на следующее утро, не-

сколько успокоившись, он пошел организовать похороны, на которых, кроме нас с ним, никого не было.

Вернулись мы домой молча. За редким исключением молчание продолжалось ровно тридцать дней, пока он меня не попросил пойти с ним на кладбище: это был день открытия памятника. На черном мраморе в полный рост возвышалась она во всей красе своей молодости – портрет его работы, выбитый на камне. Не сдержав своего восторга, я воскликнула: «Восхитительно! Молодец!» Вернулись мы домой опять молча. На протяжении всего тяжелейшего месяца, пока он находился в состоянии шока, хозяйство вела я. Сейчас, вернувшись домой с кладбища, я впервые заговорила:

– Хватит! Ты сделал всё, что мог, для нее! Как я понимаю, ты посвятил ей всю свою молодость. Пора начать новую жизнь! Я готова тебе помочь. Только скажи как!

– Завтра поговорим, – ответил он и пошел в ее комнату.

На следующее утро, пока он находился в ванной, ее комнату, я забрала его вещи из ее комнаты, заперла дверь, а ключ спрятала. Как только он вышел из ванной, я ему сказала:

– Твои вещи в твоей комнате. Туда ты больше не войдешь!

Пару минут он стоял растерянный, а затем молча зашел к себе. Я тоже пошла в свою комнату, надела самое красивое платье, которое он мне подарил, и, постучавшись в его дверь, сказала:

– Выходи, красавчик! Тебя ждет завтрак и... любящая тебя женщина!

Во время завтрака он не мог отвести от меня взгляд и, не выдержав, сказал:

– Мы с тобой никогда не выходили в город на прогулку. Иди переодевайся! Я тебя приглашаю.

Мы целый день бесцельно гуляли, пообедали и поужинали в городе, а затем он повел меня в парк. Выбрав скамейку в какой-то нише, он пригласил меня сесть и, взяв мою руку в свою, поцеловал и сказал:

– Я хочу тебя поблагодарить за те несколько лет, которые ты подарила нам, за твое отношение к маме и за помощь, которую оказала мне. Ты не только облегчила, но и украсила нашу жизнь. Более того, ты стала моей Музой! Благодаря тебе я достиг апогея в своем творчестве и всеобщего признания. Но, несмотря на всё это, нам придется расстаться! Я не могу и не хочу искалечить твою жизнь. Ты молодая, красивая, умная, добрая женщина, и ты заслуживаешь большого счастья, чего я тебе от всей души желаю. Я дать тебе этого, к сожалению, не смогу: я – извращенный однолюб. Мама меня не только

родила, но и сделала из меня мужчину (для себя!). Она единственная женщина, которую я знал и всю жизнь безумно любил. С ее уходом я потерял интерес к жизни. Я не знаю, как в дальнейшем сложится моя жизнь, но знаю одно: не только любить, но даже дотронуться до другой женщины я не смогу! Я рассказал тебе всё это в надежде, что ты меня поймешь и простишь.

Я была ошеломлена. Возвращались мы домой молча. Дома мы разошлись по своим комнатам, предварительно пожелав друг другу спокойной ночи. Но для нас обоих она оказалась не такой!

Я попыталась уснуть, но не смогла. Из соседней комнаты в тишине ночи слышно было, как он нервно шагает взад и вперед. Это длилось не меньше часа. Всё это время я ломала себе голову, думая, как ему помочь. Вдруг меня осенила идея. Встав с постели, без стука я вошла в его спальню. Всё еще одетый, он сидел в своем глубоком кресле. В комнате горел не ночник, а большая потолочная хрустальная люстра.

Ничего не сказав, стоя перед ним, я сбросила на пол ночную рубашку, и, дав себя немного разглядеть, подошла к нему и стала его раздевать. Это было впервые в моей жизни, что я преднамеренно прикоснулась к мужскому телу. Из-за дрожащих рук мне никак не удавалось расстегнуть ему рубашку, а он, точно окаменевший, ждал, не сопротивляясь и не помогая. Оскорбленная, ничего не сказав, я подобрала свою рубашку и выбежала из его спальни. Я вся дрожала, как осенний лист. Всё еще обнаженная, я бросилась на свою постель и разрыдалась. Не знаю, сколько времени прошло, пока слезы иссякли и я задремала.

Мне снилось, будто кто-то, рядом со мной, нежно целовал мое тело. Проснувшись, я поняла, что это был не сон: рядом со мной, обнаженный, лежал он. Что было дальше, не описать... Я никогда не подозревала, что в человеческом теле скрыты такие залежи счастья, и что мужчины, те самые мужчины, которых я избегала, презирала и близко к себе не подпускала, могут вызвать в женщине такие сладкие мгновения, что близость двух противоположных полов может сотворить такие чудеса. Это была незабываемая ночь!

Уснули мы лишь поздно утром, крепко прижавшись друг к другу, а проснувшись в полдень, я боялась открыть глаза, дабы не осознать, что это был всего-навсего прекрасный сон. Когда я, наконец, заставила себя приоткрыть глаза, никого рядом со мной не оказалось. «Бред», — подумала я сначала. Но нет! Окончательно проснувшись, я поняла,

что это был не бред, а постыдная действительность. «Мавр сделал свое дело и удрал», — подумала я. Стыдясь своего поведения, я решила переждать, пока он уйдет из дому, собрать свои вещи и уйти, куда глаза глядят. Вдруг без стука он вошел в одних трусах, подошел к моей кровати, поцеловал в губы, поднял на руки и понес в ванную комнату. Там, опустив меня в наполненную водой ванну, стал купать, как младенца. Глаза у него сияли от счастья. Вероятно, мои тоже.

Выкупав, он завернул меня в огромное махровое полотенце и на руках отнес в постель со словами: «Лежи! Я скоро вернусь!» Вернулся он с большим подносом, на котором стояла бутылка шампанского на льду, два хрустальных бокала, коробка шоколадных конфет и графин с апельсиновым соком. Разлив шампанское по бокалам, он поднял свой и предложил выпить за его красавицу жену. Второй мы выпили за моего любимого мужа. Закрепив наши пожелания поцелуями, мы опять легли.

Наша первая брачная ночь длилась трое суток с лишним, а наша счастливая супружеская жизнь могла бы быть бесконечной, если бы не несчастный случай, в результате которого, не дожив до нашего десятилетнего юбилея, он погиб, оставив меня всё еще молодой, богатой вдовой, но с разбитым сердцем.

Часть четвертая

Не считая детей, о которых я постоянно мечтала, у меня было всё, и даже больше, так как я оказалась его единственной наследницей: помимо шикарной квартиры в самом центре города и множества картин, у меня, не считая своих сбережений, оказалась значительная сумма денег. Казалось бы, только жить да жить. Вместе с тем без него, да и вообще без кого-либо, жизнь стала бесцельной и нежеланной. Я впала в глубокую депрессию, и мысль о самоубийстве не покидала меня, а в узком кругу моих знакомых никому до меня дела не было. Более того, многие мне завидовали, в то время как я не переставала плакать. На протяжении целого года мой единственный «выход в свет» был на кладбище. Туда я ежедневно ездила, «облизывала» памятник мужу и мысленно общалась с ним, прося его о помощи. Там я обычно проводила первую половину дня, вторую половину я проводила в своей квартире «под домашним арестом».

Не знаю, чем бы это кончилось, если бы однажды, возвращаясь с кладбища, я не обратила внимание на объявление, в котором большими буквами было написано: «Помогите!» и номер телефона. У меня сердце ёкнуло! Переписав номер телефона, я побежала домой и тут же позвонила. На мой вопрос, кому и чем можно помочь, ответил молодой мужской голос: «Если вы добрый человек, приходите! Вы сами решите, как и чем вы сможете мне помочь. В любом случае – спасибо, что отозвались». Получив адрес, я моментально поехала к нему.

Вопреки ожиданиям, я попала в престижный район и шикарный многоэтажный дом. Я поднялась на третий этаж, позвонила в нужную квартиру, но ответа не последовало. Вдруг я подумала: «А что, если это ловушка?» – и уже собралась было ретироваться, как двери открылись. Первой встретила меня большая собака и только вслед за ней – молодой мужчина в темных очках.

– Кто вы? – спросил он меня.

– Я вам недавно звонила, – ответила я.

– Спасибо, что пришли. Заходите, пожалуйста!

И я вошла. В доме, кроме него и собаки, никого не было. Оказалось, что жена его бросила на произвол судьбы, а соседский мальчишка, к которому он обратился, написал и расклеил несколько объявлений. (Я была первая и последняя, которая отозвалась!) Не вдаваясь в подробности, я только спросила, чем я могу помочь. В свою очередь он спросил меня:

– Кто вы?

– Я состоятельная женщина и могу вам помочь.

Скривив улыбку, он сказал:

– Спасибо, но в деньгах я не нуждаюсь. Более того, я готов неплохо уплатить за услуги.

– Об оплате не может быть и речи, – сказала я, – но помочь я вам хочу и, чем смогу, помогу!

В результате нашей беседы, которая длилась около часа, мы пришли к выводу, что в первую очередь ему нужна была женщина по уходу за ним и за домом, и я тут же позвонила Анне Ивановне, нашей экономке. Узнав, что она свободна, я дала адрес и попросила ее заказать такси и приехать, обещав дожидаться ее. Она вскоре приехала, и мы обо всем договорились, а она, засучив рукава, ничего не спросив, приступила к работе. Я же взяла на себя «должность» компаньонки и делопроизводителя. (По дому он хорошо ориентировался, а собака

вела его вне дома.) Для начала это было немало. Оставив ему свой адрес и номер телефона, я ушла, пообещав прийти на следующий день.

Я взвалила на себя нелегкую ношу, но была рада представившейся мне возможности опять включиться в жизнь. «Это, – думала я, – мое спасение, а возможно, и его тоже». Мне очень хотелось поверить в это.

На следующее утро по дороге к нему я купила «Правду», «Литературную газету» и журнал «Наука и жизнь»: он произвел на меня впечатление интеллигентного человека, но, не зная, чем он интересуется, решила предоставить ему выбор. Он этого не ожидал и не знал, как меня благодарить. Оказалось, что он всем этим интересуется, и я ему читала целых два часа. Это нас сблизило. (Благодаря Этель Ароновне и моему мужу, который подбирал литературу для своей матери, я значительно повысила свой культурный уровень и уже давно пристрастилась к чтению.) У меня сейчас была большая библиотека, у него тоже, так что ходить в библиотеку за книгами не приходилось.

Помимо чтения, в хорошую погоду мы стали выходить на прогулку. В таких случаях мы брали с собой собаку (ради ее самой) и часами гуляли. Без собаки мы с ним ходили по инстанциям и в сберкассах. Он мне полностью доверял, но о себе ничего не рассказывал. Первый шаг к нашему «знакомству» сделала я. Во время наших прогулок я «по капле» стала рассказывать ему о моей жизни (без «острых углов»). Хотя в его глазах нельзя было читать, я заметила, что история моей жизни не оставила его равнодушным.

Однажды, не выдержав, он нежно пожал мне руку, затем, извинившись, сказал:

– Слишком тяжелый крест повесила вам судьба на шею, но я уверен, что, в конце концов, вы будете счастливы. В моем понимании вся ваша жизнь – это тернистая дорога к большому счастью. Настанет день, когда вы вспомните мои слова.

Растроганная, я его поблагодарила и завершила:

– Вы заслужили не меньшего счастья!

– Я только в начале пути, – ответил он и вдруг начал свой рассказ.

Подобно мне, он потерял своих родителей во время войны, когда еще в школу не ходил. В приюте он был только несколько лет. По окончании начальной школы его взял какой-то полк, и он стал сыном полка. Это было его счастье: всё, что в нем было хорошее, по его словам, он получил там. Также благодаря армии он поступил

и успешно окончил военную академию, стал летчиком и дослужился до звания капитана – командира экипажа.

Еще будучи студентом, влюбился в очень красивую студентку консерватории. Родившись в благополучной семье, она была крайне избалованной и, как впоследствии оказалось, легкомысленной и безответственной женщиной. К тому же – большая эгоистка, которая отказалась рожать, дабы не испортить фигуру, в то время как он мечтал иметь большую, счастливую семью. Это было большое разочарование, но любовь была сильнее, и он пошел «на поводу».

Прожили они вместе больше десяти лет, когда, по ее настоянию, он оставил армию и пошел в гражданскую авиацию. Всего несколько месяцев спустя самолет, который он пилотировал, попал в аварию, при которой большинство пассажиров погибло. В больницу с сильными повреждениями попало лишь несколько человек. Он оказался одним из них. Перенес ряд операций и пролежав в больнице больше года, он вернулся домой слепым на оба глаза: в этом отношении ему, по словам специалистов, нельзя было помочь. Узнав об этом, жена ушла из дому, оставив его на произвол судьбы. «Остальное вы знаете», – сказал он и умолк. Я тоже молчала. Во мне всё перемешалось: и жалость к нему, и злость на его жену, и какое-то сомнение, ответ на которое я должна была получить. Поэтому, немного поразмыслив, я спросила:

– Когда это случилось?

– Что вы имеете в виду? – спросил он. – Аварию? – и назвал дату и рейс.

Я чуть не потеряла сознание и сквозь слезы пролепетала:

– Это была та самая авария, в которой погиб мой муж!

– Примите мое соболезнование, и ради бога простите меня, хотя я ни в чем не виноват! – и, взяв мою руку в свою, стал ее гладить, а спустя несколько минут добавил: – Умоляю! Не вздумайте покинуть меня: я этого не перенесу!

У меня не хватило сил вырвать свою руку из его рук, а про себя я решила, что отвезу его домой, но больше к нему не пойду. Прошло несколько дней, во время которых я из дому не выходила. Телефон разрывался, но трубку я не снимала: я не могла выйти из состояния шока, так как на вопрос, виноват он или нет, ответа не нашла. К тому же я должна была разобраться в своих чувствах. Неожиданно на третий день пришла ко мне его экономка. Она была сильно обеспокоена его состоянием: уже несколько дней, как он не покидает постель, от пищи

отказывается и стал пить. Ничего не подозревая, она попросила меня попробовать повлиять на него, и я пошла к нему.

Он всё еще лежал в постели. У меня сердце разрывалось от жалости.

– Доброе утро! – сказала я. – Хватит спать! Идемте завтракать, – и, не дождавшись ответа, пошла на кухню.

По моей просьбе Анна Ивановна накрыла стол на двоих. Минут через десять он пришел и сел за стол.

– Спасибо, что пришли! – сказал он.

В ответ я сказала:

– Приятного аппетита!

После завтрака я пригласила его выйти на прогулку, и мы пошли в парк. Некоторое время мы шли молча. Заметив, что ходить ему было нелегко, я предложила сесть на скамейку. После минутного молчания он вдруг сказал:

– Я не виноват в смерти вашего мужа. Я не виноват ни в чьей смерти. Таково решение комиссии, расследовавшей причину аварии. У меня имеются копии решения. Они должны быть в одном из ящиков моего письменного стола. Найдите и прочтите их. Я вас очень прошу!

– Я вам и так верю. Простите меня! – ответила я и, взяв его под руку, скомандовала: – Пошли!

К этому вопросу мы больше никогда не возвращались и восстановили прежние отношения, пока в один прекрасный день не появилась его супруга, которая, увидев меня и ничего не спросив, устроила скандал. Она обвинила его в измене и на основании этого потребовала развода. За этим последовали еще несколько неприятных сцен, хождение по адвокатам, большие расходы, пока, наконец, дело не дошло до суда, в результате которого всё имущество и сбережения поделили пополам.

И тут о н о началось! Не дождавшись срока вступления в силу решения суда, она вернулась домой. Помимо личных вещей, собаки, кошки и попугая, она привела с собой своего любовника – бывшего друга своего экс-мужа, заняв спальню и оставив Славе (моему подопечному) его рабочий кабинет. Кухня и совмещенная ванная стали общими. Общей вдруг стала и Анна Ивановна (экономка), которой она начала командовать. Не выдержав наглости своей новой «хозяйки», извинившись передо мной и Славой, она покинула дом.

«Новоселье» длилось целую неделю: квартира превратилась в настоящий ночной клуб, который закрыли под нажимом возмущенных соседей. «Совместная» жизнь для Славы стала настоящим кошма-

ром. Желая хоть немного скрасить его жизнь, я накупила билеты, и по вечерам мы стали ходить в кино и на концерты, посещать театры или просто гулять, лишь бы не оставаться дома. Питаться мы стали в кафе и ресторанах, так как кухню превратили в свалку грязной посуды. Нужно было найти выход из создавшегося положения, но какой? Я не знала, что делать, а он терпеливо молчал. Помог случай!

Однажды, выходя из театра, мы попали под сильный ливень. Поймать такси было невозможно. Постояв немного под навесом, мы решили добежать до моего дома. Он был совсем недалеко. Несмотря на это, мы просто «залили» прихожую: с нас стекала вода. Я сразу повела его в ванную комнату, пустила теплую воду в ванне, поставила табуретку рядом и велела снять с себя всё, кроме трусов. Как только ванна наполнилась, я помогла ему залезть в нее, дала мыло и мочалку и попросила не вылезать оттуда, пока я за ним не приду. Затем, сняв с себя мокрую одежду, приготовив как для него, так и для себя полотенца и пижамы, пошла под душ. Обернувшись большим банным полотенцем, я побежала на кухню, поставила чайник: в первую очередь надо было напоить его крепким горячим чаем с коньяком. Вернувшись, я помогла ему выйти из ванны, дала полотенце и пижаму, велела одеться и дожидаться меня. Постояв за дверью несколько минут, я постучалась, зашла опять, взяла его за руку и повела на кухню. Там усадила его, и мы почаявничали, легко перекусили, после чего, взяв его опять за руку, я с ним перешла в салон. Посадив его в кресло, я притащила второе, села и, взяв его руку в свою, сказала:

– Я рядом!

– Какое счастье! – ответил он.

Я включила радиолу, поставила одну из любимых пластинок, убавила звук. Несколько минут мы оба наслаждались музыкой. Всё еще держа мою руку в своей, он вдруг встал и пригласил меня танцевать. Это было танго. На нас были только тонкие летние пижамы. Прижавшись к нему, я почувствовала его горячее тело. Проигрыватель уже отключился, музыка перестала играть, а мы продолжали танцевать, как вдруг, тесно прижавшись ко мне, он поцеловал меня в губы так, как никто никогда меня не целовал. У меня закружилась голова. Освободившись из его объятий, я сказала:

– Уже поздно. Пора спать!

И, взяв его за руку, повела в мою спальню, познакомила его с обстановкой и прилегающей совмещенной ванной, попросила его попы-

таться вернуться в спальню самостоятельно и, увидев, что он хорошо ориентируется, пожелала ему спокойной ночи.

– Спокойной ночи, ангел мой! – ответил он. – Будь я зрячим, я бы вас не отпустил!

Вышла я из комнаты со слезами на глазах и, как ни старалась, уснуть не могла. Наши спальни были смежные. На всякий случай я в обе комнаты оставила двери открытыми. «Вдруг ему понадобится», – подумала я. Очевидно, ему тоже не спалось, потому что в тишине ночи я отчетливо слышала, как он беспокойно ворочался в кровати. В голове у меня был сумбур. Вдруг, не выдержав, я встала и пошла к нему. То ли он уже спал, то ли он притворялся, но я вошла, подошла к его постели, легла рядом с ним, поцеловала, как ребенка, а он даже не шевельнулся. Вскоре я уснула.

Проснувшись утром, я с удивлением заметила, что его не было рядом со мной. Посмотрев по сторонам, я увидела его сидящим в кресле. У меня защемило сердце. Бесшумно встав с постели, я на цыпочках вышла из комнаты, вернулась к себе и заплакала. Когда я вышла пригласить его к завтраку, обратила внимание на его лицо: оно было багровое. Прикоснувшись ко лбу, я почувствовала, как он «горел», и поняла, что, несмотря на принятые мной накануне предупредительные меры, он всё равно сильно простыл. К врачу он отказался пойти, а я не настаивала: была уверена, что мы справимся своими силами. Но я ошиблась, чего потом никак не могла себе простить. Приглашенный к нему на третий день врач сразу поставил диагноз: воспаление легких. Нужно было его срочно госпитализировать, но убедить больного в этом не удалось. Я договорилась с врачом, что он будет его наблюдать частным образом и прикрепит к нему свою медсестру. Дошло до того, что ему стали вводить пенициллин.

Я от его постели не отходила ни днем, ни ночью. На помощь по уходу за ним и по хозяйству я пригласила теперь уже нашу общую знакомую Анну Ивановну.

Прошло несколько недель, пока он начал идти на поправку, и я немного успокоилась. Его болезнь нас еще больше сблизил: у меня к нему появилось какое-то новое, неведомое мне до тех пор чувство. «Любовь?» – спрашивала я себя.

Его полное выздоровление мы отпраздновали у меня дома. Первый бокал шампанского мы выпили за меня, второй – за него, а третий – за нас с ним, после чего, ничего не сказав, он повел меня

в мою спальню. Я не сопротивлялась! На сей раз мною руководила не жалость, а любовь. Я в этом уже не сомневалась!

То, что было после, не подлежит описанию! Он оказался не только нежным любовником, каким был мой муж, но молодым опытным мужчиной, который сумел открыть передо мной неведомые мне до тех пор чувства. Я совсем потеряла голову! Это было начало! В день его рождения в качестве подарка я ему приготовила сюрприз: сделала ему предложение! Я себе представляла, как он на вершине счастья обнимет меня, поцелует и крикнет: «Да! Да! Да!» Вместо этого он воскликнул:

– Этому не бывать!

На минуту мне показалось, что я ослышалась.

– Повтори! – сказала я.

И он повторил то же самое. У меня было такое ощущение, будто молния поразила меня прямо в сердце. Ничего не понимая, я его попросила:

– Объяснись, пожалуйста!

Взяв мою руку в свою, он сказал:

– Я тебя слишком сильно люблю, чтобы искалечить тебе жизнь. Я лишен возможности видеть твое лицо, но для меня это не столь важно. Важно то, что взгляду моему удалось проникнуть в твою душу. Ты замечательный ЧЕЛОВЕК и заслуживаешь большого счастья, а основанный на жалости брак никому счастья не принесет: брак и жалость несовместимы!

И, сделав небольшую паузу, добавил:

– Ты найдешь свое счастье! Но не со мной!

– Только с тобой! – воскликнула я. – Потому, что я люблю тебя!

И, обняв, поцеловала в губы и потянула его в постель.

То, что не могли сделать слова, сделала природа: проснувшись утром в объятиях друг друга, первое, что он сказал, было:

– Я навеки твой! – И поцеловал меня так, что голова закружилась.

Спустя два месяца мы официально поженились, и он окончательно перешел жить ко мне.

Мы были счастливы!

Не посоветовавшись с ним, я стала обращаться во все инстанции с просьбой помочь ему. Прошло немало времени, пока он получил приглашение приехать в Одессу в Институт глазных болезней им. Филатова (академика тогда уже в живых не было). Он пролежал там

больше месяца, и мы вернулись домой ни с чем. Героически выдержав очередной удар и желая ободрить меня, он вдруг сказал:

– Если бы я не потерял зрение, я бы не нашел тебя. А это главное! Ты не только мои глаза, ты моя жизнь!

И после небольшой паузы добавил:

– Ничего даром получить нельзя! За всё надо платить!

У меня глаза наполнились слезами. «Благо, что он их не видит», – подумала я, решив, что больше этим вопросом заниматься не буду. «Ведь мы и так счастливы», – подумала я и, поцеловав его, сказала:

– На всем белом свете, кроме тебя, у меня никого нет. Ты – вся моя жизнь! Я счастлива! Спасибо Богу и тебе!

Год прошел незаметно: мы жили в мире, любви и достатке. Анна Ивановна вела хозяйство, а я занималась Славой, стараясь заполнить его жизнь интересными мероприятиями. Просыпаясь по утрам рядом с ним, я каждый раз благодарила Бога за то, что у нас было, ничего большего не прося. И вместе с тем меня беспокоило будущее: я опасалась, что рано или поздно он начнет страдать от безделья. Надо было это предупредить. Но как? Я никак не могла подобрать ему интересное занятие. И вот однажды, когда он мне рассказал очень смешной эпизод из своего детства, я ему вдруг сказала:

– Давай запишем это на магнитофон!

Сначала он к этому отнесся несерьезно, но через пару дней он мне вдруг сказал: «Давай попробуем!» Записанный нами рассказ я без его ведома послала в редакцию «Литературной газеты», и, сверх ожидания, месяца через два он появился в печати, а нам прислали небольшой гонорар. Это было начало. За ним последовали другие короткие рассказы из жизни сына полка, и постепенно он этим увлекся. Я была этому рада, так как надежду вернуть ему зрение мы давно потеряли. Кроме того, мы уже научились с этим жить и были счастливы.

И вот однажды я наткнулась на статью, в которой очень похвально отзывались об израильской медицине, в частности в области офтальмологии (глазных болезней). Описывались случаи прозрения таких же слепых, как Слава. Я уцепилась за эту возможность, как утопающий за соломинку, и возобновила свои переговоры с Министерством обороны и здравоохранения, в результате чего добилась не только разрешения, но и субсидии на поездку в Израиль. Уговорить Славу на сей раз было гораздо трудней, чем в предыдущий.

– Очевидно, моя слепота тебе все-таки сильно мешает, раз ты не перестаешь этим заниматься, – вырвалось у него.

Не сумев сдержать слезы обиды, я вышла погулять. Обычно, придя домой, я в первую очередь заходила к нему. На сей раз я пошла в свою комнату. Проглотив обиду, я сейчас думала только о том, что это был наш последний шанс и что его ни в коем случае нельзя было упустить. Надо было что-то предпринять. Но что? У него не было никого, кто мог бы на него повлиять. (С тех пор, как его лучший друг поддался соблазну его жены, он прекратил связь со всеми, а у меня тоже никого не было.) Но нам никого больше и не нужно было. Так нам тогда казалось.

Я всё еще ломала голову, ища выход из положения, как вдруг двери моей комнаты открылись, и вошел он. Подойдя к моему креслу, он неожиданно сказал:

– Ладно! Поехали! Но обещай, что это в последний раз!

– Обещаю, – сказала я, – но ты тоже должен обещать, что каков бы ни был результат, ты меня больше никогда не упрекнешь. Всё, что я делаю, я делаю для тебя, потому что ты – это я!

Подняв меня с кресла, он обнял, поцеловал и приглушенным голосом прошептал:

– Прости!

Неделю спустя мы полетели в Израиль. Самолет приземлился в Лодэ – под Тель-Авивом, но поехали мы в Иерусалим в больницу «Адасса Эйн-Керем», где нас ждали. Мы получили шикарный номер в прибольничной пятизвездочной гостинице, и то ли от усталости, то ли от волнения мы рано легли спать, хотя следующий день был свободный. Мы оба притворялись спящими, хотя никто из нас глаз не сомкнул.

На следующее утро после завтрака я предложила Славе поехать со мной к Стене Плача. Удивившись, он спросил:

– Разве ты еврейка?

– Во-первых, я не знаю, кто я, хотя по паспорту я успела побывать и христианкой, и мусульманкой, и еврейкой. Но какое это имеет значение? Бог один для всех! Поехали!

На сей раз он категорически отказался, а я всё равно поехала, и, найдя в Стене свободную щелочку, воткнула туда записку Богу с просьбой помочь Славе. То ли от свежего утреннего иерусалимского воздуха, то ли от царившей там атмосферы (сотни молящихся людей разного цвета кожи и, по всей вероятности, вероисповедания) я вернулась в номер полупьяная и, ничего не сказав, легла спать.

Не знаю, когда он лег, но проснулись мы одновременно только в полдень. Пообедав, прошлись немного по огромной больнице, которая произвела сильное впечатление своими масштабами, и вернулись в номер: на следующий день Слава должен был предстать перед консилиумом, состоящим из профессоров и врачей с мировым именем. Молча мы дождались утра. Перед тем как войти в зал заседаний комиссии, ничего не говоря, он обнял и поцеловал меня, а я пожелала ему удачи. Вышел он оттуда с направлением на госпитализацию.

В Иерусалиме нам пришлось прожить около месяца, но, благодаря тому что моя гостиница находилась при больнице, мы большую часть времени бывали вместе. Нередко он ночевал у меня. (Больница находится на окраине города.) Меня никуда не тянуло, мне ничего не нужно было, кроме одного – чуда!

Никогда не забуду день, когда ему должны были снять повязки после операции, когда профессор предварительно пригласил к себе и готовил меня ко всему! Затем, проинструктировав меня, как себя вести в любом случае, попросил пойти в ординаторскую. Там было несколько женщин-врачей. Мне предложили снять с себя одежду и надеть докторский халат. Я была в недоумении, но, ничего не спрашивая, подчинилась. Минут десять спустя нас пригласили в процедурный кабинет. Там в специальном кресле сидел Слава, а возле него стоял профессор. В кабинете царил молчание. Что касается меня, то я изо всех сил старалась сохранять спокойствие. (Так велел мне профессор.)

Минуты тянулись, как годы. Профессор сам осторожно стал снимать повязки, затем, профилактически протерев ему лицо, скомандовал:

– Откройте глаза!

В тот момент я почувствовала, как ноги подкосились. Я была в полубморочном состоянии. Вдруг до меня, как издалека, дошел голос профессора:

– Вы нас видите?

– Вижу! Вижу! – воскликнул Слава.

Если бы профессор меня заранее не предупредил, я, наверное, тут же бросилась бы к нему, но я стояла, как окаменевшая.

– Сколько тут человек, помимо меня? – продолжал профессор.

– Пять женщин, – ответил он.

– А какая из них ваша жена? – продолжал профессор.

Наступило глубокое молчание, во время которого я чувствовала, как сердце выскакивало из моей груди. Я еле сдержалась, чтобы

не крикнуть: «Я!» – и броситься в его объятия, но изо всех сил старалась сохранить спокойствие. Вдруг я услышала:

– Они все красивые женщины почти одного возраста, и, если бы мне пришлось выбрать себе в жены одну из них, я бы затруднился. И все-таки, пускай все остальные меня простят, но я выбираю вот ту красавицу, – сказал он, указывая на меня.

Я тут же бросилась в его объятия.

– Я не верю своим глазам! – воскликнул он. – Как такая красавица могла выйти замуж за меня?

Обнимаясь и целуясь, мы не заметили, как все вышли, оставив нас одних. Пришлось побежать за ними, чтобы выразить всем нашу безграничную благодарность. На второй день мы отправили в отделение огромный букет цветов, «батарею» шампанского, огромный торт и большую коробку шоколадных конфет, а мы со Славой пошли в ресторан. Там мы выпили за ПОБЕДУ!

– И за тебя, – добавил он, а после короткого молчания сказал: – Я не знаю, как тебя благодарить!

– Благодарить нужно не меня, а Бога! Завтра утром поедем к Стене Плача!

На сей раз его не пришлось уговаривать. На следующее утро вместе с ним мы написали записку с благодарностью за свершившееся чудо и вложили ее в щель.

Уходя оттуда, мы взяли такси с гидом и совершили тур по священным местам Иерусалима. То же самое мы сделали в Тель-Авиве, только там мы ездили по достопримечательным местам и по центру. Последние три дня, сняв номер в Яффо, мы провели на берегу моря. (Это был разгар летнего сезона.) Там и тогда свершилось второе чудо – я забеременела! Об этом узнала только месяц спустя уже дома. Узнав об этом, на вершине счастья Слава многозначительно посмотрел на меня. Поняв намек, я сказала:

– Я Его об этом не просила.

– Значит, это бонус за все твои страдания, – и, схватив меня в свои объятия, просто осыпал поцелуями.

Восемь месяцев спустя в присутствии любящего и любимого мужа я родила близнецов: мальчика и девочку! Мы чуть с ума не сошли от счастья: наконец-то у нас тоже была семья!

Эпилог

Слава вернулся на работу в Министерство обороны на ответственную высокооплачиваемую должность, я была рядом со своими долгожданными детками двадцать четыре часа в сутки, пока они не подросли, никого к ним не подпуская. Потом, поступив на курсы вождения и получив права, пошла на повышение, став их личным шофером тоже, развозя их по школам, кружкам, вечеринкам и свиданиям. Но работа пришлось мне по вкусу, и я была счастлива.

По окончании гимназии с золотой медалью они получили от нас в качестве подарка туристическую путевку по Израилю под названием «От края до края» в сопровождении своих сошедших с ума от счастья родителей. По завершении тура накануне отъезда домой, желая сделать всем сюрприз, я повела их к Стене Плача. Там от имени всей семьи я поблагодарила Всевышнего и за свершившееся Чудо, и за Бонус!



Стена Плача, Иерусалим

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Герш был пятым ребенком в многодетной семье моего мужа. По рассказам матери Енты Фишман, в отличие от остальных детей, родившись, даже не пискнул. Он только сразу широко открыл свои глазенки и, увидев новый для него мир вне воды, полюбил его и окружающих людей всем сердцем навсегда. Неудивительно, что Герш был любимцем не только в семье, но и среди своих друзей и знакомых, независимо от их национальности.

Беспроblemный ребенок в семье, прилежный ученик и студент, послушный солдат, но медалей он не получал, хотя, где бы он ни был, всегда был лучше всех. Ему предсказывали светлое будущее, но он рано ушел из жизни, которую очень любил, еще не познав ее прелестей. Ему было 29 лет.

В детстве Герш любил строить мосты. Трудно сказать, откуда взялось это увлечение, но он возводил мосты из песка, по-

том из пластилина, повзрослев, стал пользоваться спичками, дощечками, цементом и другим строительным материалом. Может быть, в то время уже были какие-то игрушки для детей вроде современных, но к нему они не попали, у него игрушки были самодельные.

Неудивительно, что он, успешно окончив гимназию, поступил в строительный техникум. Мечтал строить мосты, и не только для того, чтобы облегчить людям передвижение, но и дать им возможность общаться и любить друг друга. Хотел, чтобы мосты соединяли не только речные берега, но и морские и даже океанские. «Все мои мосты я назову мостами дружбы, – говорил он, – потому что все люди – братья. Они должны познать и полюбить

друг друга и жить в дружбе». Это была не только мечта, но и цель всей его жизни.

Успешно закончив учебу в техникуме, он вернулся домой, чтобы попрощаться с родителями и братьями и отправиться за границу в поисках работы по специальности в большой мостостроительной компании, но застрял в родном селе.

Задержала его... ЛЮБОВЬ, красотка Шейндэлэ и семейные обстоятельства.

Хана, старшая сестра, после окончания гимназии уехала к своему жениху в Канаду. Зальман – старший брат, женившись, переехал в город Черновицы, Муня (Анчел) служил в армии, Нисим валял дурака, ждал повестки в армию. Все работы по дому вела сестра Соня, так как мать вынуждена была помогать мужу в бакалейном магазине. И она работала с утра и до вечера.

Оставить своих любимых и уже пожилых родителей Герш не мог и остался дома, чтобы им помочь. «Пока Муня не демобилизуется», – попросили они.

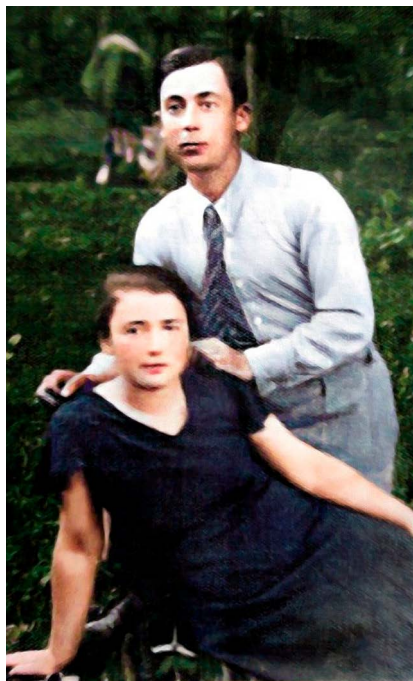
Сменив своих родителей, Герш стал любимым бакалейщиком в селе и вскоре предложил руку и сердце своей любимой девушке. Помешала полученная повестка из военкомата: его призвали на службу в румынской армии.

Демобилизовавшийся Муня временно занял его место в магазине. (У него были свои планы на будущее.) Но ни ему, ни Гершу не суждено было пойти по намеченному пути – помешало соглашение, подписанное Румынией и Советским Союзом 28 июня 1940 года (в результате ультиматума последнего).

Служивший в то время в Бухаресте Герш, воспользовавшись договором об обмене гражданами, вернулся домой только спустя несколько месяцев.

Все были счастливы и, облегченно вздохнув, стали готовиться к свадьбе Герша и Шейндэлэ, которая была назначена на конец июня.

Шли приготовления, когда 22 июня 1941 года неожиданно фашисты напали на Советский Союз. Это было началом Великой Отечественной войны! Моментаально была объявлена мобилизация всех военнообязанных мужчин, и послушный Герш, попрощавшись с семьей, тут же побежал в военкомат. К родителям пришлось вызвать врача, а провожавшая его Шейндэлэ, рыдая, бросилась



*Герш и Соня Фишман,
село Зарожаны, 1940 г.*

вслед за грузовиком, который увозил на фронт мужчин. Герша она не увидела.

Что касается Муни, то он остался дома, решив: «Будь что будет, но больных родителей не оставляю и на фронт не пойду».

Откуда ему было знать, что готовила судьба? Депортация, расстрел родителей по дороге в гетто, работа в немецком лагере. А после освобождения из немецкого лагеря он был объявлен изменником Родины (Советского Союза) и отправлен без суда и следствия в исправительно-трудовой лагерь в город Воркуту (Сибирь).

Учитывая, что Герш по специальности был понтонером, его направили в понтонно-мостовой батальон 18-й армии.

Мечта? Конечно, нет! Не об этом он всю жизнь мечтал.

Но, учитывая обстоятельства, он был примерным солдатом Красной армии, гордился тем, что борется с фашизмом за мир во всем мире и на благо человечества.

Однако служить Родине ему долго не пришлось: 6 октября 1941 года в результате жесточайшего боя и отступления советской армии немецкие войска захватили село Андреевка Запорожской области, превратив его в концентрационный лагерь на целых два года оккупации.

Долгое время Герша (по документам в армии Георгия) считали без вести пропавшим. Мне пришлось приложить немало усилий, пока я получила документы из архива Министерства обороны, согласно которым солдат Георгий Фишман погиб во время бомбардировки моста.

Уверена, что при всей своей любви к мостам, о том, чтобы умереть на мосту, он не мечтал. А я, к сожалению, не могу закончить свой душераздирающий рассказ принятыми словами: «Да будет пухом ему земля!». Утешаю себя только мыслью о том, что с взорванного моста попал он прямо в рай.

Такова ирония судьбы.

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА

Я не знаю, кто, где и когда изобрел велосипед. Знаю только, что в нашей семье он появился только с рождением детей моего поколения. У наших родителей не было ни машин, ни велосипедов. Все они, кроме папы и мамы, пользовались общественным транспортом: автобусами, трамваем и такси. У нас была бричка и всеми нами любимая лошадка Бэби. Первым велосипедистом нашей семьи был Жак – мой самый старший двоюродный брат, сын самого старшего маминого брата Адольфа и его супруги тети Софи – моей самой любимой тети.

Жак был уже гимназистом, когда однажды приехал к нам на велосипеде и покатал сначала Дорину, а затем меня. Я в то время еще не ходила в школу. Это была моя первая встреча с велосипедом, и я полюбила его с первого взгляда и с нетерпением ждала, пока меня зачислили в кружок «велогонок». Было мне тогда то ли девять, то ли десять лет. С тех пор я с велосипедом не расставалась, пока мы не покинули Румынию в 1940 году. Дорине папа купил велосипед только после меня, хотя она была старше: он за нее боялся. Она была сорвиголова, полна сюрпризов. Однако езда на велосипеде ее не очень привлекала, и она им редко пользовалась, никаких инцидентов не было. Больше в семье ни у кого из моих двоюродных и троюродных братьев, а их было шестеро, велосипедов не было. Почему? Я не знаю. То ли они были очень дорогие, то ли им родители не доверяли, то ли сами дети боялись велосипеда.

Единственный, кто нам с сестрой завидовал, так как сами родители боялись велосипеда, был Пую. Пую – сын маминого двоюродного брата Симона и тети Ануцы, очень состоятельных людей, был их единственным долгожданным ребенком, над которым они тряслись. Они его безумно любили, никогда ни в чем не отказывали, кроме велосипеда: они боялись его, велосипеда!

Я еще ходила в начальную школу, когда однажды Пую, который был старше меня на несколько лет, похвастался, что наконец отец обещал ему купить велосипед – подарок к его бармицве, которую вся семья с нетерпением ждала. К полученным приглашениям был добавлен «План торжества»: религиозная часть в нашей семейной синагоге «Templul Coral» (самая престижная в центре Бухареста), обед в самом дорогом ресторане, а после обеда – поездка к ним на дачу, куда были приглашены артисты «Детского театра».

Помню, незадолго до именин Пую мы с мамой поехали в центр города, где подбирали себе наряды. Все с нетерпением ждали торжества.

Был красивый весенний день, когда, подъехав к синагоге, родители, как всегда, вошли и заняли свои постоянные места, а мы с Дориной присоединились к детям, оставшимся во дворе синагоги. Включившись в игры, мы на время внимания не обращали, но взрослые, взволнованные опозданием Пую, стали выходить из синагоги на улицу в ожидании его, который настоял на том, что он не поедет в синагогу с родителями, а придет сам на новом велосипеде. Отговорить его от этой идеи никому не удалось, но его всё не было. И родители, и приглашенные обеспокоились. Вдруг к синагоге подошли двое полицейских, которые, разыскав родителей Пую, выразив сначала свое соболезнование, сообщили о происшедшем: по дороге в синагогу он застрял в рельсах трамвая и попал под него. Труп находился уже в морге.

Что было дальше, не знаю. Помню только, что мы с мамой поехали домой, а папа остался там. Нам с Дориной мама сказала, что бармицва откладывается, так как Пую упал с велосипеда и его повезли в больницу. Расстроенные до слез, мы с Дориной долгое время ждали выздоровления Пую. Но пока что наши велосипеды «на время» исчезли, и мы их больше никогда не увидели. Более того, никогда больше мы на велосипеде не ездили.

Что касается дяди Симона и тети Ануцы, то они нас никогда больше к себе не приглашали, и к нам тоже не приезжали. Поговаривали, что дядя тронулся умом, отошел от дел и ни с кем не контактировал.

Мы вскоре покинули Румынию, так и не попрощавшись с ними, а приехав в Советский Союз, порвали связь со всеми родственниками. Лишь репатриировавшись в Израиль, мы узнали, что они еще до начала войны выехали из Румынии и что похоронены они в Израиле (оказалось, что у них еще до войны был собственный дом в центре Тель-Авива).

УРОКИ СУДЬБЫ

ПЛЕВОК

Я рассказывала в своих книгах, что родилась в семье состоятельных родителей, в большом, красиво обставленном доме, в котором было немало дорогих вещей и предметов роскоши, но самой главной и бесценной считалась большая комната, в которой была библиотека. Стены украшали стеллажи с огромным количеством книг, альманыхов, журналов и газет на разных языках. Посередине комнаты стоял большой стол, над которым висела огромная люстра со свечеобразными лампочками, вокруг стола – стулья, обитые красным плюшем, а по углам – такие же диванчики и кресла.

Сюда меня мама привела, когда мне было всего три годика. Мама брала книжки и читала мне сказки, но, когда я научилась читать сама, я, окунувшись в эти сказки, забывала обо всем на свете.

Как я полагаю сейчас, создававшаяся несколькими поколениями библиотека, стала любимым местом моего пребывания в доме. Когда я исчезала на несколько часов, все знали, где меня можно найти. Читала я под руководством мамы.

Естественно, что с годами диапазон книг менялся, и на смену сказкам появилась классическая детская литература в переводе на румынский и в оригинале, так как уже до школы я разговаривала и читала на трех языках. Огромное спасибо за это родителям. Мама меня научила французскому языку, папа – немецкому.

Увлечшись художественной литературой еще в раннем возрасте, я постепенно стала забывать сказки, но навсегда запомнила сказку о мудром старце, который спас свою страну. Не помню ее название и другие подробности, о чем сейчас сожалею, но на всю жизнь усвоила мораль этой сказки.

Речь в ней шла о короле-самодуре, который решив, что старики в его стране – лишние люди, издал указ уничтожить всех стариков. За непослушание грозила смерть. С болью в сердце молодежь стала убивать своих предков, в результате количество населения в этой стране значительно уменьшилось, а оставшиеся в живых стали лучше жить.

Естественно, соседние страны начали им завидовать и искать пути, как завладеть той страной. Объединившись, они создали «Совет стариков» и заявили, что соседская страна – их бывшая территория, которую они потребовали немедленно вернуть. В стране началась паника, разногласие, драки и убийства. Оставшись без стариков, молодежь, не зная своего прошлого, доказать ничего не могла. Спас ситуацию единственный спрятанный своим сыном старик, который знал, где хранились документы, подтверждающие суверенитет страны.

Мораль ясна – стариков убивать нельзя! Более того – их нужно уважать, любить и бережно охранять, а ошибки прошлого не повторять.

* * *

Эта история случилась года три назад, когда в один из знойных августовских дней меня пригласили в гости в молодую семью, которая незадолго до этого приобрела квартиру-пентхаус с бассейном. Я с удовольствием приняла приглашение, поскольку это были близкие мне люди, и я была за них очень рада, тем более, что после нескольких лет ожидания они, наконец, стали родителями. Несмотря на неприятный инцидент, мои чувства и отношение к ним не изменились. Однако, признаюсь, от неприятного осадка избавиться долгое время не могла. А случилось это в тот самый августовский день, когда они меня привезли к себе в новую квартиру.

Поднявшись на десятый этаж нового дома и полюбовавшись квартирой и ее интерьером, мы вышли на большой балкон, усаженный деревьями, посреди которого красовался бассейн. Оттуда, как на ладони, был виден весь город. К нам присоединилась молодая счастливая мать со своим трехлетним ангелочком. Я почувствовала новый прилив счастья, и, поцеловав и поздравив их, села в предложенное мне кресло у самого бассейна. Рядом стоял столик с угощениями, мы обменивались своими радостями за чашкой кофе с мороженым.

Атмосфера была очень приятная, настроение – соответствующее. Сняв ребенка с велосипеда, молодая женщина, ничего не сказав, удалилась, оставив меня со своей матерью. Минут через десять она вернулась в купальнике, с ребенком на руках, сразу вошла в бассейн, положив его на водный матрас. Они стали баловаться в воде. Картина была достойна кисти художника.

Я вместе с его бабушкой наслаждалась этим зрелищем. Как вдруг бабушка поднялась и ушла в дом, а через несколько минут в купальном костюме с разбега бросилась в воду, поплавала, взяла малыша на руки и стала с ним в воде подпрыгивать. Восторженным крикам не было конца.

День был очень знойным. Даже сидя рядом с бассейном, я вспотела, и, решив освежить лицо водой, склонилась над бассейном, чтобы набрать в ладони немного воды, как вдруг ребенок плюнул мне в лицо. Я обомлела.

Плевок этого ребенка мне в лицо был единственным случаем в моей жизни, я потеряла дар речи. Стояла гробовая тишина.

Поняв, что ни мать, ни бабушка не считают нужным отреагировать на случившееся, я обратилась к ребенку и спросила: «Тебя этому в садике научили?» Ответа не последовало. Ни мать, ни бабушка передо мной не извинились.

А я, извинившись, встала и попросила отвезти меня домой. Расстояние между нашими домами небольшое. Не прошло и десяти минут, как я, приехав домой и попрощавшись с бабушкой, тут же пошла под душ, чтобы смыть плевок.

Приняв душ, легла. Хотя я хорошо вытерла лицо, оно оставалось мокрым, теперь уже от слез, которые я не могла остановить.

«Обида? Но на кого? На трехлетнего ребенка?» – спросила я себя и тут же ответила: «Это глупо. Ребенок ни в чем не виноват. И в садике его этому никто не учил, а дома – тем более. Так на кого же обижаться?» – снова спросила я себя.

День был испорчен. С этим я и уснула. Но ненадолго. Чувство нанесенной мне обиды не покидало меня, пока я не нашла ответа.

Произнесенное мною вслух слово «воспитание» моментально бумерангом вернулось ко мне, и я, обрадовавшись, что смогла решить мучавший меня вопрос, подняла телефонную трубку и сделала два звонка: один – матери ребенка, а другой – его бабушке.

Обращаясь к каждой из них, я сказала: «Не только от своего имени, но от имени всего моего поколения я приношу извинения вам. Пережив Катастрофу, мы решили детей больше не рожать, а если рожать, то сделать всё возможное, чтобы то, что мы пережили, им не пришлось изведать. Обеспечить им счастливое детство, ни в чем не отказывая. Это была ошибка – мы разбаловали вас, а вы выросли эгоистами, любящими только себя. Нет у вас уважения ни к своим родителям, ни к старикам, ни любви, ни чувства ответственности и сострадания.

Извините, пожалуйста, нас за ваше плохое воспитание. Я считаю, что ради вашего блага следует пересмотреть ваше отношение к воспитанию своих детей»...

И положила трубку.

СЛЕПАЯ ЛЮБОВЬ

Профессором можешь не быть,
но человеком быть обязан.

Я была еще девочкой-подростком, когда началась война. Она отняла у меня не только самые красивые годы жизни, но и самого близкого мне человека – маму. Я не завистливый человек, но всю взрослую жизнь я завидовала тем, у кого была мама, а овдовев, – тем, у кого были дети. Хотя я завидовала белой завистью, но зависть – это зависть, и я в этом чистосердечно признаюсь.

Одиночество – самый страшный бич старости.

С Риммой и Изей (имена вымышленные) судьба свела меня в Израиле в один из самых тяжелых периодов жизни, когда после пятидесяти лет работы в области просвещения я ушла на заслуженный отдых и оказалась дома одна без дела: без мужа, без детей и внуков, которых у меня никогда не было, и без моего друга Яна, который вот уже больше месяца находился у сына в Америке.

А познакомились мы в парке Института им. Вейцмана, где я, как обычно, проводила утренние часы. Устав после вошедшей уже в привычку часовой прогулки, я вынула книгу и начала читать, когда они, прервав свою прогулку, остановились возле меня, и, извинившись, он спросил по-русски:

– Можно к вам присоединиться?

– С удовольствием, – ответила я, и мы разговорились.

Оказалось, что они – новоприбывшие репатрианты и ищут квартиру. Уточнив, какая квартира им нужна, и попросив у них номер телефона, я обещала им помочь и действительно помогла. Нашла им хорошую квартиру почти рядом со мной на третьем этаже с лифтом (они были старше меня).

Так началась наша дружба, которая длилась более десяти лет: я стала для них переводчиком, опекуном, а они самыми близкими мне (не только по расстоянию) людьми.

Когда Изя сказал, что им нужна четырехкомнатная квартира, я поняла, что у них большая семья. Переехав в новую квартиру, они жили только вдвоем. Я думала, что остальные члены семьи еще не приехали, но вот-вот приедут. Каково было мое удивление, когда спустя некоторое время на мой вопрос: «Зачем вам нужна такая большая квартира?», мне ответили, что никто больше не собирается «делать алию», как здесь называют иммиграцию, и что их сын, профессор, уговорил их репатрироваться в связи с тем, что их внучка (его дочь) была принята в аспирантуру Института им. Вейцмана. Сын убедил родителей, что их любимая внучка Сонечка, которую они вырастили и безумно любили, приготовит всё необходимое к их приезду. Это было действительно так, пока она жила на территории Института в студенческом общежитии.

Для Риммы и Изя, которым за восемьдесят лет, предложение сына прозвучало, как внезапный гром среди ясного неба. Более того, он их уже один раз оторвал от родного города и родного особняка на Украине и перетащил поближе к Сонечке (раньше он привозил им девочку на всё лето). А теперь уговорил продать построенный собственными руками дом и переехать в их старую московскую квартиру, в то время как они на родительские деньги приобрели новую квартиру в строящемся Доме Актера в Москве. Со слезами на глазах они распростились со своим детищем (домом с садом и огородом), своими друзьями, бывшими коллегами и учениками (окончив пединститут, Изя до самого выхода на пенсию преподавал математику в той самой десятилетке, которую он еще до войны окончил). Тяжелее всего было им расставаться с близкими и дорогими им людьми, могилами родителей, которые, кто знает, смогут ли они еще посетить. Единственным утешением было то, что Сонечка будет жить рядом.

Сын с женой по настоянию последней забрали к себе ее маму, которую тоже уговорили продать квартиру после смерти мужа и получить комнату в квартире дочери, отдав ей деньги за проданную квартиру. Они очень любили друг друга, бытовые условия улучшились бы, она продолжала бы жить в любимом городе среди своих друзей, так почему нет? И эта сделка тоже состоялась. Со временем с трудом старики привыкли к новой жизни и внушили себе, что опять счаст-

ливы, как вдруг последовало новое предложение: покинуть Родину, за которую он всю войну провоевал, пройдя путь от солдата до полковника (у него вся грудь была в медалях на выделенном специально для демонстраций костюме). На сей раз они оба в один голос сказали: «Нет!» Пришлось Соне уговорить вторую бабушку, которая ради благополучия внучки согласилась расстаться с дочкой. Таким образом старая, больная, одинокая женщина попала в Тель-Авив (благодаря Сонечке, которой хотелось иметь «штаб-квартиру» в бушующем, ни днем, ни ночью не знающем покоя городе).

Казалось бы, все расставлены по местам и все довольны. Но вскоре в связи с ухудшением состояния здоровья новой репатриантки, на которую климат плохо повлиял, она попала в больницу с гипертоническим кризом. Испугавшись, Сонечка вызвала маму, которая тут же приехала и, подняв на ноги «всю страну», с трудом, но вытащила любимую маму из когтей смерти. Однако, вернувшись домой, бабушка лишилась возможности самостоятельно двигаться, и дочери пришлось остаться в Тель-Авиве.

Оставшийся один, сын во всем обвинил Римму (неродную мать), которая отказалась от предложения временно переехать к ним. Положение было невыносимо. Старики пожертвовали собой ради «воссоединения» семьи, а получилось, что они оказались в чужом городе среди чужих людей, что семьи нет, их любимая внучка вдали от них. Сверх всего они оказались виновниками создавшегося положения.

Ничего не сказав сыну, они стали добиваться визы на въезд в Израиль и только после получения разрешения сообщили сыну о принятом решении, которое он не только одобрил, но и похвалил. Внучка, обрадовавшись, сняла им трехкомнатную квартиру в центре Реховота (недалеко от моего дома), где она занималась, оборудовала ее и, радостно встретив стариков в аэропорту, привезла их «домой». Старики были тронуты приемом, довольны квартирой и счастливы быть рядом с Сонечкой, в которую они в свое время вложили всю свою душу. О лучшей старости даже мечтать нельзя было, и они опять были счастливы, но... ненадолго!

Случилось так, что их приезд в Израиль совпал с летними каникулами Сонечки, и она за это время сумела преодолеть израильскую бюрократию, полностью освободила их от трудностей абсорбции. Кроме того, не было дня, чтобы она к ним не приезжала, нагруженная пакетами. Они не знали языка, не знали, где что брать, где что находится, ни с кем не контактировали (в доме жили одни израильтяне,

а на улицу они без нее не выходили). Когда она со своим бойфрендом на его машине устроила им тур по городу, а затем повезла их в Институт, они сразу полюбили и Израиль, и город, в котором жили, и, конечно, Институт с его огромным парком с деревьями и растениями со всего света. Не иначе, как они попали в рай при жизни. Когда они стали выходить в олимовский скверик и завели там знакомства среди русскоязычных, то почувствовали себя дома и были счастливы, пока не начались занятия в институте, и у Сонечки для них времени уже не было. Занятия, библиотека и новый роман отнимали у нее всё время. Старикам она оставила деньги, а всем остальным не обеспечила и, довольная собой, жила своей жизнью, в то время как старикам пришлось самостоятельно внедряться в совершенно новую, непонятную им атмосферу, прибегая к помощи случайных незнакомых людей.

Прошло более полугода, когда вдруг появилась Алла, жена сына, с которой до тех пор они даже по телефону не общались. Она приехала объявить, что старикам нужно найти другую квартиру, четырехкомнатную, так как она оставаться больше в Израиле не может, а маму оставлять одну нельзя. Алла объяснила, что сначала они переедут к ним вдвоем, для чего и нужно четыре комнаты, а затем она уедет, оставив маму на их попечении: с собой она ее забрать не может.

Сказано — сделано. Сразу после того как старики переехали в новую квартиру, появилась Алла с мамой. Сначала они почувствовали какое-то облегчение, так как Алла занималась своей мамой и снабжением, хотя атмосфера в доме была очень неприятная, так как Алла только и делала, что командовала. Пока она была там, я туда не ходила.

Уезжая домой, оставив немощную маму на попечении стариков, она обещала, что уговорит мужа, и они тоже переедут в Израиль. Но, очевидно, уже по дороге домой она об этом забыла. Приехала она только на похороны своей матери.

Что касается Сони, то она уже в опеке не нуждалась. Она переехала в семью своего друга, забыв о стариках. Беспомощные старики позвонили мне и попросили зайти. Тогда они мне и рассказали всю свою горькую эпопею в Израиле, попросив меня время от времени навещать их. Я же, не спросив у них разрешения, взяла на себя всю ответственность за их благополучие: не было дня, чтобы я к ним не заходила, а по утрам и вечерам справлялась об их самочувствии по телефону. Вскоре круг моих «обязанностей» расширился: у нее стало пошаливать сердце, а у него начало скакать кровяное давление

от края до края. Тогда я, «выкрыв» номер телефона сына, позвонила ему. После неоднократных попыток, застав его наконец в Москве (он – востребованный лектор в разных зарубежных высших учебных заведениях), я поделилась с ним своими опасениями и посоветовала ему включить в свои поездки Израиль тоже. Ничего не обещав, он заверил меня, что постарается. И, действительно, неплохо постарался: связавшись с коллегами в Израиле, он выбил себе приглашение на чтение цикла лекций в Иерусалимском университете на протяжении одной недели. Об этом я узнала из уст его до слез растроганных родителей. «Какой у меня преданный сын!» – воскликнул старик. «Он очень любит отца», – добавила Римма. Мне ничего другого не осталось, как скрыть свое удивление.

Когда спустя месяца три любящий сын сообщил дату своего приезда, оба старика чуть до потолка не прыгнули и, забыв о своих болячках, засучив рукава, начали готовиться к приезду их столь долгожданного любимца. В их распоряжении было три дня, и они с честью справились: Римма была очень хорошей хозяйкой и прекрасной кулинаркой.

Самолет прилетел вовремя, но к ним сын попал только около одиннадцати часов вечера, с опозданием на пять часов. Всё это время они его с нетерпением ждали у празднично накрытого стола. Приехав, извинившись, он сначала принял душ, а вернувшись в салон, извинившись перед стариками, пошел спать. (Поехал он в ресторане при аэропорте со своим коллегой, который его встретил). Несолоно хлебавши старики проглотили обиду, пожелали сыну спокойной ночи и убрали со стола.

– Завтра суббота. Перенесем ужин на обед, – сказал Изя.

Поцеловав, он поблагодарил Римму: «Ты превзошла себя. Пошли спать!»

В ожидании утра старики всю ночь проболтали. Каково было их разочарование, когда за завтраком сын объявил им, что вот-вот придет его друг, который на своей машине собирается показать ему Тель-Авив, а затем приглашает его на обед к себе.

– Вечером поговорим, – сказал он.

В интеркоме раздался звонок. Сын пошел открывать дверь, хватая на ходу пакетик.

– Это мой купальный костюм, – объяснил он. – Пока! – и закрыл за собой дверь.

– Я помогу тебе убрать со стола, дорогая, а потом пойдем спать. Что ни делается, делается к лучшему.

Вернувшись поздно вечером и посмотрев на ожидающий его ужин, сын, извинившись, обратился к ним и сказал:

– Это был очень насыщенный день. Я получил огромное удовольствие и сильно устал. Вы, пожалуйста, кушайте, а я попрошу только стакан сладкого чая с лимоном. Мне нужно принять душ, собраться и лечь. Завтра в пять утра за мной приедут на машине, и я уезжаю в Иерусалим. В восемь у меня уже первая лекция.

В конце следующего дня он сообщил по телефону, что ему предоставили номер в гостинице на три дня и что оттуда он сможет только заехать к ним за чемоданом и на той же машине его отвезут в аэропорт. Заключил он словами:

– Я очень доволен поездкой, от которой получил море удовольствия, увидев вас в форме, благодарен всем за прием и в восторге от увиденного. Я рад за вас – вы попали в рай. Жаль только, что не хватило времени с вами поговорить, но тешусь надеждой, что мы можем общаться по телефону. Сожалею, что не удалось встретиться с Соней (она со своим другом была где-то в Европе).

Эти подробности я узнала от Риммы, когда мы встретились после отъезда сына. Увидев, с каким восторгом они наперебой описывали мне со всеми подробностями их встречу с любимым сыном, я с трудом скрывала свое возмущение и только сказала, что я разделяю с ними их радость и что я, как прежде, готова им помогать, чем смогу.

За десять лет нашей дружбы я встретила с их сыном всего несколько раз: когда он приезжал по приглашению университета, живя в Иерусалиме, но в субботу, по настоянию отца, приехал в Реховот на «званный» обед, куда пригласили и меня. Второй раз – на устроенный Риммой и мной 90-летний юбилей Изи в ресторане близ моря. Третий раз – после того, как в результате пережитого инсульта отца парализовало, и, позвонив мне, сын попросил пойти вместе с ними в похоронное бюро с тем, чтобы купить отцу место на кладбище и заказать памятник еще при жизни. Но, узнав, что после смерти покойник получает всё это бесплатно от отдела социального обеспечения, сын от затеи отказался. Четвертый раз – десять лет спустя на похоронах своего любимого отца.

Единственный раз я увидела любимую внучку стариков Сонечку на выпускном вечере в Институте им. Вейцмана после получения степени доктора математических наук (третье поколение). Там же были, естественно, и родственники. Я поехала туда со стариками. Не было только друга Сони, с которым к тому времени она уже

успела расстаться. Это было еще при жизни Изи. Хотя бы эту радость они сумели разделить с семьей, и я их в первую очередь поздравила у них дома. А они? Они чуть не растаяли от счастья. Это было в последний раз, когда семья собралась вместе. Сразу после ресторана они разошлись, как в море корабли. Сын с невесткой вернулись в Россию, а Соня полетела в Америку, откуда сообщила старикам, что ее назначили заведующей кафедрой в каком-то престижном институте города Бостон (США), пообещав регулярно звонить. Очевидно, работа, устройство и личная жизнь отняли у нее всё время, потому что озабоченные дедушка и бабушка и днем, и ночью не переставали ждать обещанного звонка, а их звонки почему-то до нее не доходили. Крупицы новостей об их любимой внучке они получали иногда от невестки, а приглашение на свадьбу на английском языке – от самой счастливой Сонечки. От нее же они узнали, что наконец свершилась их заветная мечта стать прадедушкой и прабабушкой. Чуть позже даже пару фотографий получили. Один за другим в полном одиночестве старики умирали, так и не дождавшись обещанного визита молодой американской семьи, к которой присоединились дедушка и бабушка, продав обе квартиры в Москве.

Если есть потусторонний мир, то они заслуженно попали в рай, унеся с собой «любовь» сына и внучки, которым посвятили свою жизнь.

ОТЦОВСКАЯ «ЛЮБОВЬ»

В Черновцах они жили по соседству с папой, а в Израиле они жили недалеко от меня. Ее родители жили немного дальше от меня (у отца была вторая жена). С первой встречи и до конца ее жизни я любила ее и по возможности опекала. Любила я ее как собственную дочь. Я старалась заменить ей недавно ушедшую из жизни маму.

Адвокат по профессии, в Израиле она оказалась без специальности. Поэтому ей пришлось устроиться санитаркой в расположенной недалеко от нас больнице, работая в три смены.

Приехала она в Израиль без мужа, который отказался покинуть свою «родину». Таким образом, он отказался от своего малыша, которому к тому времени было всего три года.

В Черновцах они жили вместе с родителями в большой люксовской квартире, которая досталась ее мужу. А в Израиле у бабушки и дедушки была всего одна комната, поэтому ребенок любил бывать у нас. Вот почему, живя поблизости, ребенок часто ночевал у нас. Мы с мужем от всего сердца полюбили как его маму, так и его.

Всё было хорошо, пока Карлуша не пошел в садик, куда его обычно приводили бабушка или дедушка, в то время как большинство детей приводили их молодые родители. На вопрос детей: «Где твой папа?» – ответа у него не было. Это травмировало его с ранних лет. Он всё время твердил: «Я тоже хочу иметь папу, братика и сестричку!» Это была его мечта, которую осуществить было нельзя. Так прошли его детство и юность. Лариса замуж не выходила, посвятив всю жизнь ему.

Прошли годы, он жил уже в Америке со своей семьей – женой и двумя детьми. Владея хорошо английским (подарок от меня), он там легко устроился, в то время как Лариса из своей небольшой зарплаты откладывала деньги на ежегодную поездку к ним. Это было единственное, ради чего она жила. Она считала годы, оставшиеся до выхода на пенсию, рассчитывая на то, что поедет в Америку, и они будут жить одной семьей. Но мечта осталась мечтой.

В один прекрасный день в канун ее приезда в Америку Карлуша позвонил и сказал: «Извини, пожалуйста, но мы не можем в этом году тебя принять. Я объясню тебе потом, я уверен, что ты меня поймешь».

Оказалось, что к нему в то время приехал гость.

Был воскресный день, когда в квартире Карлуши раздался звонок. «Карлуша, это ты?» – и, получив положительный ответ, голос продолжал: «Какое счастье, через столько лет поисков я наконец нашел тебя. Я твой отец, и у тебя здесь семья – мать и два брата. Мы все любим тебя. А мой старший сын, окончив школу, мечтает увидеть тебя».

На некоторое время Карлуша лишился дара речи, а придя в себя, воскликнул: «Пусть прилетает, это моя мечта!» Не прошло и месяца, как он прилетел. Назад он уже не вернулся, закрутив роман с младшей сестрой Карлушиной жены, и остался там навсегда. На свадьбу прилетела вся отцовская семья. Это и послужило причиной телефонного звонка Карлуши своей матери.

Спустя несколько лет к нему приехал его младший брат, которого он тоже хорошо устроил, а как только отец вышел на пенсию, он сделал Карлуше сюрприз, приехав к нему с женой навсегда.

Так они и жили несколько лет, пока Карлуша не обнаружил, что за его спиной отец закрутил роман с его женой. Ничего не сказав, он забрал детей и прилетел в Израиль к своей матери. Приехал он вовремя: во дворе была толпа народу – это были похороны Ларисы, не выдержавшей удара судьбы. Ушла она из жизни, унеся с собой искреннюю неиссякаемую материнскую любовь – ни с чем несравнимую любовь еврейской матери.

МЕДВЕЖОНОК

Предисловие

Первое, что мне бросилось в глаза, когда я поступала на лечение в Харьковский институт эндокринологии летом не то тысяча девятьсот пятьдесят второго, не то пятьдесят третьего года, была девушка лет двадцати, которая всем своим обликом отличалась от окружающих.

Лето в том году в Харькове стояло невыносимо жаркое, вплоть до того, что асфальт на тротуарах плавился под ногами. Ходить на высоких каблуках было совершенно невозможно: асфальт их просто-напросто всасывал. Из дому люди выходили только на работу и в крайних случаях, на ходу снимая с себя одежду в пределах приличия.

С водой была серьезная проблема, и за газированной водой на улицах стояли огромные очереди. Рассказывали, как однажды, стоя в очереди за водой, какая-то молодая женщина вдруг упала. Люди вокруг заволновались. Кто-то крикнул:

– Дайте водичку! Быстро!

Неожиданно женщина «очнулась» и жалобным голосом попросила:

– С сиропом, пожалуйста!

Так вот: в один из таких знойных дней я увидела её. Она так же, как и я, сидела в приемной и ждала очереди к дежурному врачу. Видно было, что она приехала издалека: и длинное платье с длинными рукавами, и большой платок на голове – всё было мокрое. Она просто обливалась потом. Люди с недоумением разглядывали ее. Не выдержав, я подошла к ней и, извинившись, сказала:

– Снимите хотя бы платок!

– Не могу! – жалобно ответила она, и я, извинившись еще раз, вернулась на свое место.

Встретились мы с ней вторично в палате, где нас судьба опять свела. Палата была на двоих, и это нас сразу сблизило. Впоследствии, после месячного пребывания там, где обе оказались в положении «подопытных», мы подружились на всю жизнь. (Совсем недавно она трагически умерла, не успев написать свою исповедь, о чем мечтала.)

Думаю, ей было бы приятно узнать, что это делаю за нее я, изменив имена. На мой взгляд, ее неординарная, тяжелая жизнь, которую она с достоинством прожила, не только интересна и поучительна, но и стоит обнародования.

Часть 1

Рахель – одна из тех обиженных судьбой детей, которым не суждено было знать своих родителей. Единственное, что она все-таки узнала спустя много лет, было то, что мать ее умерла при родах и что отец-моряк, узнав об этом, не захотел даже взглянуть на нее, сказав:

– Она – причина смерти моей любимой жены! Она мне не нужна! Делайте с ней, что хотите!

С этим, подписав соответствующие документы, он и ушел в море, чтобы никогда больше не вернуться.

Случилось так, что в то же время, почти одновременно, другая молодая женщина родила мертвого ребенка. Посоветовавшись, медперсонал для начала решил обратиться к ней за помощью: девочку нужно было кормить! Женщину пришлось долго уговаривать, пока она наконец согласилась при условии, что из роддома она уйдет одна. Каково было удивление всех, когда при выписке она объявила, что без ребенка никуда не уйдет: за истекшую неделю она не только привязалась к ребенку, но и полюбила его.

Девочку она назвала Кристиной. Нежно прижав Кристину к груди, счастливая мать безо всякого сопровождаителя поехала домой. Там ее тоже никто не ждал: мужа у нее не было, а родители, узнав о ее беременности, выгнали ее из дому, хотя она ни в чем не была виновата. Более того, она была жертвой: ее изнасиловали двое незнакомых, вдребезги пьяных парней. Не поверив рассказу дочери и не желая портить репутацию семьи (они были известные в городе люди), ее

родители купили ей однокомнатную квартиру в каком-то местечке далеко от города, в котором они жили, обставили ее, снабдили всем необходимым на длительный период и, добавив большую сумму денег, прощаясь с дочкой, сказали:

– И это всё! Больше мы о тебе ничего знать не желаем: ты для нас уже умерла! А ты забудь и нас, и дорогу к нам! Прощай!

Больше она их не видела!

В Советском Союзе, за исключением тех случаев, когда беременность с точки зрения медицины была противопоказана, аборт был запрещен законом. Поэтому, узнав о своей беременности и оказавшись изгнанной из родного дома, Люба (так звали молодую женщину) своего будущего ребенка возненавидела так же, как ненавидела его неизвестного отца. Прервать беременность было невозможно, но про себя она твердо решила, что новорожденного она из роддома домой не заберет. Пока ее беременность была еще незаметна, она взяла академический отпуск на год в институте, где она занималась, устроилась секретарем в какой-то организации и в восемнадцать лет начала самостоятельную жизнь.

Беременность у нее проходила в очень тяжелой форме (лечь на сохранение она категорически отказалась). Это усугубило ее чувство ненависти не только к насильникам, но и к невинному, еще не родившемуся существу. Вот почему, когда, выражая свои соболезнования, лечащий врач сообщил ей, что ребенок родился мертвым, к великому удивлению присутствующих, она радостно воскликнула:

– Слава Богу!

Неожиданно для себя самой Люба оказалась прекрасной, безумно любящей матерью, а голубоглазая Кристиночка со своими темными кудрявыми волосами никого не оставляла равнодушным. Она, точно магнит, привлекала внимание прохожих, и нередко были случаи, когда совершенно незнакомые люди предлагали матери свои услуги. Никто не задавал вопросы, и Любе не приходилось никому ничего объяснять. С появлением Кристиночки в ее жизни она, несмотря на бытовые трудности, поняла, что такое счастье, и стала благодарить за это судьбу.

Еще до окончания декретного отпуска Люба решила, что любыми способами она должна была добиться того, чтобы ее приняли на работу в «Дом малютки» (ясли и детский садик), чтобы у нее была

работа и вместе с тем ей ни на минутку не приходилось бы расставаться с Кристиночкой. Такое место было только одно в местечке, и вакансий не оказалось. Люба ночами не спала, думая, что делать, как вдруг счастье улыбнулось. Ее пригласили на беседу с заведующей «Домом малютки», где она на всякий случай давно оставила документы и два заявления: одно – на зачисление Кристинки в ясли, второе – просьба принять ее на работу на любую должность. Она успешно «перескочила» через собеседование, и обе ее просьбы были удовлетворены: оказалось, что в связи с ростом количества младенцев появился спрос на обслуживающий персонал. Таким образом, Люба стала оплачиваемой няней собственного ребенка тоже. Что еще можно было у Бога просить?

Пять счастливых лет для Любы и Кристинки пролетели, как миг, пока после празднования дня ее рождения в садике нагруженные подарками, мать и дочь не подошли к своему дому. Там, у самого входа, стояла большая напольная ваза с огромным букетом разноцветных роз, а на дверях во всю ширину висел огромный плакат с надписью: «Поздравляем с днем рождения! Любящие тебя дедушка и бабушка». Кристинка, уже давно умевшая читать, запрыгала от счастья. «Оказывается, – подумала она, – у меня тоже есть дедушка и бабушка, как у других детей!»

Что касается Любы, то она окаменела. «Неужели это мои родители?» – подумала она. Не успела Люба выйти из состояния шока, как вдруг неизвестно откуда рядом с ней появились мужчина и женщина средних лет с грудой пакетов в руках.

– Мы дедушка и бабушка вашей очаровательной девочки. Разрешите войти?

Будто пронзенная молнией, Люба, потеряв сознание, рухнула на землю, а испуганная Кристинка бросилась к ней и, обнимая и целуя, не переставала рыдать и во весь голос кричать:

– Мама! Маменька! Не покидай меня!

Что произошло потом, остается загадкой: Кристина была слишком маленькая, чтобы ее включать в возникший конфликт, а остальные действующие лица давно покинули наш мир. И все-таки: основываясь на детских воспоминаниях, дополненных в свое время Любой, известно, что, серьезно заболев, перед смертью отец Кристинки написал родителям своей умершей жены письмо, в ко-

тором признался в содеянном и, раскаявшись, просил прощения. Понадобилось немало времени, пока Якову и Римме Ландау удалось доказать свое родство и наконец решением суда отобрать у Любы свою единственную внучку.

Как Люба и Кристина перенесли эту травму, не трудно себе представить. И все-таки ребенок остается ребенком: окруженная роскошью и любовью, Кристинка всё реже и реже стала вспоминать Любу, чего, естественно, нельзя было ожидать от Любы, которой было строго воспрещено встречаться с Кристинкой. «Для блага ребенка!» – гласил запрет.

Выиграв суд, супруги Ландау прилюдно от всей души поблагодарили Любу за всё, что она сделала для их единственной наследницы, а оказавшись с глазу на глаз, они попытались вручить ей в качестве компенсации большую сумму денег, от которой она отказалась.

– Они ваши! – сказал Яков Ландау. – Если когда-нибудь они вам понадобятся, помните: они вас ждут! – и, поблагодарив ее еще раз от всего сердца, они расстались. Но не навсегда: они, того не подозревая, были тесно связаны узами судьбы!

Желая хоть чем-нибудь успокоить безутешную Любу, Римма Ландау, уходя, сказала:

– Нам очень близко ваше горе, и мы сожалеем, что являемся причиной его, но, поверьте нам, мы этого не хотели, а вам от всей души сочувствуем. Единственное утешение наше, что вы молодая, красивая и полная достоинств женщина и что у вас вся жизнь впереди. Уверены, что вы встретите своего суженого, что у вас будут свои дети и что вы будете счастливы. Вы этого заслуживаете!

Пожелания семьи Ландау были искренние, но, лишившись Кристины, Люба лишилась смысла жизни. Она впала в состояние глубокой депрессии, в результате чего, в первую очередь, ушла с работы: продолжать работать там, где Кристинки уже не было и никогда больше не будет, для нее стало невыносимо больно. Находиться в доме, где каждый уголок и каждая мелочь напоминали ей о Кристине, было равносильно каторге, а потому она стала целыми днями бесцельно бродить по улицам.

Однажды она, немного выпив, решила не возвращаться домой и осталась ночевать в каком-то скверике на скамейке. Благо, что первый, кто ее заметил, был полицейский, и «по запаху» он отправил ее в вытрезвитель. (А ведь могло случиться нечто гораздо худшее.)

Ее отправили на принудительные работы на пятнадцать дней. Как работа, так и окружение «вправили ей мозги»: освободившись, она пошла искать работу и вскоре нашла. Она нашла работу по уходу за пожилой одинокой женщиной, которая, полюбив ее, предложила Любе перейти к ней жить. Это было ее спасение: она ушла из дому с одним чемоданом, закрыв квартиру на два замка. Туда она больше не собиралась возвращаться, надеясь, что таким образом покончит со своим прошлым, которое сейчас только мешало ей жить. О том, что должно было вскоре случиться, она даже мечтать не могла!

Описанные выше события происходили в тридцатых годах прошлого столетия на территории Бессарабии (Румыния), которая летом тысяча девятьсот сорокового года «вернулась» в объятия матери – России, точнее, стала частью могучего Советского Союза, а в наши дни известна как самостоятельное государство Молдова.

Кристинке, которую сейчас звали Рахель Ландау, шел уже седьмой год, и ее готовили к поступлению в школу. В садик она больше не ходила, так как у нее сейчас были мадам Жанет (француженка), которая отвечала за ее воспитание, и мадемуазель Анет, которая давала ей уроки фортепиано. В кино на фильмы с Ширли Темпл, а также на детские утренники и в цирк (приезжающий), она ходила с мадам Жанет. У маленькой Рахели было всё, о чем другие дети могли только мечтать, кроме одного – общения с детьми, в окружении которых она выросла. Ее успокаивали тем, что вот-вот она пойдет в престижную школу, где будет множество таких детей, как она, и у нее появятся подружки. Этого она с нетерпением ждала, но не дождалась: внезапно вспыхнувшая Вторая мировая война в корне изменила не только ее планы, но и всю ее жизнь. И не только ее!

Прошло уже несколько месяцев после оккупации Бессарабии нацистами, страшных месяцев, полных грабежа, насилия и убийств невинных людей, как вдруг в центре местечка появилось объявление, согласно которому на следующее утро «все жиды с семьями» обязаны были явиться на центральную площадь, взяв с собой только самое необходимое. В противном случае – расстрел! Не спрашивая «зачем, куда и почему», евреи стали собираться.

Люба об этом ничего не знала. Вот уже несколько дней, как, похоронив свою старушку, она, убитая горем, вернулась в пустой дом и ме-

ста себе не находила. «Что делать?» – опять подумала она. Ведь жить было и не для чего и не для кого: она теперь никому не нужна была, и никто не нужен был ей. Так она думала, когда вдруг посреди ночи к ней постучались в дверь. Люба не отозвалась, но насторожилась.

«Кто это может быть? Ведь никто не знает, что я вернулась домой», – думала она, когда вместе с последующим стуком она услышала свое имя: кто-то умолял ее открыть дверь.

Накинув на себя халат, она тут же подбежала к дверям и взглянула в глазок. В темноте ночи разглядеть человека было невозможно, и она спросила:

– Кто вы?

– Свои! – последовал ответ. – Откройте, пожалуйста!

И она открыла. Когда в дом вошла ее Кристина с бабушкой и бабушкой, она чуть не потеряла сознание: ее с трудом потащили к креслу. Напоив ее водой и дав ей немного успокоиться, бабушка вручил ей ребенка, сказав:

– Она ваша! Берегите ее! Нас отсюда выгоняют, и один Бог знает, вернемся ли мы вообще!

При этом он уронил слезу. Но Люба, точно окаменевшая, не отреагировала.

Взяв девочку за руку, бабушка пошла с ней на кухню. Прошло несколько минут, пока Яков опять открыл рот, сказав:

– Я не знаю, чем мы провинились, но одно я точно знаю: наши дети ни в чем не виноваты, а потому мы обязаны сделать всё возможное, чтобы их спасти. Вы – наша соломинка! Умоляю, спасите ее! – и, не сдержав слез, он заплакал.

Придя в себя, Люба встала, подошла к нему, обняла, поцеловала и, еле сдерживая слезы, наконец, заговорила:

– Спасибо за доверие, папа! С этого момента мы одна семья: вы никуда не пойдете! Вместе, помогая друг другу, мы всё переживем! А сейчас, пожалуйста, никому ничего не говорите, поезжайте домой, возьмите самое необходимое и поскорей возвращайтесь. Подробности мы все вместе обсудим потом. Идите! С богом!

И он пошел.

Старушка, за которой Люба ухаживала, перед смертью написала завещание. По завещанию домик, в котором прошла вся ее жизнь, со всем имеющимся в нем она подарила Любе. Туда Люба и привела «свою семью». А так как «ее родители» были «парализованы»,

выходить из дому они не могли. Всеми внешними делами пришлось заниматься Любе.

В первую очередь она повела Кристину в садик. Сама же вернулась к своей работе на добровольных началах, а затем уже – штатным работником. Всё было хорошо, но задерживаться долго на одном месте, да еще в том же местечке, стало опасно. Вот почему, вспомнив о родном доме в Кишиневе, Люба впервые за долгие годы поехала туда «в разведку». Застав опустевший дом, она тут же перевезла всех туда. «В большом городе безопасней», – подумала она, но это оказалось не так. Вскоре, облюбовав их дом, какой-то румынский офицер из комендатуры «положил на него лапу», предоставив Любе возможность выбрать любую комнату. Выбрала она флигелек: две небольшие комнаты по сторонам небольшого коридора с совмещенной ванной комнатой посередине.

– На всякий случай, для моих гостей, – объяснила она.

И он одобрил ее выбор, а когда она добровольно взяла на себя обязанности по ведению хозяйства, включая кухню, он облегченно вздохнул.

Для начала семью пришлось спустить в подвал. В дальнейшем им приходилось находиться там только тогда, когда к новоиспеченному хозяину приходили гости. Это бывало нередко, так как Паул (так звали офицера) оказался гостеприимным человеком. Поэтому дом всегда был полной чашей, а отчета у Любы он никогда не требовал. При создавшейся ситуации это был совсем неплохой вариант. Единственное, о чем она попросила «хозяина», было то, чтобы ее заранее предупреждали о приходе гостей, «дабы не ударить лицом в грязь», – как она объяснила. На самом деле это давало ей возможность регулировать спуск в подвал.

Прошло более чем полгода, и однажды, поздно вечером, после ухода друзей, немного выпивший старший лейтенант, решив сломить сопротивление Любы и желая попасть в ее спальню, попал в другую, где в то время находились «зайцы».

– Кто вы такие? – крикнул он.

– Это мои гости! – поспешила объяснить прибежавшая туда Люба и, потянув его за собой, добавила: – Это моя семья!

Та ночь стала поворотным пунктом в отношениях Паула и Любы, и в дальнейшем никому не приходилось больше спускаться в подвал. Более того, старший лейтенант Паул Попеску стал их ангелом-хра-

нителем, а когда два года спустя, проиграв войну, румыны в составе немецкой армии стали отступать и Люба с болью в сердце готовила себя к разлуке, он вдруг сделал ей предложение, сказав:

– Я твой! Спрячь меня тоже!

И она спустила его в подвал.

Не иначе, как с божьей помощью и, вне всякого сомнения, «Соломинки», все они, избежав верной смерти, пережили ту страшную войну и в полном составе перешли жить в дом Якова и Риммы Ландау одной счастливой семьей. «Соломинка» оказалась стальной!

Часть 2

К тому времени, когда мы с Рахелью познакомились, она была уже дипломированным педагогом (окончила Кишиневский педагогический институт), владелицей огромного дома (дедушка и бабушка перед смертью завещали ей его) и значительной долларовой суммы в госбанке на счету, о котором узнала, только достигнув совершеннолетия (от покойного отца). Казалось бы, ей оставалось только «жить-поживать и детей наживать», но... Без поддержки Любы она бы давно покончила жизнь самоубийством.

Пережитое в раннем детстве не могло не отразиться на ее здоровье: она физически плохо развивалась, в результате чего при невысоком росте она казалась толстенькой, а главное, достигнув совершеннолетия, она еще не была «барышней». Пришлось обратиться к врачу, которая прописала ей гормональную терапию. И тут началась беда: помимо того, что она сильно растолстела, она обросла волосами. Пришлось прибегнуть к пинцету, но чем чаще она им пользовалась, тем интенсивнее был рост волос. Отчаявшись, она стала пользоваться бритвой. Ей казалось, что никто ничего не замечает, пока однажды одна из ее учениц (она преподавала в младших классах) не спросила ее:

– Вы женщина или мужчина?

На следующий день Рахель на работу не явилась: она бросила школу навсегда!

В Харькове она поехала с большими надеждами по рекомендации некоего профессора-эндокринолога, но, терпеливо прошедшая множество обследований, домой вернулась не с чудо-рецептом, а с рекомендацией срочно выйти замуж. С этим в аптеку не пойдешь!

В пединституте, как обычно, занимались в основном девушки. Мальчиков можно было пересчитать по пальцам. Но, несмотря на это, она обращала на себя внимание как внешностью, так и способностями, и за ней ребята стали ухаживать. Что касается Рахели, то она была не прочь дружить с ними, но не больше. Естественно, что при таком выборе девушек, ребята поочередно отступали. Но не все: нашелся среди них такой, который решил во что бы то ни стало добиться ее. На это потребовались годы, ибо она, воспитанница бабушки, мадам Жанет и Любы, придерживалась строгих правил. «Только после свадьбы!» – твердила она, и Валере пришлось уступить. Он уступил, но в верности не поклялся, в результате чего уже в конце второго курса ему пришлось жениться на беременной студентке.

Так кончился первый роман Рахели.

Когда она уже училась на четвертом – выпускном – курсе, в нее влюбился Мирча – студент мединститута, который на встречу Нового года пригласил ее в свою компанию. Собрались они в квартире его сокурсника, родители которого освободили им территорию, уйдя к своим друзьям. Квартира была большая, стол был красиво накрыт, девчонки принесли закуску, а мальчики – по бутылке! Всего было вдоволь, настроение у всех было новогоднее, подкрепленное шампанским. Ели, пили, пели и танцевали до глубокой ночи, пока вдруг не погас свет, и каждая пара «на ощупь» разыскала себе какой-то уголок.

Обняв и поцеловав Рахель, Мирча поднял ее на руки и понес прямо в родительскую спальню. (Видно было, что он там хорошо ориентировался!) Очутившись в постели, он стал ее страстно целовать. Ей было приятно, и она не отклоняла его нежности, но, когда он попытался ее раздеть, она, вдруг отрезвев, с силой оттолкнула его от себя, и он упал на пол. Воспользовавшись моментом, она в слезах удрала. (Свет уже горел.) Догнав ее, он попытался ее вернуть, признаваясь ей в любви, на что она ответила:

– Прости. Я тоже тебя люблю, но я к этому еще не готова.

С трудом освободившись из его объятий, Рахель шагнула к выходу.

– Когда будешь готова, позови! Я с любого края света прилечу! – сказал он ей.

С этим, вся в слезах, она оттуда и ушла.

С тех пор прошло уже несколько лет, и вот сейчас, перебирая в памяти всех своих «фаворитов», она ему позвонила. На следующий день он прилетел к ней из Москвы, где работал врачом в больнице. Было раннее утро, когда Рахель разбудил звонок телефона:

– Я у твоих дверей! – слышно было в трубке, и она, как была, в ночной рубашке, побежала открывать.

Поставив дипломат на пол, Мирча схватил ее в свои объятия, покрывая поцелуями, положил ее на большой лотербет в салоне и стал снимать с себя плащ, но она, встав, резко остановила его:

– Не сейчас и не так! В нашем распоряжении, как я поняла, целый день и целая ночь. День я распределила по часам. Это будет незабываемый день!

– И незабываемая ночь! Полагайся на меня!

Минуту спустя он спросил:

– С чего начнем?

– С душевой! – ответила Рахель.

– Вместе! – добавил он.

– Не сейчас! – возразила она, добавив: – После того!

И они разошлись по ванным комнатам.

День был действительно насыщенный: прогулки, кафе, рестораны, «гала-концерт» в филармонии, опять ресторан (музыка и танцы) до трех часов утра, и, наконец, взяв такси и сидя в обнимку на заднем сидении, не переставая целоваться, они попали домой, в спальню и... в шикарную широкую старинную кровать.

– Потуши свет! – попросила Рахель.

Больше она ничего не смогла произнести: он закрыл ей рот поцелуем. У Рахель от счастья закружилась голова: прелюдия была долгая и разнообразная. Затаив дыхание она и ждала, и боялась с а м о г о г л а в н о г о , как вдруг он что-то выплюнул, спросив:

– Что это? – и включил стоящий рядом с кроватью торшер.

Даже при слабом свете торшера не трудно было различить покрытую волосами грудь и такие же ноги.

– Да ты же медвежонок! – удивленно воскликнул он и, ничего больше не добавляя, побежал в душ. Рахель окаменела и онемела. Несколько минут спустя, одетый и с дипломатом в руке, Мирча вошел в ее спальню и, сказав: «Прости!», ушел, чтобы никогда больше не вернуться.

Рано утром Любу разбудил телефонный звонок. На проводе была Рахель. Не своим, хриплым голосом она произнесла:

– Прощай и прости: я так больше жить не могу!

На крики Любы ответа не было, Люба разбудила Паула, и они тут же поехали к Рахели. Она лежала без сознания в своей постели, а возле нее – множество рассыпанных разных пилюль. Вызвав «неотложку», все они вскоре оказались в «Реанимационном центре». Надежды на спасе-

ние Рахели было мало: слишком разные были таблетки! Только присутствие Паула рядом дало Любе сил пережить последующие часы, когда боролись за жизнь любимой дочери. Ее вернули к жизни, но радоваться было рано: жить она больше не хотела. Вероятно, она предчувствовала, что впереди ее ничего хорошего не ждало, что семейного счастья ей не видать, и она ничем не помогала медицинскому персоналу. Вернее, наоборот! Боясь рецидива, у ее постели круглосуточно дежурили. Не покидала ее и Люба, для которой она продолжала быть зеницей ока.

Вопрос «быть или не быть?» постоянно сверлил в голове Рахели, пока она находилась в больнице и ее непрестанно «обрабатывали». Прошло немало времени, пока она выбрала «быть». Нерешенными оставались сейчас два вопроса: «ради чего?» и «как?». Сначала она нашла ответ на первый вопрос: ради того, чтобы никто никогда больше не оказался в ее положении. Ответить на второй вопрос оказалось намного сложнее, но, в конце концов, ей удалось: она решила поступить в мединститут и специализироваться в области эндокринологии. С этой целью, посоветовавшись с Любой, она поехала в Среднюю Азию. Там, выдавая себя за мусульманку, она могла постоянно носить длинное черное платье с длинными рукавами и на людях не снимать с лица паранджу. Единственное, что оставалось неприкрытым, были глаза – большие голубые глаза, которые никак не подходили к «наряду», но это ее меньше всего смущало.

Будучи хорошо материально обеспечена, она могла полностью посвятить себя учебе и раз в месяц полететь в Москву в Институт красоты, где на весь огромный Советский Союз имелся один аппарат для эпиляции одной иглой. Процедура проводилась ежедневно по пятнадцать минут. Рахели понадобилась на это неделя, после чего она возвращалась домой с красными пятнами на лице. Еще одна неделя требовалась, пока лицо заживало. За этим следовали две недели отращивания волос, с тем, чтобы иметь, с чем поехать на процедуру. Благо, что зарабатывать на жизнь и на необходимые огромные расходы ей не приходилось.

Так прошло полгода, и Отелия Михайловна, косметичка, пожалев Рахель, предложила ей не останавливаться больше в гостиницах и не ходить в институт на кратковременные процедуры, а приезжать прямо к ней домой. Она жила в Кунцево, под Москвой, где на своем собственном аппарате могла бы проводить длительные сеансы, очистив ей лицо за несколько дней (по несколько часов в день). Процедура была болезненна: корни волос выжигались электриче-

ским током. Дома Отелия Михайловна работала с десятью иголками сразу. Боли были почти невыносимые. Помогала Рахели только сила воли и надежда на то, что наступит день, когда ей больше приезжать на эпиляцию не придется. Но, увы! Понадобилось более пяти лет, пока она поняла, что, если не ликвидировать причину, спасение не наступит, и, следуя моему совету, она (как когда-то сделала я) написала академику Николаеву подробное письмо. Это было ее спасение!

Последовали несколько месяцев наблюдения и обследования в условиях стационара при Академии медицинских наук СССР в Москве, в результате чего ее прооперировали, и всё стало на свои места. Ей было уже более тридцати лет, когда она наконец стала женщиной. Можно было начинать новую жизнь.

По предложению профессора Николаева она вскоре, окончив мединститут, переехала в Москву и работала ассистентом у него. Степень кандидата медицинских наук получила она только три года спустя и вскоре стала востребованным эндокринологом в столице!

Поставленная ею цель была достигнута, и с этой точки зрения она была довольна собой. Не хватало ей только личной жизни: она очень страдала от одиночества, но возраст был уже такой, что надеяться на изменение статуса было нереально, хотя, став стопроцентной женщиной, одеваясь соответственно, она пользовалась вниманием окружающих мужчин. Но все они были уважаемые, семейные люди, и она старалась держаться от них подальше. К тому же их жены к себе ее близко не подпускали, видя в ней потенциальную соперницу. Вот почему, живя в многомиллионном городе, Рахель чувствовала себя как на необитаемом острове и решила во что бы то ни стало кого-то подцепить. Она была согласна выйти замуж за первого попавшегося мужчину, который сделал бы ей предложение. От него она ничего не требовала: у нее было всё. Лишь бы рядом с ней был мужчина. Тогда, думалось Рахели, она могла бы стать вхожей в общество своих коллег. Но она ошибалась!

Встретила она его в ресторане, где ужинала со своей коллегой. За соседним столом сидел интересный, немолодой мужчина, одетый с иголочки, который не сводил с нее глаз. Вдруг, не выдержав, он встал, подошел к их столу и представился:

– Михаил Аркадьевич! – сказал он, поклонившись с улыбкой на лице.

Улыбка у него была очаровательной: на лице вдруг появились, как у женщины, ямочки. Заказав шампанское, они выпили за зна-

комство. Не прошло и месяца, как он сделал ей предложение, и, ничего о нем не зная, она поспешила сказать: «Да!» В этом ей не раз пришлось покаяться, но, считая, что лучшего она не заслужила, старалась делать хорошую мину при плохой игре.

Несмотря на свои пятьдесят лет, он так же, как она, был одинок. Женат (каждый раз ненадолго) он был дважды, детей у него не было. Зато у него было много родственников – детей его погибших братьев и сестер, для которых он был настоящим отцом. На работу он не ходил и в дом никаких денег не приносил. Когда Рахель осмелилась однажды его спросить, чем он занимается, его ответ был «всеобъемный»: «Luft business». Что такое «Luft» (воздух), Рахель не знала, но слово «business» громко звучало, и этим она удовлетворилась. Однако, когда кто-то спросил ее, чем занимается ее супруг, и она ответила его словами, ей рассмеялись в лицо. Оказалось, что он был картежником и страстным любителем скачек, на которых он то выигрывал, то проигрывал, и нередко обращался к ней с просьбой выручить его, а она, естественно, выручала.

Выходя замуж за него, она надеялась, что хотя бы «выходить в свет» будет с кем, но раскусив его, больше одного раза никто к себе их не приглашал. В кино он засыпал, в театры не ходил, музыку он признавал только ресторанный, что касается музеев, то он вообще не понимал, для чего люди туда ходят. Что касается «интим», то этого совсем не было: он оказался импотентом, из-за чего жены от него удрали. Одним словом, если что-то и изменилось в ее жизни после замужества, то это только штамп в паспорте, дополнительная трата денег и постоянные неприятности. Но, несмотря на всё это, она ничего не собиралась менять. Когда одна любопытная и не очень тактичная коллега спросила ее, что она от него имеет, скривив улыбку, Рахель ответила: «Запах мужчины в доме!» И это было действительно так. Но когда десять лет спустя, за карточным столом проиграв всё ее имущество, он внезапно скончался, узнав об этом, единственное, что она могла произнести, было: «Слава Богу!»

Оказавшись опять одна, Рахель окунулась в науку (это было ее спасение) и вскоре стала доктором наук, и ее стали приглашать на международные симпозиумы и конференции. Однажды после успешного выступления с лекцией на какой-то конференции в Лон-

доне в толпе поздравляющих ее ученых она заметила знакомое лицо. Когда очередь дошла до него, он с большим восхищением отозвался о ее работе и, всё еще держа ее руку в своих, глядя ей прямо в глаза, спросил:

- Вы меня узнали, правда?
- Нет! Не узнала, не знаю и знать не хочу!
- Это был Мирча!

С большим опозданием в Австралии она, наконец, нашла его! Это была любовь с первого взгляда, которая компенсировала полвека страданий и полного одиночества (Любы в живых уже не было). Было это в Сиднее, в оперном театре, где они оказались рядом в первом ряду. Знакомство произошло во время антракта, когда он пригласил ее выйти вместе, и она «с большим удовольствием» (ее слова) согласилась. Было это летом, и они, не договариваясь, вышли на улицу насладиться прекрасным вечером и немного подышать свежим воздухом. Только оказавшись на улице, он представился:

- Капитан дальнего плавания Роберт Браун!
- Рахель, – скромно ответила она.

Но этого оказалось достаточно. В театр они больше не вернулись. Сначала пошли в ресторан что-то перекусить. Там они немного задержались из-за музыки: играл прекрасный оркестр, а от певицы нельзя было оторвать глаз. Оказавшись опять на улице, они по прекрасному городу гуляли до самого утра. Дождавшись начала рабочего дня, он привел ее в отдел регистрации браков при мэрии, сказав:

– Мы идем подавать заявление. Когда мы вернемся из плавания, оформим наш брак. А пока что ты поедешь со мной: вечером мы отправляемся в кругосветное путешествие на полгода. Наш пароход – один из шикарных лайнеров на этом рейсе. Тебе понравится. В нашем распоряжении всего двенадцать часов. За это время мы должны успеть связаться с твоей работой и взять отпуск на полгода за свой счет. Связаться с Европой мы сможем только после обеда. Все остальные приготовления я беру на себя. Надеюсь, ты выйдешь замуж за меня. У меня жены нет.

- Да! Да! Да! Да! – и они впервые расцеловались.

Несмотря на то, что официального документа о браке не было, поднявшись на палубу с Рахелью, он представил ее как свою жену и повел в свою каюту. В тот же вечер в ресторане он повторил это в присутствии команды и пассажиров, и все, поздравив их, выпили

за их здоровье, благополучие и безграничное счастье. Шампанское лилось рекой, а танцы длились до утра.

Улучив подходящий момент, «молодожены» (ему было сорок, а ей уже шестьдесят) удалились в свою каюту. Там и тогда впервые за всю жизнь Рахель узнала, что такое СЕКС, когда два человека по-настоящему любят друг друга.

Из каюты они не выходили целых три дня и ночи, их свадебное путешествие длилось шесть месяцев, а медовый месяц – до последнего дыхания, которое наступило десять лет спустя, когда они решили отпраздновать юбилей на море, пригласив меня тоже. Присоединилась я к ним в Барселоне.

За два дня до завершения путешествия Роберту внезапно стало плохо, и он упал на палубу. Обширный инфаркт! Спасти его не удалось, хотя вертолетом на корабль спустилась целая группа высококвалифицированных медиков-спасателей.

По просьбе Роберта его со всеми почестями сбросили в море. Крикнув: «Не мешайте мне!», Рахель бросилась вслед за ним. Кто-то побежал ее спасать, но его остановили, сказав:

- Их разлучать нельзя!

Всё еще отдавая честь, команда, точно окаменевшая, не двигалась с места, пока капитан корабля не приказал всем разойтись, добавив:

- Да будет море раем им!

Случилось это летом две тысячи пятого года, а я оказалась непреднамеренно приглашенной свидетельницей их непредвиденной трагической смерти.

ЖАКЛИН

Часть 1

Я стояла на палубе отправляющегося на Кипр корабля, любуясь голубизной спокойного безбрежного моря, когда вдруг услышала:

– Parlez-vous français?

Повернув голову, я увидела стоящую рядом со мной немолодую, но всё еще красивую, элегантно одетую даму, на которую я, пройдя мимо нее, обратила внимание. Получив мой положительный ответ, она, как бы извиняясь, добавила:

– Можно мне к вам присоединиться? Меня подвела моя приятельница, отказавшись от поездки в Израиль в последнюю минуту, и я оказалась одна. Путешествовать в одиночку я не привыкла: это не интересно. Вы тоже одна?

– К сожалению, да, и рада вашему предложению. Меня зовут Жозефин.

– А меня Жаклин.

С того момента и до конца круиза мы были неразлучны, и благодаря ей я продлила свой «отпуск» на целую неделю. Было это тогда, когда в поисках некоторого утешения я отправилась в двухдневный круиз.

Жаклин оказалась очень интересным собеседником, а история ее жизни, которую она посчитала возможным мне поведать, растрогала меня до глубины души. С ее разрешения она стала героиней этого рассказа.

Родилась Жаклин во Франции после Второй мировой войны в благополучной семье. Общась только с детьми состоятельных родителей, на жизнь она смотрела сквозь розовые очки, пока, занимаясь уже во втором классе гимназии, она, как и большинство ее одноклассниц, не влюбилась в молодого, обаятельного учителя математики, который почему-то стал уделять ей особое внимание. Все девчонки завидовали ей и беспрерывно подтрунивали над ней. Сначала ей это льстило, но со временем атмосфера в классе стала для нее невыносимой. Не выдержав, но, не вдаваясь в подробности, она попросила маму постараться перевести ее в параллельный класс (там математику преподавала какая-то учительница).

В новом классе она легко «абсорбировалась», но своих прежних одноклассниц старалась избегать. С этой целью на перемены она в большинстве случаев не выходила.

И вот однажды, когда, кроме нее, никого в классе не было, дверь приоткрылась, и вошел месье Пьер – ее «любовь». Закрыв за собой двери, он подошел к ней и спросил:

– Почему ты ушла из моего класса?

– Не могу сказать, – коротко ответила она, и, несмотря на его настойчивые просьбы, она к этому ничего не добавила.

Недели две спустя, когда она после уроков шла домой одна, возле нее вдруг остановилась легковая машина, и шофер, открыв дверцу, обращаясь к ней, скомандовал: «Садись!»

Шофером оказался ее бывший учитель. Поблагодарив, она отказалась и пошла вперед, а он, догнав ее, схватил за руку и взмолился:

– Пожалуйста, сядь в машину. Меня хотят снять с работы. Нам нужно поговорить.

Испугавшись, она уступила.

Еще до того, как завести мотор, он ее спросил:

– Завезти тебя домой, заехать ко мне или поехать в любое другое место, где можно будет спокойно поговорить? Я тебя очень прошу: от этого разговора очень многое зависит. Он судьбоносный!

– Сначала домой, а потом я к вам выйду. Только машину остановите не у самого дома. Хорошо?

– Отлично! – воскликнул он. – Ты умница!

Хотя дома ей пришлось задержаться, пока не получила мамино согласие, он ее всё еще ждал.

– Куда сейчас? – спросил он.

– В любое безлюдное место, где можно будет спокойно поговорить, – ответила Жаклин. – Только не к вам домой!

Вскоре они оказались на опушке молодого лесочка, куда он заехал и, выключив мотор, воскликнул:

– Приехали! Выйдем или останемся здесь?

– Здесь! – ответила она и по его просьбе рассказала ему всю правду, не скрывая свои чувства. В ответ она получила кучу похвал и чистосердечное признание в том, что он ее тоже полюбил.

Это было начало их романа, который, втайне от всех, длился больше года. Встречались они почти ежедневно, каждый раз выезжая в другой район города, пока в день ее тринадцатилетия он не уговорил ее поехать к нему домой, где ее ожидал сюрприз.

В его холостяцкой квартире посреди комнаты стоял празднично накрытый стол, на котором сверкал серебряный канделябр, торт с тринадцатью маленькими разноцветными свечками и надписью: «Любимой Жаклин». Рядом возвышалась бутылка дорогого французского шампанского. Всё это не могло не впечатлять. А он, выключив свет, зажег свечи канделябра и включил радиолу.

Учитывая, что времени у нее было в обрез, так как на ужин были приглашены родственники и друзья, они «перескочили» через приготовленную им по этому поводу индейку, решив удовлетвориться только сладким столом. Под звуки музыки, потушив свечи на торте и выпив «на брудершафт», Жаклин почувствовала легкое опьянение. Позже, сменив пластинку, он пригласил ее танцевать, и под звуки танго прижался к ней и поцеловал в губы. Она совсем потеряла голову. А когда под звуки «Венского леса» вся комната начала кружиться вместе с ней и она чуть не упала, он, подхватив ее на руки, понес в спальню и, осторожно положив на кровать, лег рядом, и, медленно расстегивая пуговицы ее кофточки, стал ее страстно целовать. Всё, что происходило потом, было страшным сном.

Не вдаваясь в подробности, Жаклин рассказала только о последствиях, в результате которых ее забрали из гимназии и перевели в «Пансионат для благородных девиц». Забеременев, она сделала аборт, из-за чего чуть не попала на тот свет, и, по словам врача, вряд ли она еще раз сможет забеременеть. Что касается «героя-любownika», то он потерял не только работу, но и право когда-либо преподавать, и исчез из ее жизни, как ей казалось, навсегда.

В результате нанесенная Жаклин в столь раннем возрасте травма искалечила ей жизнь. Мысль о сексе вызывала у нее страх и отвращение, а потому она дала себе клятву безбрачия: ведя монашеский образ жизни, она лишила себя всех радостей ранней молодости. Оторвавшись от своих ровесников, она заполнила свою жизнь учебой, а для души у нее были пианино и классическая музыка.

Прошли годы. Закончив учебу и не желая вернуться в отчий дом, благодаря своему диплому и отличным рекомендациям, ей удалось устроиться гувернанткой в очень престижной семье.

Всё было хорошо: девочка ее полюбила, а Жаклин любила детей, так что общение с ней приносило одно удовольствие. Довольные родители всячески баловали ее, пока однажды, воспользовавшись отсутствием жены, которая лежала в больнице на сохранении, отец

ученицы посреди ночи не оказался рядом с ней в постели. Крики Жаклин раздавались, как в пустыне: девочка на втором этаже спала крепким сном, а прислугу он предварительно отпустил.

Изголодавшийся насильник мучил ее до самого утра, пока прислуга не вернулась, но только после того, как она его до крови истуксала, а он в ответ влепил ей пощечину.

Дождавшись ухода хозяина на работу, Жаклин из последних сил собрала свой чемодан, поцеловала спящую малышку и, будто воришка, незаметно покинула дом. Только оказавшись на улице, она задала себе вопрос: «Куда?» Выбора не было, и она поехала домой.

Свое двадцатипятилетие она отпраздновала в кругу семьи: за время работы гувернанткой почти без выходных она потеряла связь со своими одноклассниками, а новых друзей не приобрела.

– Ты стала настоящей красавицей, – говорили ей, – пора подумать о своей собственной семье. Не упускай момент!

Но она об этом и думать не могла. В поисках работы она оставалась на преподавании фортепьяно на дому. Вскоре она стала востребованной, зарабатывала хорошо и стала покупать одежду в дорогих домах моделей, обращая на себя внимание: у женщин она вызывала чувство зависти, а мужчины ей проходу не давали. Но никому не удалось сломить ее, пока судьба не столкнула ее с отцом одной из своих уже взрослых учениц.

Всё еще красивый, представительный и очень богатый вдовец, которого до тех пор ни одной добивавшейся его женщине не удалось заарканить, увидев ее, тут же решил, что она та самая женщина, которую он на протяжении долгих лет после смерти жены искал. Разница в возрасте его не смущала. Наоборот, при следующей встрече безо всякого вступления, обращаясь к ней, он сказал:

– Завтра вечером мы с вами идем в оперу. У меня там своя бронированная ложа. Наденьте свой самый элегантный наряд, а я за вами заеду.

Предложение было соблазнительным, и ничего не подозревавшая Жаклин, польщенная, не только согласилась (хотя он ее согласия не спросил), но и поблагодарила его за оказанную честь.

Любительница классической музыки, в оперу до того она редко ходила, но на сей раз, оказавшись в первой боковой ложе, она не только могла разглядеть весь зрительный зал, но и сама оказалась в центре внимания. Заметив направленные на нее бинокли сидящих

в противоположных ложах, она сначала смутилась, но вскоре, взяв себя в руки, стала делать вид, будто ничего не замечает. Что касается Жан-Жака, то он, наоборот, демонстративно обхаживал ее, давая таким образом понять, что она всецело принадлежала ему и что попытаться приблизиться к ней не только бесполезно, но и небезопасно.

В тот вечер давали оперу «Дама с камелиями», и как только после предупреждающих звонков раздалась знакомая и любимая ею мелодия, она на самом деле, кроме происходящего на сцене, ничего и никого не замечала. Зато в антрактах, встретив знакомых, представляя ее, Жан-Жак говорил:

– Моя суженая!

Она чуть под землю не провалилась, но всеми силами удерживая свой гнев, промолчала.

По окончании спектакля он повел ее в первоклассный ресторан, который, как оказалось, принадлежал ему, где у него была отдельная, богато обставленная ниша. В такое место она попала впервые, но ни видом, ни словом не выразила своего удивления и восхищения. Никакой реплики не вызвали ни сервис, ни посуда и даже поданные многочисленные блюда. Заметив это, он был чрезмерно удивлен, но и доволен: ему это импонировало!

– Вы ведете себя, как настоящая английская леди, и меня это устраивает, не говоря уже о том, что вы мне нравитесь. Всё остальное не в счет. Я решил жениться на вас. На когда назначить свадьбу?

– Свадьбы не будет! – еле сдерживая свой гнев, воскликнула она. – Я замуж не собираюсь! Извините!

Наступила минута молчания, после которой ошеломленный и оскорбленный «жених», повысив тон, выпалил:

– Я не верю своим ушам! Это ТЫ позволяешь себе отказать МНЕ? Да знаешь ли ты, сколько высокопоставленных, не чета тебе, женщин бегают за мной?

– Не знаю и знать не хочу: мне это совершенно безразлично. Я сказала и повторяю: я замуж не собираюсь выходить. Тем более за вас!

Неожиданно расхохотавшись, он вдруг опять выпалил:

– Очевидно, ты не отдаешь себе отчета, с кем ты имеешь дело. Не было на свете того, чего бы я захотел и не заполучил! Поняла? Так вот: готовься к свадьбе! Организую всё я! Если у тебя есть родители, можешь их пригласить. Но больше никого: это будет не плебейская свадьба! А сейчас встань, я тебя отвезу домой!

Ехали они молча: каждый думал о своем. Подъехав к ее дому, несмотря на поздний час, без ее на то разрешения, он вошел в дом вместе с ней и не вышел оттуда, пока не получил согласия ее родителей на их брак. На следующее утро, безо всякого предупреждения ворвавшись в дом, он насильно потащил ее в отдел регистрации браков при мэрии Парижа.

Не сумев его отговорить, она про себя решила, что, коль он того хочет, то заявление она подпишет, но она его прилюдно опозорит, когда в церкви на вопрос священника, готова ли она выйти за него замуж, она во весь голос скажет: «НЕТ!»

Как только заявление было подписано, ничего не сказав, он повел ее в салон мод «Шанель», где заказал для нее самое дорогое свадебное платье со всеми аксессуарами, включая бриллиантовые кольцо, браслет и диадему. Ни восторга, ни благодарности не последовало: она вела себя так, будто была просто моделью, и всё это покупалось не для нее. Ему пришлось проглотить это тоже, но, подъезжая к ее дому, он ледяным голосом произнес:

– Не забудь вечером прийти на урок: тебе уплачено за месяц вперед!

Выходя из дому по окончании урока, она столкнулась с ним лицом к лицу. Схватив ее за руку, он потащил ее за собой назад на второй этаж, сказав:

– Я хочу тебе что-то показать! – и, открывая двери какой-то комнаты, впустил ее вперед и, прикрывая за ней дверь, скомандовал: «Разденься, ложись и жди меня в постели. Я скоро вернусь».

Как только Жаклин переступила порог, она поняла, что опять попала в ловушку: это была его спальня. Оторопев от страха, она застыла на месте. Другого выхода не было, и она закричала, но единственный, кто откликнулся на ее крик, был не кто иной, как Жан-Жак, который закрыл за собой дверь на ключ и спрятал его во внутренний карман пиджака.

– Перестань кричать: в доме, кроме нас, никого нет. Я их всех выпроводил, – сказал он с улыбкой на лице и, схватив ее, стал насильно раздевать Жаклин, разбрасывая ее одежду по всей комнате.

– А ты сейчас, – добавил он, – нежно целуя каждую пядь моего обнаженного тела, раздень меня, а одежду аккуратно сложи на подставке. Поняла? С этого момента ты в моем полном распоряжении. Ты моя жена и всецело принадлежишь мне, а мое слово для тебя – ЗАКОН!

– Этому не бывать! – осмелилась вдруг она возразить и, оттолкнув его от себя, пошла собирать свою разбросанную одежду, в то время как он, глядя на ее грациозно движущееся молодое, красивое бело-розовое тело, будто зачарованный, не мог отвести от нее взгляд.

Когда наконец он заговорил, то совершенно другим тоном восторженно воскликнул:

– Ты божественно красива! И не только: ты самая достойная женщина, которую я когда-либо встречал, – и, опустившись на колени, взмолился: «Простите!»

Совершенно неожиданно для себя, сбросив свою одежду опять на пол, Жаклин подошла к нему и, подав ему руку, произнесла:

– Встаньте! Вам эта поза не к лицу.

Всё еще на коленях, прижавшись губами к ее протянутой руке, он ее нежно поцеловал и, повторив свое «Простите!», добавил: «Я вел себя как последний идиот. Одевайтесь!»

– Раздевайтесь! – скомандовала она ему, улыбаясь.

Не веря своим ушам, он еле слышным голосом попросил:

– Повторите, пожалуйста! Я, кажется, ослышался.

– Раз-де-вай-тесь! – повторила она.

Ничего больше не спрашивая, поднявшись во весь рост и взяв ее на руки, он осторожно положил Жаклин на свою постель, а затем, с ее разрешения, разделся и лег рядом с ней, в то время как она в ожидании предстоящей ужасающей ее «процедуры» задрожала, как осенний лист. Заметив это, он удивленно спросил:

– Что с вами?

– Меня уже дважды изнасиловали, – произнесла она дрожащим голосом сквозь слезы.

Чистосердечное признание Жаклин, ее срывающийся голос, слезы, дрожь и непритворное общее состояние пронзили ранее ожесточенное сердце Жан-Жака. Вдруг, неожиданно для них обоих, нежно поглаживая ее роскошные распущенные волосы, совершенно другим, идущим из самых глубин его души голосом он произнес:

– Ангел мой, успокойтесь! Я не насильник. Наоборот, мне не раз приходилось отбиваться от добивающихся меня женщин. Они тебе не чета!

Это было настолько неожиданно, что она не нашла, что сказать. А он, воспользовавшись произведенным впечатлением, стал целовать ее волосы, глаза, кончик носа и, наконец, добравшись до губ, стал их страстно целовать. Всё это вызвало у Жаклин незнакомые ей прежде

чувства. Она уже готовила себя к последующим шагам, когда он, к ее великому удивлению, извинившись, вдруг встал, укутался простыней и побежал в ванную комнату: воспользоваться ее минутной слабостью теперь он уже и не хотел, и... не мог!

Оставшись в постели, теперь уже возбужденная Жаклин, не подозревая истинной причины и решив, что он неполноценный мужчина, обрадовалась и побежала за ним, а там, встав рядом с ним нагой под душем, улыбаясь, спросила: «Когда свадьба?» Ничего не понимающий Жан-Жак лишился дара речи.

Свадебная церемония состоялась в центральном Кафедральном соборе Парижа в присутствии всей верхушки города и ее родителей, после которой, согласно приглашению, все поехали отпраздновать их бракосочетание в принадлежащий жениху ресторан. Все, кроме самих виновников торжества: воспользовавшись суматохой, они незаметно побежали к ожидающей их белой карете, в которую были запряжены три пары красивых белых лошадей с горящими факелами на головах.

Поехали они прямо в порт, где их ожидала его яхта. Поблагодарив персонал, он отправил их в месячный отпуск, а они отплыли в свой медовый месяц, не отходя друг от друга ни на минуту.

«Куда делся тот грубиян, который навел на меня столько страха и отвращения? – подумала она. – Какой из них настоящий Жан-Жак?»

Ответом на ее вопрос были проведенные впоследствии счастливые годы в атмосфере взаимной любви и уважения.

Как ее подозрение, так и прогноз медиков оба оказались ошибочными: на десятый месяц после свадьбы она родила долгожданного наследника Жан-Жака и своего нежданного, но безумно любимого Амурчика, как они его называли. Амоиг на французском «любовь», а потому она ему всю жизнь сопутствовала: его все любили, а Жаклин больше всех. Решив посвятить ему себя, она к нему никого не подпускала. Жаклин не только родила, но и вырастила его без посторонней помощи, пока он не пошел в школу: она взяла на себя роль не только гувернантки, но и нескольких учителей, научив его читать, писать, считать, играть на фортепьяно и, помимо французского, английскому языку, гольфу и верховой езде.

Он рос красивым, любимым и не по возрасту развитым мальчиком, а когда подрос, Жан-Жак однажды привел его к себе на работу и с гордостью представил:

– Ваш будущий хозяин!

А показав ему всю свою «империю», сказал:

– Всё это – твое!

Окруженный всеобщим вниманием и любовью, ребенок с удовольствием время от времени стал сопровождать отца, который всеми силами старался привить ему интерес к тому, чему посвятил свою жизнь.

С тех пор как Амурчик родился, это были единственные случаи, когда Жаклин с ним ненадолго расставалась, давая Жан-Жаку возможность побыть со своим наследником наедине, тем более что его делами она не интересовалась точно так же, как он не вмешивался в ее дела – воспитание их ребенка. Жили они в атмосфере полного согласия, любви и безграничного счастья, но самым счастливым днем своей жизни оба они считали день их бракосочетания. Вот почему уже по традиции свой «медовый месяц» они отмечали ежегодно в тех же условиях, только уже вместе с плодом их любви – Амурчиком, которому в том году исполнялось шестнадцать лет.

Они по пальцам считали оставшиеся до отправления яхты дни, когда в доме зазвенел телефон. На проводе был врач неотложной службы «Красного Креста», который, уточнив сначала, с кем он разговаривал, сказал:

– Мы по дороге в дежурную больницу имени Ротшильда: ваш муж попал в дорожную аварию. Состояние критическое. При...

Не дослушав врача, никому ничего не сказав, собрав все силы, Жаклин сама села за руль и помчалась в больницу, чудом избежав аварии, но попрощаться со своим любимым мужем она не успела: Жан-Жак скончался уже в больнице, «не доехав» до операционного стола.

Часть 2

Оставшись во главе «империи» в качестве не только наследницы, но и опекуна Амура – главного наследника – до его совершеннолетия и ничего не понимая в делах своего покойного супруга, Жаклин обратилась за помощью к «правой руке» мужа. Познакомилась она с ним еще до смерти мужа, когда однажды во время антракта в их ложу вошел красивый импозантный мужчина лет сорока.

– Разрешите мне представить тебе «финансового бога» нашей компании господина Пьера Депардьё, – обратился к ней муж.

Взяв ее протянутую руку в свои, Пьер ее поцеловал, а подняв голову и глядя ей в глаза, произнес: «Королева!»

Больше они никогда не встречались: она в компании не бывала. Жан-Жак бережно охранял ее от какого-либо соблазна: без него она никуда не выходила, а к себе он приглашал только семейные пары. А Пьер был «старым» холостяком. Что касается Жаклин, то она от этого не только не страдала, а, наоборот, считала себя счастливейшей в мире женщиной: кроме мужа и Амурчика, ей больше никого не нужно было. Даже со своими родителями она встречалась только в редких случаях.

Встреча с «мозгом» предприятия стала поворотным пунктом в жизни обоих: оказалось, что он – ее первая любовь!

Узнав его при первой же встрече, как только коснулась его биографии, она тут же решила немедленно уволить его с должности, и, выплатив ему солидную компенсацию, настоять на том, чтобы он тут же покинул Париж раз и навсегда. Благо, что она ему ничего не сказала, ибо, взяв себе пару дней на размышление, она поняла, что это неизбежно привело бы к полной ликвидации дела ее мужа. Пойти на это она не могла: своим завещанием Жан-Жак, проявив к ней полное доверие, возложил на нее ответственность не только за будущее семейного дела, но и его любимого наследника.

Вот почему скрепя сердце, оставив всех и всё на своих местах, с помощью своего старого-нового учителя Пьера, скрывая свои чувства, неожиданно для себя она вскоре вошла в суть дела, став успешной business-lady (предпринимательницей), а со временем вместе с Пьером стала вводить в курс своего многообещающего будущего и повзрослевшего Амура.

К счастью, в красавице хозяйке Пьер не узнал свою первую роковую юношескую любовь, которая отбила у него, как ему казалось навсегда, желание жениться и создать семью.

Передав дом и хозяйство на попечение их преданной домоправительницы мадам Сюзен, Жаклин всецело посвятила себя работе. Месье Пьер, как она с детства привыкла его называть, проявив свои гениальные способности, поднял компанию на небывалые до тех пор вершины. Дело процветало не по дням, а по часам. Всё шло как по маслу. Торжественно отпраздновав открытие первого филиала за пределами Франции в самом крупном торговом центре Европы – Лондонском Сити, где шампанское лилось рекой, Жаклин в сопровождении Пьера полетела домой, оставив там будущего хозяина-руководителя Амура. В собственном самолете компании, не считая экипажа, они оказались

одни. За все истекшие годы своего сотрудничества в таких условиях они оказались впервые: и как ее близость, так и легкое опьянение сыграли свою роль.

Получив глубокую душевную травму в молодости, Пьер считал, что больше неспособен на серьезные чувства, пока не встретил взрослую Жаклин. Он всеми силами старался погасить в себе свои к ней чувства сначала из уважения к Жан-Жаку, который протянул ему руку в самую трудную минуту его жизни и поставил его на ноги, а затем из-за боязни потерять столь завидное место работы. Однако сейчас, оказавшись с ней наедине, он еле дождался момента, когда, проводив ее домой, уже при открытых дверях, вместо того, чтобы пожелать ей спокойной ночи и уйти, попросил у нее разрешения зайти на чашку кофе, в чем она ему не могла отказать.

Позже, закулив сигару и пожирая ее глазами, пока она разливала кофе, не выдержав, начал было объясняться ей в любви:

– Я полюбил вас с первой же встречи...

Прервав его излияние, она выпалила:

– Вам еще не надоело заниматься соблазнением беззащитных женщин?

Как сам вопрос, так и тон, которым он был произнесен, глубоко оскорбили его, и, забыв о субординации, Пьер спросил:

– По какому праву вы позволили себе так оскорбить меня?

– По праву пострадавшей! – вырвалось у нее, о чем впоследствии она не раз пожалела: он от нее не отстал, пока она ему не раскрыла карты.

Это было как удар ножом в самое сердце. Схватившись за грудь и пошатнувшись, он повалился на пол. Вызванная сразу же «скорая», оказав ему первую помощь, забрала его в больницу. До смерти испуганная Жаклин сопровождала его на своей машине.

При оформлении документации она оказалась беспомощна: она о нем ничего не знала, а в его фраке документов не оказалось. Пришлось дожидаться начала рабочего дня, дабы навести справки в отделе кадров компании. Наконец она получила адрес и номер телефона, но никто не отвечал на ее неоднократные звонки, и она попросила свою секретаршу послать кого-нибудь к нему домой.

Посланнику удалось узнать от соседки Пьера лишь то, что он уже много лет жил там один и что к нему никто, не считая какой-то молодой женщины, которая то приезжала, то уезжала, не приходил. Звали ту женщину Анет. Оставив соседке на всякий случай адрес

больницы, посланник уехал и доложил обо всем Жаклин. Ясно было, что сообщить о случившемся некому.

Пока врачи боролись за его жизнь, она, не переставая плакать, не отходила от его постели: он перенес инфаркт, который привел к инсульту тоже.

«Виновата во всем я!» – беспрестанно звучало в ее ушах. Приняв на себя вину за произошедшее, она в то же время взяла на себя и ответственность за его жизнь и, отодвинув всё на задний план, посвятила себя ему.

«Я его не покину, пока он не встанет на ноги и не заговорит!» – поклялась она себе, и с этой целью к нему были приглашены лучшие специалисты столицы. Ничего не знающие окружающие их люди поражались ее преданности.

Прошло около двух недель, как вдруг появилась Анет, узнавшая из уст соседки Пьера о случившемся, когда приехала к нему с очередным визитом.

– Кто вы такая и какое вы имеете к нему отношение? – спросила она Жаклин, войдя в палату. – Он мне о вас никогда ничего не говорил.

– Я ему никто! – ответила Жаклин. – А вы кто?

– Я его неофициальная жена, мы с ним около десяти лет то вместе, то врозь, – буркнула Анет.

– В таком случае, я вас оставляю одних. Советую поговорить с его лечащим врачом: положение серьезное! – сказала Жаклин и вышла в коридор.

Не прошло и пяти минут, как, пройдя мимо нее, Анет спросила:

– Кто его врач?

Не успела Жаклин вернуться к Пьеру, как двери его палаты опять открылись, и, обращаясь к Жаклин, Анет выпалила:

– Так ему и надо! Я ему десяток раз предлагала себя в жены, а он под предлогом, что однолюб, говорил, что женится только в том случае, если разыщет свою первую любовь. А я, как дура, то уходила, то возвращалась: он человек состоятельный, у него, кроме меня, никого нет, а мне с ним, несмотря на разницу в возрасте, было хорошо. Он щедрый, и я готова была остаться с ним до конца, но он об этом и слышать не хотел. Я ему не раз говорила: «Ты умрешь под забором, как собака, и даже хоронить тебя некому будет».

После небольшой паузы она продолжила:

– Я как в воду глядела: мне доктор сказал, что всё, что они могли, они сделали, и что теперь я могу забрать его домой, так как он ну-

ждается не столько в лекарствах, сколько в присутствии рядом с ним любящего человека. Это не я, призналась я ему и добавила, что они могут отправить его в дом для престарелых, деньги у него есть!

Закончив свою тираду и сказав ему: «Прощай, бэби!» – она тут же ушла.

– Больше я ее никогда не видела! – сказала мне Жаклин.

Заранее договорившись с какой-то клиникой, Жаклин повезла Пьера в Германию, где он находился на лечении около полугода, в то время как она, точно Фигаро, курсировала по маршруту Париж – Берлин. Но игра стоила свеч: его поставили на ноги, и первое слово, которое он впоследствии произнес, было: «Спасибо!», – а после небольшой паузы добавил: «Любимая!»

Реабилитацию они провели вместе в специализированном санатории в Швейцарии, после чего вернулись к ней домой, где при первой же встрече с семьей она представила его в качестве своего будущего мужа:

– Мы завтра же поедем подавать заявление о нашем бракосочетании, а за благословением полетим в Иерусалим. Свадьбы не будет! Поздравить нас можете уже сейчас!

– Передав компанию детям, – продолжила Жаклин свой рассказ, – мы с Пьером полностью отошли от дел, решив наслаждаться каждой подаренной нам на старости лет минутой. Средств на это у нас было более чем достаточно. Прожили мы с ним вместе сказочные несколько лет, разъезжая по Европе, Америке и Ближнему Востоку, пока через четыре года после первого инсульта Пьер не получил второй, на сей раз смертельный, инсульт. Похоронили мы его не «под забором», а в нашем семейном склепе со всеми почестями, а я на протяжении целого года ежедневно со свечами и цветами приходила в гости к обоим моим дорогим мужьям.

Наступило довольно длительное молчание, после которого она сказала:

– Если бы не дети и внуки, я бы, по всей вероятности, последовала за ними: жизнь в одиночестве на старости лет становится тяжелой ношей.

Уже расставаясь, она добавила:

– Это мой первый выезд за границу за последние два года: потянуло на Святую Землю.

– Перед отъездом обязательно сходите к Стене Плача: у вас станет легче на душе. А при желании заезжайте ко мне тоже. Буду очень рада, – сказала я.

Ко мне она не заехала, но, вернувшись домой, она мне тут же позвонила. Извинившись, Жаклин поблагодарила меня за совет и за проявленные сочувствие и понимание.

– Я не знаю, во что та поездка обернулась бы для меня без вас: я терпеть не могу одиночество! Спасибо!

– Спасибо вам! Встреча с вами вывела меня из состояния глубокой депрессии, из-за чего я «удрала» из дому, а ваш рассказ затронул мою душу. Мне бы очень хотелось его опубликовать. Можно?

– Можно, только под чужим именем, – ответила она, а я изменила все имена.

МОЛИТВЫ

Немцы и нацисты – не синонимы, а разные слова

Первая встреча папы с немцами произошла на поле боя в самом начале Первой мировой войны, когда он вместо своего брата Зейлика вторично пошел на службу в русскую царскую армию и по собственной просьбе не только вернулся в свою часть, но ему вернули и его любимого коня, с которым он был неразлучен на протяжении всей службы. Папа служил в кавалерии – важнейшей части армии в то время: кавалеристы первыми вступали в бой, вооруженные саблями. Смерть была почти неизбежна для одного из всадников. Вопрос стоял «кто-кого». При первом же столкновении с врагом жизнь папы висела на волоске: прямо на него скакал на своей лошади немецкий солдат. Спас его «Рыжик» – папина лошадь, которая, поднявшись на дыбы, дала ему возможность убить немца, но рука не поднялась. Воспользовавшись моментом, немецкий солдат всадил свою саблю в грудь коня. Упав вместе с конем, папа закрыл глаза, не сомневаясь в том, что следующий удар будет в него. Но, к его удивлению, удара не последовало.

– Danke schön! (Спасибо!) – поблагодарил папа юнца.

– Ich danke Ihnen! (Я благодарю Вас!) – услышал он в ответ.

Таким образом, в первый же день папа попал в плен. Немецкий солдат спас ему жизнь!

Вторым спасителем оказалась немецкая барышня – дочь фермера, у которого папа работал почти до окончания войны. Влюбившись в папу, она не только облегчила ему пребывание на ферме, но и научила его немецкому языку, привив ему любовь к классической литературе, а главное, помогла ему сбежать вместе с его другом Гершем, с которым, подрабатывая то тут, то там, они добрались до Бухареста, где, благодаря моему дедушке, отцу моей мамы, оба получили право на работу в Румынии и избежали высылки (с другими нелегалами). В дальнейшем, влюбившись и женившись на моей маме, папа создал нашу семью. Дорина появилась на свет год спустя, а я – спустя пять лет.

Спасибо той немецкой барышне, которая не только спасла папу, но и «содействовала» моему появлению на свет. Не сговариваясь, и папа, и я молились за его спасителей.

Случилось так, что и в судьбе моего покойного мужа немец сыграл очень важную роль. Он спас ему жизнь.

Мой муж, оказавшись в трудовом лагере, благодаря знанию немецкого языка, облегчал общение между начальством и заключенными евреями. За день до отступления немец, ничего не объясняя, закрыл мужа в карцере. На следующий день его освободили солдаты Красной армии. Оказалось, что фашисты, отступая, всех еврейских рабочих расстреляли. Стало ясно, что немец спас ему жизнь, за что мой муж молился за него до самого окончания войны.

Что касается меня, то я до самого окончания войны молилась за того немецкого офицера, который спас мне жизнь.

HANS

Весна 1944 года принесла с собой изменения не только в атмосфере, но и на фронте. До нас стали доходить слухи из уст узников гетто, которые помогали партизанскому отряду, расположенному в лесу вблизи Бершади. Мы узнали, что положение на фронте изменилось и что, наконец, уже отступали войска врага. У нас появилась искра надежды. Мысленно мы стали планировать свое будущее, о котором раньше старались не думать. Люди воспряли духом: по «беспрово-

дному телефону» мы стали передавать друг другу сведения о приближающемся освобождении. В то время по протекции спасшего меня немецкого офицера я работала уборщицей при румынской комендатуре. Однажды, придя на работу, мне передали, что по распоряжению самого коменданта меня перевели работать в качестве уборщицы-переводчицы в медпункт. Оказалось, что медпункт стал госпиталем, в связи с тем, что туда поступили несколько раненых партизанами немцев, а среди медицинского персонала не было ни одного знающего немецкий язык.

Приказ есть приказ и обсуждению не подлежит, тем более, когда речь шла обо мне. Скрывая свои чувства, не сказав ни слова, я пошла.

В детстве при виде крови я теряла сознание. «Благодаря» пройденному маршу смерти я теперь уже спокойно смотрела на мертвецов. Так что с этой точки зрения проблем не было. Проблема была другая... Но, подумала я, раненые мужчины безопасны. Это успокоило меня. К тому же, оказавшись лицом к лицу с ними, прикованными к постелям и беспомощными, мне вдруг стало их жаль. Скоро я стала помогать не только устанавливать связь с медицинским персоналом, но и помогала им всем, чем только могла. По возможности я исполняла все их просьбы вплоть до написания писем их родным от имени тех, кто сам писать не мог. Раненых было шестеро, все они были перевязаны в разных местах, сквозь бинты просачивалась кровь.

Особое внимание я обратила сначала на мужчину лет 50-ти, который смотрел на меня не жалостными, а любящими глазами. Он позвал меня: «Малышка!» и погладил мне руку. Однажды у него вырвалось: «Mein Kind!» Но я его не боялась, он не внушал мне страха: его «любовь» напоминала отцовскую, и я отвечала ему дочерней «любовью».

Как только я появлялась в палате, он тут же звал к себе: «Малышка!», и я прибегала к нему. Заметив, что я откликалась на это имя, вскоре все стали называть меня Малишкой,

Уходила я домой довольная собой: я не только персоналу, но и раненым помогала.

Я уже работала в госпитале несколько дней, когда при обходе увидела новоприбывшего раненого с полностью забинтованной головой, включая глаза. Меня удивило, что они не остановились у его постели, и я спросила: «Он наш?» «Нет!» – последовал ответ, – «это молодой немец, полностью ослепший, он в глубокой депрессии, к себе никого не подпускает».

По окончании обхода я к нему все-таки подошла, взяла его руку и сказала:

– Я твой друг. Ты нуждаешься в квалифицированной помощи, но здесь никто тебе помочь не сможет.

В этом может тебе помочь только твоя семья, которая, вне всякого сомнения, с нетерпением ждет весточки от тебя. Ты сам сейчас не можешь с ними связаться. Но судьба послала тебе меня. Назови мне свое имя и дай адрес твоих родителей. Остальное сделаю я!

Наступила минута молчания, которая показалась мне годом, но совершенно неожиданно я услышала: «Hans». У меня тут же появились слезы на глазах, но он их не видел.

– Продиктуй мне адрес и телефон, – поспешно попросила я, и он мне его сказал.

– Ты молодец! – воскликнула я, – Я все сделаю, и тебя спасут – в этом можешь не сомневаться. Но ты должен разрешить им оказать тебе первую помощь, а я им передам.

Когда несколько минут спустя я пришла с медсестрой, то он не сопротивлялся, слушался меня, пока она брала у него кровь на анализ и приспособила капельницу. А я говорила с ним, убеждая, что война скоро кончится, что ведутся переговоры и что вскоре он сможет вернуться к мирной жизни в кругу любящей его семьи.

– Жизнь прекрасна и дается нам только один раз. Наша задача – прожить ее в мире и любви, – говорила я ему. Я говорила ему еще что-то, пока не раздалось: «Малишка!» и я, извинившись, убежала. Когда в конце рабочего дня я подошла к нему и пожелала спокойной ночи, то вдруг услышала: «Danke schon, Malischka!» Пожав ему руку, я только произнесла: «Крепись!»

На следующее утро, узнав у сестры, что он стал и пить и принимать пищу, я в первую очередь побежала к нему и «доложила», что мне удалось связаться по телефону с его семьей и что его мать попросила перезвонить ей на следующий день, потому что она уже связалась с Министерством обороны и военным госпиталем. Ничего не ответив, он дотронулся до моей руки, притянул ее к губам и поцеловал.

Мои «разговоры по телефону» продолжались. Я каждое утро передавала ему приветы, поцелуи, пожелания здоровья с обещаниями, что вот-вот за ним пришлют специальный санитарный вертолет. Последнее, что я успела ему передать, была «телеграмма» из дома, в которой сообщалось, что в ближайшие дни за ним прилетят и отправят прямо в госпиталь, где он будет под наблюдением известного

профессора. Как только я закончила читать (с чистого листа), он взял «телеграмму» из моих рук, поцеловал ее, положил к себе под подушку. Затем, взяв мою руку, нежно поцеловал ее и сквозь слезы произнес: «Du bist mein Angel! Danke schon!»

Это была наша с ним последняя встреча. В тот же вечер перед уходом мне было сказано, чтобы больше не приходила, пока за мной не придут. Было это 13 марта 1944 года. На следующий день Красная Армия освободила нас.

По воле судьбы двадцать лет спустя из уст его мачехи я узнала, что не только он, но и вся его семья молилась за меня.

МАЛИШКА

Часть 1

В шестидесятых годах прошлого столетия, «прозрев», впервые за годы своего существования Советский Союз приоткрыл границы и пригласил иностранных туристов. Первыми «ласточками» оказались пожилые немцы и американцы. Мы с мужем впервые увидели их в знаменитом курортном городе Сочи, где отдыхали в то лето.

Как я уже упоминала, в связи с тем, что мы с Толей (моим мужем) работали в разных отраслях (он – в системе пищевой промышленности, а я – образования), наше отпускное время не совпадало, и нам приходилось приспособливаться. В том году он приехал в Сочи на две недели раньше меня и уехал на две недели раньше, оставив меня на последующие две недели. Получилось так, что каждый из нас воспользовался своим отпуском, но вместе мы отдыхали всего полмесяца.

Туда мы полетели самолетом до Адлера, а на обратном пути, желая продлить удовольствие, поплыли на корабле. В то время по маршруту Одесса – Сухуми курсировал круизный пароход «Адмирал Нахимов» (трофейный бывший лайнер «Берлин»). У Толи был билет в одну сторону (до Одессы), а у меня – туда и обратно. Расстались мы с Толей в ресторане одесского аэропорта, а оттуда на такси (в последнюю минуту) я вернулась в свою каюту на корабле.

Уставшая, я тут же прилегла, но, проснувшись посреди ночи, вышла на палубу подышать свежим морским воздухом. Помимо бармена и какой-то немолодой дамы за одним из столиков на палубе никого больше не было. Попросив бутылочку минеральной воды, я подошла к той даме и попросила разрешения присоединиться к ней. Совершенно неожиданно я вдруг услышала:

– Bitte schön! (Пожалуйста!)

Так я познакомилась с Марией-Луизой (Frau Marie-Luise) – немецкой туристкой, с которой впоследствии с большим удовольствием провела остаток своих летних каникул.

Это была необыкновенная ночь: обсыпанное звездами небо, посреди которого красовалась большая круглая луна, безбрежное море, по которому не спеша плыл наш корабль, абсолютная тишина, свежий ночной воздух после знойного дня и ко всему красивая интеллигентная особа – интересный собеседник, с которой я впервые за долгие годы получила возможность «развязать» свой немецкий язык.

– Не спится? – спросила я ее с улыбкой на лице.

– Спать не дают! – ответила она мне без улыбки.

Оказалось, что ей не повезло с соседкой по каюте, которая беспардонно привела к себе молодого человека, с которым она вела себя безобразно. Ничего больше не спросив, я предложила незнакомке перейти ко мне: не желая случайной попутчицы, я оставила за собой двухместную каюту, так что Толино ложе пустовало. В недоумении дама меня спросила:

– Я вас правильно поняла?

– Да! Да! Да! – поспешила заверить я ее и, оставив на столе деньги за воду, обращаясь к ней, добавила: «Идемте!»

Постучавшись в дверь ее каюты и немного подождав, мы, ничего не сказав, стали собирать вещи, а затем пошли ко мне (будто не заметив нас, парочка продолжала целоваться!). Войдя в мой люксовский номер, моя гостья совсем растерялась.

– Располагайтесь! – пригласила я, показав на ее место.

– Я не знаю, как вас отблагодарить! – сказала она растерянным голосом.

– Никакой благодарности не надо: это мое удовольствие тоже! Ложитесь, завтра поговорим! – и, пожелав ей спокойной ночи, я тоже легла.

На следующее утро у дежурного администратора под предлогом, что моя подопечная не нашла общий язык со своей соседкой

по каюте, я попросила официальное разрешение на ее переселение в мою каюту.

– Это не проблема, – ответили мне, – но если вы рассчитываете на то, что вам вернут деньги за второе место, то вы ошибаетесь.

«Сделка» состоялась лишь после того, как я подписала какую-то бумагу. Когда Мария-Луиза спросила меня, в чем дело (ее напугал тон администратора), я успокоила ее, сказав, что это – простая формальность и что такой тон – привычный для моряка. Она успокоилась, и мы пошли в ресторан завтракать.

Часть 2

Несмотря на разницу в возрасте (Мария-Луиза была ровесницей моей покойной матери), за время нашего совместного пребывания на корабле мы с ней очень сблизились. Я поделилась с ней некоторыми небезынтересными данными своей биографии, и она в свою очередь посчитала возможным рассказать мне кое-что о себе.

Она – чистокровная немка. Родилась в семье адвоката в городе Лейпциг, а по окончании гимназии поступила в Берлинский университет на филологический факультет, где встретила своего суженого в лице одного из своих преподавателей. Он был старше ее, разведенный, с пятилетним ребенком, которого жена ему оставила, переехав к своему любовнику. Не послушавшись родителей (она порвала с ними отношения), по окончании первого курса вышла за него замуж и, бросив занятия, посвятила себя семье. Всё было бы хорошо, если бы не его ревность: он безо всякого повода ревновал ее к каждому встречному мужчине, и без него ей никуда нельзя было выходить. Детей у них не было.

Когда началась Вторая мировая война, одновременно мобилизовали и мужа, и его сына, и она осталась одна, совершенно не приспособленная к жизни. Воспользовавшись случаем, Фредерик – коллега ее мужа, который, не подавая виду, был по уши в нее влюблен, стал ее опекать. (В результате пережитого в детстве полиомиелита, он прихрамывал, а потому считался нестроевым и в армии не служил.)

На одном этаже вместе с Марией-Луизой жили еще две семьи, в одной из них – молодой еврейской семье – была маленькая девочка. С ними Мария-Луиза дружила, а с появлением ребенка стала им всячески помогать. Нередки были случаи, когда, уходя на заработки,

они оставляли Марии маленькую Рут. Вот почему, когда однажды, попав в лапы эсэсовцев, молодые родители домой не вернулись, оставшись с ребенком, Мария-Луиза всю ответственность за благополучие девочки взяла на себя.

В целях безопасности, посоветовавшись только с Фреды, она решила покинуть Берлин с ребенком, выдавая его за своего. В этом помог ей ее «попечитель», который отвез их к своей бабушке, проживающей в окрестностях столицы.

Одинокaя пожилая женщина с радостью приняла «жену» и «дочку» своего любимого внука, а маленькая Руты (теперь Аннетта) жадно стала попивать свежесквашенное молоко козочки Розиты. Благодаря Розите, бабушкиному огороду и пайкам Фреды, все они благополучно пережили ту страшную войну. Как только она окончилась, поблагодарив бабушку от всей души, они вернулись домой в надежде, что вскоре вслед за ними вернутся и остальные жильцы дома, и они опять заживут счастливой мирной жизнью. Но, увы!

Первым вернулся домой ее муж на костылях. Дома никого не было, и он постучался к соседям, которые «проинформировали» его, сказав, что в самом начале войны Мария-Луиза оставила дом и куда-то выехала. Вернулась она сразу после окончания войны, но не одна, а с ребенком. Более того, с тех пор как она вернулась, ее ежедневно навещает какой-то мужчина, который появился, как только муж ушел на войну.

Не желая слушать больше ничего, он ушел, чтобы туда никогда не вернуться. Мария-Луиза долгие годы об этом ничего не знала и в ожидании супруга неоднократно отказала Фреды, который терпеливо добивался ее руки и сердца. Всё это время Мария не переставала разыскивать мужа, его сына и родителей Аннетт. В конце концов, получив их координаты, она поехала к ним.

Мужа она нашла в доме инвалидов, но, к ее великому удивлению, он увидел ее, и лицо его осталось каменным. Сначала она подумала, что он ее не узнал, но, когда, желая его обнять, она бросилась к нему, а он ее с силой оттолкнул от себя, она оторопела. Со слезами на глазах Мария стала напоминать ему о себе, но единственное, чего она добилась, было:

– Уходи, блядь! Ни тебя, ни твоего хахалы и тем более твоего ублюдка я видеть не хочу!

Опустившись перед ним на колени, обливаясь слезами, она сказала ему всю правду и не ушла, пока он не согласился вернуться

в свой дом и помочь ей разыскать его сына тоже. Его они нашли в военном госпитале в офтальмологическом (глазном) отделении, где пытались восстановить ему зрение, по крайней мере, в одном глазу. Домой он вернулся лишь через год.

Что касается родителей Аннетты, то, того не зная, оба они последним эшелонам попали в немецкий лагерь смерти «Освенцим» в Польше. Иосифа, отца Аннетты, убили за день до освобождения лагеря, но Сарру русские солдаты, полумертвую, успели спасти. Она осталась в живых, но от страха помешалась и находилась в соответствующем заведении. При встрече женщины не узнали друг друга, но несмотря на это Мария-Луиза добилась того, что ее отпустили «на пробу» домой. За нее поручились и Мария, и ее муж, которые возлагали большие надежды на встречу матери с дочкой. Но к этому надо было подготовить Аннетту. Результат для нее мог, упаси Бог, оказаться губительным. Пришлось обратиться за помощью к женщине-психологу для ребенка и к частному врачу-психиатру для матери.

Их встреча состоялась только год спустя и, вопреки прогнозам, прошла благополучно. Аннетте было уже около десяти лет, когда ей предложили «выбрать» себе маму. К всеобщему удивлению, не отказываясь от Марии, она перешла жить с Саррой.

– У меня две мамы! – говорила она всем.

Часть 3

Рассказ Марии-Луизы растрогал меня до слез, и последнюю ночь на корабле я провела одна на палубе: никак не могла уснуть. Впервые после долгих лет «борьбы» с воспоминаниями о пережитом во время войны перед моими глазами вдруг стали вырисовываться отдельные кадры моего прошлого.

Первый – изгнание из собственного дома.

Второй – гонение по дорогам Бессарабии и Транснистрии.

Третий – кошмары Косоуцкого леса.

Четвертый – бывшие колхозные коровники – наши «готели».

Пятый – Бершадское гетто и смерть мамы.

Шестой – мой побег и его последствия.

Седьмой – мой спаситель – неизвестный немецкий офицер.

Восьмой – работа уборщицей в румынской комендатуре.

Девятый – работа уборщицей-переводчицей в госпитале при комендатуре.

Десятый – освобождение гетто бойцами Красной армии.

Всего десять кадров! А сколько страданий, лишений и унижений, сколько погибших невинных людей и сколько искалеченных жизней!

«Окунувшись» в то кошмарное прошлое, я не заметила, как Мария-Луиза подошла ко мне и, недоуменно глядя на меня, спросила:

– Что с вами? На вас лица нет! – Подав мне руку, она отвела меня в каюту и уложила спать.

Утром нам предстояло поехать на экскурсию. Мы объездили весь Крымский полуостров и частично Абхазию и Грузию. Под впечатлением окружающей нас чарующей красоты прошлое отошло на задний план, и мы к нему больше не возвращались, пока не пришло время попрощаться и расстаться.

У меня был билет на самолет. До Адлера по серпантинной горной дороге приходилось добираться на такси. Поэтому прощальный вечер мы себе устроили накануне. Побывав сначала на концерте Эдиты Пьехи, мы потом на берегу бушующего моря почти до утра договорили недосказанное.

Начали с того, что поблагодарили друг друга, а затем вместе – судьбу за предоставленную нам встречу, благодаря которой наш обычный отпуск стал незабываемым. На прощание я попросила Марию-Луизу «подвести итоги» своему рассказу, действующие лица которого стали мне близкими, и она с удовольствием согласилась.

Она рассказала, что ее муж вскоре умер и что она сошлась с Фреди, что, благодаря Рут (она вернула себе первоначальное имя), Сарра вернулась к реальной жизни и была счастлива, так как Рут наградила ее четырьмя внуками и внучками, в которых она души не чаяла (первенцу дали имя ее покойного мужа – Йосалы), а сама Рут, которая, выйдя замуж за молодого раввина, вернулась к своей религии, стала призывать всех еврейских женщин родить максимально возможное количество детей с тем, чтобы «восстановить» число погибших шести миллионов евреев. Рассказала она также и о том, что ее пасынок, живя в родительском доме вместе с ней и с Фреди, одарил их двумя очаровательными девочками-близнятами, которые заполняют радость весь дом.

– Между прочим, – сказала я, – о своем пасынке вы ничего не рассказали. Каким образом он ослеп и каково сейчас его состояние? Такое впечатление, что на это существует какое-то табу. Я права?

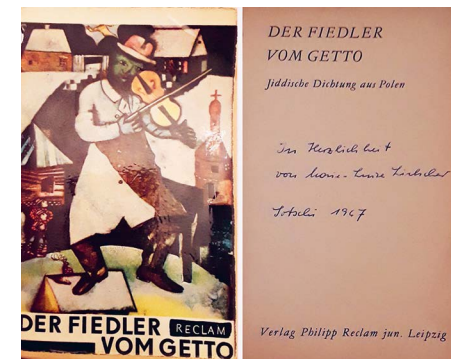
– Нет! Я просто мало знаю о том, как это было. Он избегает разговоров о войне вообще и тем более о том, что с ним случилось на фронте. Он – пацифист! Единственное, о чем он иногда рассказывает, это о той девушке, которая вернула ему желание жить после того, как он полностью потерял зрение. Если вас это интересует, я могу пересказать вам то небольшое, что знаю.

И она начала рассказывать:

– Как и где это случилось, я не знаю. Было это незадолго до того, как немецкая армия, получив сокрушительные удары под Москвой и Сталинградом, стала отступать. По всей вероятности, он и сам не помнит, где и когда это с ним случилось. Помнит только, что, когда пришел в себя, первое, что он услышал (видеть он ничего не мог), был ангельский голосок, говорящий с ним по-немецки. На минутку ему показалось, что это был голос его матери, которую он вообще то ли не знал, то ли не помнил. Глядя его забинтованную голову, она говорила ему, что он должен собраться с силами и бороться за жизнь, потому что жизнь только временами тяжелая, а вообще-то она прекрасна, тем более, когда у тебя есть родные люди, которые молятся за тебя и с нетерпением ждут.

На минуту ему показалось, что он где-то на небесах, как вдруг раздался какой-то жалобный мужской голос, и «ангел» вдруг исчез. Потом стали раздаваться другие голоса на непонятном ему языке.

Всё выяснилось через некоторое время, когда тот же «ангел» опять оказался рядом с ним и, взяв его руку в свою, нежно поглаживая ее, заговорил на немецком. «Ангел» объяснил ему, что после полученного ранения он находится в военном госпитале на оккупированной румынскими войсками территории и что он (этот голос) – переводчица, которая приглашена туда помочь медицинскому персоналу и не знающим румынского языка раненым военным найти общий язык. Она не представилась, но по выкрикам раненых он понял, что звали ее Малишка. И действительно, стоило только произнести это имя, как она тут же являлась и, чем могла, помогала. Ее просто «разрывали



Подарок Марии-Луизы

на кусочки»: в том помещении, где он находился, ее имя в разных исполнениях постоянно звучало. Она всем оказалась нужна, и в помощи она никому не отказывала. Более того, она сама предложила тем, кто по той или иной причине не могли писать, написать за них письма их родным. Не все на это соглашались, но он ухватился за ее предложение, и с ее помощью у него наладилась связь с семьей. Она писала от его имени письма, и (удивительное дело!) спустя только пару дней после отправления письма, получив ответ из дому, она его ему читала. Хотя с глазами там никто не мог ему помочь, он встал на ноги. Вне всякого сомнения, в этом помогла ему переписка с любящими родными. (Только вернувшись домой, он узнал, что никто его писем не получал, и, естественно, не зная, где он, ему никто никогда не написал.)

Мария-Луиза еще долго рассказывала, но я уже была далеко в прошлом: вспомнив свою работу в госпитале во время пребывания в гетто и молодого слепого немецкого солдата, я вдруг, прервав ее рассказ, спросила:

– Вашего пасынка зовут Ханс?

Вместо ответа удивленная Мария-Луиза спросила:

– Как вы догадались?

– Я – та самая переводчица, которую не звали Малишка, а прозвали Малышка, так как мне тогда еще не было пятнадцати лет, и я была очень маленькая. Прозвал меня так один переодевшийся в форму немецкого офицера русский партизан. Никто, кроме него, не знал значения этого слова, но все беспрерывно повторяли его. Один папа его «расшифровал», но, боясь, что я могла кому-то проговориться, сказал мне об этом только после того, как нас освободили.

Растроганная до слез, Мария-Луиза обняла меня, поцеловала и от души поблагодарила. На прощанье она подарила мне изданный в Лейпциге после войны сборник стихов «Der Fiedler vom Getto», в котором помещены кровью написанные примитивные по форме, но бесценные по содержанию стихи более шестидесяти находившихся в разных гетто Польши и чудом уцелевших узников. Это самый ценный подарок, полученный мной за всю свою долгую жизнь, который я берегла, как зеницу ока, время от времени перечитывая, и который недавно передала вместе с третьей книгой трилогии «Жизнь без прикрас» («Жизнь в тени смерти») в библиотеку «Яд Вашем» – всемирно известного иерусалимского Мемориала жертв Холокоста.

ЖАБА

С появлением в израильской русскоязычной прессе моей повести «Кошмары наяву» круг моих читателей значительно расширился. Ко мне стали обращаться не только мои ровесники, желающие поделиться своими воспоминаниями о пережитой Катастрофе, но и представители двух последующих поколений, желающие узнать как можно больше о трагическом прошлом их предков. Всем им я благодарна за проявленное сочувствие, отзывы и комментарии. Совершенно неожиданно среди поступивших звонков был один, который разворошил мне душу и которым, с разрешения героини рассказа, изменив имена, я намерена поделиться с вами. Меня он чуть не довел до шокового состояния.

«Жозефина?» – услышала я, подняв телефонную трубку, и, получив утвердительный ответ, голос продолжил: «Наткнувшись случайно на ваш рассказ в журнале «Русское литературное эхо», я прочла его на одном дыхании, с трудом сдерживая слезы. Я думаю, что, если бы камни умели читать, они бы тоже заплакали. Какие зверства, какие страдания! Как можно вообще такое пережить?! Примите мое чистосердечное соболезнование за пережитое, восхищение вашим мужеством и благодарность за то, что нашли в себе силы перебороть себя и описать увиденное и пережитое. Люди должны об этом знать, чтобы такое больше не допустить. Нам с вами нужно встретиться: у меня к вам несколько вопросов, а для вас у меня есть продолжение вашего рассказа о происходивших в Косоуцком лесу кощунствах. Я там тоже была. Я – одна из персонажей вашего столь трогательного рассказа: я та самая крошка, которая там родилась при помощи вашей мамы».

Телефонная трубка выскользнула из моих рук, а я, схватившись за сердце, еле доплелась до своей аптечки, откуда взяла валерьянку: у меня потемнело в глазах.

Как я пришла в себя, не могу представить. Слышала только, что из трубки непрерывно раздавался вопрос: «Что случилось? Что с вами? Дайте мне ваши координаты. Я в Реховоте». И я назвала свой адрес.

Я едва успела проглотить пилюли, как раздался звонок в интерком. С трудом добравшись до дверей и открыв их, я увидела ее выходящей из лифта и тут же повалилась на пол. Своим присутствием

она меня спасла: я была дома одна. Расстались мы с моей новой знакомой только вечером, так как она спешила забрать свои вещи и уехать в аэропорт. Она возвращалась в Америку.

– Это я! – услышала я, когда открыла глаза. – Какое счастье, что я была рядом, в кафе «De la Paix», куда собиралась пригласить вас на чашку кофе. (Кафе находится на углу нашей улицы, через дом от меня.)

Я смотрела на стоящую передо мной высокую, всё еще красивую, элегантно одетую, немолодую даму и не верила своим глазам. Извинившись за оказанный прием, я пригласила ее сесть в кресло рядом с диваном, на который она меня положила. Прошло несколько минут молчания, пока я, открыв, наконец, рот, произнесла:

– Во-первых, спасибо большое за оказанную помощь. Во-вторых, прошу меня извинить, но мне трудно поверить, что вы – тот самый младенец, о котором я написала, и которого фашист швырнул в кусты. Это исключено. Младенец не мог остаться в живых.

– Я понимаю, насколько эта ситуация кажется невероятной, но я вас очень прошу: не спешите с выводами и по мере возможности постарайтесь ответить на мучающие меня вопросы. Я вижу, что вам стало легче.

– Постараюсь. Что вас интересует? – спросила я.

– Как звали мою маму? – со слезами на глазах спросила она.

– К сожалению, я не знаю, – ответила я, – моя мама, наверное, знала.

– И еще один вопрос: могли бы вы описать ее или рассказать что-нибудь о ней и ее семье? Для меня это очень важно. Постарайтесь вспомнить, пожалуйста. Каждое ваше слово о моей родной матери для меня неоценимо.

Ее просьбы, ее переполненные слезами глаза и дрожащий голос разворошили мне душу. Кто, как не я, лишившаяся матери еще в детском возрасте, могла бы ее так понять?

Напрягая свою память, я с нежностью и восторгом описала ей ее мать:

– Высокая, стройная блондинка, очень красивая, с большим животом, которая, уступив родителям свое место в подводе, примкнула к моей маме и точно так же, как и я, не отдалялась от нее ни на шаг. Я шла с одной стороны, цепко держась за мамину юбку, а мама, взяв ту женщину под руку, по мере возможности облегчала ей ходьбу под проливным дождем. С собой она ничего не несла, так как свой рюкзак передала родителям. Время от времени мама

спрашивала ее, как она себя чувствует, на что она, бодрясь, отвечала: «Хорошо».

Запомнился мне отрывок их разговора, из которого я поняла, что вашего отца румынский солдат еще в Мэркулештах расстрелял за то, что он заступился за какую-то пожилую женщину, отказавшуюся расставаться с золотым семейным кулоном, где были фотографии ее родителей. Она ни днем, ни ночью с ним не расставалась, ее тоже застрелили.

У вашей мамы та беременность была первой, и ею она очень дорожила. «Хотя бы донести ее до места назначения», – говорила она, а моя мама ее успокаивала, говоря, что вот-вот весь этот кошмар закончится. Всё остальное вы знаете из моего рассказа, – сказала я и умолкла.

– Спасибо, – еле слышно вымолвила она сквозь слезы, – я всю свою жизнь мечтала встретить кого-нибудь, кто мог бы ответить на постоянно мучающие меня вопросы. Большое вам спасибо!

Наступило долгое молчание: будто окаменев, каждая из нас думала о своем. Прошло немало времени, и я, ничего не говоря, поднялась с дивана, пошла на кухню и вернулась с двумя чашками черного кофе, тортом и бутылкой воды на подносе.

– Угощайтесь! – пригласила я ее. – Черный кофе успокаивает. Мне бы очень хотелось услышать ваш рассказ.

– Я не уйду, пока не расскажу вам всё, – ответила она, вытирая слезы. – Вы первая и, вероятно, последняя, перед которой я раскрываю свою душу.

У меня в жизни не было ни родных, ни друзей, тем более boy friends (парней). Первое слово, которое меня научили произносить, было не «мама», а «баба», значения которого я еще не понимала, но хорошо знала, к кому оно относилось. Это была немолодая украинская женщина, в доме которой я выросла. Больше там никого не было. Когда спустя несколько лет я спросила ее, почему у моих ровесников есть мама тоже, она мне ответила, что моя мама (ее дочь) умерла при родах.

– А отец? – продолжила я.

– Он погиб на фронте, – был ее короткий ответ.

– А братья и сестры?

– У тебя их никогда не было, – ответила она коротко.

Пока не пришло время пойти в школу, мы с ней были неразлучны. Она была всей моей жизнью.

Однажды, вернувшись из школы (я была в третьем или четвертом классе), застала дома двух незнакомых женщин, беседующих с моей бабой. Одну из них она представила мне, сказав:

– Познакомься, это твоя мать! Она приехала тебя забрать.

Даже не взглянув на нее, я бросилась к своей бабушке, крепко обняла и воскликнула:

– Я никуда от тебя не уеду! Не отдавай меня! Я тебя люблю!

Никакие уговоры не помогли, и женщины ушли только после того, как моя бабушка пообещала мне, что до моего совершеннолетия, если только раньше с ней ничего не произойдет, я останусь у нее, так как она тоже меня любит и без меня жить не сможет. «У меня никого на свете больше нет!» – произнесла она сквозь слезы.

Женщины, уходя, оставили свои адреса, а мы с бабой, еще долго обнимаясь и целуясь, обещали друг дружке никогда не расставаться.

И все-таки расстались. Ее смерть нас разлучила, когда мне было шестнадцать лет. Оставшись одна, я написала тем женщинам письмо, и они, опять вдвоем, забрали меня к себе. Так я попала к своей «маме», которая жила одна в Бессарабии, а вторая женщина, ее младшая сестра, поехала к своей семье в город Бельцы. Из уст своей «матери» я узнала второй вариант своего рождения. Оказалось, что я не украинка, а еврейка, и что моя «баба» – совершенно чужой мне человек.

Описанная вами «варфоломеевская ночь» в Косоуцком лесу осенью 1941 года и мое рождение полностью совпадают с рассказом моей «мамы», так что повторяться я не буду. То, что расскажу вам сейчас, это дополнение и продолжение вашего рассказа, которые, вне всякого сомнения, вас заинтересуют.

– Как я понимаю, – продолжила она, – семья моей «мамы» и мы со своей семьей оказались в Мэркулештах в один и тот же день. Она пересказала, как при «чистке» одна пожилая женщина отказалась отдать «комиссии» свой золотой медальон с фотографиями ее родителей, и мой отец заступился за ту старуху, в результате чего обоих застрелили. «Мать» осталась с шестимесячным младенцем на руках, младшей сестрой и родителями. Когда подали подводы, она уступила свое место своим немолодым родителям, а сама с ребенком и сестрой пошла пешком. В лесу, очевидно, они оказались рядом с вашей семьей. Она мне рассказала, что, как только фашист исчез, выбросив меня в кусты и застрелив мою маму, она передала своего ребенка младшей сестре, бросилась к кусту, подобрала меня и накормила своей грудью.

Утром, когда колонну опять погнали, женщина увидела мое окровавленное и изуродованное лицо и поняла, что я нуждаюсь в неотложной медицинской помощи. Оказавшись вблизи какого-то поселка уже на украинской стороне, она передала меня своей сестре и велела ей постараться оторваться от колонны и оставить меня возле какого-нибудь дома. Увидев женщину, стоящую на пороге своего дома, ее сестра передала меня этой женщине со словами:

– Спасите ее, пожалуйста: она родилась ночью в лесу. Я за ней вернусь, как только смогу.

– Как ее звать? – спросила женщина.

– У нее нет имени. Назовите, как хотите.

– Назову ее Олесья, – сказала женщина, – запомните!

Не догнав ту колонну, сестра «матери» примкнула к следующей, в результате сестры встретились только годы спустя и тут же поехали забирать меня.

Перед тем, как получить паспорт, «мать» меня спросила, хочу ли я восстановить свою национальность. Ни на секунду не задумавшись, я сказала: «Да!» В результате чего Олесья стала Любовью, фамилия – такая же, как у моей «матери», и в графе «национальность» – еврейка. Благодаря этому в 1971 году я вместе с «матерью» репатриировалась в Израиль, где мы с ней, живя в Тель-Авиве, давали частные уроки английского языка, которому она меня научила. Это значительно облегчило нашу абсорбцию. Всё было хорошо, пока смерть нас не разлучила. Оставшись одна на белом свете, не представляя себе, как дальше жить, а главное – зачем, я решила покончить с собой. Пока «мама» была жива, и в Бессарабии, и в Израиле она занималась всеми внешними делами, в то время как я, стесняясь своего облика, очень редко выходила на улицу и то всегда с ней. Из-за моего уродства там, где мы жили, сельские дети обзывали меня «жабой» – у меня было приплюснутое лицо и переломанный нос: по всей вероятности, когда немец выбросил меня в кусты, я ударила лицом о камни.

Так прошла моя молодость со всеми ее прелестями. Бальзаковский возраст остался далеко позади, а о любви и сексе я знала только по прочитанным романам. Моим единственным желанием было узнать о них хотя бы перед смертью. С этой целью у меня зародился план.

Я слушала ее исповедь затаив дыхание, ни разу не прервав ее и терпеливо ожидая, когда время от времени она прерывалась, чтобы запить глотком воды свою столь трагическую историю. Однако, ког-

да ее рассказ достиг кульминационной точки и длительность паузы удвоилась, поняв, как трудно ей продолжать, я сказала:

– Не обязательно продолжать! Вы меня убедили, и я готова принять ваше предположение за действительность. Я готова признать в вас ту самую крошку, свидетельницей рождения которой я была, если вам это нужно кому-то доказать.

– Спасибо, в этом нет никакой необходимости. Однако, с вашего разрешения, я буду продолжать, так как чувствую необходимость освободиться, наконец, от своего «груза» и счастлива, что в вашем лице нашла такого чуткого слушателя. Если я вас не переутомила своим рассказом, я готова продолжать.

– Продолжайте, пожалуйста. Вы меня сильно заинтриговали, – попросила я.

Глубоко вздохнув, она продолжила свой раздирающий мне душу рассказ.

– Прошло немало времени, пока я окончательно решила выполнить свой план. Я хотела воспользоваться самым веселым еврейским праздником – Пурим, когда все люди – от мала до велика в масках – позволяют себе всякие дурачества во время карнавала. Подобрал соответствующий моему плану костюм, парик и маску женщины-красавицы, я, предварительно выпив бокал шампанского, влилась в сумасбродную толпу, танцующую вдоль улицы Алленби в Тель-Авиве.

Не прошло и получаса, как передо мною предстал высокий, стройный мужчина в полумаске, но полураздетый, с полностью татуированной грудью, и, ничего не сказав, просто потащил меня за собой. Под звуки сопровождающего толпу духового оркестра, мы с ним танцевали до изнеможения и, оторвавшись от толпы, вскоре оказались в каком-то баре, а затем где-то в какой-то постели. Я шла за ним, ничего не спрашивая и ни в чем не отказывая, вплоть до секса (без всяких ограничений, кроме одного: маску ни в коем случае не снимать!). Это была безумная ночь!

Расстались мы только на следующее утро в аэропорту Бен-Гурион в Лоде. Оказалось, что прилетел он из Нью-Йорка за день до праздника лишь для того, чтобы отпраздновать Пурим в Израиле, участвуя в уличном карнавале. Прощаясь, он вручил мне свою визитку со словами:

– Я, убежденный холостяк, нашел в тебе ту самую женщину, о которой всю жизнь мечтал. Я готов жениться на тебе хоть завтра. Позвони и приезжай: будешь моей королевой.

Я потеряла дар речи и впервые в жизни, не снимая маску, поцеловала его в щеку.

– Не так! – сказал он. – Сними маску: я покажу тебе, что такое «поцелуй мачо».

– Не сейчас, – сказала я, – в Нью-Йорке.

Он прошел на посадку, послав мне воздушный поцелуй и крикнув на весь зал:

– Я люблю тебя! Приезжай!

Опьяненная счастьем, я, шатаясь, вышла на улицу. Маску я сняла тогда, когда самолет был в воздухе. Три дня спустя, с небольшим саквояжем, на крыльях счастья я уже летела навстречу своему многообещающему будущему.

К его особняку я подъехала на такси, представилась стоящему у ворот здоровенному мужчине, который, предварительно позвонив, широко распахнул передо мной высокие железные ворота и, тут же закрыв их за нами, пошел меня провожать. Позвонив у дверей дома, он ушел.

Несколько минут ожидания, пока ОН спустился ко мне, показались мне вечностью. Но когда двери, наконец, открылись, то тут же и захлопнулись перед моим лицом. «Спустившись на землю», со слезами на глазах, я побрела назад. Ворота были уже открыты и моментально закрылись, как только я оказалась на тротуаре.

Лишь тогда, очутившись на улице, я заметила, что наступила ночь, людей на улице не видно было, а проезжали только огромные легковые машины. Такси не было. «А ехать-то куда?» – вдруг подумала я. Ведь не только в Америке, но и во всем мире у меня не было ни одного близкого мне человека. Обливаясь слезами, я медленно шла неизвестно куда. Наконец на противоположной стороне улицы я заметила пустую скамейку. Сбрав последние силы, спустилась на проезжую часть и стала ее переходить, как вдруг... И всё!

Очнулась я в какой-то комнате, где помимо моей кровати и мужчины, сидящего в кресле, ничего и никого не было. В комнате царил мертвая тишина, и вдруг раздался голос: «Слава Богу!»

Оказалось, что до того момента я долгое время находилась в состоянии комы и что сидящий рядом мужчина – известный профессор – хирург-косметолог, занимающийся операциями лица. Клиника, в которую меня доставили, принадлежала ему, и он тот самый «шофер», что сбил меня при переходе улицы.

Предупредив дежурного, что это особый случай, которым он будет заниматься сам, без всякой посторонней помощи, и что ко мне без его разрешения никого пускать нельзя, он от моей постели не отходил.

Решив, что мое уродство – результат аварии, виновником которой, вне всякого сомнения, был он, мой ангел-спаситель поклялся сделать всё возможное и даже невозможное, чтобы у меня было красивое лицо. Вся трудность заключалась в том, что у меня не было при себе никаких документов (мой саквояж он то ли не заметил, то ли не захотел взять с собой). Придя в себя, я утверждала, что потеряла память и что абсолютно ничего не помню, даже собственное имя! Этот вопрос он легко решил, назвав меня Lucky (счастливая), но над лицом пришлось немало поработать. Я терпеливо перенесла несколько операций, пока он не сделал из меня красавицу-женщину, в которую влюбился и на которой вскоре женился. Он был вдовцом и воспитывал двух детей-подростков, которых я всей душой полюбила, чего они не могли не оценить. Теперь у нас с мужем четыре внука и внучки, и мы живем большой счастливой семьей. Недавно мы отпраздновали 30-летний юбилей нашей сказочной семейной жизни.

Время от времени я одна без всякого сопровождения «выскакиваю»: то на Украину, к могиле своей «бабушки», то в Израиль – к могиле своей «матери», которая меня спасла. А оттуда – в Иерусалим, к Стене Плача, где молюсь за душу своей родной матери и вашей матери, благодаря которым я появилась на свет и столь счастлива сейчас. Теперь я буду молиться за вас тоже, так как благодаря вам я хотя бы немного узнала о своей матери. Я бесконечно благодарна вам за то, что вы нашли в себе силы описать те страшные кошмары. Вы хорошая писательница и прекрасный слушатель. Не удивительно, что я смогла наконец освободиться от тяжелого груза, который всю жизнь носила. Открыв свою душу перед вами, я почувствовала, что мне стало легче дышать. Я ухожу от вас со спокойной совестью, зная, что вы меня не подведете: мой рассказ можно обнародовать, но не мое имя – я очень дорожу своим семейным счастьем и репутацией моей семьи. С этого момента, помимо них, вы для меня стали самым близким человеком.

Я спросила ее:

– Вы ничего не рассказали о своем сводном брате, которому в Косоуцком лесу тогда было шесть месяцев. Где он?

– Я видела его всего дважды, не считая похорон «матери». Он с детства мечтал стать моряком. В двенадцать лет поступил

в Ленинградское Нахимовское училище, по окончании которого его приняли в высшее военно-морское училище. Он всю жизнь проработал на флоте, разъезжая по всему миру. «Мать» редко получала письма от него, но ежемесячно он присылал американские доллары и открытки, она их берегла, как зеницу ока. На похороны он прилетел в военной форме (капитан второго ранга) и не уехал, пока не заказал ей дорогой памятник из черного мрамора с надписью «От любящего сына». Я для него была и осталась – никто!

Прощайте, дорогая, и да благословит вас Всевышний!

Когда вернулась Лена (моя компаньонка), увидев на журнальном столике мой позолоченный сервиз, она спросила:

– Кто это у вас был?

Не вдаваясь в подробности, я коротко ответила:

– Гость с того света!

А про себя подумала: «И моя гостя, и вся ее жизнь – доказательство того, что человек рождается для СЧАСТЬЯ и никому не дано право его убивать...»

Жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо так,
чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Н.Островский

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Красавицу планету и всё, что на ней,
Всевышний сотворил для нас с тобой – людей,
Чтоб всем этим наслаждаться и чудеса творить,
Учиться, трудиться, любить и детей на свет приводить,
Научив их «Десять заповедей» соблюдать,
Родителей своих любить и уважать,
А на старости лет из дома не выгонять,
Старикам, немощным и нуждающимся помогать,
Со всеми дружить и в мире жить,
Запомнив раз и навсегда:
Человек рождается для счастья,
И убивать его НЕЛЬЗЯ!

ЖОЗЕФИНА от «А» до «Я»



жозефина в 20 лет



жозефина в 90 лет

АВТОР О СЕБЕ

До начала войны я успела окончить шесть классов. После освобождения (1944 г.) окончила среднюю школу и филологический факультет Черновицкого университета (1951 г.) Отказавшись от аспирантуры, по моей просьбе была направлена в районный центр Берездов Хмельницкой области, где вместо трех лет я проработала шесть лет учительницей немецкого языка, директором вечерней школы и инспектором районо.

Вернувшись в Черновцы, с 1957 года и до репатриации в Израиль в 1973 году преподавала в средних школах немецкий язык, а на вечернем отделении университета – английский. Параллельно занималась переводами медицинской литературы при научной библиотеке мединститута.

В Израиле по окончании ульпана (курсы по изучению иврита) и девятимесячных курсов для иммигрантов-учителей английского языка, получив разрешение на преподавание, с 1974-го и по 2001 год преподавала в Реховотской гимназии ОРТа. Параллельно работала в технологической ешиве «Ахузат Яков» (Ган Явне) в гимназии и в колледже в качестве ведущего преподавателя. (מרכזת) В итоге педагогической деятельностью занималась ровно 50 лет.

К литературной деятельности приступила в возрасте 83 лет. С 2013 по 2021 год в свет вышли следующие публикации:

Книги

Трилогия «ЖИЗНЬ БЕЗ ПРИКРАС» (в 3 книгах):

Часть 1-я – «ИСПОВЕДЬ». Иерусалим, 2014, 285 стр., с илл.

Часть 2-я – «НА ВОЛНАХ ЖИЗНИ». Иерусалим, 2016, 185 стр., с илл.

Часть 3-я – «ЖИЗНЬ В ТЕНИ СМЕРТИ». Иерусалим, 2018, 159 стр., с илл.

Отдельные работы

1. «Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ РАССКАЗАЛА ЛЮДЯМ...» Книга «Помни!». Часть первая. Воспоминания о Холокосте бывших узников нацистских гетто и концлагерей. Реховот, 2013, с. 168-184, с илл.

2. МОЙ ПОГИБШИЙ РОДСТВЕННИК ФИШМАН ГЕРШ. Книга «Помни!». Часть вторая. Книга семейных воспоминаний об участниках Второй мировой войны (1939–1945). Реховот, 2016, с. 173, с илл.
3. НЕ СКАЗКА, А БЫЛЬ. Рассказ-победитель конкурса «Короткий рассказ», газета «Наш Реховот», 2013 год
4. «ДА, Я МОЛИЛАСЬ ЗА НЕМЦА». Большое интервью для глобального интернет-центра «Джуиш.ру», с илл., 24 авг. 2018 г. Читать здесь: jewish.ru/ru/interviews/articles/187120/
5. КОШМАРЫ НАЯВУ. Холокост глазами девочки-подростка. Рассказ. Литературно-художественный альманах «Римон», Реховот, 2019, № 10, с. 70-84, с илл.
6. КОШМАРЫ НАЯВУ. Холокост глазами девочки-подростка. Рассказ. Израильский журнал худож. литературы, публицистики и критики «Русское литературное эхо», Ашдод, 2019, № 46, с. 70-76, с илл.
7. ИЗ РАЯ В АД. Рассказ. Газ. «Мост» (тираж 30 тыс.), Кирьят-Гат, 2019, с илл.: 4 дек., № 1017, с. 18-20; 11 дек., № 1018, с. 18-19; 18 дек., № 1019, с. 18-19.
8. Подарочное издание журнала «Русское литературное эхо», полностью посвященное публикации произведений автора, в связи с 90-летним юбилеем и приемом в члены Союза писателей. Ашдод, дек. 2019, с илл.
Содержание:
рассказы – ИЗ РАЯ В АД, МОИ КУМИРЫ, МОЙ НАПОЛЕОН, ВСЁ О ПИКЕ, ИЛИ ЛЮБОВЬ БЕЗ СЕКСА,
интервью – «ДА, Я МОЛИЛАСЬ ЗА НЕМЦА»,
рассказы – МАЛИШКА, ЖАКЛИН, ЛЮБОВЬ НЕЗНАКОМКИ.
9. Публикации рассказов в журнале «Русское литературное эхо» (2019-2021 гг.): ЖОЗЕФИНА И НАПОЛЕОН, ЖАБА, РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА ИЗ ТРАНСНИСТРИИ и др.
10. ЖАБА. Рассказ. Газ. «Мост», Кирьят-Гат, 2020, с илл.: 9 дек., № 1070, с. 24-25; 16 дек., № 1071, с. 24-25.
11. Публикации мемуаров и рассказов в интернете:
кабинет автора на сайте Союза русскоязычных писателей Израиля – www.israel-russian-writers.com/profile/a7586f15-986a-43d8-808d-e702b890fee2/profile
авторская страница на сайте Всеизраильской ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто» – www.netzulim.org/Authors/Fishman-Dorman.html

ОБ АВТОРЕ И ЕЕ ТВОРЧЕСТВЕ

Фрагменты из отзывов читателей

Давид Школьник, филолог

Дорогая Жозефина! Я благодарен жизни за наше знакомство и творческое общение с 2011 года и по сей день. С радостью наблюдал за тем, как из небольшого, но важного по значению рассказа о судьбе Вашей семьи в годы Холокоста для коллективной книги воспоминаний о Шоа «Помни!» (2013 г.) – в Ваших чувствах, мыслях оформился индивидуальный замысел первой книги «Исповедь» – живой, полный силы росточек мемуарного творчества. Лейтмотивом «Исповеди» звучит проклятие нацизму, Холокосту, не только отнявшим у Вас самых дорогих людей, но и повлиявшим на всю дальнейшую жизнь.

На плодотворной почве Вашего умения рассказать людям о еврейской Катастрофе, о жизни и смерти, о любви Вы вырастили из ростка мощное древо в виде объемной трилогии «Жизнь без прикрас», в центре которой история семейных родов Дорман-Вагнер-Фишман.

Ваши книги – не только личная исповедь, но и семейная летопись, представляющая жизнь Вашей и многих других еврейских семей на широком, почти столетнем историческом фоне. Особенно ярки и зримы картины периода Второй мировой войны и Катастрофы европейских евреев. Ваши воспоминания изображают с горячей любовью еврейский мир и его людей, поэтому и мне они оказались близки и не забудутся.

В добрый час Вашей практической заботе о переводе на иврит своих свидетельств о Шоа. Их благодарными читателями станут наши внуки и правнуки, их дети и все, для которых иврит – родной язык.

Реховот, Израиль

Исаак Эдельштейн,
доктор геолого-минералогических наук,
профессор, академик ИНАРН

Передо мной нелегкая, но почетная задача – сказать несколько слов о книге необычайно талантливого человека – богатого и счастливого в детстве и прошедшего Ад – в юности. Упомянув Ад, я думаю, что не ошибусь, сказав, что Жозефину он, к сожалению, часто «навещал» и в течение остальной жизни.

Посвящая свою трилогию «Жизнь без прикрас» семье и друзьям, Жозефина мастерски представила на этом фоне свою личную жизнь действительно без прикрас – жизнь замечательного и необычайно щедрого человека. Ее примерная жизнь награждалась достойными родителями, прекрасным мужем, чудными друзьями (Рена, Сеня и др.). Заслуженные, достойные ответ и любовь она, к сожалению, получала не всегда, а нередко ее сопровождали горькие разочарования, однако, всё это не в силах сломать ее мужество, доброту, женскую привлекательность даже в преклонном возрасте. Мне, знавшему Жозефину со студенческих лет, эти ее достоинства очень хорошо знакомы.

Особое писательское мастерство и душевный героизм Жозефины показан в ее нередких жестоких сражениях с атакующими ее тяжелыми болезнями. Здесь она сумела своим обаянием и силой духа покорить не одного профессора медицины, сделавшими максимум для ее спасения. Меня лично поражает ее искренность и абсолютная правдивость в описаниях не только своих трогательных амурных историй, но и тяжелейших моментов в ее жизни на грани самоубийства. Это пример высочайшего творческого искусства, это настоящий Дар от Бога! На вопрос: «А смог бы я также открыто показать отдельные стороны личной жизни?» – я не решаюсь дать положительный ответ.

Великолепная трилогия Жозефины «Жизнь без прикрас» имеет не только большое литературное значение. Одно название произведения достойно великой похвалы! Трилогия, несомненно, составит частицу литературного сокровища бесценного материала по истории Холокоста и Алии.

28 лет тому назад я был счастлив встретить здесь в Израиле свою Жозефину – родственницу. Сейчас наблюдая с восторгом ее литературные успехи, мои ощущения обогатились, и я очень горжусь Жозефиной – талантливейшей писательницей, от которой читатели всегда будут ждать новых произведений.

Ашдод, Израиль

Алла Зельдина,
белорусская писательница, автор книг «Талисман»,
«Тело, или Мелодия любви» и др.

Книга произвела на меня глубокое впечатление. С ее страниц перед моим мысленным взором предстала умная, красивая, сильная, независимая женщина, на долю которой выпали радости и невзгоды, надежды и разочарования, счастливые события и горестные дни. Не каждому дано достойно противостоять суровым вызовам судьбы. Это удел мудрых и сильных. Но не меньшая отвага нужна для того, чтобы с такой подкупающей искренностью поделиться своими сокровенными воспоминаниями.

Минск, Белоруссия

Виктор Левицкий,
Конструктор и литератор

В мае 2019 года я познакомился с Жозефиной – человеком удивительной судьбы и ее творчеством. Повествуя о своей жизни, она столь деликатно касается некоторых интимных подробностей о себе, что я невольно сравнил это умение со способностью большого мастера отобразить на полотне или в камне женское тело. Оно вызывает не эротические чувства, а лишь восторг от совершенства и красоты увиденного, и душа испытывает при этом бесконечную благодарность автору за его творение. Ее рассказ «Дорога к счастью» я никак не мог дочитать, – слезы застилали мне глаза...

Реховот, Израиль

Людмила Тульчинская,
кандидат биологических наук

Название третьей книги «Жизнь в тени смерти» леденит душу. Но на знамени Жозефины – автора трилогии – девиз «Да здравствует Жизнь!». Моим верным, нежным, талантливым другом Жозефиной мне оказана большая честь – дать оценку ее трилогии «Исповедь», «На волнах жизни» и «Жизнь в тени смерти». Эту ее Сагу будут читать много поколений! Эта книга во все времена будет храниться

в нашем Храме Памяти «Яд Вашем». Я не литературный критик и не ставлю себе задачи цитировать и оценивать отдельные отрывки текста. Главная ценность этой книги, на мой взгляд, в другом. Она убеждает каждого, кто ее прочтет, что нет на земле более страшного и кровавого преступления против человечества, чем война.

Жозефина в своей замечательной книге погружает нас в ужасы своей личной, исковерканной фашистской войной судьбы, нечеловеческих испытаний и смерти ее любимой матери, погибшей в гетто. Страницы книги заставляют каждого ее читателя знать и верить, что война – это чудовищное действие людей Земли против самих себя, будущих поколений, против сохранения Жизни. Фашизм мечтал превратить в пепел весь наш еврейский народ. Но Жозефина, пребывая в аду нацизма, восстала, чтобы бороться с силами Тьмы и Ненависти. И, в итоге, она победила, выжила. Сегодня она посвящает свою жизнь служению людям и в любимом ею Израиле, и в других странах! Ее сердце – разбитое, окровавленное, больное – и сегодня, когда наш народ постоянно живет и сражается в огне войн, бьется для его спасения – спасения Жизни, Красоты, Радости, Победы над насилием и злом, победы Добра и Любви. Подобно Юлиусу Фучику, она в своей книге обращается ко всем людям Земли, не только к евреям: «Я любила, люблю и до последнего дыхания буду любить вас!»

Ашдод, 2018 г.

Юлия, филолог

Есть много книг, написанных на основе личных воспоминаний, но это художественные произведения, где быль сочетается с вымыслом, где многое исправлено и приукрашено по воле автора. То, что написано здесь, не только хронологически точно, но и настолько откровенно, что эту книгу иначе, как «Исповедь», назвать было нельзя. Я восхищаюсь этой женщиной, Это стойк, которая прошла семь кругов ада и не сломалась, а вышла победительницей, прожила жизнь с достоинством, всегда оставаясь на высоте. Это не только повествование о ней самой, это целая эпоха в жизни огромного количества людей. Я плакала и улыбалась, восхищалась и преклонялась перед женщиной, которая живет среди нас и сейчас помогает и поддерживает многих. Спасибо ей за эту книгу.

Реховот, Израиль

УСТАМИ МУЖА, «ФАВОРИТОВ» И СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Любить – так любить.

А. Розенбаум

Я не писатель и не поэт.
Сочинять стихи я не умею,
Но признаться я могу –
Люблю, люблю, люблю...

Твой Наполеон – Толя

Черновцы. 1968

* * *

И будет так... И память потускнеет,
Как плохо отшлифованный металл.
И листопад пройдет по той аллее,
Где я весной тебе стихи читал.
Где тишину прозрачной майской ночи
Не нарушали даже соловьи.
Где ты смеялась, закрывая очи,
И отдавала губы мне свои.
И не сотрут ни годы, ни тревоги,
Ни острота надуманной вражды,
Ни дней поток, размеренный и строгий,
И поцелуев терпкие следы.

Семен Вортман

Черновцы. 1951

* * *

Жозефина, любовь моя!
Ты единственная,
Кого по-настоящему
Любил я и, как зеницу ока,
Берег тебя.

Но ты была права
Недостоин я тебя.
Если можешь – прости
И от меня не уходи!
Жизнь без тебя
Не представляю себе я.

Семен (Сеня) Нугер

Черновцы. 1951

О Жозефина, Жозефина!
Знала бы ты, как люблю тебя я!
Как трудно жить мне без тебя!
Как по ночам, тоскуя, я шепчу:
«Ночь, уйди!
Пусть рассвет скорее придет,
Новый день мое счастье несет...»

Илюша Ойхман

Черновцы. 1959

* * *

Ты – любовь моей юности!
Ты – страсть моей старости!
Ты – мое позднее счастье!
Ты – вся моя жизнь!

До последнего дыхания любящий тебя
ЯН Дорфман

Реховот. 16 декабря 2017 г.

* * *

До фени выборы на Украине,
Мы гимн поем сегодня Жозефине!

Грудь вперед, расправить спины:
У нас сегодня именины
У самой «императрицы» Жозефины.

Столкнулись мы у входа в дом –
Карлуша, Сеня, я и Он.
Все мы наряжены «а-ля Наполеон».

Бухарест, конечно, не Оргеев,
Но и там было немало евреев.
Там сначала родилась Дорина,
А вслед за ней – и Жозефина.
Родившись в ханукальный день,
Она собой затмила тень.

Судьба свела нас в университете,
Хотя учились не на одном факультете.
Нас было много, а она – одна:
Любимая, но недоступная
Не только для меня!

Мы встретились опять
Лишь полвека спустя:
Миля, Миша, Ян и я.
А были эти именины
У нашей любимой Жозефины.

Годы прошли, и снова именины,
И все мы снова вместе собрались.
И есть, что есть, и есть, что пить,
А поэтому, ребята, будем долго жить,
Коль к Жозефине часто приходиться.

Так вот, мои друзья,
К Богу обращаюсь я:
«Дай Жозефине много лет и сил,
Дабы не остыл к нам ее пыл.
И чтобы наша дружба – навсегда!
И чтоб мы были «не разлей вода»!

А Жозефине я скажу:
«Императрица или нет,
Чтоб ты жила 120 лет!
Для нас ты, Жози, яркий свет!»

Ефим Фердман

Кирият-Ям – Реховот. 16 декабря 2002 г.

* * *

А мы по-прежнему
Все любим Жозефину
И потому поем ей этот гимн.
И называем это именины,
И ей желаем – МЭА ВЭ-ЭСРИМ!

* * *

Гостеприимна, хлебосольна,
Ты для друзей так сердобольна!
Ты так нежна и так невинна,
Ты свет в окошке – ЖОЗЕФИНА!

* * *

Ты нам нужна,
Как синагоге кантор,
Как «Смехопанораме» Петросян,
Как кислород, которым дышит Ян.
Для нас, «Наполеонов»,
Ты – женщина-ИДЕАЛ!

Любящие тебя
Фима Фердман и друзья
Реховот, 2009



*Я с друзьями на встрече выпускников. Ашдод, 2003 г.
Ян Дорфман (вверху), Ефим Фердман (внизу)*

СЮРПРИЗЫ РОДНЫХ И НОВЫХ ДРУЗЕЙ

К 90-летию автора

У каждого человека, естественно, есть один день рождения согласно документу.

Родилась я (т. е. день моего появления на свет) 16 декабря 1929 года. До войны он был у меня единственный, и ежегодно праздновался. Оставшись без документов в Мэркулештах и лишившись не только имен, но и каких-либо данных о себе, для всего мира мы перестали существовать.

На основании полученного из румынской комендатуры пропуска о выходе из гетто на работу (по протекции спасшего меня немецкого офицера), моим вторым днем рождения по сей день считается 16 декабря 1927 года.

Что касается меня, то днем своего рождения я считаю день моего возрождения — день освобождения гетто.



Моя «коронация»

Вот почему большим сюрпризом оказалось не согласованное со мной двойное празднование моего 90-летнего юбилея. 16 декабря 2017 года без всякого предупреждения за мной приехала моя племянница Таня и пригласила меня в гости к своей дочери Иланит. Каково было мое удивление, когда я увидела за большим праздничным столом всю семью: своих племянников Карла и Таню с супругами, детьми и внуками (это всё, что у меня осталось от моей любимой сестры). Оказалось, что я приехала на собственный юбилей, где меня короновали, объявив «королевой-матерью» семьи. Следующим сюрпризом был сделанный Таней музыкальный фильм обо мне и нашей семье.

Каково было мое удивление, когда в тот же день два года спустя (в 2019 году) вдруг пришла Аида Злотникова и, поздоровавшись, сказала: «Извините, я сначала сделаю один звонок». И вдруг я услышала:

«Доброе утро, Алона! Доброе утро, дорогие радиослушатели! Я веду сегодня свой репортаж из квартиры необыкновенного человека, с которым хочу вас познакомиться. Сегодня преподавательнице английского языка в школах, гимназиях, колледжах и университете на Украине и в Израиле, писательнице Жозефине Фишман-Дорман исполнилось 90 лет».

Больше я слушать не могла, включив звукозапись текста, я незаметно ушла в спальню к себе и прилегла.

Уходя, Аида сказала: «Хватит лежать, вставайте, одевайтесь! Я вас жду в нашем кафе!»

Деваться было некуда, переборов все чувства, я с Леной в кафе все-таки пошла.

Встретив меня, Аида пригласила в отдельный зал кафе, где за празднично накрытым столом, с цветами, и шарами, и шампанским ждали меня мои новые друзья.

Они появились в моей жизни благодаря публикации моей документальной повести «Кошмары наяву» (Глазами девочки-подростка). Не успела я опомниться, как раздался телефонный звонок... из Вашингтона, откуда мой бывший ученик Арик Дашевский (ныне американский фотокорреспондент) поздравил меня с днем рождения. Раздались аплодисменты, вслед за которыми начались сюрпризы друзей.



Я с полученным журналом



Я с Аидой Злотниковой



Выступает Ася Тепловодская



Выступает Виктор Левицкий



Выступает Марк Гинзбург



Я с Леной

Первой выступила Ася Тепловодская, член правления Союза русскоязычных писателей Израиля и главный редактор журнала «Русское литературное эхо», которая раздала присутствующим праздничный выпуск журнала, посвященный моему ЮБИЛЕЮ. А мне вместе с поздравлением вручила членский билет Союза русскоязычных писателей Израиля.

За этим последовали личные поздравления присутствующих. Слово взяли мои старые друзья Давид Школьник, Рена Иватаров и Леночка – «тень» моя.

Вместо ответного выступления я поблагодарила присутствующих, сказав:

– Я прошу меня извинить, мне полагается что-то сказать, но я так растрогана, что, кроме «Спасибо от всей души!», добавить что-либо больше не могу. Продолжение следует у меня дома, приглашаю всех вас на чашку кофе.

Ровно в пять часов раздался звонок – пришли все мои друзья.

И... опять сюрпризы. Виктор Левицкий появился не только с красавицей-женой, но также со своей «Гитарой любви» (виолончелью), и спустя несколько минут превратил салон юбиляра в концертный зал.



У меня дома

После аплодисментов еще один сюрприз: заранее порывшись в архиве юбиляра, Аида объявила: «Мой подарок, я хочу вам всем прочесть вслух». Затаив дыхание «публика» вдруг услышала посвященные юбиляру стихи, написанные в разные времена.

А Марк Гинзбург прочитал посвященное юбиляру стихотворение «Друзья». За ним Аида прочла специально написанные к этому дню и присланные по почте из города Нешер (Израиль) стихи поэта Геннадия Сивака.

Прелестная, милая, мудрая,
В глазах светится доброта.
Вела порой дорога трудная,
Не раз – всё с чистого листа...

Благословенье Божье от рождения,
Поверьте, что не каждому дано.
Чудесные виденья и спасенья,
Сценарий настоящего кино...

Воистину, конечно же, счастливая,
В любви и уважении людей,
И гордая, открытая, правдивая,
И не найти дороже и добрей.

Талант велик, достоин восхищения,
Восторженные отзывы звучат.
А для нее прекрасные мгновения,
Как самый настоящий звездопад.

Сегодня с юбилеем поздравляя,
Вам посвящаю я стихи.
Родная наша, женщина святая –
Желаем до ста двадцати!

В заключение празднования юбиляру был вручен еще один сюрприз – трогательное поздравление с 90-летием от литературных организаций, опубликованное в газете «Мост».



Мне сегодня 90!



Давид Школьник у меня



С друзьями за столом

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

МОИ ДРУЗЬЯ – МОЕ БОГАТСТВО

Мои родители – мои кумиры.
Моя семья – гордость моя.
Мое богатство – мои друзья,
Вот их имена:
Давид Школьник и Реночка моя,
Мои вдохновители и «глаза».
Московская журналистка Елена Сергеева,
В своем интервью
«Форточку» не только в Европу
Открыла мне она.
Леночка – «метапелет» моя,
В руках которой жизнь моя.
Редакторы Ася Тепловодская и Аида Злотникова,
Которые в своих журналах прославили меня.
В результате – на старости лет
Появились у меня новые друзья:
Виктор Левицкий и Гинзбург Марк,
Известный поэт Геннадий Сивак,
Их жены-«музы»: Людмила, Мифа и Эммочка,
и две милые женщины-ученые
Майя Кишиневская и Аня Гладкая,
а также мой самый новый друг
«банкир» Григорий Барский.
Все они – большой подарок для меня.
Спасибо тебе за них, Судьба!

Я оказалась не только свидетельницей, но в какой-то мере даже участницей вековой истории. Вот почему я позволяю себе подвести некоторые итоги прошлого века.

Двадцатый век вошел в историю не только как век Эйнштейна, полетов человека в космос, и немалых открытий, направленных на благо человечества. Но и наряду с двумя мировыми войнами, неудачной попыткой построения рая на земле – коммунизма – и страшнейшим в истории человечества Холокостом, – это век возвращения нашего многострадального еврейского народа (после двух тысяч лет скитаний по всему свету) на свою историческую Родину, столица которой, как и прежде, Иерусалим.

Несмотря на всё пережитое, свое появление на свет именно в этот период я считаю самым ценным подарком судьбы, так как я оказалась в числе тех счастливиц, которым не только удалось пережить Катастрофу, но и получить возможность вернуться на свою родину, прожив здесь вторую половину жизни и внести свою скромную лепту в обучение и воспитание молодого поколения и сверх всего этого удостоиться чести быть похороненной (рядом со своим дорогим супругом) на нашей Святой земле, которую я всей душой любила.

Когда бы это не случилось, я покину этот прекрасный мир не без сожаления, но без угрызений совести и с чувством благодарности всем тем, которые так или иначе содействовали мне и украшали мое пребывание на земле.

* * *

Начало двадцать первого века ничего хорошего не предвещает. Это – естественное продолжение Катастрофы, которое можно было ожидать. Человек появляется на землю не только для того, чтобы наслаждаться творением Всевышнего, но и для того, чтобы умом и трудом усовершенствовать его на благо будущих поколений.

Всё было бы хорошо, если бы не человеческая зависть и жадность, которые приводят к ненависти друг другу, антисемитизму, фашизму и войнам.

Не случайно было появление посланца дьявола на Землю в облике безумного Гитлера. Не знаю, найдут ли когда-нибудь место его захоронения, но уверена в том, что душа его полетела туда, откуда он пришел, – в ад.

Я – неверующий человек, но верю в силу ума и добра. А «Десять заповедей» с раннего детства я не только запомнила, но и на протяжении всей своей жизни ими руководствуюсь. Спасибо моим родителям, которые этому научили меня.

Настала пора человечеству остановиться, оглянуться и пересмотреть свое поведение на земле. По-моему, для того и появился коронавирус, чтобы человек задумался, покался и наметил новый жизненный путь.

Всё в наших руках!

В дружбе, любви друг к другу и сообща мы можем Землю в рай превратить для всех и навсегда.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Всё, что знала я, ученикам передала.
Всё, что приобрела, я людям раздала,
Так как детей не имела я.
Виновата в этом та самая война.
Будь проклята она!

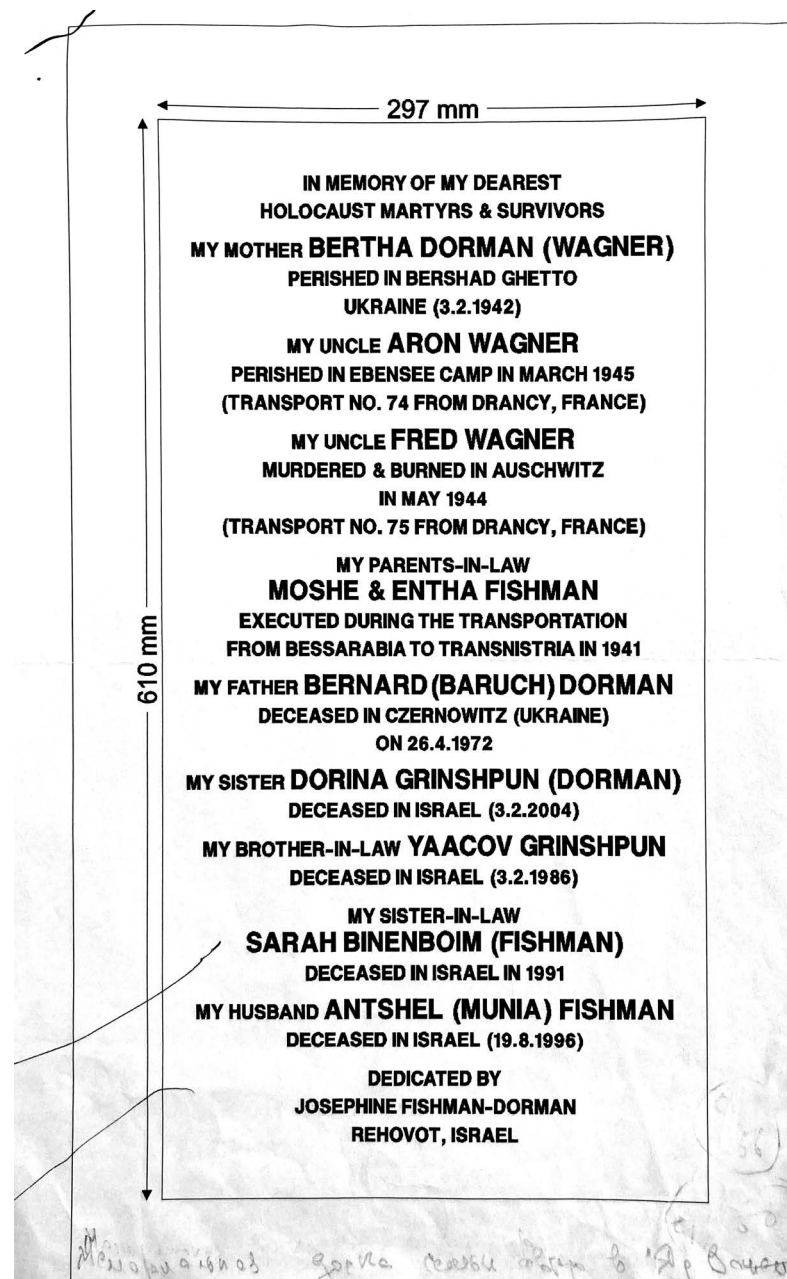
Но памятник воздвигла не себе,
А дорогой моей семье,
Надеясь, что никогда
Не зарастет к нему тропа.
Прощаясь с Вами, дорогие друзья,
У меня просьба к Вам одна:
Молитесь за тех,
У кого ни семьи, ни гроба нет.
Это большая мицва¹,
И да воздастся Вам она!
А от меня тода раба!²

1 Мицва́ (ивр. מצווה) – добрые дела.

2 Тода раба (ивр. תודה רבה) – большое спасибо



Центральная стена Пещеры памяти



Мемориальная доска членам нашей семьи – жертвам Холокоста

ПРИЛОЖЕНИЯ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ «ЯД ВАШЕМ»

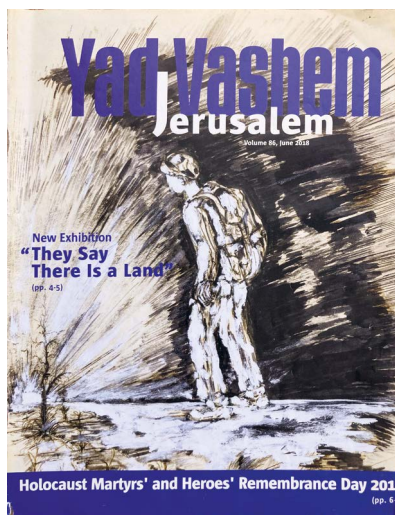
В 2017 г. «Яд Вашем» посетили более 925 тысяч человек.

Сайт музея в интернете посетили более 18 миллионов человек из 220 стран.

На сайте «Яд Вашем» на youtube появились более чем 15 миллионов 200 тысяч видео-передач на разных языках: арабском, английском, персидском, французском, иврите, русском и испанском.

На сегодняшний день в распоряжении «Яд Вашем» имеется около 3 миллионов страниц фамильных документов, связанных с Катастрофой.

Библиотека «Яд Вашем» насчитывает более 167 тысяч названий на 60 языках и более 8750 фильмов.



«ЯД ВАШЕМ», МОЯ СЕМЬЯ И Я

С первых дней нашего пребывания в Израиле семья мужа «обрадовала» нас, сказав, что Толе положена компенсация из Германии. (О том, что я тоже «провела» свою юность в гетто, никто не знал).

Прервав разговор, Толя тут же сказал: «За своих убитых родителей и пережитое мной во время войны никто и никакими деньгами расплатиться не сможет! Я ни копейки у них не возьму!»

Он произнес это так категорически, что никто не стал ему возражать. Что касается меня, то я была с ним согласна, а потому тоже молчала.

На протяжении более десяти лет я бесплатно заполняла незнакомым мне людям анкеты на получение компенсации из Германии, а Толя при необходимости подтверждал их пребывание в гетто Балки, никого не отговаривая.

Лишь за несколько лет до его смерти, узнав о том, что в Израиле существует мемориал «Яд Вашем» в Иерусалиме, я призналась Толе: «Я тоже была в гетто. А моя мама там, не выдержав мук, скончалась. Я долгое время от всех, включая тебя, это скрывала, извини». Но сейчас я изменила свое мнение. Я тоже потребую положенное мне, но не для себя, а для фонда Мемориала «Яд Вашем» и для нуждающихся бывших узников гетто и лагерей смерти. Более того, я думаю, что ты тоже должен так поступить. Но я не настаиваю – подумай хорошо, я приму любое твое решение!»

Ничего не сказав, он подошел ко мне, поцеловал в лоб и сказал: – Ты, как всегда, права! Закажи анкеты!

Прошло немного времени, и мы стали получать не только компенсацию из Германии раз в три месяца, но и ретроактивно значительную сумму. К этим деньгам мы не притрагивались даже тогда, когда очень нуждались.

Эти деньги мы тут же раздавали всем, кто к нам обращался за помощью, включая солдат Армии обороны Израиля и организацию «Яд Сара». После смерти Толи я стала перечислять значительную сумму в фонд Мемориала «Яд Вашем».

В результате наши с мужем имена увековечены на Доске Почета спонсоров в «Яд Вашем».

Узнав о том, что я начала писать книгу «Исповедь», ко мне обратились сотрудники Института исследований Катастрофы «Яд Вашем» с просьбой переслать им рукопись книги не только для библиотеки, но и для хранения в архиве музея.

В настоящее время у них находятся все мои публикации и еще две книги-подарки автору.

В знак благодарности за переданные мной материалы я получила из «Яд Вашем» неоценимые для меня копии документов, касающиеся биографических сведений о двух маминых братьях.

ИЗ АРХИВА «ЯД ВАШЕМ» (сокращенный перевод автора)

Данные из журналов концлагеря Дранси (Франция) и лагеря смерти Освенцим (Польша), касающиеся судеб двух маминых братьев, проживавших в Париже до начала оккупации Франции фашистской Германией.

ВАГНЕР АРОН, уроженец г. Калараш (Румыния), родился 23.04.1895 года. Зарегистрирован в пересыльном лагере Дранси под номером 4960. Оттуда 20.05.1944 года конвоем 74 был депортирован в Освенцим, где ему вместо имени присвоили номер 22215.

ВАГНЕР ФРЕД, уроженец г. Калараш (Румыния), родился 05.07.1902 года. Зарегистрирован в пересыльном лагере Дранси под номером 4529. Оттуда 30.05.1944 года конвоем 75 был депортирован в Освенцим (номер 22786).

Их имена увековечены на СТЕНЕ ИМЕН в «Яд Вашем».

Конвой 74 прибыл в Освенцим 3 мая 1944 года. В его составе было 1.200 человек (мужчин, женщин и детей до 18 лет). После селекции в Освенциме были оставлены 656 человек, которым вместо имен были присвоены номера от А-5529 до А-5716.

В 1945 году из этого конвоя в живых осталось 117 женщин и 49 мужчин.

Конвой 75, отправленный из лагеря Дранси 30.05.1944 года, прибыл в Освенцим 02.06.1944 года. В его составе было 1.108 человек (мужчин, женщин и детей до 18 лет.) Из них 624 человека были сразу отправлены в газовые камеры. Остальные вместо имен получили номера от А-11841 до 12079 (мужчины). Женщинам были присвоены номера от А-7065 до А-7198.

Из них в 1945 году в живых осталось 99 человек, в числе которых было 64 женщины.

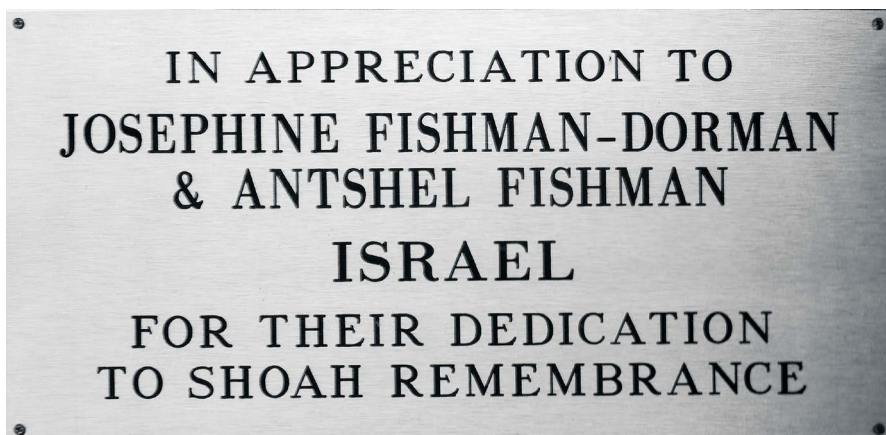
На страницах 567 и 573 КНИГИ ИМЕН в списке прибывших из лагеря Дранси в Освенцим конvoями 74 и 75 фигурируют имена моих двух дядей:

ВАГНЕР АРОН
ВАГНЕР ФРЕД

Светлая им память!



Доска Почета спонсоров Яд Вашем



Фрагмент Доски Почета

Страницы 567 и 573 из КНИГИ ИМЕН

со списком прибывших из лагеря Дранси в Аушвиц конвоями 74 и 75, в числе которых фигурируют имена моих двух дядей:

**ВАГНЕР АРОН и
ВАГНЕР ФРЕД.**

Светлая им память!

VALENSI	EDMA	13.06.86
VERON	MATHILDE	18.10.09
VIGASSIN	BERTHE	25.02.03
VIGASSIN	EMMA	16.06.76
VIGASSIN	MARCELLE	11.02.09
VILLAMELE	GERMAINE	07.02.20
WAGENHEIM	MEYER	13.05.69
WAGMANN	HENRI	31.10.28
✓ WAGNER	ARON	23.04.95
WAHL	BERTHE	23.05.49
WAHL	CLAIRE	11.02.24
WAJNBERG	FAJWEL	15.12.90
WAJNGARTEN	ESTER	09.03.04
WAJNGARTEN	JOSEPH	01.09.36
WAJNGARTEN	LIPIA	27.06.42
WAJNSZTEJN	ALBERT	13.10.38
WAJNSZTEJN	SARAH	11.02.07
WALFER	SIGISMOND	04.02.81
WALLIGORA	SUZANNE	27.03.27
WAYNAPEL	MADELEINE	29.06.09
WEIL	ALICE	02.04.06
VIDAL	MARGUERITE	20.05.07
VINTOURERO	SABI	28.04.22
VOGELHUT	THERESE	31.08.86
✓ WAGNER	FRED	05.07.02
WAHL	ADOLPHE	21.11.00
WAJNBERG	RUBIN	30.03.08
WAJCHMAN	HENRIETTE	25.12.28
WASERSZTRUM	ARON	08.03.09
WEIL	ADOLPHE	24.06.79
WEIL	CAROLINE	09.02.80
WEIL	DANIELE	23.05.42
WEIL	JULIE	20.03.78
WEIL	OLGA	05.10.21
WEIL	PAULA	26.12.03
WEIL	ROBERT	22.07.12
WEIL	RUTH	28.05.39
WEIL	TELKA	05.08.81
WEIL-KANDER	MATHILDE	08.01.79
WEILL	ALICE	03.08.93

В одном эшелоне с моим дядей (конвой 75) находился известный поэт Бенжамен Фондан, стихотворение которого я получила в подарок из архива «Яд Вашем» и сделала его свободный перевод с английского языка.

СТИХОТВОРЕНИЕ БЕНЖАМЕНА ФОНДАНА

Я обращаюсь к тебе,
Человек по ту сторону океана,
Своим еле слышным голосом
(Это всё, что от меня осталось),
чтобы высказать тебе свое «НЕТ!»

* * *

Я не такой, как ты: я теперь не человек.
У тебя есть имя, а у меня его нет.
Меня, как и миллионов других,
Лишив документов, зовут просто «ж и д»!
У тебя есть лицо, у меня его нет:
После операции вместо лица у меня плеватьельница.
Тебя не обвиняли в том, в чем ты не виноват:
Что ты родился и ты еще жив!
Тебя из собственного дома не изгоняли и
По чужим дорогам, как скот, не гнали.
Твоя жена в болоте не родила
И твоих детей в реке не топили,
Как топят в воде новорожденных котят.

Все это произошло после того,
Когда, лишившись документов,
Я стал «никто»!
А родился я, как и ты, ЧЕЛОВЕКОМ!

Настанет день, и в этом нет сомнения...
Прости, я больше продолжать не могу,
Мой глас бывшего поэта, глашатая и чтеца иссяк...

Об авторе стихотворения.

Бенжамен Фондан (родился 15 ноября 1898 года в городе Яссы, Румыния – погиб в газовой камере 2 октября 1944 года в нацистском лагере смерти Освенцим). Настоящее имя – Бенъямин Векслер. Румынский и французский поэт, драматург, критик и философ.

Оставил после себя написанное на французском языке поэтическое завещание под названием «Sur les rivières de Babylone», в котором описал издевательства, преследования и истребление своего народа.



Одежда, оставшаяся от вошедших в газовые камеры

ИЗ АРХИВА АВТОРА

БЛАГОДАРНОСТИ АВТОРУ

YAD VASHEM  יד ושם

The Holocaust Martyrs' and Heroes' Remembrance Authority רשות הזיכרון לשואה ולגבורה

ירושלים י"א שבט תשס"ט
05 פברואר 2009

לכבוד
גב' זופינה פישמן
יעבץ 4/3
רחובות 76252

גב' פישמן הנכבדה,

בשם נשיא חוג ידידי יד ושם בישראל - מר דוד עזריאלי ובשם יו"ר הנהלת יד ושם - מר אבנר שלו, אני מבקש להודות לך מקרב לב על תרומתך הנדיבה ליד ושם.

שבעים שנה לאחר פרוץ מלחמת העולם השנייה, אנו עומדים בפני שאלות נוקבות - מה יהיה גורלו של זיכרון השואה בקרב בני הדור הרביעי, יהודים ולא יהודים? מה יהיה מקומו של הזיכרון הזה בתרבות האנושית באלף השלישי? האם הוא יתקשר לזהות העצמית של הצעירים במאה העשרים ואחת ולרצף התרבותי שבתוכו הם חיים, פועלים ויוצרים?

שאלות יסוד אלה עומדות לנגד עינינו בהיערכותנו לקראת האתגרים של המילניום החדש. על מנת להבטיח את יכולתנו להתמודד עם האתגרים הללו מוסיף יד ושם לפעול ללא ליאות להרחבת מאגרי המידע הגדולים בעולם אודות השואה ולשימורם, ומוביל את מפעלי החינוך, המחקר והתיעוד תוך שימוש באמצעים טכנולוגיים מתקדמים.

הוקרתו היא לך שבתרומתך הנך מאפשרת לנו לעמוד במשימת שימור הזיכרון המוטלת על כתפיו.

עומד לרשותך בכל דבר ועניין.

בהוקרה,

יניב אורן
מנהל
אגודת נאמני יד ושם בישראל
טלפונים: 02-6443417/8
פקס: 02-6443419
E-mail: israel.society@yadvashem.org.il

לוט:
קבלה מס' 482

ת.ד. 3477, ירושלים 91034, טל. 02-6443400 פקס: 02-6443443 02-6443443 JERUSALEM 91034, P.O.B. 3477
www.yadvashem.org

Фотокопия письма директора Яд Вашем от 2009 г.

ירושלים, כ"ז ניסן תשע"ט
2 במאי 2019
יום הזיכרון לשואה ולגבורה

לכבוד
גב' ז'לפין דורמן-פישמן
רח' יעבץ 4 דירה 3
רחובות 7625206

לז'לפין היקרה שלום רב,

אני מתכבד לצרף לעיוןך דו"ח שנתי ל-2018 ובו סיכום של עיקרי פעילותו של יד ושם במהלך שנת העבודה החולפת.

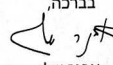
במהלך 2018 העמיק יד ושם את התמודדותו הרחבה, המגוונת והאפקטיבית ברחבי הארץ והעולם, מול שורה של אתגרים מהותיים בתחומי התיעוד, המחקר, ההוראה וההנצחה של השואה. התהודה החיונית הנוצרת בזכות עשייתנו למען הנצחת זיכרון השואה מורגשת בעשרות מדינות.

בימים אלו אנו חולקים את תמצית פרטי עשייתנו עם שותפינו לדרך, באמצעות דו"ח זה. העיון בו יחשוף שורה ארוכה ומגוונת של יחזמות חינוכיות, איתורם וקליטתם של היקפים עצומים של תיעוד אוטנטי, מחקר היסטורי פורץ דרך, וערוצי הנגשה מתקדמים. לפעולות הללו תרומה ניכרת למען שימור זיכרון השואה, חיזוקם של מדינת ישראל והעם היהודי וההגנה על ערכים בסיסיים של החברה האנושית אשר נרמסו במהלך השואה.

בתקופה שבה מעוצבת המודעות ההיסטורית של דור חדש, בישראל ובקרב אומות העולם, כלפי השואה ומשמעותיה, ומול גילויי אנטישמיות במקומות רבים, נדעת חשיבות יתרה לפעולתו של יד ושם.

אנו סבורים כי פעילותנו, כפי שמשתקפת בדו"ח, ראויה לשמש מקור להשראה ועידוד עבור ידידנו, המחויבים להגשמת חזונו של יד ושם: *לזכור את העבר ולהבטיח את העתיד.*

על מעורבותך ועל תמיכתך - אני מודה מקרב לב.

בברכה,

אבנר של
יו"ר הנהלת יד ושם

ת"ד 3477 ירושלים 9103401, ישראל
טל 02-6443443 | פקס 02-6443400
WWW.YADVASHEM.ORG



זוכרים את העבר, מבטיחים את העתיד

Фотокопия письма Президента Яд Вашем от 2019 г.

FRIENDS OF YAD VASHEM IN ISRAEL

Jerusalem, 12 November, 2020

Mrs. Josephine Fishman-Dorman
4 Yaavez St. Apt. No. 3
Rehovot 7625206

Dear Mrs. Fishman-Dorman,

I hope this letter finds you well.

On behalf of the Yad Vashem Directorate, I wish to extend to you our deepest appreciation of your generous donation to Yad Vashem. Especially during these turbulent times your donation will enable Yad Vashem to continue its work to commemorate the memory of the Holocaust and to impart this memory to the Israeli public and the world at large.

With the passing of time, the memory and the lessons of the Holocaust are dimming and Yad Vashem feels it has a duty to do its utmost to preserve the memory of the Holocaust and to disseminate its universal significance. Thank you for taking part in this effort.

You have become a member of the wider Yad Vashem family with your willingness and kindness to support Yad Vashem. We are encouraged by your friendship and strengthened with the knowledge that supporters like you ensure that Shoah commemoration will not fade among the next generations.

Your support is particularly crucial and appreciated during these challenging times, helping to ensure Yad Vashem's place as the world leader of Holocaust remembrance. Amidst this global pandemic, which has had far-reaching and unanticipated effects on so many, the steadfast partnership of friends worldwide strengthens our resolve to continue Yad Vashem's important mission today more than ever.

I am enclosing a receipt for your generous donation of **1000 €**.

I wish you good health, happiness and wellbeing.


Yaniv Oren
Director
Friends of Yad Vashem In Israel

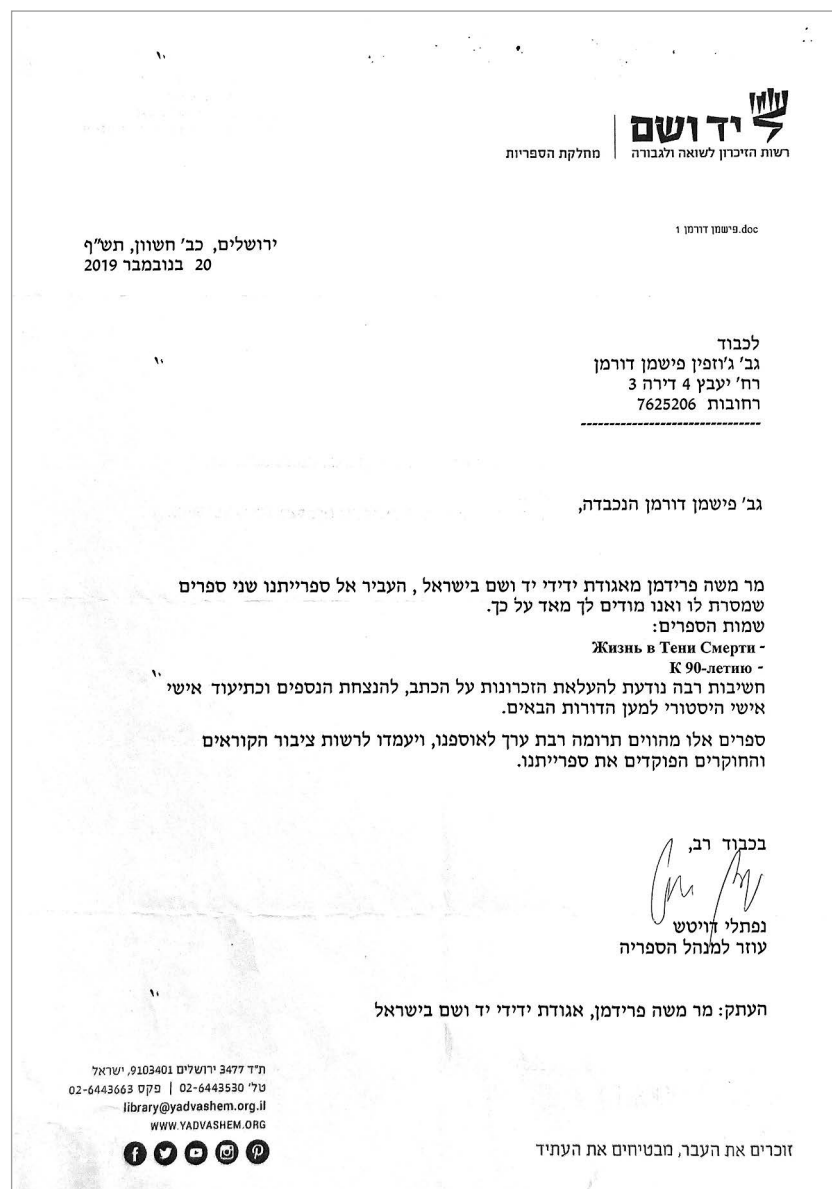
Cc:
Mr. Moshe Friedman - Friends of Yad Vashem in Israel

P.O.B. 3477 Jerusalem 9103401, Israel
Tel +972-2-644-3417/8 | Fax +972-2-644-3419
israel.society@yadvashem.org.il
WWW.YADVASHEM.ORG



Remembering the Past, Shaping the Future

Фотокопия письма директора Яд Вашем от 2020 г.



Фотокопия письма заместителя директора
библиотеки Яд Вашем от 2019 г.



Грамота Министерства образования
и просвещения Израиля от 1991 г.



БЛАГОДАРНОСТИ АВТОРА

Автор выражает свою искреннюю благодарность всем вышеуказанным лицам и учреждениям и Союзу русскоязычных писателей Израиля за оказанную высокую честь, а также своим друзьям: Давиду Школьнику, Рене Иватаров, Аиде Злотниковой и Асе Тепловодской за техническую помощь и моральную поддержку. Свою благодарность автор выражает также своим читателям, отзывы которых послужили стимулом для продолжения литературной деятельности.

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Низкий поклон и благодарность
Я приношу тебе, судьба моя!
За то, что в такой семье родилась я,
Что, будучи плодом любви,
В любви купалась я,
Что, как зеницу ока,
Ты меня берегла,
Из всех бед вытаскивала меня.
За все подарки,
Которые ты мне преподнесла,
Помимо семьи и друзей,
Множество добрых людей.
За верного друга и покровителя
Наталью Федоровну Чубинец,
За незнакомаго немца,
Благодаря которому я еще жива!
Спасибо тебе,
Всемогущая СУДЬБА,
За всех их и еще многих других
И за то, что под твоими крыльями
Вся моя жизнь прошла.



медали от Президента России

**ПРОЩАЛЬНОЕ ТУРНЕ
ПО ДОРОГИМ СЕРДЦУ АВТОРА МЕСТАМ**



Адам, Ева и я. (Барселона, Испания)



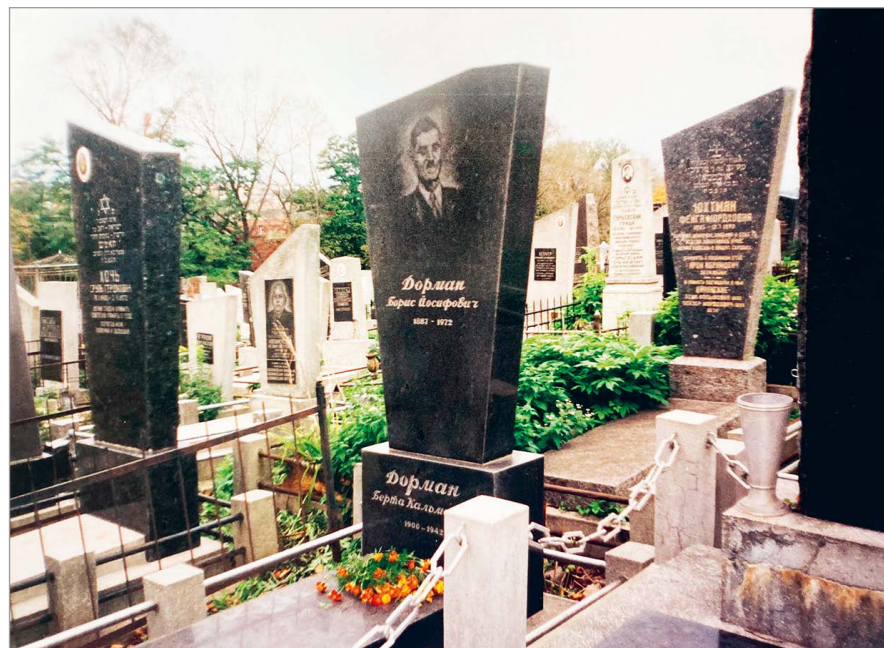
Хаим Вайцман, первый Президент Израиля. (Реховот, Израиль)



Наполеон Бонапарт. (Корсика)



Могилы дедушки и бабушки в Бухаресте



Памятник папе и маме в Черновцах



Могила Дорины в Беер Шеве



У памятника мужа, Реховот, 2019



У памятника друга, Реховот, 2020 г.

Содержание

Посвящение	5
------------------	---

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

«Я родилась в Бухаресте...»	7
Миру – мир	8
Слово к молодому поколению	9

ЕВРЕЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ ГЛАЗАМИ ДЕВОЧКИ-ПОДРОСТКА

Часть первая. Из рая в ад	11
Часть вторая. Кошмары наяву	29
Рецензия, интервью и комментарии	39

ПОДАРКИ СУДЬБЫ

Мои родители – мои кумиры	43
Моя сестра – «сорвиголова»	49
Мой муж – мой Наполеон	64
Моя педагогическая поэма	85
Мой самый верный друг	91
Мой Пик – любимец семьи	93
Марк Гинзбург. Феномен Жозефины, или метеор литературного небосклона	120

ВИРАЖИ СУДЬБЫ

Любовь	122
Любовь и я	122
Данко, или цыганская любовь	124
Ромео и Джульетта из Транснистрии	135
Настоящая любовь	140
Бессмертная любовь	142
Мистер бомж	146
Роковая любовь	151
Любовь незнакомки	155

Монолог Тамары	158
Любовь с первого взгляда	161
Любовь по-французски	167
Запоздалая любовь	168
Погоня за счастьем	170
<i>Часть 1</i>	170
<i>Часть 2</i>	175
<i>Часть 3</i>	176
Дорога к счастью	178
<i>Предисловие</i>	178
<i>Часть первая</i>	178
<i>Часть вторая</i>	181
<i>Часть третья</i>	186
<i>Часть четвертая</i>	195
<i>Эпилог</i>	207
Ирония судьбы	208
Трагическая судьба	211

УРОКИ СУДЬБЫ

Плевков	213
Слепая любовь	216
Отцовская «любовь»	222
Медвежонок	224
<i>Предисловие</i>	224
<i>Часть 1</i>	225
<i>Часть 2</i>	232
Жаклин	240
<i>Часть 1</i>	240
<i>Часть 2</i>	248
Молитвы	253
Hans	254
Малишка	257
<i>Часть 1</i>	257
<i>Часть 2</i>	259
<i>Часть 3</i>	261
Жаба	265

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!	274
--------------------------------	-----

ЖОЗЕФИНА ОТ «А» ДО «Я»	275
-------------------------------------	-----

Автор о себе	276
Книги	276
Отдельные работы	276
Об авторе и ее творчестве	278
Фрагменты из отзывов читателей	278
Устами мужа, «фаворитов» и старых друзей	282
Сюрпризы родных и новых друзей	288
Мои друзья – мое богатство	296
Размышления вместо заключения	297

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!	299
--------------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

Некоторые данные о деятельности мемориального музея «Яд Вашем»	302
«Яд Вашем», моя семья и я	302
Из архива «Яд Вашем»	305
<i>Стихотворение Бенжамена Фондана</i>	307

Из архива автора	309
Благодарности автору	309
Благодарности автора	317
Особая благодарность	317

Прощальное турне по дорогим сердцу автора местам	318
---	-----